ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1870

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1870.

ГЛАВА I.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Вѣсти отъ Брюховецкаго о турецкихъ замыслахъ; доносы на Запорожье и на епископа Меѳодія. — Убіеніе царскаго посланника Ладыженскаго въ Запорожьѣ.—Письма кошеваго Васютенка къ Брюховецкому по этому случаю.— Слѣдствіе по козацкимъ жалобамъ на полтавскаго воеводу.—Увѣщательная царская грамота къ козакамъ. — Сношенія съ Дорошенкомъ. — Неудовольствія епископа Меѳодія на Москву и примиреніе его съ Брюховецкимъ. — Наговоры Меѳодія на Москву. — Тукальскій сносится съ Брюховецкимъ и склоняетъ его окончательно къ измѣнѣ.—Начало волненій въ Малороссіи.— Царская грамота къ Брюховецкому по поводу этихъ волненій.—Рѣшительное возстаніе противъ московскихъ воеводъ въ Малороссійскихъ городахъ.—Грамота Брюховецкаго на Донъ.—Внушенія польскія противъ козаковъ.—Движенія князя Ромодановскаго.—Татары и Дорошенко на восточномъ берегу Днѣпра. — Гибель Брюховецкаго. — Дорошенко удаляется на западную сторону, и восточная снова тянетъ къ Москвѣ. — Наказной гетманъ Демьянъ Многогрѣшный. — Архіепископъ Лазарь Барановичъ и протопопъ Симеонъ Адамовичъ.—Грамота Барановича къ царю съ увѣщаніемъ простить Малороссіянъ и вывести отъ нихъ воеводъ.—Послѣдняя дѣятельность епископа Меѳодія..— Татары провозглашаютъ новаго гетмана Суховѣенка.—Затруднительное положеніе Дорошенка.—Сношенія его и Многогрѣшнаго съ кіевскимъ воеводою Шереметевымъ. — Большое малороссійское посольство въ Москвѣ. — Письмо протопопа Симеона Адамовича къ царю. — Разговоры Многогрѣшнаго и Барановича съ посланцемъ Шереметева. — Глуховская рада; избраніе Многогрѣшнаго въ гетманы. — Сношенія съ Польшею и Швеціею. — Король Янъ Казимиръ отрекается отъ престола.—Вопросъ объ избраніи въ короли польскіе царевича Алексѣя Алексѣевича.—Послѣдняя служба Ордина-Нащокина.—Переписка его съ царемъ.— Избраніе въ польскіе короли Михаила Вишневецкаго. — Съѣзды Нащокина съ польскими коммиссарами.—Удаленіе Нащокина въ монастырь.—Польскіе послы—Гнинскій и Бростовскій въ Москвѣ. — Дѣло о возвращеніи Кіева и о союзѣ противъ Турокъ. — Русское посольство въ Турціи. — Событія въ Крыму.

Въ то время какъ Москву занимали важныя событія, съ одной стороны оканчаніе тяжелой тринадцатилѣтней войны, съ другой

небывалый соборъ въ присутствіи двухъ патріарховъ восточныхъ, осужденіе и заточеніе Никона, рѣшеніе раскольничьяго вопроса, — въ это время, т.-е. въ концѣ января 1667 года. посланцы войска запорожскаго, каневскій полковникъ Яковъ Лизогубъ и канцеляристъ Карпъ Мокріевичъ подали *информацію* отъ боярина и гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго. По прежнему бояринъ и гетманъ просилъ помощи противъ непріятелей и *тогобочныхъ* измѣнниковъ и объявлялъ свое плохое и недостойное разумѣніе, чтобъ не принимать просьбы крымскаго хана о мирѣ: «Бусурманинъ хочетъ только оплошить миромъ и потомъ напасть на города малороссійскіе; купцы греческіе разсказывали завѣрное, что султанъ велѣлъ воеводамъ молдавскому и волошскому идти войною на Украйну; міръ весь опасается приходу бусурманскаго и измѣнничьяго и бьетъ челомъ о прибавкѣ ратныхъ людей въ города малороссійскіе; при бояринѣ и гетманѣ съ воеводою Протасьевымъ государевыхъ ратныхъ людей нѣтъ, всѣ разбрелись по домамъ; въ измѣнничьемъ городкѣ Тарговицѣ по указу ханскому, а по просьбѣ Дорошенка, бусурманскимъ имянемъ начали деньги дѣлать, чтобъ этими деньгами, будто серебряными, а не мѣдными, всякихъ людей къ бусурманской мысли приклонять; Чигиринъ и другіе измѣнничьи города надобно въ конецъ разорить, потому что пока они будутъ стоять цѣлы, Украйнѣ не будетъ покоя; бояринъ и гетманъ, по христіанскому обычаю, ради царя и вѣры православной, велѣлъ построить церковь Сорока мучениковъ подъ Конотопомъ, на мѣстѣ побоища: бьетъ челомъ, чтобъ государь помогъ на церковное строеніе изъ казны, и на колокола далъ двѣ пушки; да будетъ царскому величеству вѣдомо о безчиніи нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ: людямъ обоего пола беззаконно жить и разводиться позволяютъ; пожаловалъ бы великій государь митрополита на митрополію кіевскую, который бы всякое безчиніе уничтожалъ; духовенство двоедушествуетъ, а какъ отъ патріарха московскаго на митрополію кіевскую присланъ будетъ митрополитъ, то всѣ шатости на Украйнѣ прекратятся; жена покойнаго Богдана Хмельницкаго пріѣхала въ Кіевъ съ измѣнничьей стороны, съ нею дочь Гришки Гуляницкаго, и живутъ въ Печерскомъ монастырѣ; во всѣхъ государевыхъ городахъ воеводы позволили *мужикамъ* вино курить и продавать сколько кто сможетъ: это дѣло нестаточное, отъ него выростаютъ бун-

ты, лѣсамъ умаленье и хлѣбамъ убавка: велѣлъ бы великій государь воеводамъ заказъ учинить, чтобъ кромѣ козаковъ мужикамъ не курить вина.» Наконецъ посланные объявили о винахъ нѣжинскаго полковника Матвѣя Гвинтовки: будучи въ Москвѣ, онъ не хотѣлъ приложить руки къ статьямъ; по возвращеніи изъ Москвы съѣхались къ гетману полковники и объявили о неправой службѣ Гвинтовки; въ прошломъ году подъ Чигириномъ показалъ явную измѣну, и когда гетманъ сталъ ему за это выговаривать, то Гвинтовка отвѣчалъ: «нигдѣ не ведется, чтобъ свой на своего воевалъ.» Да онъ же научалъ гетмана собрать раду и положить булаву. Теперь, объявили послы, Гвинтовка сидитъ въ Гадячѣ за карауломъ, а на его мѣсто выбрали со всею старшиною Артема Мартинова.

Съ отвѣтами на всѣ эти статьи и съ объявленіемъ о заключеніи андрусовскаго перемирія отправился въ Малороссію стольникъ Телепневъ. За службу и остерегательство на счетъ хана великій государь жаловалъ гетмана, милостиво похвалялъ; ратные люди въ малороссійскіе города присланы будутъ вскорѣ; о митрополитѣ въ Кіевъ царскій указъ будетъ впредь; съ Гвинтовкою указалъ государь учинить по войсковымъ правамъ чего доведется.—Бояринъ и гетманъ, послѣ торжественнаго молебствія о всемирной радости, о замиреніи съ Поляками, объявилъ Телепневу, что турскій султанъ самъ хочетъ идти войною на Поляковъ подъ Каменецъ, который хотятъ сдать ему Армяне. Потомъ гетманъ сталъ просить, чтобъ государь указалъ ему быть въ другомъ городѣ, а въ Гадячѣ быть ему неучего — мѣсто пустое; по прежнему Иванъ Мартыновичъ предостерегалъ на счетъ Запорожья: «Козаки идутъ толпами въ Запороги: надобно въ Койдакъ и Кременчугъ какъ-нибудь ввести ратныхъ людей, чтобъ въ Запорожье хлѣба не пропускать; а когда въ Запорожьѣ будетъ козаковъ многолюдство, то ждать отъ нихъ шатости.»

Отъ боярина и гетмана Телепневъ отправился въ Кіевъ къ боярину и воеводѣ Шереметеву, отъ котораго услыхалъ жалобы на козаковъ: «мѣщанамъ отъ козаковъ чинятся налоги большіе и мѣщане бредутъ врозь; а въ Кіевѣ ратные люди отъ голоду бредутъ врозь; конныхъ и пѣшихъ людей всего въ Кіевѣ 3,177 человѣкъ.

Скоро пришли новыя вѣсти отъ Брюховецкаго о Запорожьѣ

вмѣстѣ съ доносомъ на епископа Меѳодія: «Скорѣе, какъ можно скорѣе прислать ко мнѣ ратныхъ людей, чтобы народъ на этой сторонѣ Днѣпра въ отчаяніе не приходилъ, писалъ бояринъ и гетманъ. Запорожскихъ козаковъ всякими гостинцами обсылаю, на доброе дѣло всячески уговариваю, только бы мнѣ въ этомъ дѣлѣ двоедушныя духовныя особы не были препоною и запорожцамъ на всякое зло поджогою, какъ, напримѣръ, преосвященный епископъ Мстиславскій: съ его поджоги невинная кровь христіанская разливается; теперь, когда этого епископа здѣсь на украйнѣ, нѣтъ, то многимъ кажется, что другой свѣтъ сталъ; пусть епископъ живетъ въ Москвѣ или гдѣ будетъ угодно государю, только бы не въ городахъ, близкихъ къ Запорожью; и Переяславскіе бунты не легко бы укротились, еслибы прошлаго года епископъ не уѣхалъ въ Москву. Епископъ уговорилъ енаральнаго судью Петра Забѣлу послать сына своего въ Запорожье, зачѣмъ? Самъ Забѣла состарѣлся, а въ Запорожьѣ не бывалъ; сыновья его и подавна, были только у польскаго короля и привилегіи себѣ повыправили; а теперь умыслилъ сына въ Запорожье слать, людьми мутить и Запорожцевъ на зло уговаривать. Бью челомъ великому государю, чтобы не велѣлъ видаться на Москвѣ съ епископомъ козакамъ, которые отъ меня пріѣзжаютъ, особенно Запорожцамъ: онъ ихъ научаетъ на всякое зло. Нѣкоторые изъ нихъ мнѣ сказывали, что епископъ тайно призывалъ къ себѣ голодныхъ Запорожцевъ и жаловался, будто по моей милости ему казны съ дворца не доходитъ.»

Опасенія Брюховецкаго на счетъ Запорожья сбылись, не помогли его гостинцы! Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ переправился за Днѣпръ стольникъ Ладыженскій, ѣхавшій въ Крымъ вмѣстѣ съ ханскими гонцами. На дорогѣ пристало къ нимъ человѣкъ полтораста Запорожцевъ, которые зимовали въ Малороссійскихъ городахъ, ночевали вмѣстѣ двѣ ночи спокойно, но на третій день напали на Татаръ и перерѣзали ихъ, имѣніе пограбили и скрылись. Пріѣхавши въ Запорожье, Ладыженскій обратился къ кошевому Рогу съ требованіемъ, чтобы велѣлъ сыскать злодѣевъ, а его стольника проводить до перваго Крымскаго городка. — «Воры учинили это злое дѣло безъ нашего вѣдома, отвѣчалъ кошевой, въ Сѣчу къ намъ не объявились и сыскать ихъ негдѣ.» Чрезъ нѣсколько дней собралась рада, послѣ которой козаки захватили у Ладыженскаго

всѣ бумаги и казну, пересмотрѣли и спрятали въ Сѣчи, а Ладыженскому объявили, что его не отпустятъ, потому что къ нимъ нѣтъ грамотъ ни отъ государя, ни отъ гетмана.

Какъ скоро узнали объ этомъ въ Москвѣ, то въ Гадячъ къ Брюховецкому поскакалъ хорошо знакомый съ Малороссіею стольникъ Кикинъ: «Вамъ бы, говорилъ онъ боярину и гетману, службу свою и радѣнье показать, послать въ Запороги вѣрныхъ и досужихъ людей, чтобы кошевой и все войско про то про все разыскали наскоро, воровъ казнили смертію по стародавнымъ войсковымъ правамъ, пограбленное отдали сполна, и стольника Ладыженскаго отпустили.» Но Ладыженскій былъ уже отпущенъ...

12 мая зашумѣла новая рада въ Запорожьѣ: скинули съ атаманства Ждана Рога, выбрали на его мѣсто Астапа Васютенка, и начали толковать объ отпускѣ Ладыженскаго; рѣшили отпустить. Тутъ старый атаманъ Рогъ повелъ рѣчь, что надобно сыскать тѣхъ козаковъ, которые побили Татаръ: «Чего сыскивать? закричали ему изъ круга: самъ ты про то вѣдаешь, татарская рухлядь теперь у тебя въ куренн.» Побѣжали къ Рогу въ курень и принесли вещи на улику: «Это мнѣ принесли въ подарокъ козаки, отвѣчалъ Рогъ, а того не сказали, гдѣ взяли.» Тѣмъ дѣло и кончилось въ Сѣчи. Самъ кошевой Астапъ Васютенко съ 40 козаками отправился провожать Ладыженскаго внизъ по Днѣпру; но едва отъѣхали они отъ Сѣчи версты съ двѣ, какъ нагнали ихъ козаки въ судахъ и велѣли пристать къ берегу. Москвичи повиновались: козаки раздѣли несчастныхъ до нага, поставили ихъ на берегу, окружили съ пищалями и велѣли бѣжать въ Днѣпръ, но только что тѣ побѣжали, какъ вслѣдъ за ними раздался залпъ изъ пищалей: смертельно раненый Ладыженскій пошелъ ко дну; другихъ пули не догнали и они были уже близко другаго берега, но убійцы пустились за ними въ лодкахъ, захватили и перебили. Объявивши такимъ запорожскимъ способомъ войну Москвѣ, козаки начали толковать, чтобы быть въ соединеньѣ съ Дорошенкомъ и выгонять московскихъ ратныхъ людей изъ малороссійскихъ городовъ, не давать московскому царю никакихъ поборовъ съ отцовъ своихъ и родичей. Запорожцы хвалились, что полтавскій полковникъ на ихъ сторонѣ, и, дѣйствительно, стоявшій въ Полтавѣ воевода, князь Михайла Волконскій далъ знать государю, что между полтавцами шатость большая: «Отъ полтавскаго полковни-

ка козакамъ и мѣщанамъ, которые тебѣ, великому государю, хотятъ вѣрно служить, заказъ крѣпкій, съ большимъ пристрастіемъ, чтобы ко мнѣ никто не ходилъ и съ твоими русскими людьми никто не водился, а кто станетъ водиться, тѣхъ хотятъ побивать до смерти; мѣщанамъ, которые выбраны къ таможенному сбору въ цѣловальники, полковникъ грозитъ большимъ боемъ, чтобы съ проѣзжихъ людей на тебя, государя возовыхъ пошлинъ не брали.»

Гетману Брюховецкому далъ знать объ убійствѣ Ладыженскаго самъ кошевой Васютенко: «Грустна намъ нынѣшняя весна, писалъ Астапъ: никто о цѣлости народа нашего не заботится; за грѣхи наши и тотъ, кто прежде намъ хлѣбъ давалъ, теперь камень дать замыслилъ. Не знаю, кто бы былъ благодаренъ за камень, потому что онъ на пищу не потребенъ. Царское величество тѣшитъ насъ листами бумажными какъ дѣтей яблоками. Пишетъ намъ, чтобъ мы вѣрно служили, а самъ, заключивши миръ съ королемъ польскимъ, тотчасъ съ тѣмъ же и къ хану отзывается, обѣщая за его дружбу намъ всего умалить, что, какъ видимъ, уже и началъ. За что бѣдныхъ людей, войною разоренныхъ, такъ стѣсняютъ? Не одинъ лице свое кровавыми слезами омываетъ. Не хочетъ государь насъ, птенцовъ своихъ, подъ крылами держать: такъ милосердіе Божіе избавитъ отъ такого ига горькаго, которое прежде было сахарно. Человѣкъ, желая устроить ниву для потомства, прежде терніе изъ нея вымечетъ: такъ и предки наши, не жалѣя здоровья, терніе изъ отчины своей выметывали, чтобы намъ вольность уродила, которую считаемъ самою дорогою вещію, ибо и рыбамъ и птицамъ, и звѣрямъ, и всякому созданію она мила. Рѣка великая много иныхъ рѣчекъ преодолѣетъ: такъ и всемогущаго Бога помощь всѣ замыслы земныхъ монарховъ превозможетъ. Не довелось не только дѣлать, но и мыслить о томъ, чтобъ нашу отчину къ послѣднему разоренію привести, на которое смотря и самый злой звѣрь, еслибы имѣлъ человѣческій разумъ, могъ сжалиться. Знаю, что и стольникъ (Ладыженскій) безъ вѣдома нашего смерть принялъ за то, что въ городахъ великія обиды отъ нихъ люди терпятъ. Однако оставя все это, желаемъ съ вашимъ вельможествомъ по прежнему жить въ любви. Изволь царскому величеству донести, чтобъ запретилъ своимъ ратнымъ людямъ чинить въ городахъ всякіе вымыслы, пусть жи-

вутъ попрежнему, а если не перестанутъ, то чтобы больший огонь не всталъ, потому что доколѣ живы, будемъ остерегать, чтобы наши права и вольности не умалились. Въ этомъ они напрасно головы свои ломаютъ: имъ этого не удастся какъ слѣпому въ цѣль попасть; пусть монархи о томъ подумаютъ, что человѣкъ начинаетъ, а Богъ совершаетъ.»

Для развѣданія объ убійствѣ Ладыженскаго Брюховецкій отправилъ есаула Өедора Донца. 26 мая въ Троицынъ день Донецъ пріѣхалъ въ Сѣчь; собралась рада, прочли листъ гетманскій и начали толковать. Запорожцы, которые вышли съ восточной стороны Днѣпра, также и тѣ, которые хотя и съ западной стороны, но жили долго въ Запорожьѣ, накинулись на тѣхъ козаковъ, которые недавно пришли съ Дорошенковой стороны: «Это отъ васъ такое зло учинилось; а какъ васъ не было, такъ у насъ въ Запорогахъ такого зла не бывало.» Началась брань; кошевой подошелъ къ Донцу и сказалъ ему: «Уходи-ка лучше къ себѣ въ курень, а то неровенъ часъ, убьютъ.» Козаки съ западной стороны показывали бумаги, взятыя у Ладыженскаго, и кричали: «Вотъ смотрите, что написано: московскій государь съ королемъ польскимъ, съ царемъ турскимъ и съ ханомъ крымскимъ помирился, а для чего помирился? разумѣется для того, чтобъ Запорожье снести. Вотъ почему мы Ладыженскаго и потопили!»

Покричали и разошлись, не рѣшивши ничего. Старые козаки ворчали между собою въ куреняхъ: «Не знаемъ, что съ этими своевольниками и дѣлать; видишь, сколько ихъ нашло! насъ и старшихъ не слушаютъ!» Кошевой, старшины и старые козаки разсказали Донцу, что пущій бунтовщикъ Страхъ, который Ладыженскаго потопилъ, былъ у нихъ пойманъ и прикованъ къ пушкѣ, но, подпоивъ караульщика и прибивъ его мало не до смерти, сломилъ съ цѣпи замокъ и ушелъ. Онъ скрылся въ крымскомъ городѣ Исламѣ; но Татары, признавъ въ немъ убійцу своихъ, повѣсили его.

Донецъ возвратился къ Брюховецкому съ грамотою отъ кошеваго, въ которой тотъ писалъ, что Запорожцы сами рады бы были казнить преступниковъ, совершившихъ такое злое дѣло; но ихъ до сихъ поръ въ кошѣ нѣтъ. Но при этомъ Васютенко давалъ знать гетману, что убійцы татарскихъ гонцовъ могутъ быть извинены. «Собственныя слова гонца, писалъ онъ, возбудили жалость

и жестокій гнѣвъ въ козакахъ: меня, говорилъ Татаринъ, царское величество отпустилъ къ хану съ тѣмъ, чтобы васъ запорожскихъ козаковъ искоренить, ваше жилище разорить; уже васъ больше щадить не будутъ.» Кошевой не счелъ за нужное объяснить, кто же слышалъ эти слова крымскаго гонца, если убійцы его не явились въ Сѣчь? Васютенко, выдавая эти слова за непреложно вѣрныя, распространялся по прежнему въ жалобахъ на московскаго государя, въ жалобахъ, что на нихъ съ трехъ сторонъ сѣти закидываютъ. Въ заключеніе кошевой просилъ, чтобы царь простилъ Запорожцевъ за убійство Татаръ и Ладыженскаго, обѣщая за это стоять мужественно противъ всякаго непріятеля.

И вотъ Брюховецкій дѣйствительно говоритъ Кикину, что государь долженъ простить Запорожцевъ за это двойное убійство и грабежъ казны: иначе кошевое войско, отобравшись отъ государевой руки, соединится съ крымскимъ ханомъ и съ заднѣпровскимъ гетманомъ Дорошенкомъ: «а я, продолжалъ Брюховецкій, буду стараться, чтобы по времени, не вскорѣ злодѣевъ и заводчиковъ истребить.» Донецъ разсказывалъ, что кошевой прямо ему говорилъ: «Если государь насъ проститъ, то мы ради ему впередъ служить; если же будетъ гнѣваться, то у насъ положено, сложась съ Дорошенкомъ и Татарами, пойдемъ воевать въ государевы украинскіе города.»

Но прежде всего нужно было разузнать, не поступаютъ ли московскіе воеводы въ самомъ дѣлѣ дурно съ козаками? Рядъ жалобъ поданъ былъ на полтавскаго воеводу, князя Волконскаго, за то, что онъ нѣкоторыхъ козаковъ помѣстилъ въ число мѣщанъ и беретъ съ нихъ денежные и медовые оброки. Тотъ же Кикинъ отправился изъ Гадяча въ Полтаву по этому дѣлу, сравнилъ имена челобитчиковъ со сказкой Волконскаго и съ переписными мѣщанскими книгами и нашелъ, что многіе люди прозвищами не сошлись. Тогда онъ обратился къ полтавскому полковнику, Григорью Витязенку, чтобы тотъ выслалъ къ нему всѣхъ челобитчиковъ на лице къ допросу для подлиннаго розыска. «Выслать ихъ къ допросу нельзя, отвѣчалъ Витязенко: теперь пора рабочая, пашня и сѣнокосъ, казаки работы не кинутъ и не поѣдутъ; а иныхъ многихъ козаковъ и въ домахъ нѣтъ, живутъ на Запорожьѣ. А что казаки прозвищами не сходятся, такъ это потому: у насъ на Украйнѣ обычай такой, называются люди разными прозвищами, у

одного человѣка прозвища три и четыре: по отцу и по тестю, по тещѣ, по женамъ прозываются; вотъ почему одни и тѣ же люди у воеводы въ мужицкомъ спискѣ писаны прозвищами, а у насъ въ полковомъ козацкомъ спискѣ другими. Какъ были присыланы въ Полтаву изъ Москвы переписчики, и они писали многихъ козаковъ въ мужики заочно, а козаки въ то время были всѣ со мною въ походѣ подъ Кременчугомъ, а иные на Запорожьѣ. Самъ переписчикъ жилъ въ Полтавѣ, а по уѣзду посылалъ писать подъячихъ, подъячіе эти и писали козаковъ въ мужики заочно и не распрося подлинно, кто козакъ и кто мужикъ? а мужики имъ нарочно называли козаковъ мужиками для своей легкости, чтобы и козаки съ ними за одно всякіе поборы давали и подводы выставляли.»

Кикинъ сталъ освѣдомляться, справедливо ли было донесеніе воеводы на полковника; онъ обратился съ вопросомъ объ этомъ къ протопопу Лукѣ, и тотъ сказалъ: «Полковникъ съ воеводою живетъ недружно, козакамъ и мѣщанамъ многимъ къ князю Волконскому ходить заказывалъ: только ты, пожалуйста, меня не выдавай, чтобъ мнѣ отъ полковника гнѣва и гоненья не было.» Вечеромъ пришелъ къ Кикину полковой судья Климъ Чернушенко, разговорились, и отъ судьи пошли тѣ же рѣчи, что и отъ протопопа; но Чернушенко былъ разговорчивѣе, началъ разсказывать про свое житье-бытье, что они терпятъ отъ полковника: «Насъ козаковъ полковникъ Витязенко многимъ *зневажаетъ* и бьетъ напрасно, а жена его женъ нашихъ напрасно же бьетъ и безчеститъ; и кто козакъ или мужикъ упадетъ хоть въ малую вину, и полковникъ его имѣніе все, лошадей и скотъ беретъ на себя. Со всего полтавскаго полка согналъ мельниковъ и заставилъ ихъ на себя работать, а мужики изъ селъ возили ему на дворовое строеніе лѣсъ, и устроилъ онъ себѣ домъ такой, что у самого гетмана такого дома и строенія нѣтъ; а городъ нашъ Полтава весь опалъ и огнилъ, и о томъ у полковника радѣнья нѣтъ; станемъ мы ему объ этомъ говорить—не слушаетъ! Мы уже хотимъ бить челомъ великому государю и гетману, чтобы Витязенку у насъ полковникомъ не быть. А приводятъ его на всякія злыя дѣла жена его, да писарь Ильяшъ Туранской; мы ему писарю не вѣримъ, потому что онъ съ того боку Днѣпра; чтобы отъ него не было измѣны? онъ сдѣлалъ другую печать полковую и держалъ у себя тайно безъ полковничья вѣдома.»

После этого Кикинъ началъ розыскивать по селамъ на счетъ правильности въ сборѣ податей. Оказалось, что въ спискахъ между мужиками были написаны и козаки, но козаки давные, которые козаковали во времена Хмельницкаго, и послѣ тянули съ мѣщанами заодно, когда же пришлось платить подати, то они и вспомнили о своемъ старомъ козачествѣ. Но кромѣ этого оказались дѣйствительныя злоупотребленія со стороны Москалей: переписчики ѣздили по селамъ пьяные и брали деньги—по шагу и по два шага съ человѣка; назначенный для сбора податей рейтарскій прапорщикъ Должиковъ самъ не сбиралъ, присылалъ своихъ деньщиковъ, которые сверхъ государева оброка, брали еще себѣ по чеху съ человѣка. Кикинъ учинилъ управу, за что Брюховецкій со всѣми полтавскими козаками благодарилъ государя.

Чиня управу по казацкимъ челобитнымъ, чтобы отнять предлогъ къ возстанію, въ Москвѣ сочли за нужное отправить увѣщательную царскую грамоту ко всѣмъ полкамъ войска запорожскáго: «Московскіе ратные люди, говорилось въ грамотѣ, живутъ съ вами въ городахъ малороссійскихъ не для того, чтобы наблюдать за вашею вѣрностію, но для вашей защиты, на страхъ врагамъ вашимъ. Мы надѣялись, что перемиріе съ польскимъ королемъ будетъ принято у васъ съ особенною радостію, потому что вами началась война и прилагались христіанскія крови къ вашей оборонѣ: но вмѣсто всенародной христіанской радости объявилось въ вашихъ городахъ нечаемое противленіе и страшная кровь. Гдѣ слыхано посланниковъ побивать? У васъ безстрашные люди, на свою кровь наступивъ и забывъ судъ Божій, такое преступное и нехристіанское дѣло учинили и злую славу на весь свѣтъ пустили. Мы отъ васъ, какъ отъ вѣрныхъ подданныхъ ожидали розысканія и отлученія преступныхъ людей отъ правдивыхъ христіанъ: но нынѣ съ удивленіемъ слышимъ, что у васъ, вопреки присягѣ и уставленнымъ статьямъ, смятеніе во всемъ поспольствѣ начинается, хотите раду чинить безъ нашего указу, а съ какою мыслію—не знаемъ! Удержитесь отъ такого злаго начинанія! Огонь огнемъ не обычай людямъ тушить; пламень заливать надобно мирною водою, которую милосердый Богъ преумножилъ, сердечные сосуды и черпала подалъ въ христіанскіе руки наши: почерпая отъ этихъ спасительныхъ струй, крововидный пламень военнаго огня заливать, и зноемъ оскорбленія изсохшія людскія сердца

прохлаждать и мирно напоять должно. У васъ нѣкоторые легкомысленные люди въ злой путь гетману Дорошенку хотять послѣдовать: а надобно было и самого Дорошенка напоминать единою купелью христіанства; ей попекитесь о семъ богоугодномъ дѣлѣ!»

О богоугодномъ дѣлѣ хотѣлъ попечься кіевопечерскій архимандритъ Иннокентій Гизель: по обязанности іерейской Гизель умолялъ Дорошенка не мыслить о подданствѣ бусурманамъ, которые истребленіе христіанъ по закону своему во спасеніе себѣ вмѣняютъ; уговаривалъ покориться православному государю московскому. Московское правительство, съ своей стороны, пеклось также о богоугодномъ дѣлѣ: выпустили изъ плѣна брата Дорошенкова, Григорія, за что гетманъ Петръ, въ ноябрѣ, прислалъ царю благодарственную грамоту: «проповѣдывалъ милость, хвалилъ незлобіе, исповѣдовалъ неизреченное благодѣяніе, кланялся до лица земли со всякимъ смиреніемъ, обѣщалъ всякое радѣніе, обѣщалъ не допускать никакого озлобленія государевымъ людямъ.»

Кіевской воевода Шереметевъ послалъ сказать ему, чтобы онъ доказалъ благодарность свою на дѣлѣ, отсталъ отъ Татаръ, обратился къ христіанству и служилъ обоимъ великимъ государямъ московскому и польскому. «За милость великаго государя я желаю голову свою сложить, отвѣчалъ Дорошенко; только отъ Татаръ отстать и подъ государевою рукою быть вскорѣ нельзя: будетъ у меня съ королемъ на сеймѣ договоръ въ силу постановленія съ гетманомъ Яномъ Собѣскимъ, который обѣщалъ отдать мнѣ Бѣлую Церковь, но она до сихъ поръ мнѣ не отдана, и если Бѣлой Церкви послѣ сейма мнѣ не отдадутъ, то я буду доступать ее самъ» Боярскій посланецъ требовалъ у Дорошенка, чтобы онъ не пускалъ Татаръ за Днѣпръ на государевы малороссійскіе города. «О татарскихъ замыслахъ я ничего не знаю, отвѣчалъ Дорошенко: а если Татары и придутъ, то у нихъ и у меня и у всего войска Запорожскаго есть непріятель поближе государевыхъ городовъ: служилъ я съ козаками королю польскому много лѣтъ и головы свои за него складывали, а выслужили то, что Поляки церкви Божіи обратили въ унію; король дастъ намъ на всякія вольности, привилегіи и универсалы, а потомъ пришлетъ Поляковъ и Нѣмцевъ, и тѣ всякія вольности у насъ отнимаютъ, и православныхъ христіанъ, не только простыхъ козаковъ, но и полковниковъ, старшинъ бьютъ, мучатъ, берутъ съ насъ всякіе

поборы, и во многихъ городахъ церкви Божіи обругали и пожгли, а иныя обратили на костелы, чего всякому православному христіанину терпѣть невозможно, и мы за православную вѣру и за правды свои стоять будемъ. Я христіанскаго кровопролитія не желаю, а если я пошлю Татаръ на государевы города, то пусть тогда разольется моя кровь; еслибы я служилъ государю столько же, сколько королю, то получилъ бы отъ царскаго величества милость; я подъ рукою великаго государя быть давно желалъ, только меня прежде не призывали; а отъ Татаръ мнѣ вскорѣ отлучиться нельзя, потому что прежде чѣмъ придутъ государевы полки на защиту, Татары насъ разорятъ. Татары мнѣ безпрестанно говорили, чтобы идти разорять государевы малороссійскіе города, но я ихъ удержалъ, боярину Шереметеву объ осторожности противъ Татаръ писалъ и впредь писать буду; быть подъ рукою великаго государя желаю, боярства и ничего отъ него не хочу, хочу только государевой милости, чтобы козаки оставались при своихъ правахъ и вольностяхъ. По Андрусовскому договору Кіевъ надобно Полякамъ отдать: но я со всѣмъ войскомъ головы свои положимъ, а Кіева Полякамъ не отдадимъ.»

Посланецъ видѣлся и съ митрополитомъ Іосифомъ Тукальскимъ и съ монахомъ Гедеономъ (Юріемъ) Хмельницкимъ, говорилъ имъ, чтобъ они отводили Дорошенка отъ Татаръ. Оба обѣщали. Всѣ, Петръ Дорошенко съ братомъ Григоріемъ, Тукальскій и Хмельницкій говорили посланному по секрету, что будутъ давать знать боярину Шереметеву о всякихъ тайныхъ вѣстяхъ непремѣнно, за то что бояринъ оказываетъ къ нимъ большую любовь, посланцамъ ихъ честь великую воздаетъ, поитъ, кормитъ и подарками великими гетмана и посланцевъ его даритъ.

Шереметевъ не жалѣлъ подарковъ, чтобы только задобрить опаснаго Дорошенка, отъ котораго теперь зависѣло спокойствіе восточной украйны, именемъ котораго волновались Запорожцы. Въ Москвѣ Ординъ-Нащокинъ зорко слѣдилъ за Чигириномъ; онъ отправилъ въ Переяславль стряпчаго Тяпкина, для свиданія съ Григоріемъ Дорошенкомъ, для склоненія гетмана Петра отстать отъ Татаръ и быть подъ рукою великаго государя, ибо соединеніе съ Польшею для него болѣе уже невозможно. Тяпкинъ сообщалъ Нащокину, что Тукальскій уговариваетъ Дорошенка поддаться московскому государю, думая чрезъ это добиться митро-

поліи Кіевской, а епископъ Меѳодій радъ бы и неслыхать о Тукальскомъ, не только видѣть его, точно такъ какъ Брюховецкій не хочетъ слышать о Дорошенкѣ, боясь лишиться чести своей. Мѣщане и козаки, особенно черный народъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра очень любятъ и почитаютъ Тукальскаго и Дорошенка. «Да будетъ извѣстно, писалъ Тяпкинъ Нащокину, что печерскій архимандритъ съ Тукальскимъ великую любовь между собою и въ народѣ силу имѣютъ. Хорошо было бы обвеселить архимандрита милостивою государевою грамотою и твоимъ боярскимъ писаніемъ, котораго онъ безмѣрно желаетъ, также бы отписать и къ прочимъ игумнамъ и братіи Кіевскихъ монастырей, потому что чрезъ нихъ можетъ всякое дѣло состояться, согласное и развратное. Въ Переяславлѣ нѣтъ вѣрнаго и добраго человѣка ни изъ какихъ чиновъ, всѣ бунтовщики и лазутчики великіе, ни въ одномъ словѣ вѣрить никому нельзя. Одно средство повернуть ихъ на истинный путь—послать тысячи три ратныхъ людей: тогда испугаются и будутъ вѣрны; а которые теперь ратные люди въ Переяславлѣ не многіе, тѣ всѣ наги, босы, голодны и бѣгутъ отъ бѣдности розно. Хуже всего для меня то, что не могу вѣрнаго человѣка пріобрѣсти изъ здѣшнихъ, послѣднее бы отдалъ, да лихи лгать, божатся, присягаютъ и лгутъ.»

Но лгалось не въ одномъ Переяславлѣ, лгалось сильно въ Чигиринѣ, хотя здѣсь не было никакой нужды лгать, по независимости положенія. 1-го января 1668 года Петръ Дорошенко написалъ Тяпкину рѣзкое письмо, что не можетъ поддаться царю; причины къ отказу можно было бы найти; но Дорошенко наполнилъ письмо лжами и клеветами. Богданъ Хмельницкій, по словамъ Дорошенка, отдалъ Москвѣ не только Бѣлую Русь, но и всю Литву съ Волынью; во Львовъ (I) и въ Люблинъ царскихъ ратныхъ людей ввелъ и многою казною учредилъ. Какая же благодарность! Пословъ гетманскихъ московскіе коммиссары въ Вильнѣ до переговоровъ не допустили! Выговскаго гетманомъ учредили и, между тѣмъ, подвигли на него Пушкаря, Безпалаго, Барабаша, Силку! Въ Андрусовскомъ договорѣ оба монарха усовѣтовали смирять, т.-е. искоренять козаковъ. Дорошенко рѣшился даже упрекнуть московское правительство за возвращеніе Польшѣ Бѣлоруссіи, вслѣдствіе чего здѣсь опять началось гоненіе католиковъ на церкви православныя. Дерзость Дорошенка пере-

шла наконецъ предѣлы, перешла въ смѣшное, въ шутовство: онъ спрашиваетъ у Тяпкина: «на какомъ основаніи вы *безъ насъ* рѣшили одни города оставить, другіе отдать, тогда какъ вы ихъ пріобрѣли не своею силою, но Божіею помощію и нашимъ мужествомъ?» И въ тоже самое время Дорошенко и братъ его Григорій въ сношеніяхъ съ Тяпкинымъ безпрестанно повторяли, что они подданные короля: но, провозглашая себя королевскими подданными, по какому праву выговаривали они московскому правительству за уступки земель въ королевскую сторону? Этого мало: зная очень хорошо, что всѣмъ извѣстно отступничество ихъ отъ короля къ султану, они рѣшались утверждать, что настоящій союзъ ихъ съ ханомъ основывается на Гадячскомъ договорѣ Выговскаго съ Польшею, по которому козаки должны были находиться подъ властію королевскою и въ союзѣ съ Татарами! Но когда нужно было похвастаться, показать свое значеніе, то все позабывалось, и начинали твердить, что Андрусовскимъ перемиріемъ Москва обязана имъ козакамъ, ибо они съ Татарами напали на Поляковъ, и заставили послѣднихъ спѣшить миромъ съ Москвою. Такую страшную порчу произвели политическія смуты, шатость въ этихъ несчастныхъ людяхъ, заставили потерять уваженіе къ самимъ себѣ, къ своимъ словамъ!

Козаки никакъ не могли переварить Андрусовскаго перемирія, не потому, что, благодаря имъ же, Москва должна была заключить его на условіи—*кто чѣмъ владѣетъ* и отказаться отъ западнаго берега Днѣпра; но потому, что миръ между двумя государствами, изъ которыхъ каждое имѣло много причинъ негодовать на козаковъ, былъ опасенъ для послѣднихъ; козаки подозрѣвали соглашеніе обоихъ государствъ противъ себя, но не довольствовались высказываньемъ однихъ подозрѣній, а прямо уже утверждали, что соглашеніе дѣйствительно существуетъ. Они отводили душу тѣмъ, что стращали Москву непродолжительностію мира: «Договоръ съ польской стороны не будетъ исполненъ, говорилъ Григорій Дорошенко Тяпкину: князья Вишневецкіе, иные сенаторы и шляхта, которые имѣли въ Малороссіи города, мѣстечки и села, теперь этихъ маетностей всѣхъ отбыли, а королю наградить ихъ нечѣмъ, и оттого Польша должна будетъ нарушить мирный договоръ.» Григорій Дорошенко не отставалъ отъ брата въ вымышленіи винъ московскаго правительства относительно ко-

заковъ: «Великій государь, говорилъ онъ, далъ козакамъ право: на гетманство и на всякіе уряды выбирать своихъ природныхъ козаковъ: а теперь у великаго государя выбранъ въ гетманы не природный украинскій козакъ, также и полковники многіе иноземцы, Волохи и неприродные козаки, и войско запорожское отъ того въ великомъ непостоянствѣ пребываетъ, а Заднѣпровскій гетманъ и старшіе всѣ природные козачьи дѣти. Да и отъ того многіе бунты: по указу великаго государя нынѣ гетмана учинятъ, грамоту, булаву и хоругвь вручатъ, а послѣ другаго гетмана втайнѣ выберутъ, грамоту, булаву и хоругвь ему вручатъ, и вотъ эти гетманы—Выговскій, Пушкаренко, Барабашъ, Силка, Безпалый, Искра, желая каждый удержать данную себѣ честь, междоусобіе въ войскѣ Запорожскомъ учинили. Отъ неприродныхъ гетмановъ и полковниковъ прямые воры свободны, а вѣрные слуги царскіе—Самко гетманъ, Васюта Золотаренко, Аника Черниговскій горькою смертію казнены.»

Дерзость, упреки смѣнялись робостію, просьбами. Пронесся слухъ, что царь пріѣдетъ въ Кіевъ на богомолье, и вотъ Григорій Дорошенко обратился съ просьбою къ Тяпкину: «Когда царское величество, дастъ Богъ, будетъ въ Кіевѣ съ великими силами, тогда опасаемся накрѣпко и весь народъ сильно ужасается, чтобы, надѣясь на силы царскаго величества, Поляки на насъ не пошли войною; милости просимъ у великаго государя, чтобъ не позволилъ своему войску помогать Полякамъ. Народы наши сильно боятся прихода царскаго величества въ Кіевъ, не вѣрятъ, что молиться идетъ. А когда Поляки одни на насъ будутъ наступать, и мы поднимемъ противъ нихъ Татаръ, то царское величество на насъ не гнѣвался бы и ратей своихъ на насъ не посылалъ.» Наконецъ Григорій Дорошенко объявилъ Тяпкину тайную статью: «Подъ высокодержавною рукою царскаго величества быть хотимъ, только бы у насъ въ городахъ и мѣстечкахъ воеводъ, ратныхъ людей и всякихъ начальниковъ московскихъ не было, вольности наши козацкія и права были бы не нарушены и гетманомъ бы на обѣихъ сторонъ Днѣпра быть Петру Дорошенку, поборовъ и всякихъ податей съ мѣщанъ и со всякихъ тяглыхъ людей никакихъ не брать; а гетману Брюховецкому по милости великаго государя можно прожить и безъ гетманства, потому что пожалованъ самою высокою честью и многими милостями.»

Но выговаривая себѣ у Москвы гетманство на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, Дорошенко, вмѣстѣ съ Тукальскимъ, хлопоталъ объ этомъ другимъ путемъ, поднимая возстаніе противъ Москвы и на восточномъ берегу, обманомъ побуждая къ возстанію и самого Брюховецкаго.

Мы видѣли, что тѣ же самыя опасенія, какія высказывались въ Чигиринѣ относительно союза обоихъ государствъ противъ козаковъ, высказывались и въ Запорожьѣ, и мы видѣли, что Запорожцы и всѣ вообще козаки поведеніемъ своимъ спѣшили заставить московское правительство дѣйствительно смотрѣть враждебно на козачество. Легко понять, какое впечатлѣніе должно было произвести въ Москвѣ извѣстіе объ убійствѣ крымскихъ гонцовъ и потомъ объ убійствѣ Ладыженскаго и о волненіяхъ въ цѣлой Украйнѣ, а Брюховецкій писалъ, чтобы великій государь простилъ Запорожцевъ, иначе будетъ плохо! Понятно, что послѣ этого въ Москвѣ не могли встрѣчать козацкихъ посланцевъ съ улыбающимся лицемъ и распростертыми объятіями. Такъ присланный гетманомъ бунчужный пробылъ въ Москвѣ только три дня, государевыхъ очей не видалъ, отпущенъ ни съ чѣмъ, и, возвратясь, разсказывалъ, будто Ординъ-Нащокинъ, отпуская его, сказалъ: «Пора уже васъ къ Богу отпущать!» Аѳанасій Лаврентьевичъ, какъ человѣкъ порядка, любитель крѣпкой власти, дѣйствительно былъ не охотникъ до козаковъ, и козакамъ онъ былъ особенно непріятенъ и страшенъ, какъ виновникъ Андрусовскаго перемирія, сближенія Москвы съ Польшею, виновникъ того, что ненавистной шляхтѣ, лишенной козаками земель въ Украйнѣ, государь пожаловалъ милліонъ въ вознагражденіе; козакамъ представлялось, что Нащокинъ докончитъ свое дѣло, и вотъ между ними понесся слухъ, что Нащокинъ идетъ въ Малороссію съ большимъ войскомъ—и какого добра ждать козакамъ отъ Нащокина?

Но всѣ эти опасенія, слухи и волненія между козаками, не могли бы имѣть важныхъ послѣдствій на восточномъ берегу Днѣпра, еслибы въ челѣ движенія противъ Москвы не сталъ самъ бояринъ и гетманъ, царскаго престола нижайшая подножка. Что же заставило боярина превратиться вдругъ въ козака, прямо выразить свое сочувствіе Стенькѣ Разину?

Врагъ Брюховецкаго, епископъ Меѳодій находился въ Москвѣ въ 1666 и началѣ 1667 года, по Никонову дѣлу. Поведеніе Ме-

ѳодія въ Кіевѣ по вопросу о митрополитѣ и ожесточенная вражда его къ гетману, столь противная спокойствію Малороссіи и государственнымъ въ ней интересамъ, не могли не ослабить того расположенія, какимъ прежде пользовался епископъ въ Москвѣ. Хотя опытъ и долженъ былъ научить здѣсь не вѣрить всѣмъ доносамъ, приходившимъ изъ Малороссіи: однако постоянныя и сильныя обвиненія боярина и гетмана также не могли остаться безъ дѣйствія. Меѳодій увидалъ перемѣну; чести ему прежней не было. попросилъ онъ однажды соболей—соболей не дали, и, при отпускѣ въ Малороссію, строго наказали: не продолжать смуты, помириться съ гетманомъ. Въ сильномъ раздраженіи выѣхалъ преосвященный изъ Москвы, направляя путь въ Гадячь, столицу гетманскую. Здѣсь уже знали о выѣздѣ Меѳодія изъ Москвы; страшно стало боярину и гетману; и вотъ станица знатныхъ козаковъ помчалась изъ Гадяча въ Смѣлую, маетность Кіевопечерскаго монастыря. гдѣ жилъ въ это время самъ отецъ архимандритъ, Иннокентій Гизель; козаки везли приглашеніе архимандриту пріѣхать въ Гадячь, боярину и гетману очень нужно съ нимъ видѣться. Гизель испугался, жилъ онъ съ гетманомъ въ большихъ неладахъ; но дѣлать нечего, не поѣдетъ, такъ козаки неволею повезутъ, поѣхалъ. — «За что это вы на меня сердитесь, и въ Печерской святой великой лаврѣ за меня Бога не молите?» встрѣтилъ Брюховецкій Гизеля. — «Зла тебѣ мы никакого не хотимъ, отвѣчалъ тотъ, а неласку твою видимъ: многократно мы писали къ тебѣ съ великимъ прошеніемъ слезнымъ, что козаки лавру нашу Печерскую разоряютъ, въ маетностяхъ подданныхъ бьютъ, коней и воловъ и всякій товаръ и хлѣбъ грабятъ. меня и братью мою, иноковъ. людей честныхъ безчестятъ, бьютъ; ты учинилъ немилосердіе, писаніе и слезное наше прошеніе презрѣлъ, и за такую къ святой обители неласку твою мы за тебя Бога не молили.» — «Правда, сказалъ Брюховецкій: козаки надѣлали много зла святой обители; я имъ вѣрилъ, а теперь вѣрить не стану. Слышу, что ѣдетъ изъ столицы епископъ Меѳодій; до сихъ поръ было у насъ тихо, а какъ пріѣдетъ, то не будетъ ли намъ лиха? Поговори-ка ему, отецъ архимандритъ, чтобы онъ со мною помирился. зло укротилъ и жилъ въ совѣтѣ, чтобы во всемъ Малороссійскомъ краю люди жили въ покоѣ и великому государю нашему чистыми сердцами работали.»

Бояринъ и гетманъ напрасно безпокоился: Меѳодій самъ явился къ нему съ словомъ примиренія, все старое было забыто, кромѣ старой дружбы, бывшей до 1665 года; и въ знакъ новой дружбы дочь епископа сосватана была за племянника гетманскаго. Но гетманъ и епископъ подружились и породнились не для того, чтобы чистыми сердцами работать царскому величеству: Меѳодій передалъ свату все свое неудовольствіе, все свое раздраженіе противъ неблагодарной Москвы, передалъ ему свои наблюденія, свои страхи, что Москва готовитъ недоброе для Малороссіи. Но одними тайными разговорами съ гетманомъ Меѳодій не удовольствовался. Изъ Гадяча поѣхалъ онъ въ свой родной городъ Нѣжинъ, и здѣсь въ своемъ домѣ при гостяхъ бранилъ вельможъ и архіереевъ московскихъ; въ черномъ свѣтѣ выставлялъ нравы тамошнихъ людей, клялся, что никогда ноги его не будетъ въ Москвѣ. Тѣ же рѣчи началъ онъ говорить у протопопа въ присутствіи воеводы царскаго, Ивана Ржевскаго, такъ что воевода счелъ приличнымъ для себя уйти, не дождавшись обѣда. Меѳодій не скрывалъ причину своего неудовольствія на Москву: безчестили его тамъ; соболей и корму, сколько хотѣлъ, не давали. Но Меѳодій, говоря о своей обидѣ, не забывалъ внушать, что обида готовится и всей Малороссіи: «Ординъ-Нащокинъ, говорилъ онъ, Ординъ-Нащокинъ идетъ изъ Москвы со многими ратными людьми въ Кіевъ и во всѣ малороссійскіе города, чтобы всѣ ихъ высѣчь и выжечь и разорить безъ остатку.» Рѣчи эти дошли до Тяпкина въ Переяславль; тотъ нарочно прискакалъ въ Нѣжинъ, чтобы спросить у Меѳодія, отъ кого это онъ слышалъ? Епископъ сказалъ отъ кого: «Московскіе торговые люди, которые ѣздятъ съ товарами въ Литву и Польшу и потомъ пріѣзжаютъ въ Малороссію, сказываютъ мѣщанамъ, что бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ со многими ратными людьми идетъ въ Малую Россію для отдачи Кіева; а къ гетману и ко мнѣ въ грамотахъ великаго государя о Кіевѣ и о малороссійскихъ городахъ не объявлено, и мы съ гетманомъ объ этомъ очень скорбимъ и смущаемся.» Меѳодій далъ знать и въ Москву о слухахъ, что Кіевъ и всѣ украйные города уступлены Ляхамъ, писалъ, что онъ объявляетъ объ этомъ, видя во всемъ народѣ смятеніе и помня къ себѣ великаго государя милость. Шереметевъ, узнавши въ Кіевѣ о рѣчахъ Меѳодія, отправилъ къ нему немедленно голову московскихъ стрѣльцовъ Ло-

патина сказать, что всѣ слухи, безпокоющіе Малороссіянъ, вздорные: «Великій государь, говорилъ Лопатинъ, учинилъ миръ съ королемъ для того, чтобы въ его государской стародавной дѣдичной отчинѣ, въ градѣ Кіевѣ и во всѣхъ малороссійскихъ городахъ всякій человѣкъ въ православіи доброхотно жилъ въ добромъ покоѣ и веселіи. Нынѣ великій государь хочетъ идти въ Кіевъ, поклониться его святынѣ, свою отчину, городъ Кіевъ осмотрѣть, малороссійскіе города и вѣрнаго войска Запорожскаго ратныхъ людей и всѣхъ жителей своимъ пришествіемъ увеселить и вовѣки непоколебимыхъ въ вѣрѣ и подданствѣ учинить; а боярина своего, Аѳанасья Лаврентьевича Ордина-Нащокина изволилъ въ малороссійскіе города послать напередъ себя, какъ издавна государскій чинъ належитъ: передъ государскимъ походомъ посылаются бояре и думные люди для заготовленія запасовъ и для объявленія всѣмъ о походѣ царскомъ. А что бунчужный написалъ о словахъ боярина Ордина-Нащокина, и то дѣло нестаточное: бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ человѣкъ умный, государскихъ великихъ дѣлъ положено на немъ множество, и такихъ словъ не только что бунчужному въ слухъ говорить, и тайно мыслить не будетъ; такія слова вмѣстилъ какой-нибудь врагъ Креста Господня, сатанинъ угодникъ, ненавистникъ рода христіанскаго. Тебѣ бы, епископу, слыша, что плутишка бунчужный такія слова вмѣстилъ, разговаривать, что ничего такого быть не могло.»

Но эти увѣщанія не дѣйствовали. Меѳодій писалъ Брюховецкому: «Ради Бога не оплошайся. Какъ вижу, дѣло идетъ не о ремешкѣ, а о цѣлой кожѣ нашей. Чаять того, что честной Нащокинъ къ тому привелъ и приводитъ, чтобы васъ съ нами, взявъ за шею, выдать Ляхамъ. Почему знать, не на томъ ли и присягнули другъ другу: много знаковъ, что объ насъ торгуются. Лучше бы насъ не манили, чѣмъ такъ съ нами коварно поступать! Въ великомъ остерегательствѣ живи, а Запорожцевъ всячески ласкай; сколько ихъ вышло, ими укрѣпляйся, да и города порубежные людьми своими досмотри, чтобы Москва больше не засѣла. Мой такой совѣтъ, потому что утопающій и за бритву хватается: не послать ли тебѣ пана Дворецкаго для какого-нибудь воинскаго дѣла къ царскому величеству? чтобы онъ сошелся съ Нащокинымъ, вывѣдалъ что-нибудь отъ него и далъ тебѣ знать; у него и своя бѣда: оболганъ Шереметомъ и сильно жалуется на свое

безчестіе. Недобрый знакъ, что Шереметъ самыхъ бездѣльныхъ Ляховъ любовно принимаетъ и ихъ потчиваетъ, а козаковъ, хотя бы какіе честные люди, за ляцкихъ собакъ не почитаетъ и похваляется на нихъ, да и съ Дорошенкомъ ссылается! Богъ вѣсть, то все не намъ ли на зло? Надобно тебѣ очень осторожну быть и къ Нащокину не выѣзжать, хотя бы и манилъ тебя. Мнѣ своя отчизна мила: сохрани Богъ, какъ возьмутъ насъ за шею и отдадутъ Ляхамъ или въ Москву поведутъ. Лучше смерть нежели золъ животъ. Будь остороженъ, чтобы и тебя, какъ покойнаго Барабаша, въ казенную телѣгу замкнувъ, вмѣсто подарка Ляхамъ не отослали!»

Брюховецкій не ограничился одною осторожностію: онъ прямо измѣнилъ, прямо поднялъ возстаніе противъ царя. Но неужели Меѳодій такъ умѣлъ передать свое раздраженіе, свои опасенія Брюховецкому, что тотъ по однимъ внушеніямъ епископа, рѣшился сдѣлать это? Нѣтъ сомнѣнія, что Меѳодій своими внушеніями приготовилъ гетмана къ измѣнѣ, но окончательно Брюховецкій рѣшился на нее по другимъ, болѣе сильнымъ побужденіямъ. Мы видѣли, какіе замыслы питались на западномъ берегу Днѣпра, въ Чигиринѣ: Дорошенко хотѣлъ быть гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, Тукальскій митрополитомъ кіевскимъ и всей Малороссіи. Тукальскій былъ непрочь достигнуть своей цѣли и съ помощію Москвы; и Дорошенко готовъ былъ называться гетманомъ царскаго величества; но старый соумышленникъ Выговскаго не хотѣлъ быть гетманомъ на условіяхъ Брюховецкаго, а другихъ условій теперь трудно было получить отъ Москвы. И вотъ Дорошенко и Тукальскій находятъ средство оторвать восточный берегъ Днѣпра отъ Москвы—съ помощію самого Брюховецкаго. Тукальскій завелъ переписку съ послѣднимъ, сталъ его обнадеживать, что Дорошенко уступитъ ему свою булаву, и такимъ образомъ будетъ онъ Брюховецкій гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, но прежде всего онъ долженъ выжить изъ Украйны воеводъ московскихъ, отложиться отъ царя и отдаться подъ покровительство султана. Самъ Дорошенко писалъ, что царь прислалъ къ нему Тяпкина съ призывомъ на гетманство восточной стороны Днѣпра. Брюховецкій не преодолѣлъ искушенія, тѣмъ болѣе, что внушенія Меѳодія уже сдѣлали свое дѣло: Брюховецкій, потакая Москвѣ, возбудилъ противъ себя ненависть въ коза-

честве; но какого добра ждать отъ Москвы?—объ этомъ знаетъ епископъ Мееодій, объ этомъ знаетъ бунчужный; надобно выйти изъ тяжелаго положія между двумя огнями, между ненавистію козацкою и замыслами московскими — и средство готово: поднявшись противъ Москвы, противъ воеводъ царскихъ, Брюховецкій пріобрѣталъ расположеніе козаковъ, Дорошенко откажется отъ гетманства, и Иванъ Мартыновичъ засядетъ въ столицѣ Богдана Хмельницкаго.

И вотъ гетманъ шлетъ за полковниками, зоветъ ихъ на тайную раду; въ Гадячъ съѣхались: Нѣжинскій полковникъ Артема Мартыновъ, возведенный на мѣсто сверженнаго Брюховецкимъ Гвинтовки, Черниговскій Иванъ Самойловичъ (будущій гетманъ), Полтавскій Костя Кублицкій, Переяславскій Дмитрій Райча, Миргородскій Грицко Апостоленко, Прилуцкій Лазарь Горленко, Кіевскій Василій Дворецкій. Была рада о томъ, какими мѣрами дѣло начать, какъ выживать Москву изъ малороссійскихъ городовъ? Сначала полковники слушали Брюховецкаго подозрительно, думали, что онъ этими словами искушаетъ ихъ; Брюховецкій замѣтилъ это и поцѣловалъ крестъ, и полковники ему поцѣловали.

Уже въ концѣ 1667 года между козаками пущена была вѣсть, что Брюховецкій больше не нижайшая подножка царскаго престола, и волненія начались. Въ батуринскомъ и батманскомъ уѣздахъ козаки переяславскаго полка начали разорять крестьянъ, бить ихъ, мучить, править деньги и всякіе поборы, вслѣдствіе чего уѣздные люди перестали давать деньги и хлѣбъ въ казну царскую. Въ январѣ 1668 года въ Миргородѣ многіе мѣщане записались въ козаки и отказались платить подати въ казну; пріѣхалъ челядникъ Брюховецкаго и запретилъ мельникамъ давать въ казну хлѣбъ. Въ Сосницѣ нечего было взять съ мѣщанъ и крестьянъ, которыя, отъ козацкаго разоренья или разбрелись или сами записались въ козаки. Тоже самое произошло въ козелецкомъ уѣздѣ. Въ Прилукахъ въ большомъ городѣ стояла на площади вѣстовая пушка: полковой есаулъ велѣлъ пушку взять и поставить въ проѣзжихъ воротахъ, и когда воевода прислалъ солдатъ взять пушку въ верхній городокъ, то есаулъ билъ солдатъ и пушки не далъ: «Мы и изъ верхняго городка всѣ пушки вывеземъ!» кричалъ онъ; по его же наущенію всѣ мѣщане и поселяне перестали платить подати, и сборщикамъ нельзя стало появ-

ляться въ уѣздахъ: имъ грозили смертію; козаки грабили мѣщанъ-откупщиковъ, рѣзали имъ бороды, и прямо говорили мѣщанамъ: «Будьте съ нами, а не будете, то вамъ, воеводѣ и русскимъ людямъ жить всего до масляницы.» Въ Нѣжинѣ откупщики были не изъ мѣщанъ, и тѣмъ сильнѣе сердились на нихъ послѣдніе; но здѣшніе мѣщане, довольные воеводою Ржевскимъ, дѣйствовали законнымъ путемъ, послали челобитчиковъ въ Москву, чтобъ государь хотя на одинъ годъ льготою ихъ пожаловалъ для уплаты долговъ. «На арендовый откупъ даны были грамоты самому городу, а теперь стрѣлецъ отпускаетъ изъ наддачи, чиня великую обиду оплаканному мѣсту; утвержденные грамотами доходы на ратушу: вѣсчее, помѣрное, съ продажи лошадей, дегтярная торговля, табакъ и мельницы Авдѣевскія—всѣ эти доходы стрѣлецъ Спицынъ съ великою налогою выдираетъ. По жалованной грамотѣ, въ случаѣ большой неправды въ судѣ, указано не звать магистрата къ боярину и воеводѣ, но звать въ Москву; а теперь кіевскій приказъ все это разорилъ.«

Но кто былъ виноватъ при тогдашней новости, неопредѣленности отношеній? Челобитчики указали любопытный случай: въ гостяхъ у Троицкаго попа Ильи Нѣжинскій мѣщанинъ Петрушка Саспмовъ учинилъ досадительство невѣдомо какое райцѣ Гаврилѣ Тимофееву; райца началъ ему говорить: «Изневажилъ ты жену мою, а теперь и меня изневажаешь: буду на тебя права просить!» А Петрушка, показавъ ему кукиши, сказалъ: «Вотъ вамъ на ваше право!» Тутъ былъ бурмистръ Яковъ Ждановъ; обидѣлся онъ такимъ поруганіемъ праву и пошелъ донести объ этомъ въ съѣзжей избѣ воеводѣ. Воевода отдалъ Петрушку на судъ въ ратушу; но Петрушка отправилъ жену въ Кіевъ къ боярину Шереметеву съ челобитьемъ, и тотъ велѣлъ взять въ Кіевъ бурмистра и райцу; сидѣли они въ приказѣ въ оковахъ больше двухъ недѣль, да за порукою выжили въ Кіевѣ 12 недѣль, суда и очной ставки ни съ кѣмъ не было, а взяли за правежомъ въ съѣзжей избѣ 220 рублей невѣдомо за что. — Изъ Москвы была послана немедленно грамота въ Кіевъ, чтобы Шереметевъ разъяснилъ дѣло, да чтобы не велѣлъ брать въ Кіевъ изъ Нѣжина ратушныхъ людей по челобитьямъ. Нѣжинцы били также челомъ, чтобы государь велѣлъ еще оставить у нихъ воеводу Ржевскаго, потому что онъ человѣкъ добрый, живетъ съ ними Бога боясь,

никакихъ бѣдъ, разоренья и воровства не допускаетъ. И въ тоже время били челомъ на черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича, что великую имъ горесть учинилъ, отнялъ два села.

Въ концѣ января Шереметеву въ Кіевъ дали знать, что въ Чигиринѣ была рада, сошлись—Дорошенко, митрополитъ Тукальскій, Гедеонъ Хмельницкій, полковники, вся старшина, послы крымскіе, монахъ, присланный отъ Меѳодія и посолъ отъ Брюховецкаго. Дорошенко не вытерпѣлъ и началъ говорить послѣднему: «Брюховецкій человѣченко худой и не породный козакъ: для чего бремя такое великое на себя взялъ и честь себѣ, которой недостоинъ, принялъ? И козаковъ отдалъ русскимъ людямъ со всѣми поборами, чего отъ вѣка не бывало» — «Брюховецкій это сдѣлалъ по неволѣ, отвѣчалъ посланный: взятъ онъ былъ со всею старшиною въ Москву.» Дорошенко притворился удовлетвореннымъ этимъ отвѣтомъ и со всею старшиною утвердилъ: по обѣ стороны Днѣпра жителямъ быть въ соединеніи, жить особо и давать дань турскому султану и крымскому хану, какъ даетъ волошскій князь; Турки и Татары будутъ защищать козаковъ и вмѣстѣ съ ними ходить на московскія украйны. Послышался и голосъ монаха Хмельницкаго: «Я всѣ отцовскіе скарбы откопаю и Татарамъ плату дамъ, лишь бы только не быть подъ рукою московскаго царя и короля польскаго; хочу я монашеское платье сложить и быть мірскимъ человѣкомъ.» На той же радѣ положили: въ малороссійскихъ городахъ царскихъ воеводъ и ратныхъ людей побить. Были на радѣ и послы отъ Запорожья; они присягнули за свою братью быть подъ властью Дорошенка. Татары уже стояли подъ Чернымъ лѣсомъ: Дорошенко хотѣлъ часть ихъ отправить съ братомъ на Польшу, а съ другою частію идти самъ на московскія украйны.

Когда въ Москвѣ изъ отписокъ Шереметева узнали о волненіяхъ въ Малороссіи, то къ Брюховецкому, въ началѣ февраля, пошла царская грамота: «Козаки не даютъ денегъ и хлѣба на раздачу нашимъ служилымъ людямъ; воеводы писали къ тебѣ объ этомъ, а ты не вѣришь и отъ своевольства козаковъ не удерживаешь, въ своихъ воляхъ безстрашно чернь пишутъ въ козаки, а нашихъ ратныхъ людей голодомъ и всякою тѣснотою морятъ, чтобы и остальные отъ нужды разошлись. Гонцы наши малороссійскими городами съ великою нуждою проѣзжаютъ, въ подво-

дахъ имъ отказываютъ, во всемъ чинятся непослушны и безстрашны. Смотрѣть за козаками ваша гетманская обязанность, также полковниковъ и всей старшины, которые многою нашею милостію пожалованы, а преступленія ихъ всѣ забыты. Ты въ письмѣ своемъ называешься вѣрнаго войска гетманъ, и неотлучно житье твое съ козаками, а въ противныхъ дѣлахъ не сдерживаешь: и та вѣрность не противъ обѣщанія, надобно держать ее на дѣлѣ, а не на языкѣ; которые устами чтутъ, а сердца ихъ отстоятъ далече, такимъ судитъ Богъ. Знатно по такимъ козацкимъ своевольнымъ дѣламъ явное отступленіе не только отъ подданства нашего, но и отъ вѣры христіанской: отступивъ отъ Бога жива и отъ обороны христіанской, предаются бусурманамъ въ вѣчное проклятство. Думаютъ, что Кіевъ будетъ уступленъ въ польскую сторону и за то прежде времени подъ злое бусурманское иго подаются, а не разсудятъ, что до того времени души христіанскія спаслись бы отъ крови и отъ плѣну бусурманскаго: вѣрнымъ христіанамъ годится ли такое злое убійство брать на свои души? Для обнадеженія христіанскихъ людей и для приведенія къ истинѣ злыхъ посланъ къ вамъ съ надежнымъ объявленіемъ дворянинъ Желябужскій, который прочтетъ вамъ и полковникамъ договорныя посольскія статьи съ королемъ польскимъ; вы бы, согласившись съ епископомъ Мефодіемъ, съ полковниками и старшиною, съѣхались въ одно мѣсто, говорили и малодушныхъ утверждали духомъ кротости, а объ отдачѣ Кіева никакого бы смутнаго помышленія христіанскіе народы не имѣли: дастъ Богъ дойдетъ впредь миромъ христіанскимъ къ успокоенію безо всякаго оскорбленія. Въ войну, многіе убытки принявъ, украйны мы не отступились! А если малодушные волнуются за то, чтобъ нашимъ воеводамъ хлѣбныхъ и денежныхъ сборовъ не вѣдать, хотятъ взять эти сборы на себя: то пусть будетъ явное челобитье отъ всѣхъ малороссійскихъ жителей къ намъ, мы его примемъ милостиво и разсудимъ, какъ народу легче и Богу угоднѣе. Мы указали сбирать поборы съ черни полковникамъ съ бурмистрами и войтами по ихъ обычаямъ, безъ всякаго оскорбленія, и давать служилымъ людямъ на кормъ и платье, а воеводамъ сборщиковъ отъ себя не посылать. А которыхъ посыльныхъ своихъ съ письмами станешь къ намъ впредь посылать, то выбирай разумныхъ и вѣрныхъ людей, а не такихъ, что твой бунчужный, который

вмѣсто нашей государской милости, ненавистныя дурныя рѣчи въ народъ внесъ.»

6 февраля написана была эта грамота, а 8-го, бояринъ и гетманъ уже началъ свое дѣло въ Гадячѣ. Въ этотъ день воевода Огаревъ и полковники московскаго войска, по обычаю, пришли къ гетману на дворъ челомъ ударить. Брюховецкій былъ дома, но не сказался; вышелъ изъ хоромъ карликъ Лучка и сказалъ: «Гетманъ пошелъ молиться въ церковь подъ гору.» Огаревъ послалъ деньщика къ церкви провѣдать про гетмана; посланный никого тамъ не нашелъ, и Огаревъ отправился къ обѣдни, а полковники по домамъ. Въ половину обѣдни Брюховецкій присылаетъ за полковникомъ Яганомъ Гульцомъ и говоритъ ему: «Пришли ко мнѣ изъ Запорогъ кошевой атаманъ да полковникъ Соха съ козаками, говорять: не любо намъ, что царскіе воеводы въ малороссійскихъ городахъ и чинятъ многіе налоги и обиды; я къ царскому величеству объ этомъ писалъ, но отвѣта не бывало; такъ вы, полковники, изъ городовъ выходите.»—«Пошли за воеводою и за моими товарищами», сказалъ на это Нѣмецъ. Брюховецкій сталъ бранить воеводу: «Если вы изъ города не пойдете, то козаки васъ побьютъ всѣхъ!» кричалъ онъ. Нѣмецъ испугался и сказалъ: «А если мы пойдемъ изъ города, то ты не вели насъ бить.»—Брюховецкій перекрестилъ лицо и сказалъ: «Отъ козаковъ задоровъ не будетъ, только вы выходите смирно.» Гульцъ отправился къ воеводѣ и объявилъ ему о своемъ разговорѣ съ гетманомъ. Воевода пошелъ къ Брюховецкому; тотъ сначала долго не выходилъ, наконецъ вышелъ и сталъ говорить, чтобъ выбирались вонъ изъ города. Огаревъ объявилъ своимъ ратнымъ людямъ, что надобно выходить, потому что противъ козаковъ стоять не съ кѣмъ, всего московскихъ людей съ 200 человѣкъ, и крѣпости никакой въ городѣ нѣтъ. Русскіе люди собрались и пошли, подходятъ къ воротамъ—заперты, стоятъ у нихъ козаки: Гульца съ начальными людьми выпустили, но стрѣльцовъ, солдатъ и воеводу остановили; Иванъ Бугай бросился на Огарева, козаки на ратныхъ людей. Воевода съ немногими людьми пробился было за городъ; но козаки догнали его, догнали и Гульца съ товарищами, тѣ отбивались сколько было силъ, но козаки одолѣли; 70 человѣкъ стрѣльцовъ и 50 солдатъ пало подъ ножами убійцъ, человѣкъ 30 стрѣльцовъ успѣли уйти изъ города, но перемерзли на

дорогѣ, 130 начальныхъ и лучшихъ служилыхъ людей было захвачено козаками въ плѣнъ, воевода Огаревъ раненъ въ голову и положенъ лѣчиться къ протопопу, лѣкаремъ былъ цирюльникъ; не пощадили и жену воеводы: въ поруганіи водили ее простоволосую по городу, и, отрѣзавъ одну грудь, отдали въ богадѣльню. Покончивъ съ Москвою у себя въ Гадячѣ, Брюховецкій разослалъ листы по всѣмъ другимъ городамъ, съ увѣщаніемъ послѣдовать его примѣру: «Не съ нашего одинаго, но съ общаго всей старшины совѣта учинилось, что мы отъ руки и пріязни московской отлучились, по важнымъ причинамъ. Послы московскіе съ польскими коммиссарами присягою утвердились съ обѣихъ сторонъ разорять украйну, отчизну нашу милую, истребивъ въ ней всѣхъ жителей, большихъ и малыхъ; для этого Москва дала Ляхамъ на наемъ чужеземнаго войска четырнадцать милліоновъ денегъ. О такомъ зломъ намѣреніи непріятельскомъ и ляцкомъ узнали мы чрезъ Духа Свят. Спасаясь отъ погибели, мы возобновили союзъ съ своею братьею. Мы не хотѣли выгонять саблею Москву изъ городовъ украинскихъ, хотѣли въ цѣлости проводить до рубежа; но Москали сами закрытую въ себѣ злость объявили, не пошли мирно дозволенною имъ дорогою, но начали было войну: тогда народъ всталъ и сдѣлалъ надъ ними то, что они готовили намъ: мало ихъ ушло живыхъ! Прошу васъ именемъ цѣлаго войска запорожскаго, пожелайте и вы цѣлости отчизнѣ своей Украйнѣ, промышляте надъ своими домашними непріятелями, т.-е. Москалями, очищайте отъ нихъ свои города; не бойтесь ничего, потому что съ братьею нашею той стороны желанное намъ учинилось согласіе. если нужно будетъ, не замедлятъ вамъ помочь, также и орда въ готовности, хотя не въ большой силѣ, на той сторонѣ.»

Пошла изъ Гадяча грамота и на Донъ: «обманъ ляцкій и злоба развращенная правовѣрныхъ бояръ едва меня и все войско Запорожское въ густо связанныя сѣти не уловили: жалуюсь на нихъ передъ вами, братьями моими и передъ всѣмъ главнымъ рыцарскимъ войскомъ, подавая вамъ къ разсужденію сію вещь: праведно ли Москва сотворила, что съ древними главными врагами православнаго христіанства, Ляхами побратався, постановили православныхъ христіанъ на Украйнѣ живущихъ всякаго возраста, и малыхъ отрочатъ мечемъ выгубить, слобожанъ, захвативъ, какъ

скотъ въ Сибирь загнать, славное Запорожье и Донъ разорить и въ конецъ истребить, чтобы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ православные христіане отъ кровавыхъ трудовъ питаются, стали дикія поля, звѣрямъ обиталища, да чтобы здѣсь можно было селить иноземцевъ изъ оскудѣлой Польши. Бояре московскіе, помогая разореннымъ Ляхамъ, дали имъ четырнадцать милліоновъ денегъ и вѣчную дружбу присягою утвердили не для чего инаго, думаю, какъ для того только, чтобъ выбиться изъ-подъ царской руки, чтобы могли какъ въ Польшѣ, ляцкимъ обычаемъ, и городами владѣть, потому что въ Польшѣ сенаторы всѣ королями, и одного господиномъ имѣть не хотятъ; поэтому всѣхъ невинныхъ людей и начальника Богомъ даннаго къ нищетѣ и хлопотамъ приводятъ, а наконецъ и сами къ пагубѣ приходятъ. Мы великому государю добровольно безъ всякаго насилія поддались, потому только что онъ царь православный; а московскіе царики, бояре безбожные усовѣтовали присвоить себѣ насъ въ вѣчную кабалу и неволю; но всемогущая Божія десница, уповаю, освободитъ насъ. Подаю вамъ къ разсужденію: Москва, взявши перемирье съ Ляхами, Жидовъ и другихъ иновѣрцевъ плѣнныхъ, которые покрестились и поженились на Москвѣ, отпускала въ Польшу, а тѣ, какъ только вышли изъ Москвы, крестъ святой бросили и стали держать вѣру своимъ древнимъ поганымъ обычаемъ: праведно ли это? А нашу братью православныхъ христіанъ никакъ освободить не хотятъ, но еще въ большую кабалу и бѣду ведутъ. Жестокостію своею превосходятъ они всѣ поганые народы, о чемъ свидѣтельствуетъ самое поганское ихъ дѣло: верховнѣйшаго пастыря своего, святѣйшаго отца патріарха свергли, не желая быть послушными его заповѣди; онъ ихъ училъ имѣть милость и любовь къ ближнимъ, а они его за это заточили; святѣйшій отецъ наставлялъ ихъ, чтобы не присовокуплялись къ латинской ереси, но теперь они приняли унію и ересь латинскую, ксендзамъ въ церквахъ служить позволили. Москва уже не Русскимъ, но латинскимъ письмомъ писать начала; города, которые козаки, саблею взявши, Москвѣ отдали, Ляхомъ возвращены и въ нихъ началось уже гоненіе на православныхъ. Вы, братья моя милая, привыкли при славѣ, побѣдѣ и вольности пребывать: порадѣйте, господа, о золотой вольности, при которой всѣ богатства Богъ подаетъ, и не прельщайтесь обманчивымъ московскимъ жалованьемъ. Остерегаю

васъ: какъ только насъ усмирятъ, станутъ промышлять объ искорененіи Дона и Запорожья. Ихъ злое намѣреніе уже объявилось: въ недавнее время подъ Кіевомъ въ городахъ: Броворахъ, Гоголевѣ и другихъ всѣхъ жителей вырубили, не пощадивъ и малыхъ дѣтокъ. Прошу вторично и остерегаю: не прельщайтесь ихъ несчастною казною, но будьте въ братскомъ единомысліи съ господиномъ Стенькою, какъ мы находимся въ неразрывномъ союзѣ съ Заднѣпровскою братьею нашею.»

Донъ не тронулся на призывъ Брюховецкаго, ибо, къ счастію для Москвы, силы голутьбы съ господиномъ Стенькою были отвлечены на востокъ; но козачество малороссійской украйны поднялось противъ государевыхъ ратныхъ людей. Еще 25-го января черниговскій полковникъ Иванъ Самойловичъ (будущій гетманъ) съ козаками и мѣщанами осадилъ въ маломъ городѣ царскаго воеводу Андрея Толстаго, покопавъ кругомъ шанцы. 1-го февраля къ Толстому явился священникъ съ предложеніемъ отъ Самойловича выйти изъ города, потому что гетманъ Брюховецкій со всею украйною отложился отъ государя, присягнулъ хану крымскому и Дорошенку. Въ отвѣтъ Толстой сдѣлалъ вылазку, зажегъ большой городъ, побилъ много осаждающихъ и взялъ знамя. 16-го февраля воеводѣ подали грамоту отъ самого гетмана. *Бояринъ* и *гетманъ* царскаго величества писалъ *пріятелю* своему Толстому, что все *вѣрное* войско Запорожское и весь міръ украинскій умыслили изо всѣхъ городовъ выпроводить государевыхъ ратныхъ людей, потому что они жителямъ великія кривды и несносныя обиды починили; Брюховецкій предлагалъ также пріятелю своему выйти изъ Чернигова, оставивши нарядъ, по примѣру воеводъ—Гадяцкаго (!), Полтавскаго и Миргородскаго. Толстой не принялъ пріятельскаго предложенія. Воеводы: Сосницкій Лихачевъ, Прилуцкій Загряжскій, Батуринскій Клокачевъ, Глуховскій Кологривовъ были взяты козаками. Въ Стародубѣ погибъ воевода князь Игнатій Волконскій, когда городъ былъ взятъ козацкими полковниками—Сохою и Бороною. Въ Новгородѣ Сѣверскомъ сидѣлъ воевода Исай Квашнинъ; нѣсколько разъ присылали къ нему козаки съ предложеніемъ выйти изъ города. «Умру, а города не отдамъ,» отвѣчалъ воевода. 29-го февраля на разсвѣтѣ явились къ нему три сотника съ тѣмъ же предложеніемъ; Квашнинъ велѣлъ убить посланныхъ; разсвирѣпѣвшіе козаки полѣзли на при-

ступъ и взяли городъ, но воевода прежде чѣмъ самъ былъ сраженъ пулею изъ мушкета, отправилъ на тотъ свѣтъ болѣе десяти козаковъ; разказывали, что Квашнинъ хотѣлъ убить свою жену, ударилъ ее саблею по уху и по плечу, но ударъ не былъ смертельный: судьба жены воеводской въ Гадячѣ объясняетъ поступокъ Квашнина. Къ Переяславлю и Нѣжину козаки дѣлали по два приступа, но понапрасну. Къ Остру приступилъ полковникъ Василій Дворецкій, но не могъ взять города, благодаря помощи, присланной изъ Кіева Шереметевымъ. Но положеніе самого Шереметева было незавидное. Донося, что въ Острѣ, Переяславлѣ, Нѣжинѣ и Черниговѣ ратные люди храбро отбиваются отъ козаковъ, Шереметевъ писалъ государю: «Только въ городахъ скудость большая хлѣбными запасами, бѣда, если засидятся долго! Измѣнники вездѣ поставили заставы крѣпкія, въ Кіевъ и изъ Кіева мѣщанъ для покупки хлѣбной никуда не пропускаютъ, и если возьмутъ Остеръ, то Кіеву еще больше тѣсноты будетъ. Въ Кіевѣ въ казнѣ денегъ нѣтъ ничего, и хлѣбныхъ запасовъ скудость великая, на мартъ мѣсяцъ мы роздали хлѣба ратнымъ людямъ въ половину меньше прежняго, апрѣль кой-какъ прокормили съ большою нуждою, а потомъ, если лошадей станутъ ѣсть, то больше какъ на два мѣсяца не хватитъ. Дорошенко дожидается Татаръ и сейчасъ съ ними нагрянетъ подъ Кіевъ, а у насъ ратныхъ людей мало, да и тѣ наги, голодны и скудны въ конецъ, многіе дня по три и по четыре не ѣдятъ, а Христовымъ именемъ никто не дастъ.»

Въ это время въ Варшавѣ находился московскій посланникъ Акинѳовъ. Узнавъ о малороссійскихъ событіяхъ, онъ потребовалъ у сенаторовъ, чтобы, согласно съ условіями, король высылалъ свое войско на бунтовщиковъ на помощь войскамъ царскимъ. «Обманы ихъ козачьи намъ уже знакомы, отвѣчали сенаторы: и теперь писалъ Дорошенко къ гетману Собѣскому, чтобы войскъ коронныхъ король посылать не велѣлъ, а онъ, Дорошенко сдѣлаетъ такъ, что обѣ стороны Днѣпра будутъ за королемъ. Но это явный обманъ: будто королевскому величеству радѣетъ, а самъ Турку уже давно поддался; также и той стороны козаковъ бунтуетъ, чтобы и ихъ поддать Турку. Поэтому надобно хана теперь какъ-нибудь приласкать, чтобъ онъ къ нимъ не присталъ. Король послалъ универсалы къ гетманамъ короннымъ и литовскимъ, чтобы собирали войска и ссылались съ царскими воево-

дами.» Литовскій гетманъ Пацъ говорилъ присланному къ нему подъячему Полкову: «Надобно обоимъ великимъ государямъ, совокупя войска, высѣчь и выжечь всѣхъ измѣнниковъ Черкасъ, чтобы мѣста ихъ были пусты, потому что они обоимъ государямъ присяги никогда не додерживаютъ, да и впередъ отъ нихъ никогда добраго не чаять; а что они султану турецкому поддались, то султану ежегодно защищать ихъ за дальностію трудно, а царскому и королевскому величеству ихъ собакъ сгубить можно.» Самъ Янъ Казимиръ писалъ царю, что онъ велѣлъ гетману коронному вести свои войска для соединенія съ войсками царскими, и просилъ, чтобы часть русскихъ полковъ переправилась на западную сторону Днѣпра, ибо надобно опасаться Волоховъ. Все ограничилось одними обѣщаніями со стороны Польши; надобно было управляться своими силами. Въ апрѣлѣ царскіе воеводы, князь Константинъ Щербатый и Иванъ Лихаревъ поразили козаковъ подъ Почепомъ, въ іюнѣ подъ Новгородомъ Сѣверскимъ, и на возвратномъ пути къ Трубчевскому разорили много селъ и деревень верстъ по двадцати около дороги. Князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій облегъ своими войсками города Котельву и Опошню.

Что же Брюховецкій? Ему было не до Ромодановскаго. Полковники восточной стороны не любили его и прежде, а теперь еще болѣе возненавидѣли, потому что онъ окружилъ себя запорожскою чернью и далъ ей волю: Запорожцы что хотѣли по городамъ, то и творили. Полковники призывали Дорошенка; тотъ вмѣстѣ съ Тукальскимъ, послалъ сказать Брюховецкому, чтобъ привезъ свою булаву къ нему и поклонился, а себѣ взялъ бы Гадячь съ пригородами по смерть. Разсвирѣпѣлъ обманутый Брюховецкій, сейчасъ же порвалъ всѣ сношенія съ Чигириномъ, началъ хватать Дорошенковыхъ козаковъ и отправилъ посланцевъ въ Константинополь, поддаваясь султану. 2-го апрѣля пріѣхали въ Адріанополь, гдѣ жилъ тогда султанъ Магометъ, полковникъ Григорій Гамалея, писарь Лавринко, обозный Безпалый, и били челомъ, чтобъ гетману Брюховецкому и всѣмъ Черкасамъ быть подъ султановою рукою въ вѣчномъ подданствѣ, только бы съ Черкасъ никакихъ поборовъ не брать, да указалъ бы султанъ оберегать ихъ отъ царя московскаго и отъ короля польскаго. Въ Гадячь явилась толпа Татаръ подъ начальствомъ Челибея для при-

нятія присяги. Брюховецкій долженъ былъ дать гостямъ 7000 золотыхъ червонныхъ, а Челибею подарилъ рыдванъ съ конями и коврами, да двухъ дѣвокъ русскихъ. Вмѣстѣ съ Татарами выступилъ Брюховецкій изъ Гадяча противъ государевыхъ ратныхъ людей и остановился подъ Диканькою, ожидаясь съ полками своими, какъ вдругъ пришла вѣсть о приближеніи Дорошенка. Кручина взяла Ивана Мартыновича: онъ сталъ просить Татаръ, чтобы велѣли Дорошенку удалиться на свою сторону. Но Татары не вступились въ дѣло и спокойно дожидались, чѣмъ оно кончится. Сперва явились къ Брюховецкому десять сотниковъ съ прежнимъ предложеніемъ отъ Дорошенка отдать добровольно булаву, знамя, бунчукъ и нарядъ. Брюховецкій прибилъ сотниковъ, сковалъ и отослалъ въ Гадячь; но на другой день показались полки Дорошенковы, и какъ скоро козаки обѣихъ сторонъ соединились, раздался крикъ между старшиною и чернью: «Мы за гетманство биться не будемъ! Брюховецкій намъ добраго ничего не сдѣлалъ, только войну и кровопролитіе началъ!» И тотчасъ побѣжали грабить возы восточнаго гетмана. Дорошенко послалъ сотника Дрозденка схватить Брюховецкаго и привести къ себѣ. Иванъ Мартыновичъ сидѣлъ въ палаткѣ своей, въ креслахъ, когда вошелъ Дрозденко и взялъ гетмана подъ руку; но тутъ запорожскій полковникъ Иванъ Чугуй, вѣрный пріятель Брюховецкаго, безотлучно находившійся при немъ съ начала его гетманства, ударилъ Дрозденка мушкетнымъ дуломъ въ бокъ такъ, что тотъ упалъ на землю. Это однако не спасло Брюховецкаго: толпа козаковъ восточной стороны, съ криками и ругательствами, ворвались въ шатеръ, схватили гетмана и потащили его къ Дорошенку. — «Ты зачѣмъ ко мнѣ такъ жестоко писалъ и не хотѣлъ добровольно булавы отдать?» спросилъ его Дорошенко. Брюховецкій не промолвилъ ни слова. Не добившись никакого отвѣта, Дорошенко далъ знакъ рукою — и толпа бросилась на несчастнаго, начали рѣзать на немъ платье, бить ослопьемъ, дулами, чеканами, рогатинами, убили какъ бѣшеную собаку и бросили нагаго. Чугуй храбро защищалъ его и тутъ, но ничего не могъ сдѣлать одинъ съ немногими товарищами. Дорошенко увѣрялъ Чугуя, что вовсе не желалъ смерти Брюховецкаго. Его самого чуть было не постигла та же участь; вечеромъ козаки обѣихъ сторонъ, подпивши, зашумѣли, стали кричать, что надобно убить и Дорошенка, тотъ едва утишилъ ихъ, выкатившы

нѣсколько бочекъ горѣлки, а ночью со всею старшиною выѣхалъ для осторожности на край обоза. Тѣло Брюховецкаго велѣлъ онъ похоронить въ Гадячѣ, въ построенной имъ церкви (іюнь 1668).

Покончивъ съ соперникомъ и провозгласивши себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, Дорошенко двинулся къ Котельвѣ, которую осаждалъ бояринъ князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій. Воевода отступилъ, Дорошенко его не преслѣдовалъ и возвратился въ Чигиринъ, взявши имѣніе Брюховецкаго и армату войсковую (сто десять пушекъ), пограбивши всѣхъ, на которыхъ ему указали, какъ на богатыхъ людей. Москва вслѣдствіе измѣны Брюховецкаго потеряла 48 городовъ и мѣстечекъ, занятыхъ Дорошенкомъ, 144,000 рублей денегъ, 141,000 четвертей хлѣбныхъ запасовъ, 183 пушки, 254 пищали, 32,000 ядеръ, пожитковъ воеводскихъ и ратныхъ людей на 74,000. На восточной сторонѣ Дорошенко оставилъ наказнымъ гетманомъ черниговскаго полковника Демьяна Игнатовича Многогрѣшнаго. Но какъ скоро гетманъ покинулъ восточный берегъ, то здѣсь повторилось тоже самое явленіе, какое мы видѣли послѣ Конотопа и Чуднова: восточная сторона потянула къ Москвѣ; князь Ромодановскій собрался съ значительными силами и началъ наступательное движеніе; наказной сѣверскій гетманъ, какъ назывался Многогрѣшный, не имѣлъ силъ ему противиться, да и подъ чьимъ знаменемъ онъ сталъ бы оказывать это сопротивленіе? Сначала онъ послалъ къ Дорошенку съ просьбою о помощи, но получилъ отвѣтъ: «пусть сами обороняются!» Ромодановскій взялъ приступомъ новое мѣсто въ Черниговѣ; не надѣясь спасти стараго мѣста, Многогрѣшный вступилъ въ переговоры съ царскимъ воеводою. 25-го октября пріѣхали въ Москву нѣжинскій протопопъ Симеонъ Адамовичъ, братъ наказнаго гетмана Василій Многогрѣшный, да бывшій нѣжинскій полковникъ Матвѣй Гвинтовка. Они объявили, что князь Ромодановскій отправилъ ихъ вмѣстѣ съ сеунщиками, сыномъ своимъ княземъ Андреемъ, Скуратовымъ, Толстымъ изъ обоза, изъза Бѣлой Вежи; но на дорогѣ напали на нихъ Татары и захватили въ плѣнъ сына Ромодановскаго съ товарищами. Малороссіянъ стали разспрашивать порознь: Гвинтовка сказалъ, что до измѣны Брюховецкаго сидѣлъ онъ у него въ Гадячѣ скованъ, а на его мѣсто былъ поставленъ въ полковники Артема Мартыновъ; когда начали государевыхъ людей побивать, то его, Гвинтовку перевели

въ Нѣжинъ за карауломъ; а когда Брюховецкаго убили, то его освободили; въ тоже время въ Веприкѣ освободили изъ заключенія Василія Многогрѣшнаго, который сидѣлъ въ тюрьмѣ за то, что жену свою побилъ, и та съ побоевъ умерла. Оба—Гвинтовка и Василій Многогрѣшный поѣхали въ мѣстечко Седнево къ гетману Демьяну Многогрѣшному и стали ему говорить, чтобы учинился въ подданствѣ у царскаго величества по прежнему. Демьянъ обрадовался этому совѣту и отпустилъ ихъ въ полкъ къ князю Ромодановскому; въ той же думѣ съ ними былъ и стародубскій полковникъ Петръ Рословченко. Когда они пріѣхали къ Ромодановскому, то между нимъ и Демьяномъ пошли пересылки, и кончилось дѣло тѣмъ, что Демьянъ и Рословченко въ присутствіи двоихъ московскихъ полковниковъ, присланныхъ Ромодановскимъ, поцѣловали крестъ, а потомъ въ городѣ Дѣвицѣ Демьянъ имѣлъ свиданіе съ Ромодановскимъ. Гвинтовка прибавилъ къ своимъ показаніямъ: «Слышалъ я отъ полковниковъ, Демьяна и Рословченка и отъ иныхъ, чтобы у нихъ впередъ въ войскѣ гетманъ былъ данный отъ царскаго величества, а не избранный козаками; если государевы ратные люди станутъ подъ черкаскіе города подступать и промыслъ чинить, то города всѣ станутъ сдаваться.»

Разсказавши свои похожденія, Гвинтовка и Василій Многогрѣшный объявили, что Демьянъ Многогрѣшный и Рословченко приказывали имъ накрѣпко домогаться царской милостивой обнадеживательной грамоты, да особо отъ патріарха московскаго процальной грамоты въ нарушеніи крестнаго цѣлованія. Какъ скоро они возвратятся къ Демьяну и Рословченку, то немедленно къ царскому величеству придутъ козацкіе послы, чтобы государь изволилъ быть у нихъ гетману Русскому съ войскомъ, и стоять ему въ Коробовѣ, а козаки будутъ кормить царское войско всякимъ довольствомъ. Доходы бы государь указалъ собирать съ полковъ оптомъ, а не такъ какъ до сего времени было: у кого и не было, и на тѣхъ правили; а они сами между собою обложатся, что съ котораго полка дать; обо всѣхъ этихъ статьяхъ Демьянъ и Рословченко уже говорили съ княземъ Ромодановскимъ.

Въ это время какъ Многогрѣшный и Гвинтовка разсказывали въ Москвѣ такія пріятныя новости, приходитъ грамота отъ черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича, изъ которой нельзя было заключить о такой безусловной покорности наказнаго гет-

мана и о желаніи видѣть надъ собою русскаго гетмана, даннаго царскимъ величествомъ. Мы видѣли, что Лазарь былъ одно время блюстителемъ кіевской митрополіи и былъ смѣненъ въ этомъ званіи Меѳодіемъ. Чтобы понять характеръ политической дѣятельности Лазаря, надобно припомнить, за какіе главные интересы шла борьба въ странѣ. Мы видѣли, что интересъ войска или козачества рознился съ интересомъ городоваго народонаселенія. Старшина козацкая стремилась къ тому, чтобъ вся власть находилась въ ея рукахъ, и чтобы надъ нею было какъ можно менѣе надзора со стороны государства: отсюда сильное нежеланіе видѣть царскихъ воеводъ въ городахъ малороссійскихъ. Иначе смотрѣло на дѣло городское народонаселеніе: ему тяжело приходилось отъ козаковъ и полковниковъ ихъ, и потому оно искало защиты у царскихъ воеводъ и отъ враговъ внѣшнихъ и отъ насилій полковничьихъ. Духовенство относительно этихъ двухъ стремленій не могло сохранить единства взгляда: взглядъ архіереевъ, властей былъ отличенъ отъ взгляда городскаго бѣлаго духовенства. Архіереи сочувствовали стремленію старшины козацкой: для нихъ важно было, чтобы страна удержала какъ можно болѣе самостоятельности въ отношеніи къ московскому государству, ибо эта самостоятельность условливала ихъ собственное независимое положеніе. Оставаться въ номинальной зависимости отъ константинопольскаго патріарха, а не подчиняться патріарху московскому, который не захочетъ ограничиться одною тѣнью власти — вотъ что было главнымъ желаніемъ малороссійскихъ архіереевъ; интересы ихъ слѣдовательно были тождественны съ интересами старшины козацкой. Напротивъ, городское бѣлое духовенство, по самому положенію своему тѣсно связанное съ горожанами, раздѣляло стремленія послѣднихъ, и это не случайность, что протопопъ городскаго собора, лицо тогда очень важное, является въ Москвѣ представителемъ горожанъ, доноситъ великому государю о ихъ желаніи видѣть у себя воеводъ. Съ такимъ характеромъ мы видѣли нѣжинскаго протопопа Максима Филимонова; теперь съ такимъ же характеромъ является другой протопопъ, Симеонъ Адамовичъ. Но архіерей черниговскій, Лазарь Барановичъ и прежде являлся въ глазахъ московскаго правительства человѣкомъ, холоднымъ къ его интересамъ, и теперь, принимая на себя роль посредника, примирителя, онъ хлопочетъ однако о томъ, чтобы требованія старшины

козацкой относительно вывода воеводъ были исполнены. Лазарь умолялъ царя простить преступныхъ козаковъ: «Аще есть родъ строптивъ и преогорчевая, но ему же со усердіемъ похощетъ работати, не щадя живота работаетъ. Ляхи подъ Хотиномъ и на различныхъ бранехъ силою ихъ преславная содѣлаша; родъ сицевъ иже свободы хощетъ, воинствуетъ не нуждою, но по воли; Ляхи къ каковой тщетѣ прійдоша, егда ихъ войско запорожское остави? Нынѣ видятъ и различными образы ихъ утверждаютъ, но болшее усердіе ихъ къ вашему царскому пресвѣтлому величеству, но отъ однихъ воеводъ, съ ратными людьми въ городѣхъ будучихъ, скорбятъ, и весь міръ, сущимъ воеводамъ въ городахъ украиныхъ, однѣ въ Литву, а иные въ Польшу итить готовы, подущеніе всегдашнее отъ варваръ имѣютъ; свободою убо, ею же Христосъ насъ свободи, помазанниче Божій, пресвѣтлый царю, ихъ свободи, да стоятъ на свободѣ ихъ укрѣпи, да истинно тебѣ поработаютъ и отъ варваръ отлучатся всяко! На знаменіе обращенія своего Демко Игнатовичь гетманъ сѣверскій плѣненныхъ отпущаетъ. Яко жена кровоточивая егда коснуся края ризъ Христовыхъ, ста токъ крови ея: сице егда войско запорожское со смиреніемъ припадаетъ и касается края ризъ вашего пресвѣтлаго царскаго величества чаю яко станетъ токъ крови.» Барановичь переслалъ въ Москву письмо къ себѣ Многогрѣшнаго, гдѣ высказаны были условія, на которыхъ козаки могли снова подчиниться царю: «Посовѣтовавъ съ полками сей стороны Днѣпра, при какихъ вольностяхъ хотимъ быть, вѣдомо чиню, пишетъ Многогрѣшный: когда великій государь насъ своихъ подданныхъ захочетъ при прежнихъ вольностяхъ покойнаго славныя памяти Богдана Хмельницкаго, въ Переяславлѣ утвержденныхъ, сохранить и нынѣшнихъ ратныхъ людей своихъ изъ городовъ нашихъ всѣхъ—Переяславля, Нѣжина, Чернигова вывесть, тогда изволь ваше преосвященство написать царскому величеству: буде насъ помилости своей приметъ, вольности наши сохранитъ и, что учинилось за подущеньемъ Брюховецкаго, проститъ (а то учинилось отъ насилія воеводъ и отнятія вольности войска запорожскаго), то я готовъ съ полками сей стороны Днѣпра царскому величеству поклониться и силы наши туда обратить, куда будетъ указъ царскій. Если же царское величество нашею службою возгнушается, то мы при вольностяхъ нашихъ умирать готовы; если воеводы останутся, то хотя одинъ на дру-

гомъ помереть, а ихъ не хотимъ.»—Въ отвѣтъ на всѣ эти грамоты къ Барановичу и Многогрѣшному отправлены были въ ноябрѣ грамоты изъ Москвы: государь объявлялъ прощеніе козакамъ и удостовѣрялъ ихъ въ своей милости: никакихъ условій или болѣе опредѣленныхъ обѣщаній не было.

Но въ то время, какъ Лазарь Барановичъ принялъ на себя посредничество между козаками и великимъ государемъ, что дѣлалъ другой архіерей, бывшій до сихъ поръ на первомъ планѣ, Меѳодій, блюститель митрополіи кіевской? Онъ также обманулся въ своихъ разсчетахъ, какъ и сватъ его Брюховецкій, гибель котораго неминуемо влекла за собою и бѣду Меѳодію: ибо если Дорошенко не могъ терпѣть подлѣ себя Брюховецкаго, то Іосифъ Тукальскій не могъ терпѣть Меѳодія. Сперва держали его за карауломъ въ разныхъ мѣстахъ на восточномъ берегу, потомъ перевезли за Днѣпръ и посадили въ Чигиринскомъ монастырѣ. Сюда прислалъ къ нему Тукальскій отобрать архіерейскую мантію: «недостоинъ ты быть въ епископахъ, потому что принялъ рукоположеніе отъ московскаго митрополита», велѣлъ сказать ему Іосифъ. Изъ Чигирина перевезли его въ Уманьскій монастырь; но здѣсь онъ напоилъ караульныхъ монаховъ и ушолъ въ Кіевъ. По пріѣздѣ въ этотъ городъ первымъ его дѣломъ было обвинить передъ бояриномъ Шереметевымъ кіевскихъ архимандритовъ и игуменовъ въ сношеніяхъ съ Дорошенкомъ, Тукальскимъ и Брюховецкимъ; архимандритъ печерскій, Иннокентій Гизель отвѣчалъ на допросъ, что Брюховецкій присылалъ за нимъ для того, чтобы онъ помирилъ его съ Меѳодіемъ, пріѣзда котораго гетманъ опасался; оправдывая себя, Гизель разсказалъ, какъ Меѳодій въ Нѣжинѣ безчестилъ вельможъ и архіереевъ московскихъ; на обвиненіе въ сношеніяхъ съ Дорошенкомъ Гизель отвѣчалъ, что дѣйствительно писалъ къ Чигиринскому гетману, просилъ запретить козакамъ грабить маетности Печерскаго монастыря, о томъ же писалъ и къ Тукальскому. Николопустынскій игуменъ Алексѣй Туръ оперся на то въ своемъ отвѣтѣ, что Меѳодьевы обвиненія голословныя, ничѣмъ подтвердить ихъ нельзя; игумены — Михайловскій Ѳеодосій Сафоновичъ, Кирилловскій Мелетій Дзикъ, Братскаго монастыря Варлаамъ Ясинскій, Выдубицкаго Ѳеодосей Углицкій, Межигорскаго Иванъ Станиславскій — подали сказки, что они сносились съ Чигириномъ съ вѣдома боярина Шереметева, всѣ въ одинъ го-

лось объявили, что пока Меѳодій былъ въ Москвѣ, все было тихо, а какъ онъ пріѣхалъ въ Малороссію и породнился со Брюховецкимъ, то и начались бунты. Съ тѣми же рѣчами приходили къ Шереметеву и мѣщане кіевскіе; Дорошенко также прислалъ обвинительную грамоту на Меѳодія, прислалъ письмо, которое тотъ писалъ къ Брюховецкому, возстановляя его противъ Москвы.

Положеніе Меѳодія было незавидное: онъ совсѣмъ растерялся, не зналъ что дѣлать, къ кому обратиться? У Шереметева подслуживался доносомъ на своихъ; а къ Ѳеодосію Сафоновичу писалъ, что онъ поссорился съ Шереметевымъ изъ-за общей пользы, для цѣлости отчизны, церкви Божіей и вольности народной. Шереметевъ призналъ за лучшее отправить Меѳодія въ Москву, а то, пожалуй, онъ и въ Кіевѣ какіе-нибудь бунты заведетъ. Голова московскихъ стрѣльцовъ, Иванъ Мещериновъ повезъ Меѳодія Днѣпромъ до Лоева, отсюда сухимъ путемъ въ Старый Быховъ. Въ этомъ городѣ пришелъ къ нему коммендантъ Юдицкій и спрашивалъ, на какія мѣста онъ поѣдетъ и кого это онъ съ собою везетъ? Когда Мещериновъ объявилъ ему, что везетъ Меѳодія, то Юдицкій началъ: «Служа обоимъ великимъ государямъ, не могу тебя не остеречь: на Могилевъ не ѣзди: тамъ мужики своевольные, взбунтуются и епископа у тебя отобьютъ, они такіе жо своевольцы какъ и запорожскіе козаки; за день до твоего пріѣзда пригнали сюда два монаха, сказали, что изъ Кіева, изъ Печерскаго монастыря, и въ тотъ же часъ погнали въ Могилевъ, а тамъ, я знаю подленно, они мужиковъ взбунтовали; ступай лучше на Чаусы, да на Смоленскъ.» Мещериновъ послушался и поѣхалъ на Чаусы. Въ этомъ городѣ Меѳодій началъ бранить сотника: «Богъ до васъ добръ, говорилъ онъ, что вы на Могилевъ не поѣхали: увидали бы, чтобы тамъ надъ вами сдѣлалось!» Въ Москвѣ на всѣ обвиненія епископъ отвѣчалъ одно, что онъ объ измѣнѣ Ивашки Брюховецкаго не вѣдалъ до тѣхъ поръ, какъ государевы люди были побиты въ Гадячѣ. Его оставили въ московскомъ Новоспаскомъ монастырѣ подъ стражею; здѣсь онъ и умеръ.

Дорого поплатились сваты — Брюховецкій и Меѳодій за смуты; не долго торжествовалъ и главный ея виновникъ — Дорошенко. Татары не мѣшали ему раздѣлаться съ Брюховецкимъ; но скоро пришла къ нему страшная вѣсть — Татары поставили въ Запорожьѣ другаго гетмана. Былъ въ Запорогахъ писарь, Петръ Су-

ховѣй или Суховѣенко, молодой человѣкъ 23 лѣтъ, досужій и ученый, посыланъ былъ въ Крымъ для договоровъ, и такъ тамъ успѣлъ всѣмъ понравиться, что писали оттуда въ Запорожье: «Вы бы и впредь присылали къ намъ такихъ же досужихъ людей, а прежде вы такихъ умныхъ людей къ намъ не присылывали.» Этого-то досужаго и умнаго человѣка татары провозгласили гетманомъ козацкимъ. Дорошенко скрежеталъ зубами: «Еще я, говорилъ онъ, не зарекаюсь своею саблею обернуть Крымъ вверхъ ногами, какъ дѣдъ мой Дорошенко четырьмя тысячами Крымъ ни во что обернулъ!» Суховѣенко писалъ въ Чигиринъ, что онъ гетманъ ханова величества, и чтобъ Дорошенко не смѣлъ писаться запорожскимъ гетманомъ. На грамотѣ была ханская печать—лукъ и двѣ стрѣлы, а не старая гетманская Запорожская — человѣкъ съ мушкетомъ. «Я иду на сокрушеніе этого лука и стрѣлъ,» велѣлъ сказать Дорошенко Шереметеву. Онъ надѣялся на раздѣленіе Запорожья: изъ 6000 тамошнихъ козаковъ половина была за Суховѣенка, а другая половина за Дорошенко. Шестеро знатныхъ Запорожцевъ пріѣхали въ Чигиринъ, привезли письмо къ Дорошенку отъ его приверженцевъ: «Выходи, писали они, въ поле, на черную раду, а мы Суховѣенка и неволею выведемъ въ поле и убьемъ, ханскія стрѣлы мушкетами своими поломаемъ.» Дорошенко отпустилъ Запорожцевъ съ честію, далъ имъ по шубѣ, сафьянные сапоги, шапки, послалъ съ ними въ Запорожье козакамъ подарки, хлѣбные запасы, овощи. Но были и другія вѣсти изъ Запорожья, что если соберется черная рада, то Дорошенку не сдобровать. Плохо пришлось чигиринскому гетману между Польшею, Москвою и Татарами, и вотъ онъ со всѣми пересылается. на всѣ стороны манитъ, лжетъ, обманываетъ. Сносится съ Татарами, покупаетъ у хана Суховѣенко; но ханъ дорого проситъ: дай ему Сѣрка за Суховѣенка! Сносится Дорошенко и съ Шереметевымъ, съ Ромодановскимъ, увѣряетъ въ преданности своей великому государю. Разсказывали, что много разъ сзывалъ онъ полковниковъ и толковалъ—не поддаться ли Москвѣ, не отправить ли за этимъ пословъ къ царю? но полковники приговорили оставаться въ подданствѣ у султана, потому что московскій царь велитъ старшинъ всѣхъ казнить, точно также и король, если ему поддаться, будетъ имъ мстить.

Малороссія разрывалась. Суховѣенко стоялъ съ ордою на Ли-

повой Долинѣ недалеко отъ Путивля; уже неслись слухи, что онъ обусурманился и называется татарскимъ именемъ Шамай; козаки полковъ полтавскаго, миргородскаго и лубенскаго присоединились къ нему; но Прилуцкій полковникъ держался Дорошенка, и, впустивъ къ себѣ сотню Татаръ, всѣхъ ихъ перебилъ. Григорій Дорошенко, назначенный братомъ въ наказные гетманы, стоялъ съ войскомъ въ Козельцѣ. Онъ писалъ въ Кіевъ Шереметеву, что хочетъ служить великому государю; но когда Шереметевъ прислалъ взять съ него присягу, то онъ отвѣчалъ посланному: «Я писалъ не о томъ, что великому государю служить и присягу давать, а писалъ, что пришелъ съ полками въ Козелецъ не для войны, чтобы не тревожились и задоровъ военныхъ со мною не дѣлали. А присягу мнѣ давать изъ какой неволи? я теперь по своей волѣ плаваю, что орелъ сизый. Война у насъ стала за козацкія вольности; по неволѣ насъ въ подданство привесть трудно; мы за свои вольности до послѣдняго человѣка помремъ; если же великій государь укажетъ изъ малороссійскихъ городовъ воеводъ и ратныхъ людей вывесть, то мы великому государю въ послушаніи быть рады; войско Запорожское государству московскому и польскому каменная стѣна.»

Тоже самое продолжалъ повторять и Сѣверскій наказной гетманъ, Демьянъ Многогрѣшный: «Нынѣшняя война съ великимъ государемъ, писалъ онъ Лазарю Барановичу, возникла по благословенію его милости, отца Меѳодія Филимоновича, епископа Мстиславскаго и его послушника, протопопа Нѣжинскаго. Слышу, что князь Ромодановскій отпустилъ этого протопопа съ братомъ моимъ Васильемъ и съ Гвинтовкою къ великому государю; отпустилъ онъ его на послѣднюю гибель нашей бѣдной Малороссіи и всему міру; да туда же въ Москву поѣхалъ и отецъ Меѳодій! Этотъ пуще всѣхъ будетъ бунтовать и своими непотребными замыслами царское величество, бояръ и весь сенклитъ побуждать и наговаривать. Если великій государь не захочетъ подтвердить намъ вольности, постановленныя при Богданѣ Хмельницкомъ, тогда ради не ради поддадимся поганцу; а на комъ будетъ грѣхъ? на епископѣ Меѳодіи да на протопопѣ Нѣжинскомъ. Пошли ваша святительская милость къ царскому величеству, бей челомъ, чтобы тѣмъ злосѣятелямъ клеветникамъ не вѣрилъ.» Барановичь прислалъ эту грамоту въ Москву, вмѣстѣ съ своею, въ которой сло-

вами писанія умолялъ государя исполнить просьбу Многогрѣшнаго: «Отврати лице твое отъ грѣхъ ихъ, и нечестивіи къ тебѣ обратятся; умоленъ буди на рабы своя, да не отъ отчаянія сопрягутся къ невѣрному ярму бусурманскому.»

Но въ Москвѣ знали, что требованія Многогрѣшнаго и Дорошенка — это требованія козацкія или лучше старшины козацкой и, для отвращенія этихъ требованій, рѣшили дать голосъ всей Малороссіи, всѣмъ составнымъ частямъ ея народонаселенія. Царь отвѣчалъ Барановичу: «Пусть Демьянъ и войско Запорожское пришлютъ къ намъ знатныхъ людей отъ себя, отъ духовнаго и мірскаго, служилаго и мѣщанскаго чина, и отъ поселянъ, съ просьбою о принятіи подъ нашу государскую руку: тогда о вольностяхъ и правахъ нашъ милостивый указъ имъ будетъ.» Съ тѣмъ же требованіемъ отправлена была грамота къ Многогрѣшному и ко всему Запорожскому войску.

Между тѣмъ Дорошенко не переставалъ сноситься съ Шереметевымъ, не переставалъ твердить, что согласенъ быть подъ рукою великаго государя, если въ Малороссіи не будетъ московскихъ воеводъ. «Имѣю о томъ подивленіе великое, отвѣчалъ Шереметевъ, что гетманъ Петръ Дороѳеевичь о такихъ дѣлахъ приказываетъ! и какое вамъ будетъ отъ того добро, что воеводамъ и ратнымъ людямъ на восточной сторонѣ не быть? Въ нынѣшнее шаткое время, при воровствѣ переяславскаго полковника Дмитрашки Райча, если бы въ Переяславлѣ государевыхъ ратныхъ людей не было, то Переяславль былъ бы за Татарами; они сдѣлали бы изъ него себѣ столицу и желаніе свое исполнили бы, что хотѣли васъ всѣхъ выгнать въ Крымъ.» — «Потому, продолжалъ Дорошенко, надобно московскихъ ратныхъ людей изъ Малороссіи вывесть, что въ прошлыхъ годахъ король польскій велѣлъ своихъ ратныхъ людей вывесть изъ Корсуня, Умани и Чигирина и тѣмъ малороссійскихъ людей увеселилъ; гетманъ Дорошенко и все войско Запорожское, видя такую королевскую милость, утѣшились и по волѣ его королевскаго величества учинили.»—«Да, отвѣчалъ Шереметевъ, видѣли мы, какъ учинено было по королевской волѣ: какъ только польскій коммендантъ изъ Чигирина выступилъ, то гетманъ призвалъ Татаръ, пошелъ въ Польшу и многіе города, села и деревни разорилъ. Того же надобно опасаться и въ Малороссіи, если государевы ратные люди

будутъ выведены. Нападетъ непріятель, козаки выйдутъ противъ него въ поле, а въ городахъ кто останется? робкіе мѣщане будутъ сдаваться.»

Шереметевъ пересылался и съ Многогрѣшнымъ, также уговаривалъ его отстать отъ требованій на счетъ воеводъ: »Бояринъ Петръ Васильевичъ, говорилъ посланникъ Шереметева Многогрѣшному, никогда не мыслилъ, чтобы ты, пріятель его, былъ великому государю невѣрный слуга; безпрестанно вспоминаетъ онъ твой правдивый умъ, дородство, желательное радѣніе и кровопролитіе, какъ ты великому государю служилъ вѣрно и радѣтельно и надъ непріятелями промыслъ чинилъ. Вольности ваши и права никогда нарушены не были, а чинилъ ссоры воръ Брюховецкій съ подобными себѣ, съ Ваською Дворецкимъ и съ архіереемъ. Въ городахъ воеводы всѣ исполняли по вашимъ договорнымъ статьямъ, права ваши и вольности ни въ чемъ не нарушены, а если какія непріятности вамъ и были, такъ не по волѣ великаго государя, но по челобитьямъ вора Брюховецкаго.»

Но Многогрѣшный съ товарищами не отставалъ отъ своего требованія. Въ январѣ 1669 года явилось въ Москву большое малороссійское посольство: отъ Лазаря Барановича игуменъ Максаковскаго монастыря Іеремія Ширковичъ, отъ гетмана Демьяна обозный Петръ Забѣла, есаулъ Матвѣй Гвинтовка, судья Иванъ Домонтовъ, сотниковъ 6 человѣкъ, 2 атамана, судья полковой, подписокъ войсковой, рядовыхъ козаковъ 46 человѣкъ; представителями городовъ явились два войта, бурмистръ, поселянъ никого. Послы объявили наказъ отъ гетмана и всего войска: бить челомъ о подтвержденіи вольностей, данныхъ Богдану Хмельницкому: «Войское запорожское частые расколы чинило отъ того, что по смерти Богдана Хмельницкаго гетманы, для чести и маетностей, войску умаляли вольностей. Хотя по статьямъ Богдановымъ и должны быть воеводы въ Переяславлѣ, Нѣжинѣ и Черниговѣ для обороны отъ непріятелей: однако они вмѣсто обороны пущую намъ пагубу нанесли; ратные люди въ нашихъ городахъ кражами частыми, пожарами, смертоубійствами и разными мучительствами людямъ докучали; сверхъ того, нашимъ нравамъ и обычаямъ не навыкли; когда кого-нибудь изъ нихъ на зломъ дѣлѣ поймаютъ и воеводамъ челобитную подадутъ объ управѣ, то воеводы дѣло протягивали. Нынѣшняя война ни отъ чего дру-

гаго началась какъ отъ этого. Чтобъ изволилъ великій государь своихъ людей изъ нашихъ городовъ вывести, а въ казну оброкъ мы сами будемъ давать черезъ своихъ людей, которыхъ войско выберетъ, и то не съ этого времени, а когда украйна оправится. Тѣ же воеводы, несмотря на постановленныя статьи, въ козацкія права и вольности вступались и козаковъ судили, чего никогда въ войскѣ запорожскомъ не бывало. А когда войско запорожское будетъ свои вольности имѣть, то никогда измѣны не будетъ. Въ немалой смутѣ гетманъ и все войско запорожское пребываетъ отъ того, что ваше царское величество городъ царствующій Кіевъ королевскому величеству отдать изволили; а войско запорожское за то только и войну съ Польшею начало, что Поляки церкви Божіи на костелы обращали, и теперь они на нынѣшнемъ сеймѣ постановили церкви православныя на костелы обращать, святыя мощи въ Польшу розно развесть. Все духовенство и войско запорожское проситъ и молитъ: смилуйся великій государь нашъ помазанникъ Божій, не подавай своей отчины во иго латинское!» Государь объявилъ имъ лично, что онъ «вины ихъ велѣлъ имъ отдать и къ прежнему своему милосердію принять изволилъ; а еслибъ впредь, забывъ страхъ Божій и великаго государя милость, стали бъ къ какой измѣнѣ и къ суетнымъ и ссорнымъ словамъ и письмамъ приставать и вѣрить, и учинять какую шатость и междоусобіе, то великій государь больше терпѣть не будетъ: прося у всемогущаго Бога милости и пречистыя Богородицы помощи, и взявъ святый и животворящій Крестъ и во всѣхъ своихъ милосердыхъ къ нимъ дѣлахъ свидѣтельствовавшись всемогущимъ Богомъ, станетъ самъ своею государскою особою въ подданство приводить и своевольныхъ унимать.»

А между тѣмъ въ Москву пришла вѣсть, что только старшина козацкая желаетъ вывода воеводъ московскихъ; въ томъ же январѣ прислалъ государю письмо извѣстный намъ протопопъ нѣжинскій Симеонъ Адамовичъ, о которомъ такъ дурно отзывался Многогрѣшный. Протопопъ зналъ, что на него донесли царю, обвинили въ дружбѣ и сообщничествѣ съ Меѳодіемъ, и потому начинаетъ письмо свое оправданіемъ: «Милости у васъ, великаго государя, не прошу, только свидѣтель мнѣ Богъ и вся Малая Россія, что отъ измѣны и невиннаго христіанскаго кровопролитія чиста моя душа предъ Богомъ и предъ вами, великимъ государемъ,

и предъ всѣми людьми. Послѣ моихъ трудовъ я никакъ не хотѣлъ ѣхать изъ Москвы, зная непостоянство своей братіи, малороссійскихъ жителей; но ваше царское величество приказали мнѣ ѣхать въ Малую Россію съ милостію вашею государскою и грамотами къ архіепископу Лазарю Барановичу, гетману Демьяну Игнатовичу и полковнику Рословченку. Гетманъ Сѣверскій сначала принялъ меня любовно, а потомъ, по совѣту преосвященнаго Лазаря, возъярился, и съ 27 ноября до 10 января мучилъ меня за карауломъ, за порукою и за присягою, не отпускалъ ни въ Москву, ни въ Кіевъ, ни въ Нѣжинъ, безпрестанно волочилъ меня за собою. Сталъ я писать къ полковникамъ и городамъ, приводя ихъ подъ вашу высокодержавную руку, писалъ и къ воеводѣ нѣжинскому Ив. Ив. Ржевскому, чтобы онъ о всякихъ вѣстяхъ писалъ къ вамъ, великому государю и отписку свою прислалъ ко мнѣ; и съ тѣми проходцами, которыхъ я посылалъ въ Нѣжинъ, воевода прислалъ отписки къ вамъ, великому государю; но какъ только проходцы пришли ко мнѣ изъ Нѣжина, гетманъ велѣлъ ихъ перехватать и въ тюрьму посадить, а меня изъ Березны до Сосницы переслать ночью за карауломъ, отписки всѣ мнѣ же велѣлъ читать передъ собою подъ смертною казнью, и пожегъ ихъ; еслибы воевода Ржевскій хотя мало не на ихъ руку въ этихъ отпискахъ что написалъ, то гетманъ хотѣлъ меня тотчасъ разстрѣлять, и запретилъ мнѣ, подъ смертною казнію, ни въ Москву, ни къ воеводамъ отнюдь не писать. Потомъ потащилъ меня съ собою въ Новгородокъ Сѣверскій; туда съѣхалась изъ полковъ старшина, и, по совѣту архіепископа Лазаря, учинился Демьянъ Игнатовичъ совершеннымъ гетманомъ надъ тремя полками, точь въ точь какъ покойникъ Самко въ Козельцѣ; Нѣжинскимъ полковникомъ сдѣлалъ Филиппа Уманца Глуховскаго, а Остапа Золотаренка отставилъ за то, что онъ въ Нѣжинѣ вашему царскому величеству присягнулъ. Тамъ же въ Новгородѣ преосвященный архіепископъ приговорилъ гетману держать меня за карауломъ до тѣхъ поръ, пока возвратится Забѣла съ товарищами изъ Москвы, и если ваше царское величество, по желанію архіепископа и гетмана, позволите своимъ ратнымъ людямъ изъ городовъ выйти, то оставить меня въ живыхъ, если же нѣтъ, то меня либо смерти предать, либо татарамъ отдать. Я сталъ со слезами просить архіепископа, чтобъ не для меня, но для милости вашего

царскаго величества отпустили меня либо въ Москву, либо въ Нѣжинъ. Архіепископъ отвѣчалъ мнѣ: «Не сдѣлаю этого для земнаго царя, а только для небеснаго, и еслибъ не мое заступленіе, давно бы тебя гетманъ смерти предалъ.» А Василій Многогрѣшный говоритъ: «Братъ мой гетманъ передъ тобою невиноватъ, архіепископъ велитъ держать тебя за крѣпкимъ карауломъ, сердясь, что ты желаешь добра царскому величеству и что къ тебѣ милость государская есть.» А Василій Многогрѣшный вѣренъ тебѣ, великому государю, много разъ брата своего лаялъ, что онъ гордится, людей деретъ и тебѣ, великому государю, не хочетъ истинно служить; и Гвинтовка добръ же. Самъ я слышалъ своими ушами какъ архіепископъ говорилъ: «Надобно намъ того, чтобы у насъ въ Малой Россіи и нога московская не была; если государь не выведетъ своихъ ратныхъ людей изъ городовъ, то гетманъ хотя и самъ пропадетъ, а царство московское погубитъ: какъ огонь—вещь подлежащую спалитъ и самъ погаснетъ.» Воля ваша: если прикажете изъ Нѣжина, Переяславля, Чернигова и Остра вывести своихъ ратныхъ людей, то не думайте, чтобъ было добро. Весь народъ кричитъ, плачетъ: какъ Израильтяне подъ египетскою, такъ они подъ козацкою работою жить не хотятъ; воздѣвъ руки, молятъ Бога, чтобъ по прежнему подъ вашею государскою державою и властію жить; говорятъ всѣ: за свѣтомъ государемъ живучи, въ десять лѣтъ того бы не видали, что теперь въ одинъ годъ за козаками. Нынѣшній гетманъ безмѣрно побралъ на себя во всей Сѣверной странѣ дани великія медовыя, изъ виннаго котла у мужиковъ по рублю, а съ козака по полтинѣ, и съ священниковъ (чего и при польской власти не бывало) съ котла по полтинѣ; съ козаковъ и съ мужиковъ поровну, отъ сохи по двѣ гривны съ лошади, и съ вола по двѣ же гривны, съ мельницы по пяти и по шести рублей бралъ, а кромѣ того отъ колеса по червонному золотому; а на ярморкахъ, чего никогда не бывало, съ Малороссіянъ и Великороссіянъ бралъ съ воза по 10 алтынъ и по двѣ гривны; если не вѣрите, велите допросить Путивльцевъ, Сѣвчанъ и Рылянъ. Уже объ немъ не умолкаютъ козаки и мужики, а какъ вооружатся на него, хочетъ утекать въ цесарскую землю. Ей, ей, ей, государь, отъ его устъ я слышалъ трижды на тайныхъ со мною разговорахъ; я его, гетмана уговаривалъ и милостію вашею царскою обнадеживалъ всячески: отнюдь не хо-

четъ служить вашему царскому величеству, на васъ, помазанника Божія, и на царство ваше православное хулы возлагаетъ: стыдно и писать мнѣ. Повѣрь, государь, священству моему: великій врагъ, а не доброхотъ вашему царскому пресвѣтлому величеству. Нынѣ разорвались на три доли: одни къ сему гетману, другіе къ Дорошенку, третьи къ Суховѣю; отнюдь ничего добраго нѣтъ, для чего выводить изъ городовъ воеводъ и ратныхъ людей; еще бы нынѣ промышлять, доколѣ посланцы у вашего царскаго величества на Москвѣ: послать бы изъ Сѣвска будто въ Кіевъ на перемѣну, въ Глуховъ приказа три или четыре съ воеводою какимъ умнымъ; а тамъ сами князя Ромодановскаго просятъ въ Гадячъ; а еслибы эти два города вашего царскаго величества ратные люди осѣли, то козакамъ бы уже нечего дѣлать! а то ихъ горстка, а затѣваютъ небылицу, будто они побѣду и одолѣніе одержали, такихъ статей домогаются, какихъ не бывало и прежде, когда все войско было вмѣстѣ не рознясь. Козаки умные, которые помнятъ свое крестное цѣлованье, мѣщане и вся чернь говорятъ вслухъ: если вы, великій государь, изволите вывесть своихъ ратныхъ людей изъ малороссійскихъ городовъ, то они селиться не хотятъ, хотятъ бѣжать врознь: одни въ украйные города вашего царскаго величества, другіе за Днѣпръ въ королевскіе города. А которые посланы къ вамъ отъ гетмана козаки, Забѣла съ товарищами — изволь, государь, ихъ задержать и черезъ нихъ посланцами договоръ чинить для того: если вы по желанію архіепископа и гетмана не сдѣлаете, то они тотчасъ къ Татарамъ, а Татары съ калгою до сихъ поръ стоятъ за Днѣпромъ. Забѣла и Гвинтовка со мною говорили, что они не желаютъ выхода государскихъ людей изъ городовъ; вели, государь, ихъ по одному, тайнымъ обычаемъ допросить, какъ Бога боятся, пусть такъ скажутъ; учинилось это не ихъ совѣтомъ, а только архіепископскимъ и гетманскимъ. Да и о томъ милости у васъ, великаго государя, прошу: пощади меня, убогаго богомольца своего, не вели этого моего письма объявлять: какъ скоро довѣдаются, тотчасъ меня смерти предадутъ. А людей, государь, Бога ради, изъ малороссійскихъ городовъ не вели выводить, а лучше и прибавить.»

Вслѣдъ за грамотою Симеона Адамовича, въ январѣ же мѣсяцѣ, пріѣхалъ въ Москву жилецъ Ушаковъ, посыланный Шереметевымъ изъ Кіева къ Многогрѣшному и Барановичу. Ушаковъ раз-

сказывалъ о своихъ разговорахъ съ ними: на приглашеніе Шереметева чинить промыслъ надъ городами, бывшими въ рукахъ у измѣнниковъ—надъ Остромъ, Козельцомъ, Барышполемъ и другими, гетманъ отвѣчалъ: «Жду отъ великаго государя посланныхъ своихъ и всякой государской милости; а какъ отъ великаго государя милость всякую увидятъ, то города эти, думаю, скоро подъ его высокую руку подклонятся.» Барановичъ говорилъ: «Надобно великому государю надъ гетманомъ и надо всѣмъ войскомъ милость показать во всемъ вскорѣ и посланцевъ ихъ отпустить не задержавъ; а если посланцы на Москвѣ замѣшкаются, то чтобы чего-нибудь дурнаго не сдѣлалось. Царское величество Кіевъ польскому королю уступитъ ли или нѣтъ? Когда я съ Меѳодіемъ былъ на Москвѣ, въ то время договорныя статьи читали на весь міръ; въ статьяхъ постановлено, что Кіевъ отдать въ королевскую сторону; но когда мы были у великаго государя на отпуску и о Кіевѣ докладывали, то государь милость свою намъ сказалъ, что Кіева отнюдь не уступитъ. И если царское величество Кіевъ Полякамъ уступитъ, то и сей стороны Днѣпра малороссійскіе города подъ его рукою въ твердости не будутъ никогда. Во всѣхъ малороссійскихъ городахъ духовный и мирской чинъ сильно этимъ оскорбляются, особенно въ кіевскихъ монастыряхъ архимандриты, игумны и старцы сѣтуютъ и болѣзнь имѣютъ великую о церквахъ Божіихъ, говорятъ: какъ скоро Кіевъ въ королевскую сторону будетъ уступленъ, тотчасъ Поляки церкви Божіи превратятъ въ костелы и учинятъ унію, да и то Полякамъ будетъ досадно, что Меѳодій въ Кіевѣ прежній польскій каменный костелъ разломалъ и хотѣлъ Софійскій монастырь строить, но монастырскому строенью и почину не учинилъ, а костелъ разломалъ: такъ Поляки за это тотчасъ Софійскій монастырь въ кляшторъ обратятъ. Царскому величеству надобно за Кіевъ стоять крѣпко, потому что Кіевъ благочестію корень, а гдѣ корень, тутъ и отрасли.» Многогрѣшный толковалъ о своихъ ближайшихъ дѣлахъ: «Слышалъ я, что Дорошенко къ великому государю присылаетъ, будто подъ его высокою рукою хочетъ быть, и тому вѣрить нечего: эти присылки чинитъ онъ лестью, хочется ему на обѣихъ сторонахъ быть гетманомъ одному. А я по присягѣ своей царскому величеству служить радъ до скончанія живота; если же Дорошенка принять, то меня тотчасъ убьетъ, а въ дѣ-

лахъ великаго государя проку никакого не будетъ.» — Ушаковъ разсказывалъ и о Кіевѣ: въ Кіевѣ во всѣхъ монастыряхъ и въ городѣ митрополита Іосифа Тукальскаго любятъ и хотятъ, чтобы онъ на митрополіи кіевской былъ попрежнему. Да архимандритъ Печерскій очень оскорбляется, что службы его и радѣнія къ великому государю было много, государевымъ ратнымъ людямъ деньгами и хлѣбомъ помогалъ, противъ измѣнниковъ всѣми монастырскими людьми стоялъ, а за это государевой милости до сихъ поръ не получилъ, только было прислано спросить его о здоровьѣ; также и другихъ монастырей игумны, которые ратнымъ людямъ хлѣбомъ помогали, оскорбляются.

24 января государь велѣлъ боярину Богдану Матв. Хитрово поговорить съ малороссійскими посланцами, Забѣлою и Гвинтовкою. Хитрово объявилъ имъ, что всѣ дѣла должны быть рѣшены на радѣ, на которую отправляются бояринъ князь Триг. Триг. Ромодановскій, стольникъ Артемонъ Матвѣевъ и дьякъ Богдановъ. Хитрово объявилъ также, что государь велѣлъ отпустить малороссійскихъ плѣнниковъ 161 человѣкъ, и спрашивалъ гдѣ пристойнѣе быть радѣ? Посланцы отвѣчали, что вдругъ сказать не могутъ, подумаютъ; лучше быть радѣ около Десны, но черневой радѣ не быть, быть только полковникамъ и старшинѣ, потому что мѣста разоренныя: какъ съѣдутся многіе люди, то и лошадей накормить будетъ нечѣмъ Сего боку козаки выбрали совершеннымъ гетманомъ Многогрѣшнаго: пожаловалъ бы великій государь, велѣлъ дать ему булаву и знамя.

На другой день, 25-го, посланцы были на казенномъ дворѣ у думнаго дворянина Ларіона Лопухина и думнаго дьяка Дементья Башмакова. Имъ объявлено, что государь отпустилъ 161 плѣнника, отпуститъ и всѣхъ, если они дадутъ имъ роспись. «Дадимъ роспись на радѣ, отвѣчали посланцы.» «Дайте письменныя улики на епископа Меѳодія и Нѣжинскаго протопопа,» сказалъ Лопухинъ. «Уликъ съ нами не прислано, отвѣчали посланцы, дадимъ ихъ на радѣ; но мы подлинно знаемъ, что вся дума у гетмана Брюховецкаго была съ епископомъ, да съ Нѣжинскимъ и Романовскимъ протопопами.» «Кто говорилъ вамъ смутныя рѣчи, что листовъ вашихъ царскому величеству не доносятъ, и на кого въ томъ нарекали?» спрашивалъ Лопухинъ. «Говорилъ намъ про то Брюховецкій, отвѣчали послы: сказывали ему посланцы его, пріѣхав-

шіе изъ Москвы, бунчужный Поповичъ и арматный писарь Микифоръ, будто листовъ нашихъ царскому величеству не доноситъ бояринъ Ординъ-Нащокинъ и говоритъ, что Малая Россія царскому величеству ненадобна.» «Можно вамъ и самимъ разумѣть, сказалъ Лопухинъ, что все это дѣло несбыточное, Ивашка Брюховецкій нарочно говорилъ на смуту.»

Посланцы настаивали, чтобы радѣ быть въ Батуринѣ, но государь рѣшилъ быть ей въ Глуховѣ—для ближайшаго привоза изъ городовъ людскихъ запасовъ и конскихъ кормовъ, и рѣшилъ, чтобы рада была черневая.

Перваго марта пріѣхалъ Ромодановскій съ товарищами въ Глуховъ, 3-го пріѣхалъ Лазарь Барановичъ, и въ тотъ же день бояринъ созвалъ раду у себя на дворѣ: народу не было много, потому что изъ козаковъ и мѣщанъ были только выборные люди. Ромодановскій объявилъ, что царское величество указалъ имъ, по ихъ правамъ и вольностямъ, выбрать гетмана, кого они излюбятъ: всѣ отвѣчали, что выбираютъ Демьяна Игнатовича. Наступило дѣло потруднѣе: начали читать статью, что въ Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ и Острѣ быть воеводамъ и ратнымъ людямъ. Поднялся шумъ: «Мы били челомъ, чтобы воеводамъ не быть на этой сторонѣ!» «Такъ, вы били объ этомъ челомъ, отвѣчалъ Ромодановскій: но великій государь велѣлъ быть воеводамъ для крѣпкаго утвержденья и обороны тебѣ гетману и всѣмъ Малороссіянамъ, для проѣзду до Кіева и къ тебѣ, чтобы сухимъ и воднымъ путемъ всякимъ проѣзжимъ людямъ и хлѣбнымъ отпускамъ путь былъ чистъ, а не для того, чтобы воеводамъ и ратнымъ людямъ, живя въ городахъ, дѣлать налоги; ты, гетманъ, видишь самъ, что малороссійскихъ городовъ жители шатки, всякимъ смутнымъ воровскимъ словамъ вѣрятъ и на всякія прелести сдаются. Петрушка Дорошенко, который называется гетманомъ той стороны, поддается султану турскому и, присылая на эту сторону козаковъ, воровски здѣшнихъ жителей прельщаетъ, многіе изъ нихъ и теперь еще держатъ его сторону; Переяславль, Нѣжинъ и другіе города разорены, жители ихъ разбрелись, все пусто: и если въ нихъ царскихъ ратныхъ людей не будетъ, то возвращающимся жителямъ безъ обороны нельзя будетъ строить своихъ домовъ и жить, да и Дорошенко тотчасъ же займетъ эти города своими людьми, дороги до Кіева займетъ и учинитъ васъ въ подданствѣ

у Турка вмѣстѣ съ собою.» «Не поставь себѣ въ досаду, сказалъ Демьянъ, что мы эту статью оспорили; вели читать другія статьи, а объ этой мы подумаемъ.» Начались толки о Кіевѣ, просьбы, чтобы не отдавать его Ляхамъ. «Вѣдомо вамъ самимъ, говорилъ Ромодановскій, что той стороны Днѣпра козаки и всякіе жители отъ царскаго величества отлучились и польскому королю поддались сами своею охотою прежде Андрусовскихъ договоровъ, а не царское величество ихъ отдалъ, по тому ихъ отлученію и въ Андрусовѣ договоръ учиненъ.» «Намъ вѣдомо подлинно, отвѣчалъ гетманъ, что тамошніе козаки поддались польскому королю сами, отъ царскаго величества отдачи имъ не бывало, и если положено будетъ на съѣздахъ съ польскими коммиссарами, что Кіевъ отдать— въ томъ воля великаго государя, только бы Поляки благочестивой вѣры не гнали, а царскому величеству можно митрополію и въ Переяславлѣ сдѣлать.» «Нѣтъ, возразилъ Лазарь Барановичъ, митрополію надобно сдѣлать въ Черниговѣ. Черниговъ старше Переяславля и княженіе древнее.»

На другой день пришли къ боярину обозный Петръ Забѣла, войсковые есаулы, полковники и, отъ имени гетмана, начали говорить, чтобъ воеводамъ не быть въ ихъ городахъ и подали письменное челобитье по статьямъ: жаловались, что царскіе воеводы, наѣзжая на города, завѣдывали войсковою арматою; просили, чтобы реестровыхъ козаковъ было 30.000; просили на пять лѣтъ льготы отъ податей, а если недостанетъ денегъ на жалованье реестровому войску, то чтобы платила казна царская; чтобы гетману жить въ Батуринѣ, а когда Переяславль окончательно подчинится государю, то въ Переяславлѣ; чтобы воеводъ вывесть хотя черезъ полгода или черезъ годъ, когда все успокоится.

5-го марта былъ новый съѣздъ. Ромодановскій началъ тѣмъ что выводъ воеводъ дѣло не схожее. «Но воеводы, отвѣчалъ гетманъ, козакамъ и жилецкимъ людямъ обиды многія нестерпимыя чинили, въ дѣла вступались, насъ убытчили; служилые люди козаковъ безчестили, лаяли, мужиками называли, воровства отъ нихъ частыя и поджоги; а въ томъ бы великій государь былъ на насъ надеженъ, станемъ служить вѣрно, безо всякой шатости, измѣнять никогда не будемъ.» «До сихъ поръ, говорилъ Ромодановскій, отъ козаковъ и мѣщанъ на воеводъ и ратныхъ людей челобитья не было, а впередъ въ права ваши и суды, козацкіе и

мѣщанскіе, воеводамъ вступаться государь не указалъ, судиться вамъ между собою самимъ. До сихъ поръ никакихъ жалобъ не было; еслибъ были жалобы, то былъ бы сыскъ и по сыску наказанье; явно, что дѣло затѣяно теперь: и вы о выводѣ ратныхъ людей изъ городовъ и не думайте, какую вы дадите поруку, что впередъ измѣны никакой не будетъ?»

Гетманъ и старшина молчали.

Бояринъ продолжалъ: «И прежде были договоры, передъ святымъ Евангеліемъ душами своими ихъ крѣпили, и что жь? соблюли ихъ Ивашка Выговскій, Юраска Хмельницкій, Ивашка Брюховецкій? Видя съ вашей стороны такія измѣны, чему вѣрить? Вы беретесь всѣ города оборонять своими людьми: но это дѣло несбыточное! Сперва отберите отъ Дорошенки Полтаву, Миргородъ и другіе; и еслибы въ остальныхъ городахъ царскихъ людей не было, то и они были бы за Дорошенкомъ. Чтобъ больше объ томъ дѣлѣ и помину не было!»

Заговорилъ архіепископъ: «Отъ чего намъ чинятся налоги, о томъ какъ не говорить и великому государю не бить челомъ? Теперь ты, бояринъ, не хочешь съ нами чинить договору о выводѣ ратныхъ людей: такъ написать въ статьяхъ, чтобъ впередъ было вольно бить челомъ государю объ этомъ.»

«Не только что объ этомъ въ статьяхъ писать, и говорить съ вами не хотимъ,» отвѣчалъ бояринъ. «Вечеромъ мы еще подумаемъ, сказалъ гетманъ; а изъ нынѣшнихъ разговоровъ я и самъ узналъ, что въ тѣхъ городахъ безъ воеводъ и ратныхъ людей быть невозможно.»

6-го марта рано утромъ съѣхались всѣ и подписали статьи, согласно волѣ великаго государя. Въ статьяхъ говорилось: Быть воеводамъ и ратнымъ людямъ въ городахъ: Кіевѣ, Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ и Острѣ; жителей воеводамъ не вѣдать, имѣть начальство только надъ своими ратными людьми. Если получится жалоба на обиду отъ ратныхъ людей, то воеводы судятъ ратныхъ людей, но вмѣстѣ съ воеводами быть при этихъ судахъ изъ малороссійскихъ жителей знатнымъ, добрымъ и разумнымъ людямъ. Поборы собирать какъ написано въ статьяхъ Богдана Хмельницкаго. Реестровымъ козакамъ быть въ 30,000, и давать человѣку по 30 золотыхъ польскихъ; гетману 1,000 золотыхъ червонныхъ на годъ; обозному и писарю по 1,000 золотыхъ польскихъ, на

судей войсковыхъ по 300 золотыхъ, на писаря судейскаго 100, на бунчужнаго 100; на полковниковъ 100 ефимковъ, на есауловъ по 200, на сотниковъ по 100. Въ реестръ писать старыхъ козаковъ, которые много служили; а если такихъ недостанетъ, то принимать мѣщанскихъ и крестьянскихъ дѣтей. Пожалованные дворянствомъ сохраняютъ его; и впредь государь жалуетъ этою честію за заслуги по челобитью гетмана и старшины; жалуетъ также грамоты на мельницы и деревни, данныя гетманомъ и старшиною за войсковыя заслуги. Великій государь указалъ быть выборному, кого гетманъ, старшина и все войско выберутъ, жить ему въ Москвѣ погодно, чтобъ гетману обо всѣхъ дѣлахъ писать къ нему, а онъ будетъ приносить письма къ приказнымъ людямъ, которые будутъ доносить ихъ до великаго государя, чтобъ изъ Москвы къ гетманамъ частымъ посланцамъ не быть, также и гетману посылать къ великому государю не часто, только для самыхъ нужныхъ дѣлъ, по три или по четыре раза въ годъ; посланному для такихъ важныхъ дѣлъ давать по 20 подводъ, а гонцамъ по 3, потому что подводы теряются, отъ чего козакамъ и мѣщанамъ много убытковъ. Ратнымъ людямъ на козацкихъ дворахъ не ставиться, ставиться у мѣщанъ и мужиковъ, козаковъ измѣнниками и мужиками не называть; бѣглецовъ выдавать. Какъ будетъ съѣздъ съ польскими коммиссарами, то будутъ на него приглашены и малороссійскіе выборные, только эти посланцы съ послами и коммиссарами сидѣть не будутъ для избѣжанія ссоры, а когда начнутся разговоры о дѣлахъ малороссійскихъ, то бояре призовутъ посланцевъ и объявятъ имъ, о чемъ идетъ дѣло; если же призовутъ ихъ царскіе послы и польскіе коммиссары въ засѣданіе, то имъ говорить о благочестивой вѣрѣ и о другихъ своихъ дѣлахъ, только безъ всякихъ ссоръ, тихими и приличными разговорами. (Козаки никакъ не согласились на то, чтобъ посланцамъ ихъ не сидѣть съ послами и коммиссарами). Если гетманъ въ чемъ провинится, кромѣ измѣны, то его не перемѣнять безъ указа великаго государя. Учинить полковника изъ малороссійскихъ городовъ и при немъ быть 1,000 козаковъ реестровыхъ: гдѣ начнутся шатости и измѣны, то этому полковнику своевольныхъ унимать по своимъ правамъ. Гетманъ будетъ жить въ Батуринѣ.

Подписавши статьи, отправились на площадь предъ соборною

церковію; здѣсь опять бояринъ спросилъ, кого хотятъ въ гетманы? Раздался крикъ: «Демьяна Игнатова!» Обозный и полковники поднесли Демьяну булаву: «Хотя я и не желаю быть гетманомъ, сказалъ Демьянъ, однако противиться не могу, и буду служить великому государю вѣрно.»—«И мы хотимъ служить вѣрно!» завопили всѣ. Бояринъ вручилъ новому гетману подтвердительныя царскія грамоты, послѣ чего всѣ пошли въ церковь и принесли присягу.

8-го марта раздавалось государево жалованье: гетманъ получилъ два сорока соболей, по 100 рублей сорокъ; старшины получили по двѣ пары; лучшіе люди въ полкахъ по три, а другіе по соболю; Лазарю Барановичу прислано два сорока: одинъ въ 100, другой въ 50 рублей.

Раздвоеніе между козаками и остальнымъ народонаселеніемъ Малороссійскимъ, раздвоеніе, давшее возможность московскому правительству не согласиться на требованія Многогрѣшнаго и Барановича, это раздвоеніе ясно высказалось въ мѣщанскихъ челобитныхъ, поданныхъ царю: «Чтобъ отъ козаковъ великихъ насильствъ и налоговъ христіанамъ въ малороссійскихъ городахъ, пригородахъ и деревняхъ не было; жители принимаютъ къ себѣ переселенцевъ съ той стороны Днѣпра на хлѣбъ и на соль мірскую, отъ чего бѣднымъ мірянамъ великое разоренье и даже кровопролитіе въ домахъ дѣлается, междоусобная брань, бунты начинаются, потому что голики не хотятъ быть сыты тѣмъ, что имъ даютъ, а берутъ насильно съ мѣщанъ и крестьянъ.—Дѣла градскія бѣдныхъ крестьянъ чтобъ въ козацкую державу и власть не были отданы, чтобъ козаки на своихъ вольностяхъ жили, а до крестьянъ ни въ чемъ бы не касались, въ управленіе и въ суды градскіе не вступались.—Доходы всякіе въ казну великаго государя козакамъ не собирать, собирать ихъ мѣщанамъ и крестьянамъ и отдать, кому царское величество изволитъ, чтобъ бѣднымъ мѣщанамъ и крестьянамъ отъ козаковъ въ конецъ не разориться.»

Послѣ рады, въ апрѣлѣ пріѣхалъ въ Москву посланный отъ новаго гетмана и всего войска, судья енаральный войсковой Иванъ Самойловъ съ челобитьемъ, чтобъ князь Ромодановскій съ своимъ войскомъ всегда готовъ былъ на защиту украйны по первому требованію, не отговариваясь неимѣніемъ царскаго указа; чтобъ возвращены были въ отечество Малороссіяне, сосланные

по навѣтамъ Брюховецкаго, и взятые въ плѣнъ въ послѣднюю войну. Но важнѣе была другая статья: «Если поборовъ съ малороссійскихъ городовъ не станетъ, доплачивать жалованье войску Запорожскому изъ казны государевой; нынѣ вся украйна пуста и не скоро оправится, всѣмъ городамъ, по указу государеву, дана льгота на пять лѣтъ, и потому не съ кого поборовъ брать, мельницы всѣ разорены.» На всѣ пункты послѣдовало согласіе кромѣ пункта о доплачиваніи жалованья козакамъ изъ казны царской. Іосифъ Тукальскій прислалъ грамоту, просилъ, чтобъ государь позволилъ ему быть митрополитомъ въ Кіевѣ; о томъ же просилъ и архимандритъ Гизель: имъ отвѣчали, что за нѣкоторыми мѣрами Іосифу быть на митрополіи не возможно, потому что дѣло о Кіевѣ между Россіею и Польшею еще не рѣшено, а какое рѣшеніе на общемъ съѣздѣ послѣдуетъ, въ то время митрополиту царскій указъ будетъ.

И третья смута малороссійская, и третья измѣна гетманская не отняла восточной Малороссіи у Москвы. Турки и Татары не поддержали возстанія Барабашей (какъ называли тогда козаковъ восточнаго берега въ Крыму); Поляки, еслибы и хотѣли, не могли дѣйствовать противъ Москвы, еслибъ и хотѣли, не могли помочь ей въ борьбѣ съ козаками. Еще весною 1668 года посланникъ царскій Акинѳовъ изъ Варшавы и воевода смоленскій давали знать въ Москву, что въ Польшѣ и Литвѣ большая рознь и нестроеніе, что король королевство покинетъ и пойдетъ во французскую землю. Акинѳовъ обратился къ извѣстному литовскому референдарю Бростовскому съ вопросомъ: кто изъ коронныхъ и литовскихъ сенаторовъ сильны, и отъ кого въ дѣлахъ великаго государя службы и радѣнья чаять!—«Царскому величеству, отвѣчалъ Бростовскій, радѣтеленъ литовскій канцлеръ Христофъ Пацъ, а изъ коронныхъ Андрей Ольшевскій, бискупъ хелмскій, подканцлеръ, да Янъ Рей, воевода Любельскій. Надобно тебѣ съ ними видѣться и царскою милостію ихъ обнадежить; а канцлеръ коронный хотя и не очень радѣтеленъ, однако тѣмъ людямъ не поперечитъ: такъ надобно и его почтить и видѣться съ немъ.» Акинѳовъ въ тотъ же день поѣхалъ къ Ольшевскому и подарилъ ему сорокъ соболей; былъ у канцлера короннаго и у воеводы Любельскаго, государевою милостію обнадеживалъ, но дачи никакой не чинилъ; къ Пацу отвезъ соболей и грамоту Ордина-

Нащокина. Пацъ объявилъ свою службу, какъ онъ, пріѣхавши изъ Москвы, расхваливалъ всѣмъ царевича Алексѣя Алексѣевича, образъ котораго показываетъ мудрость, тихость и милосердіе; какъ уговаривалъ не искать другаго государя кромѣ царевича: Литовскіе на эту мысль всѣ склонились, склоняются и коронные, только не всѣ: которыхъ Французъ задарилъ большими подарками, тѣ для короля молчатъ и поманиваютъ на Француза. На будущій сеймъ надобно государю царю прислать пословъ своихъ съ полною мочью; король на этомъ сеймѣ непремѣнно отъ короны откажется, и въ то время станутъ ея домогаться многіе, а пуще всѣхъ Французъ. Пацъ впервые указалъ русскому правительству могущественное средство рѣшать выборы польскихъ королей: «Царское величество послалъ теперь войска на козаковъ: такъ пусть эти войска далеко отъ границы не отходятъ; тогда Турокъ и Французъ и другіе *замѣривальщики* станутъ опасаться, думать: какъ Москва съ козаками управится, то и Польшу станетъ оборонять; также и во время избирательнаго сейма люди радѣтельные царскому величеству будутъ надежнѣе и смѣлѣе, зная, что государевы войска на границѣ.»

Между тѣмъ надобно было выполнить условіе, по которому уполномоченные обѣихъ державъ должны были съѣхаться въ Курляндіи; положено было пригласить туда же и шведскихъ уполномоченныхъ. Со стороны Швеціи послѣ Кардискаго мира слышались постоянныя жалобы на то, что не всѣ плѣнные отпущены изъ Россіи, и что шведскіе купцы терпятъ притѣсненія въ ея областяхъ. Новый договоръ, заключенный окольничимъ Волынскимъ съ шведскими уполномоченными на рѣкѣ Плюсѣ въ 1666 году, не положилъ конца жалобамъ. Русское правительство въ свою очередь жаловалось на притѣсненія своихъ купцовъ въ шведскихъ владѣніяхъ, жаловалось на дурное поведеніе въ Москвѣ шведскихъ резидентовъ: «не годится имъ быть на Москвѣ для того, что въ торговляхъ своихъ живучи корыстуются, а государственныхъ дѣлъ не помнятъ,» писалъ царь королю. Въ апрѣлѣ 1668 года пошла царская грамота въ Стокгольмъ съ приглашеніемъ королевскихъ уполномоченныхъ въ Курляндію для порѣшенія всѣхъ торговыхъ затрудненій. Съ русской стороны отправился на съѣздъ самъ начальникъ Посольскаго Приказа бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, царственныя большія

печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель. 26 мая выѣхалъ онъ изъ Москвы съ большимъ торжествомъ: благочестивый государь, во исполненіе евангельскаго гласа «яко безъ Мене не можете творити ничесоже,» воздвигнулъ изъ своихъ хоромъ образъ Вседержителя, и провожалъ его отъ Успенскаго собора за Тверскіе ворота до церкви Благовѣщенія, здѣсь по совершеніи молебствія, государь обратился къ патріархамъ, просилъ ихъ молиться, чтобы дѣло совершилось на славу св. Троицы, на радость православнымъ христіанамъ, на посрамленіе племенамъ варварскимъ, и при этомъ государь объявилъ патріархахъ, что такого великаго дѣла издавна въ Россіи не бывало. Но Ординъ-Нащокинъ по напрасну прожилъ лѣто въ Курляндіи: ни шведскіе, ни польскіе уполномоченные не пріѣзжали. Королева Гедвига Элеонора, отъ имени малолѣтняго сына своего Карла XI, отвѣчала царю: «Ваше величество уговорились о съѣздѣ съ польскимъ королемъ, не объявивши намъ, не оказавши намъ этой чести. Нашему королевскому величеству этотъ съѣздъ не надобенъ, потому что съ вашимъ царскимъ величествомъ о вольной торговлѣ мы условились въ Кардискомъ, и потомъ въ Плюскомъ договорѣ, а съ королемъ польскимъ въ Оливскомъ; что въ этихъ договорахъ постановлено, то все будемъ содержать крѣпко безо всякаго умаленья, и потому пословъ нашихъ на тотъ съѣздъ отправлять мы не соблаговолили. Если же вашему царскому величеству угодно будетъ пригласить насъ въ посредники при заключеніи вѣчнаго мира съ Польшею, то мы ради будемъ всякимъ пріятствомъ и дружбою оказываться.» Въ августѣ король Янъ Казимиръ отрекся отъ престола и начались выборы. Архіепископъ-примасъ, гетманъ Пацъ и референдарь Бростовскій присылали къ Нащокину съ объявленіемъ, что царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ назначенъ кандидатомъ и что успѣхъ дѣла несомнѣненъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ хотѣлось вывѣдать у Нащокина, согласится ли царь послать къ нимъ сына на ихъ условіяхъ?—«Прежде всего, отвѣчалъ Нащокинъ, надобно исполнить то, что договорено, съѣхаться въ Курляндіи, и, дастъ Богъ, при этомъ съѣздѣ, всѣ тайныя дѣла къ вѣчному миру совершены будутъ. Шведы въ съѣздѣ отказали: явно, что не рады они видѣть союзъ Москвы съ Польшею. О государѣ же царевичѣ — быть ли ему королемъ польскимъ—волѣ праведной Божіей кто противится? какъ восхо-

щетъ, такъ по прошенью вѣрныхъ своихъ и сотворитъ; а прежде всего между обоими многочисленными народами надобно вѣчное утвержденіе учинить, и тогда, будутъ ли государи родные или чужіе, во всякомъ случаѣ будутъ жить въ единствѣ богоугоднымъ совѣтомъ.» Причины, заставлявшія его отклонять предложенія объ избраніи царевича, Нащокинъ высказалъ государю такимъ образомъ: «Нѣтъ никакой нужды ѣхать на сеймъ: вѣчнаго мира тамъ не заключить, царевича въ короли не выберутъ, а только прежнему договору поруха будетъ. Вдаваться въ избраніе страшно и мыслить: сколько изъ Великой Россіи королевству польскому надобно будетъ дать? Въ Польшу ѣхать мнѣ посломъ не на утвержденіе, а на разрушеніе мира. Корону польскую перекупятъ какъ товаръ, другіе.»

Въ октябрѣ пріѣхалъ въ Москву гонецъ Янъ Гойшевскій, привезъ грамоту отъ «радъ духовныхъ и мірскихъ обоего народа» съ извѣстіемъ объ отреченіи Яна Казиміра, также подлинную грамоту шведскаго короля, въ которой тотъ объявлялъ, что не считаетъ нужнымъ съѣздъ уполномоченныхъ трехъ державъ въ Курляндіи, ибо въ договорахъ, какъ оливскомъ, такъ и кардискомъ достаточно постановлено о торговлѣ.» Такимъ образомъ, писали паны радные: съѣздъ не состоялся не по нашей винѣ, а мы готовы выслать своихъ коммиссаровъ.» Согласились, что съѣзду русскихъ и польскихъ уполномоченныхъ опять быть въ Андрусовѣ и съ русской стороны назначенъ былъ тотъ же Ординъ-Нащокинъ, съ польской Янъ Гнинскій, воевода Хелминскій. Нащокинъ выговаривалъ коммиссарамъ, что мирное постановленіе не сдержано со стороны Поляковъ, которые не дали условленной помощи въ войнѣ противъ хана и Дорошенка, и послѣдній овладѣлъ царскими городами. «Видя такое замѣшательство въ Украйнахъ, говорилъ бояринъ, надобно, для устраненія бусурманъ, заключить союзъ вѣчный и крѣпкій.» — «Нельзя, отвѣчалъ воевода Хелминскій, заключать намъ теперь, въ перемирныхъ годахъ, вѣчнаго союза, потому что завоеванные города остались бы тогда вѣчно въ сторонѣ царскаго величества; надобно непремѣнно назначать срокъ отдачи Кіева.» — «Если назначить срокъ отдачи Кіева, говорилъ Нащокинъ, то надобно назначить срокъ отдачи тѣхъ городовъ украинскихъ, которыми владѣетъ теперь Дорошенко. Лучше положить все это на волю Божію; послѣ великіе государи по обсылкамъ,

общимъ совѣтомъ постановятъ и о Кіевѣ, и объ украинскихъ городахъ.» Коммиссары настаивали на срокъ. — «Прежде всего, повторялъ Нащокинъ, надобно подтвердить о соединеніи силъ противъ бусурманъ; а если вы этого не сдѣлаете, то царство московское, по нуждѣ, будетъ искать дружбы у тѣхъ сосѣдей, противъ которыхъ теперь требуетъ у васъ союза.» Наконецъ, по многимъ разговорамъ, коммиссары съ великою нуждою отложили упорныя свои рѣчи и подались учинить крѣпость о соединеніи силъ противъ бусурманъ. Это было уже въ концѣ декабря. Нащокинъ возвратился въ Москву.

Но весною 1669 года онъ уже опять ѣхалъ на съѣздъ, ѣхалъ на послѣднюю службу. Мы имѣли много случаевъ изучить характеръ знаменитаго оберегателя посольскихъ дѣлъ. Мы видѣли, что это былъ одинъ изъ предтечь Петра Великаго, человѣкъ, который убѣдился въ превосходствѣ запада и началъ громко говорить объ этомъ превосходствѣ, требовать преобразованій по западному образцу. Онъ дорого поплатился за это, когда хваленый западъ отнялъ у него сына. Но непріятности этимъ не могли ограничиться, Узнавши чужое, лучшее, Нащокинъ сталъ порицать свое худшее; но порицая дѣла, онъ непремѣнно долженъ былъ порицать лица, принять на себя роль учителя, выставляя свое превосходство, тогда какъ было много людей сильныхъ, которые не хотѣли признавать этого превосходства, не хотѣли быть учениками Нащокина. И нельзя не признать, что Нащокинъ поступалъ при этомъ не очень мягко, слишкомъ давалъ чувствовать свое превосходство, свои учительскія права. Сдѣлаютъ что-нибудь въ Москвѣ безъ совѣта съ Аѳанасіемъ Лаврентьевичемъ или вопреки его совѣту, — Аѳанасій Лаврентьевичъ никогда этого не забудетъ: постоянно онъ будетъ повторять, что вся бѣда произошла отъ того, что его мнѣнія не приняли, а не приняли не почему другому, какъ только изъ ненависти къ нему. И какъ онъ пользовался этою ненавистію, какъ употреблялъ во зло свои отношенія къ царю! Выведенный въ люди царемъ и поддерживаемый имъ, онъ постоянно возбуждаетъ самолюбіе Алексѣя Михайловича: «ты меня вывелъ, такъ стыдно тебѣ меня не поддерживать, дѣлать не помоему, давать радость врагамъ моимъ, которые, дѣйствуя противъ меня, дѣйствуютъ противъ тебя.» Такимъ образомъ, проповѣдуя самодержавіе, Нащокинъ прямо стремился овладѣть волею самодержца.

Не могъ не чувствовать этого царь Алексѣй Михайловичъ, не могъ не скучать постоянными однообразными жалобами Нащокина. Андрусовское перемиріе, столько желанное для всѣхъ, чрезвычайно подняло Нащокина: его сдѣлали бояриномъ, подарили богатую порѣцкую волость, сдѣлали начальникомъ посольскаго приказа съ громкимъ, небывалымъ титуломъ. Легко понять, что Аѳанасій Лаврентьевичъ не счелъ за нужное при этомъ перемѣнить своего образа дѣйствій и тона своихъ рѣчей; легко понять, какъ доставалось отъ него дьякамъ посольскаго приказа — Дохтурову, Голосову и Юрьеву, которые вели дѣло по старинѣ, а Нащокинъ хотѣлъ вести его по новому. Какъ смотрѣлъ онъ на посольскій приказъ, видно изъ слѣдующаго представленія его царю: «На Москвѣ, государь, ей! слабо и въ государственныхъ дѣлахъ нерадѣтельно поступаютъ. Посольскій приказъ есть око всей Великой Россіи, какъ для государственной превысокой чести, вкупѣ и здоровья, такъ промыслъ имѣя со всѣхъ сторонъ и неотступное съ боязнію Божіею попеченіе, разсуждая и всечасно вашему государскому указу предлагая о народѣхъ, въ крѣпости содержати нелестно, а не выжидая только прибылей себѣ. Надобно, государь, мысленныя очеса на государственныя дѣла устремляти безпорочнымъ и избраннымъ людямъ къ расширенію государства отъ всѣхъ краевъ, и то, государь, дѣло одного посольскаго приказа. Тѣмъ и честь, и низость во всѣхъ земляхъ. И иныхъ приказовъ къ посольскому не примѣняютъ, и думные дьяки великихъ государственныхъ дѣлъ съ кружечными дѣлами не мѣшали бы и непригожихъ рѣчей на Москвѣ съ иностранцами не плодили бы.»

Дьяки, которымъ тяжело приходилось отъ взыскательнаго нововводителя, естественно не могли отзываться о немъ хорошо, желали отъ него избавиться и были готовымъ орудіемъ въ рукахъ враговъ Нащокина, особенно въ его отсутствіе. Въ числѣ враговъ Нащокина указываютъ на одного изъ самыхъ близкихъ людей къ царю, Богдана Матвѣевича Хитрово; указываютъ и на причину вражды: Нащокинъ покровительствовалъ Англичанамъ, Хитрово Голландцамъ. Уже съ дороги Нащокинъ началъ посылать жалобныя письма государю: «Товарищи мнѣ на съѣздъ назначены прежніе и для своихъ нужныхъ дѣлъ остались они на Москвѣ. Нынѣ я свободенъ отъ посторонннхъ печалей, только бы товарищи мои насильно изъ Москвы высланы не были и печалей бы ихъ я не

видалъ. Посольское дѣло основаніемъ своимъ имѣетъ совѣтъ Божій и прежде всего миръ между своими, тогда и противные въ миръ придутъ; а тебѣ, великому государю, сиротство мое, какъ ненавидимъ отъ стороны, извѣстно: такъ, по крайней мѣрѣ, не видать бы мнѣ отъ товарищей своихъ воздыханія и печалей и свободною мыслію, безъ переговоровъ многихъ служить. Умилосердися, великій государь, не изволь съ оскорбленіямъ, не по охотѣ изъ Москвы товарищей ко мнѣ высылать, чтобъ холопъ твой отъ чужихъ печалей не отбылъ твоего дѣла, которое всему свѣту годно. Я не на урочное время и не изъ корысти тебѣ, великому государю, служу, при Вседержителевѣ чудотворномъ образѣ ваше государское пресвѣтлое лице мысленно на всякъ часъ во убогой душѣ моей и непремѣнно имѣю: такъ бы скончать ваше великаго государя дѣло неотложно. Какъ въ докладахъ, такъ и въ челобитьѣ моемъ обиды своей въ корыстяхъ никогда на товарищей своихъ не извѣщалъ. Великія государственныя дѣла оберегать—эта должность въ Божіей и въ вашей государской волѣ: за мое недостоинство отпустить и того на мнѣ не спрашивать. А если за злыми чужими нравами не буду имѣть свободной службы, товарищи мои отъ страха желанія своего въ совѣтъ не приложатъ, то въ такомъ несогласіи не было бы всему государству урона.» Польскіе коммиссары замѣшкались за королевскими выборами, и царь, въ началѣ мая, прислалъ Нащокину указъ—ѣхать въ Москву. «Мнѣ велѣно оберегать государственныя дѣла, отвѣчалъ Нащокинъ: такъ послѣ этого на мнѣ не спросили бы? Не знаю, зачѣмъ я изъ посольскаго стана къ Москвѣ поволокусь? въ твоей государевой грамотѣ ничего не написано. Пойду я за Спасовымъ образомъ въ Смоленскъ—станутъ говорить, что посольство отставлено; а на посольскомъ станѣ въ Мигновичахъ оставить чудотворный образъ безъ твоего указа я не смѣю. Пословъ ли мнѣ дожидаться, или на время въ Москву ѣхать, или впрямь быть отставлену отъ посольскихъ дѣлъ? надобно, чтобъ всѣ людскіе переговоры и разности въ твоихъ дѣлахъ исчезли.» Нащокинъ подозрѣвалъ, что тутъ все дѣйствуютъ козни враговъ его, и знатныхъ вельможъ, и товарищей по приказу посольскому, видѣлъ, что ему не присылаютъ изъ приказа нужныхъ бумагъ, пишутъ, чтобы ѣхалъ въ Москву, а зачѣмъ, не объявляютъ. Всплакался, по своему обычаю, Аѳанасій Лаврентьевичъ: «Отвелъ бы

ты меня, холопа твоего, отъ посольства, такъ чтобъ уже во вѣки не былъ. Вотъ и прошлою зимою обругали меня ни за что во весь свѣтъ! Возри, великій государь, для своего здоровья и для всенародныхъ неисчетныхъ слезъ и оскорбленія всякаго въ нестроеніи приказномъ, омерзѣлаго меня холопа твоего вели отъ дѣла откинуть, если я тебя прогнѣвалъ и недостоинъ въ обоpонѣ быть. Думнымъ людямъ никому ненадобенъ я, ненадобны такія великія государственныя дѣла! Откинуть меня, чтобъ не разорилось мною государственное дѣло! Какъ въ московскомъ царствѣ искони, такъ и во всѣхъ государствахъ посольскія дѣла вѣдаютъ люди тайной ближней думы, во всемъ освидѣтельствованные разумомъ и правдою и мзды непріемные. А я, холопъ твой, всего пустъ и вся дни службы своей плачусь о своемъ недостоинствѣ. У такого дѣла пристойно быть изъ ближнихъ бояръ: и роды великіе, и друзей много, во всемъ пространный промыслъ имѣть и жить умѣютъ; и посольскій приказъ ни отъ кого обруганъ не будетъ; отдаю тебѣ, великому государю, крестное цѣлованіе, за собою держать не смѣю по недостатку умишка моего.» Въ Москву Нащокина послѣ этого не требовали; но вотъ пришла бѣда съ другой стороны: грамота изъ Варшавы отъ пановъ радныхъ, отъ 20 апрѣля: «Отдача Кіева, писали паны, по Андрусовскому договору, назначена нынѣшняго мѣсяца апрѣля 15-го числа; но изъ грамоты царскаго величества видно, что отдача эта отложена до коммиссіи о вѣчномъ мирѣ. Это андрусовскому договору очевидное нарушеніе. Вы, какъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель и владѣтель, должны стараться, чтобы андрусовскій договоръ остался не нарушенъ. Ожидаемъ удовлетворительнаго отвѣта.» — «На съѣздахъ объявится, отвѣчалъ Нащокинъ, кто нарушилъ Андрусовскій договоръ», а въ Москву послалъ сказать, что въ Польшѣ и Литвѣ надобно промышлять казною, да надобно отпустить плѣнныхъ мѣщанъ, иначе на съѣздахъ будутъ изъ-за этого большіе вычеты, и неуступчивость со стороны польскихъ коммиссаровъ. Въ то же время Нащокинъ писалъ, чтобы отослали въ Польшу шведскую грамоту, написанную во враждебномъ для Россіи духѣ и привезенную польскимъ гонцомъ въ Москву: «Надобно отдать грамоту Полякамъ, чтобы не было изъ-за нея ссоры; если въ посольскомъ приказѣ скажутъ, что грамота нужна для улики Шведамъ, то вѣдь надобно прежде

помириться съ Поляками, а потомъ уже ссориться со Шведами и уличать ихъ; если посольскій приказъ причтетъ мнѣ въ дерзость, что я обнадежилъ Поляковъ въ возвращеніи этой грамоты, то такой моей дерзости для прославленія государева имени и для сдержанія правды, во всякихъ дѣлахъ много.» Нащокинъ угадалъ: ему прислали изъ Москвы запросныя статьи, и въ первой статьѣ говорилось: по какому указу обнадежилъ Поляковъ, что шведская грамота будетъ имъ возвращена? Будучи на Москвѣ, ты говорилъ при государѣ и боярахъ, что грамоту надобно держать крѣпко на улику Шведамъ, потому что и за большія тысячи такой улики на Шведовъ не купить? — «Можно было держать до тѣхъ поръ, пока не спрашивали, отвѣчалъ Нащокинъ: а когда просятъ, то надобно по дружбѣ отдать, потому что по дружбѣ прислали, а улика не уйдетъ, если грамота будетъ въ рукахъ у союзнаго друга.» 2) Писалъ, что Дорошенка можно принять и прислалъ статьи, но по этимъ статьямъ принять отнюдь нельзя; нельзя принимать до тѣхъ поръ, пока не окончатся переговоры на съѣздѣ съ коммиссарами. — Отвѣтъ: «Въ томъ царскаго величества воля, а я долгъ свой отдалъ; а нынѣшнее устроенье въ крѣпость вѣчную о духовномъ чину учинить, что на свѣтѣ истинная вѣра безсмертна; а пріемъ Дорошенковъ безъ вѣры всегда непостояненъ и много Дорошенковъ. И Богъ къ готовому приступаетъ, а мое письмо по волѣ жь Его святой въ доношенье посылано.» 3) По его мнѣнію, объ удержаніи Кіева надобно дѣлать черезъ намѣстника Тукальскаго, но какимъ образомъ? Отвѣтъ: «Въ докладныхъ въ 21 статьѣ въ приказъ Малой Россіи подлинно писано; когда бы милостивый указъ изъ Москвы былъ посланъ на челобитье кіевскихъ духовныхъ, какъ въ тѣхъ статьяхъ изображено, тогда надобно было бы и намѣстнику наказывать; а теперь уже время прошло.» 4) Пусть объявитъ, что говорилъ въ разговорахъ въ посольскомъ приказѣ о пріѣздѣ нынѣшняго крымскаго посла. Отвѣтъ: «Съ крымскимъ посломъ надобно договориться накрѣпко, чтобъ впредь въ общемъ съѣздѣ на Украйнѣ или на Валуйкахъ быть государевымъ, польскимъ и крымскимъ посламъ вмѣстѣ и общимъ совѣтомъ миръ заключить.» 5) Какія докладныя письма оставлены имъ въ тайномъ и посольскомъ приказахъ о Кіевѣ, по тѣмъ письмамъ Кіева задержать невозможно; а что онъ толкуетъ 16-ю статью, та къ Кіеву нейдетъ. Отвѣтъ:

«Доклады оставлены на волю государеву, буди воля Божія и государева, а устроенье восточной церкви по склоненію духовныхъ по докладамъ отложено.» 6) По какому указу отдалъ Гизелевы письма Бѣнѣвскому, и для чего? Отвѣтъ: «Кто объ этомъ донесъ, радъ съ тѣмъ стать на очную ставку въ такомъ причетѣ къ измѣнѣ. А что къ Гизелю отъ Бѣнѣвскаго слова дошли, то Бѣнѣвскій радъ ссорить; если товарищи мои тогда видѣли и слышали мою измѣну, а не извѣщали, и то ихъ правдали? Устроенье за такими ложными измѣнами отлагается. Въ такомъ извѣтѣ по очной ставкѣ, въ чемъ московскому государству убыль учинилъ, радъ, пристойно правдѣ, смертью розняться, чтобы мною ненавидимымъ воровство и нерадѣнье въ посольскомъ приказѣ искоренилось, а дѣлали бы по прежнимъ обычаямъ, безъ помѣшки, какъ имъ надобно.» 7) Для чего онъ, ѣдучи изъ Курляндіи къ Смоленску, писалъ между инымъ дѣломъ безъ указу къ панамъраднымъ объ отдачѣ Кіева по договору въ польскую сторону прежде времени, и тѣмъ подалъ поводъ панамъ прислать съ требованіемъ отдачи Кіева, и для чего польскаго нынѣшняго гонца у себя задержалъ, а въ Москву не пропустилъ, зная 20 статью Андрусовскаго договора? Отвѣтъ: «Писалъ къ Рѣчи Посполитой, чтобъ коммиссаровъ на съѣздъ прислали до сроку отдачи Кіева, а не забытно это у Поляковъ и безъ письма моего. Гонца не послалъ за тѣмъ, чтобы не было посольскимъ съѣздамъ отволоки; все равно съ переводомъ листа въ посольскій приказъ подлинно писано.» 8) О переводѣ малороссійскаго духовенства изъ-подъ вѣдомства константинопольскаго патріарха въ вѣдомство московскаго говорено патріарху александрійскому, и онъ хотѣлъ писать объ этомъ къ константинопольскому патріарху съ прошеніемъ, только сказалъ, что безъ совѣта всѣхъ своихъ духовныхъ константинопольскій патріархъ сдѣлать этого не смѣетъ, а онъ александрійскій въ чужую епархію о томъ писать и указывать не смѣетъ. Отвѣтъ: «Когда по истиннымъ докладнымъ статьямъ промыслу быть не изволено, то какъ Богъ извѣститъ великому государю. А мое доношеніе со многою докукою для того: зачѣмъ входить въ убытки, держа Кіевъ черезъ срокъ? а чѣмъ держать? — тому былъ путь. А въ съѣздахъ для вѣчнаго міра безъ предварительнаго устроенья не мое сиротское дѣло отговаривать; совершать это великимъ посламъ изъ ближнихъ бояръ; по своему высокому господскому

согласію учинять какъ хотятъ; переговаривать будетъ некому, потому что не смѣютъ. 9) Почта для чего не за крестнымъ цѣлованьемъ? Грамотки распечатываютъ; а Марселисъ сказалъ, что и впередъ будетъ разпечатывать; явно, что вѣсти переписываетъ; въ числахъ не сходится. И въ золотыхъ улика есть, что многіе присылаются чрезъ почту, а онъ не всѣ объявляетъ. Томасъ Келдерманъ не бивалъ челомъ, чтобъ ему почту держать и никто у него челобитья не слыхалъ. *Отвѣтъ:* «Леонтій Марселисъ самъ за себя отвѣтъ дастъ, какъ принимаетъ, а присягалъ ли служить правдою—это приказное дѣло. Если посольскій приказъ считаетъ Марселиса мнѣ другомъ, то по дѣлу ему ненавидиму быть. Такъ лучше меня изринуть; а тѣ узнаютъ перекупать и безъ меня, имъ же милы будутъ. А мнѣ до смерти одного пути, за помощію Божіею, безстрашно держаться, и какъ Богу, такъ единому помазаннику Его служить, сильныхъ не боясь; а сынишку оборона тажъ. 10) Государева грамота къ нему послана была, чтобъ ѣхалъ въ Москву: пріѣхалъ крымскій посланникъ для великихъ дѣлъ. Отвѣтъ: «Писалъ я во многихъ отпискахъ объ указѣ: Спасовъ образъ гдѣ поставить? А для чего мнѣ было въ Москву ѣхать — объ этомъ мнѣ не писали. На посольскомъ стану житье не праздно: великіе въ Литвѣ всполохи и наславлено про войска московскія на ссору; все это сдержано. Чтобъ милостивый царскаго величества указъ послѣдовалъ—откинуть меня отъ посольства за мои многія неистовыя дѣла, которыя тяжко нынѣ посольскому приказу слышать. Радъ бы я былъ, чтобы для меня дѣлу Божію и государскому не ругались и въ иныя земли безчестье московскому государству проноситься перестало. 11) Мацкѣвичъ за собою никакихъ дѣлъ не сказалъ, кромѣ того, что Дорошенка къ подданству приводить, а Дорошенокъ самъ объ этомъ пишетъ и готовъ въ подданство. Отвѣтъ: «Зная Мацкѣвича, я писалъ о его вѣрности; а нынѣ онъ про меня въ приказѣ и на площади Богъ знаетъ что слышитъ; невинная смерть всякому претитъ; держатся того, гдѣ помощь; а я по Господѣ моемъ ни лисьихъ язвинъ, ни птичья гнѣзда, гдѣ подклонить грѣшную голову, не имѣю, и не надобно, а ему еще свѣтъ, хотя и въ бѣдности, не наскучилъ. 12) Пишетъ отъ себя въ малороссійскій приказъ о Черкасахъ, что ихъ принимали мимо всякой правды: къ чьему лицу онъ это написалъ? Кто ихъ принялъ мимо всякой правды? И что въ томъ

пріемѣ правда, и что не правда? Отвѣтъ: «Милостивому государскому сердцу предать это суду праведному: ни къ чьему лицу это не причитано, не мышлено, а самое дѣло показуетъ. Хмельницкаго пріемъ-отъ турскаго поворочень съ польскихъ кровей; другой подъ Конотопомъ, такъ и до нынѣшняго времени. Или еще то неизвѣстно: за благословеніемъ духовнымъ, отъ гоненія, какъ они именуютъ, Лядскаго, въ Константинополѣ и мірскіе къ Турку жъ, какъ прежде и Хмельницкій, въ подданство пошли, а къ святительскому престолу въ царство московское духовнаго утвержденія не донашивали. А нынѣ отъ нихъ и есть. 13) Для чего англійскій и голландскій послы теперь къ Москвѣ идутъ? Отвѣтъ: «Идутъ къ Москвѣ по шведскому заводу, домогаются въ порубежныхъ городахъ и досталь долгами разорить; что ихъ государствамъ надобно, то посланники и станутъ вымогать, а слабость посольскаго приказа узнали, что имъ надобно, то и дѣлаютъ по ихъ волѣ. 14) Для чего шведскому резиденту велѣно быть въ свою землю? Отвѣтъ: «Такого ссорщика на Москвѣ, по его прошенью, оберегалъ посольскій приказъ. Вывѣдавъ все нестроенье посольское, какая между приказными ненависть и злая вражда, и кто въ этой враждѣ силенъ и въ приказѣ владѣтеленъ,—вывѣдавъ все это, онъ ѣдетъ домой, чтобъ друзья шведскіе безъ него отъѣздомъ его наводили всякій страхъ, чего привыкли на Москвѣ блюстись. Англійскій посолъ грозилъ Шведами царству московскому; а въ посольскомъ приказѣ ему въ томъ спущено: явная Шведу дружба! По этой дружбѣ и грамота шведская задержана для разрыва съ Польшею, а не для улики Шведамъ; и кто Шведовъ станетъ уличать по закупленнымъ ихъ стороннимъ страхамъ, которые на Москвѣ вкоренились? Призритъ Господь Богъ и помазанникъ Его изволитъ освободить всенародное христіанское дѣло отъ разрушенія, вскорѣ меня Аѳонку отъ посольства откинуть, и будетъ во всемъ безъ помѣшки, и что вновь дѣлано дерзостію, не по прежнимъ московскимъ дѣламъ, и то въ вѣчномъ мирѣ все исправятъ, все согласно по своимъ правамъ учинятъ; а мертвымъ сердцемъ того дѣла мнѣ впередъ дѣлать нельзя, и чему не выучился—взять неоткуда.» Въ Москвѣ нападали на Леонтія Марселиса, котораго Нащокинъ употреблялъ по почтовому дѣлу. Нащокинъ выставлялъ заслуги своего любимца, и при этомъ случаѣ не забылъ уколоть приказъ: «Апрѣля 9, (писалъ онъ ца-

рю), пріѣхалъ ко мнѣ на посольскій станъ Леонтій Марселисъ: ѣздилъ онъ въ Вильну, чтобъ съ тамошнимъ почтаремъ устроить постоянную государственную почту. Это великое государственное соединительное дѣло впередъ къ умноженію всякаго добра царству московскому будетъ. Онъ же Леонтій, будучи въ Вильнѣ, сыскалъ уставы печатные торговые постояннаго сбора со всякихъ товаровъ пошлинъ, какіе, при такомъ ближнемъ сосѣдствѣ, годны въ Москвѣ и во всей великой Россіи. Эти уставы Леонтій повезъ въ Москву. Тамъ бояре спрашивали гостей о торговыхъ уставахъ; но гости, зная за собою вину и желая себѣ помочь, хотятъ Марселиса отъ твоей государской милости отогнать, потому что онъ, служа въ сборахъ таможенныхъ, хотѣлъ объявить нерадѣніе головъ и съ гостями размолвилъ. Только бы въ приказѣ правдою разсуждено было; неисчетные убытки твоей казнѣ въ приказѣ!»

Въ то время, какъ Ординъ-Нащокинъ перекаривался съ подчиненнымъ ему посольскимъ приказомъ, въ Варшавѣ былъ избранъ новый король — Михаилъ, князь Вишневецкій, сынъ знаменитаго Іереміи, ведшаго такую ожесточенную борьбу съ козаками. Ординъ-Нащокинъ изъ Мигновичей послалъ вѣсть въ Москву объ избраніи Вишневецкаго, но изъ Москвы къ нему ни вѣсточки. Въ началѣ іюля онъ обратился къ государю: «Иноземцы, наслышась про палату твою государскую, что изъ посольскаго приказа о мнѣ огласная вражда въ міръ пущена, сомнѣваются въ совершеніи вѣчнаго мира, дивятся, что у такого превысокаго государственнаго дѣла я, ненавидимый въ палатѣ; а неправда моя не обличена и отъ дѣла посольскаго не откинутъ. Ваше государское самодержаніе во всемъ, съ сейму на Москвѣ государей не выбираютъ, и обо мнѣ знаютъ, что я вашею государскою милостію взысканъ. Шведскій резидентъ, наслышась на Москвѣ, великія тайныя ссоры учинитъ, какъ и до сихъ поръ дѣлалъ, и въ такихъ приказныхъ ссорахъ вѣчный миръ съ Польшею заключенъ быть неможетъ; указныхъ статей, по докладу моему, до сихъ поръ ко мнѣ не присылывано; шведская грамота, которой въ Польшу просятъ, отъ чего не отдать—неизвѣстно! Дойдетъ до съѣздовъ, и мнѣ облихованнону и ненавидимому человѣченку съ прежнею смѣлостію твоихъ государевыхъ дѣлъ начать нельзя; прежде, когда товарищъ былъ на посольствѣ, самъ не дѣлалъ, но въ Москвѣ

стыдился меня уличать. Опальными и ненавидимыми людьми во всемъ свѣтѣ такихъ безцѣнныхъ дѣлъ о унятіи христіанской крови не дѣлаютъ. Припомни, великій государь, многія горькія слезы предъ лицомъ твоимъ государскимъ. Кто Богу и тебѣ неотступно служитъ, безъ мірскаго привода, тѣ гонимы. Явно тебѣ, великому государю, что я, холопъ твой, по твоей государской неисчетной милости, а не по палатному выбору тебѣ служу и, никакихъ пожитковъ тленныхъ не желая, за милость твою государскую неотвратно и безстрашно, никого сильныхъ не боясь, умираю вправдѣ. Если я избываю своей вины, или за нерадѣніе твоей государской службы или надъ кѣмъ хотя видѣть твою государскую праведную опалу, то укажи меня беззаступнаго прежде казнить, чтобъ иные наказались безъ заступы такъ дерзко, какъ я, въ дѣлахъ поступать, и держались бы кто изъ палаты къ твоимъ дѣламъ по совѣту выбранъ будетъ. Разрушая Божію помощь, мучать меня злыми ненавистями, не доискавшись вины, что̀ Богу и тебѣ, великому государю, въ моей дерзости противно и всему государству въ чемъ вредно было; уличили бы меня, на какія свои корысти продалъ я твои государскія дѣла? потому что корень всему злу сребролюбіе; а къ иноземцамъ меня въ поступкахъ дѣлъ причитаютъ, то апостолъ сказалъ: всѣмъ себя поработихъ да множае пріобрящу.»

Аѳанасій Лаврентьевичъ не пропускалъ случая уколоть дьяковъ. Одинъ Грекъ билъ челомъ въ посольскій приказъ, чтобы отписали въ Минскъ о безпошлинномъ пропускѣ оттуда его товаровъ. Нащокинъ отвѣчалъ, что на это нѣтъ никакого права: «Чтобы изъ посольскаго приказа дать грамоту челобитчику: и мимо себя съ такою неправдою непропущу; тутъ твоему государскому имени отъ иноземцевъ была бы укоризна; есть съ чего посольскимъ дьякамъ нескуднымъ быть и безъ иноземскихъ дѣлъ. Не научились посольскіе дьяки при договорахъ на съѣздахъ государственныя дѣла въ высокой чести имѣть, а на Москвѣ живучи, безстрашно мѣшаютъ посольскія дѣла въ прибыляхъ съ четвертными и съ кабацкими откупами.»

Въ Москвѣ платили ему тою же монетою и назначали ему въ товарищи Ивана Желябужскаго, человѣка нелюбимаго имъ. Нащокинъ встрѣтилъ Желябужскаго вопросомъ: «впередъ ты, будучи у посольскаго дѣла, помогать мнѣ станешь ли? объяви заранѣе,

потому что послѣ отсылать тебя отъ дѣла будетъ нехорошо.» — «Тебѣ допрашивать меня не указано, отвѣчалъ Желябужскій; польскіе послы моего имени въ грамотахъ своихъ не пишутъ, такъ я на съѣздѣ стану имъ то выговаривать, а дѣло посольское стану дѣлать, о чемъ указъ будетъ присланъ.» Нащокинъ послалъ грамоту въ Москву: «По такому, великій государь, несогласію, дѣлу Божію и твоему разрушеніе! И на Москвѣ изъ посольскаго приказа злыхъ дѣлъ наслушано, и то великое разрушеніе, а теперь на пословъ нападутъ со враждою и съ небыличными выговорами.»

Желябужскій въ свое оправданіе писалъ: «Я пріѣхалъ въ Мигновичи 10-го іюля, и до 20-го числа бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ со мною о государскихъ дѣлахъ ничего не говаривалъ; получитъ черезъ почту изъ Польши письма — меня не призываетъ и знать мнѣ объ нихъ не даетъ, а если и призоветъ, то ни о какихъ дѣлахъ не говоритъ, только распрашиваетъ, по какому моему доводу государь присылалъ къ нему стрѣлецкаго голову Лутохина? для чего я къ нему чрезъ его письмо ѣхалъ? говоритъ, будто онъ къ великому государю писалъ, чтобы меня не высылать; говоритъ, что я ему у государева дѣла ненадобенъ, дѣлаю будто я дѣла проклятыя; что мнѣ у посольскаго дѣла быть нельзя, потому что съ польскими коммиссарами стану говорить спорно, а ему боярину говорить надобно все съ поклонами и съ челобитьемъ, чтобы польскихъ коммиссаровъ ничѣмъ не раздосадовать, ходить ему надобно за коммисарами съ покорствомъ, потому что за нами есть ихъ добро (Кіевъ), и впередъ грозитъ многими распросами. А я противъ его распросовъ никакого своего довода не таилъ, и никого ни въ чемъ не вѣдаю, и не доваживалъ, и проклятыхъ дѣлъ никакихъ не держусь, и посольскихъ дѣлъ на съѣздахъ безъ противныхъ словъ съ поклонами и съ хожденьемъ за польскими коммиссарами съ покорствомъ какъ дѣлать—на столько меня не станетъ. И теперь мнѣ за боярскимъ письмомъ на меня къ великому государю, у дѣла быть нельзя, чтобы отъ недружбы боярина Аѳанасія Лаврентьевича напрасно не пострадать и отъ великаго государя въ опалѣ не быть, чтобы мнѣ бѣдному въ Мигновичахъ въ конецъ не погибнуть.»

Желябужскій былъ отозванъ въ Москву; прислали и шведскую грамоту. Но Аѳанасій Лаврентьевичъ не успокоился, послалъ къ государю новую жалобу на посольскихъ дьяковъ, обвинялъ ихъ

въ явномъ желаніи не допустить до вѣчнаго мира; жаловался, что когда онъ былъ отправленъ въ Курляндію, то дьяки, удержавъ у себя посольскій наказъ, передѣлывали и прислали къ нему съ подъячимъ въ дорогу; послѣ его отъѣзда докладывали государю, писать ли его, Нащокина, царственной большой печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателемъ? — «Указу и статей для мирнаго постановленія мнѣ до сихъ поръ не прислано; въ посольскомъ приказѣ развѣ то мнѣ въ вину поставлено, что неотступно великому государю служу? Если мнѣ посольскій приказъ не вѣритъ, то этимъ государственныя дѣла обруганы. Въ чужія государства меня оберегателемъ пишутъ, а у себя въ приказѣ не вѣрятъ?»

Съ 25 сентября начались у Нащокина съѣзды съ польскими коммиссарами — Яномъ Гнинскимъ, воеводою Хельминскимъ, Николаемъ Тихановецкимъ, воеводою мстиславскимъ, Павломъ Бростовскимъ, писаремъ литовскимъ. Нащокинъ объявилъ, что для утвержденія вѣчнаго мира надобно быть посредникамъ; коммиссары говорили, чтобы мириться безъ посредниковъ, а если дѣло не сладится, тогда искать способу чрезъ посредниковъ. Потомъ начали говорить, какъ бы украинскіе народы успокоить, и отъ турскаго подданства отвратить? Нащокинъ говорилъ, что это дѣло надобно рѣшить прежде всего, и для успокоенія Украйны надобно быть посольскимъ съѣздамъ подъ Кіевомъ или призвать выборныхъ изъ Украйны въ Андрусово.—Нѣтъ, возражали коммиссары, надобно прежде заключить вѣчный миръ.»—«Вѣчный миръ, отвѣчалъ Нащокинъ, можетъ быть заключенъ только на условіяхъ андрусовскаго перемирія.»—«А зачѣмъ Кіевъ не отданъ въ положенный срокъ?» спрашивали коммиссары. — «За тѣмъ, отвѣчали имъ, что вы прислали для его занятія полковника Пиво съ немногими людьми; но развѣ можно было сдать имъ такую крѣпость? это было все равно, что сдать ее бусурманамъ.»—«Отъ чего, спрашивали опять коммиссары, отъ чего по союзному договору царскія войска не соединялись съ нашими между Днѣпромъ и Днѣстромъ?»—«Потому, былъ отвѣтъ, что не допустили до этого соединенія Татары и Дорошенко, перошедши на путивльскую сторону, гдѣ Дорошенко захватилъ многіе города и теперь держитъ; королевскимъ войскамъ слѣдовало помогать нашимъ на путивльской сторонѣ.»—«Не могли тогда наши войска помогать, отвѣчали

коммиссары, потому что въ прошедшую войну мы изнурились. Надобно это пустить на волю Божію.» — «Надобно писать въ Украйну для ея успокоенія», началъ опять Нащокинъ. «Какъ писать?» спросили послы. «Писать съ обѣихъ сторонъ къ духовнымъ и мірскимъ людямъ, пусть они или пришлютъ выборныхъ на нынѣшніе съѣзды, или какого другаго утвержденія потребуютъ.» 19 октября письма были отправлены. Послѣ этого коммиссары опять начали толковать о Кіевѣ: «Нельзя было вамъ отдать Кіевъ, отвѣчалъ Нащокинъ, смута была тогда въ Украйнѣ.» Коммиссары стали говорить о вѣчномъ мирѣ съ возвращеніемъ всего пріобрѣтеннаго по андрусовскому перемирію. «Объ этомъ нечего говорить, отвѣчалъ Нащокинъ: Смоленскъ и строенъ съ нашей стороны и останется за нами вѣчно.» Въ этихъ переговорахъ протянулось два мѣсяца слишкомъ. На девятомъ съѣздѣ 29 ноября коммиссары объявили, что имъ велѣно подтвердить договоръ о соединеніи войскъ, договоръ о вѣчномъ мирѣ былъ отложенъ, но коммиссары упорно стояли, чтобы назначенъ былъ срокъ сдачи Кіева. Это упорство затянуло переговоры до 7 марта 1670 года, когда Поляки перестали наконецъ толковать о Кіевѣ. Постановили, чтобы первый андрусовскій договоръ сохранился во всѣхъ статьяхъ, запятыхъ и точкахъ, равно и постановленіе о союзѣ противъ бусурманъ.

Подробности о дальнѣйшей судьбѣ Нащокина намъ неизвѣстны. Въ январѣ 1671 года, по случаю свадьбы царской, бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ упоминается въ числѣ бояръ, бывшихъ за великимъ государемъ, а въ февралѣ начальникомъ посольскаго приказа уже является любимецъ царскій Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ; Нащокинъ сходитъ съ служебнаго поприща и постригается, подъ именемъ Антонія, въ Крыпецкомъ монастырѣ, въ 12 верстахъ отъ Пскова. Въ Дворцовыхъ Розрядахъ сохранилось слѣдующее извѣстіе: «Тогожъ году (1671) въ Польшу великіе послы: бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, да думный дворянинъ Ив. Ив. Чаадаевъ. И Аѳанасій Нащокинъ отставленъ, а на его мѣсто указалъ государь быть окольничему Вас. Сем. Волынскому.» Очень можетъ быть, что вслѣдствіе этого назначенія Нащокинъ подалъ такія докладныя статьи, на которыя не хотѣли согласиться, а онъ иначе не согласился ѣхать, и это несогласіе повело къ окончательному удаленію Нащокина отъ дѣлъ.

Въ то время, какъ посольскій приказъ перемѣнялъ своего начальника, сношенія съ Польшею получали все больше и больше важности по поводу дѣлъ турецкихъ.

Въ августѣ 1670 года пріѣхалъ въ Москву королевскій посланникъ Іеронимъ Комаръ. Онъ требовалъ, чтобы царь велѣлъ двинуться войскамъ своимъ въ Украйну противъ Турокъ и Татаръ, постоянно грозящихъ Польшѣ, требовалъ, чтобы немедленно дана была помощь Бѣлой Церкви, угрожаемой Дорошенкомъ, который разорвалъ переговоры съ польскими коммиссарами въ Острогѣ. Ему отвѣчали: «Если царскія войска явятся въ Украйну, то это только раздражитъ козаковъ, особенно Дорошенко, котораго это не успокоитъ, напротивъ въ движеніи царскихъ и королевскихъ войскъ онъ увидитъ явное намѣреніе изгубить украинскіе народы и станетъ призывать къ себѣ на оборону турецкія войска. Царскія войска стоятъ въ бѣлгородскомъ и сѣвскомъ полкахъ и оберегаютъ Украйну. Обоимъ великимъ государямъ шатостныхъ козаковъ лучше привесть въ послушаніе милостію, а не жесточью.»

Въ декабрѣ 1671 года во дворцѣ великаго государя было большое торжество — пріемъ великихъ и полномочныхъ пословъ его королевскаго величества, Яна Гнинскаго и Павла Бростовскаго. Воевода Хельминскій витійствовалъ въ длинной рѣчи предъ царемъ: «Кто здравымъ окомъ и нетемнымъ разумомъ взвѣситъ дѣла Божія, у Котораго народы игрищемъ, вселенная и небеса яблокомъ, кто изочтетъ на востокѣ солнца мидійское, ассирійское и персидское единоначальство, на полдень и западъ греческое и римское величіе, премудрость силу и обиліе Египта, рай обѣтованной земли, ея богатства и утѣшенія, и потомъ увидитъ эти страны въ пеплѣ, въ крови, безъ имени, подъ игомъ неволи и, что всего хуже, безъ познанія Божія, — тотъ долженъ признать, что Богъ взамѣну всѣхъ этихъ народовъ возбудилъ, поставилъ и укрѣпилъ народы, находящіеся подъ владѣніемъ королевскаго и вашего царскаго величества, далъ королевскому величеству отъ востока и отъ полудня заступленіе, утверждающееся на крѣпкомъ союзѣ съ цесарскимъ величествомъ и съ цѣлымъ домомъ австрійскимъ; велики владѣнія ихъ! до Африки и Сициліи расширяются, обнимаютъ Америку, полную златомъ, и непобѣдимымъ скипетромъ защищаютъ Европу. А ваше царское величество заступаете Европу съ другой стороны, въ предѣлахъ владѣній вашихъ ро-

дятся, ростутъ, разливаются Донъ, Двина и Волга. Ты побѣждаешь дикихъ наслѣдниковъ Батыя и Темиръ Аксака и защищаешь Европу, зѣницу вселенныя; ты стремишься къ странѣ, орошаемой Дономъ, дабы и тамъ, незнаемой части вселенныя наложить имя славянское; паче всего услаждаешь неудобства полунощныя милосердіемъ правленія. Оба народа польскій и русскій Богъ превѣчный положилъ стѣною христіанства: какой же страшный отчетъ дать долженъ предъ небомъ тотъ, кто дерзнетъ ихъ ослаблять или дѣлить несогласіемъ или дружбою неискреннею.»

Для переговоровъ съ послами назначены были ближній бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, бояринъ князь Димитрій Алексѣевичъ Долгорукій, думный дворянинъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Послы начали жалобою на сѣверскихъ козаковъ, которые въ воеводствѣ мстиславскомъ и повѣтѣ кричевскомъ заѣхали земли по рѣку Сожь и мирному постановленію чинятъ всякія противности. «Объ этомъ уже послано къ гетману Демьяну Многогрѣшному,» отвѣчали бояре. Потомъ послы объявили дѣло поважнѣе: «Съ великою жалостію объявляемъ, что въ государствѣ королевскаго величества имѣются нѣкоторыя противности: гетманъ Петръ Дорошенко измѣнилъ, и на корону польскую наступаютъ непріятели посторонніе; чтобы великій государь изволилъ учинить помощь своими ратными людьми для успокоенія такихъ противностей, по любви къ королю и по утвержденному договору.» Бояре: «Въ прошломъ году, какъ были на съѣздахъ съ обѣихъ сторонъ великіе и полномочные послы, писали они въ Украйну къ духовенству и къ мірскимъ людямъ, призывая къ себѣ на съѣзды ихъ выборныхъ, чтобы эти выборные прислушались и увидали, что послы договариваются только объ успокоеніи христіанскомъ, а противнаго ничего украинскимъ городамъ не чинится. И теперь гетманъ Демьянъ Игнатовичъ прислалъ къ великому государю кіевскаго полковника Константина Солонину съ товарищами, людей честныхъ и разумныхъ: такъ вы бы, послы, позволили въ отвѣтной палатѣ этимъ посланцамъ быть для прислушанія къ дѣламъ, и какія зацѣпки сѣверскіе козаки въ королевскихъ владѣніяхъ сдѣлали, посланцы свое оправданіе намъ объявятъ сами; пусть посланцы знаютъ, что мы договариваемся о братской дружбѣ между великими государями, объ успокоеніи обоихъ государствъ; а то какъ прежде при подтвержденіи въ Москвѣ Андру-

совскаго договора изъ Украйны выборныхъ людей не было, то вскорѣ послѣ гетманъ Ивашко Брюховецкій, сославшись съ королевскимъ гетманомъ Петромъ Дорошенкомъ, царскому величеству измѣнилъ, и невинной крови пролилось много.» Послы: «При нашихъ разговорахъ гетманскимъ посланцамъ быть непристойно, потому что если какое-нибудь наше объявленіе покажется имъ противно, то они станутъ намъ о томъ выговаривать неучтиво, по своему козацкому украинскому нраву, и это королевскому величеству будетъ къ безчестью и королевскаго указа у насъ о томъ нѣтъ. Если у гетманскихъ посланцевъ есть какія дѣла, то пусть бьютъ челомъ въ приказѣ, а вы намъ объ этомъ объявите. На андрусовскіе съѣзды украинскіе выборные не были присланы, значитъ милость обоихъ государей украинскіе люди преслушали, и къ нынѣшнему договору призывать ихъ не надобно, а приводить непослушныхъ къ послушанію и отъ турецкаго подданства отвратить такимъ способомъ, какъ написано въ московскомъ договорѣ—войсками съ обѣихъ сторонъ.» Бояре: «Безчестья королевскому величеству не будетъ никакого, позвольте только имъ быть для прислушанія дѣлъ, а въ разговоры они вступаться не станутъ, и сидѣть не будутъ, будутъ стоять, какъ и другіе наши и ваши дворяне; прежде украинскіе духовные, митрополитъ и два епископа при самомъ королѣ въ Сенатѣ засѣдали и вольный голосъ имѣли. Недавно еще великій гетманъ коронный Собѣскій съ козаками украинскими договаривался, и въ Острогѣ у Станислава Бѣнѣвскаго была коммиссія съ козаками и договаривались прямымъ посольскимъ обычаемъ: стало быть дѣло не новое.» Послы: «Украинскихъ народовъ по совѣту обоихъ великихъ государей призывать ненадобно, потому что украинскіе люди непостоянны и никогда въ правдѣ не стоятъ. На прошлую коммиссію въ Андрусово гетманъ Дорошенко къ намъ писалъ, что послалъ о всемъ бить челомъ королевскому величеству на елекцію, а послѣ сталъ бить челомъ въ подданство царскому величеству. И гетмана Демьяна посланцамъ при нашихъ разговорахъ быть опасно: вывѣдавъ обо всемъ, станутъ они писать къ гетману Демьяну, а тотъ станетъ ссылаться съ Дорошенкомъ. При посольскихъ разговорахъ для наученія государственнымъ дѣламъ бываютъ люди вѣдомые, вѣрные. Гетмана Демьяна Многогрѣшнаго называемъ мы подданнымъ царскаго величества только въ перемирные годы; а какъ

перемирные годы отойдутъ, тогда можно будетъ его называть и королевскаго величества подданнымъ. Прежде кіевскій митрополитъ и двое владыкъ въ Сенатѣ мѣсто имѣли по волѣ королевской, и то дѣло особое. Только въ этихъ длинныхъ разговорахъ время проволакивается, а дѣло не дѣлается; изволилъ бы великій государь учинить тому разрѣшеніе.»

Но скораго разрѣшенія трудно было надѣяться, потому что впереди стояли важныя дѣла. Въ январѣ 1672 года послы объявили, что король могъ бы покрыть братскою любовію, что Кіевъ на срокъ не отданъ, если только будетъ назначенъ другой срокъ уступки; потомъ послы спрашивали: по обязательствамъ союза какую помощь противъ бусурманъ окажетъ царское величество королевскому? Просили наказать сѣверскихъ козаковъ, перешедшихъ рубежи воеводства мстиславскаго, подававшихъ помощь Дорошенку, непріятелю обоихъ государствъ; чтобы жителямъ римской вѣры въ уступленныхъ по Андрусовскому договору областяхъ дозволено было свободно отправлять свое богослуженіе, вольно было или принимать въ домы свои каплановъ, или для богомолья выѣзжать за рубежъ; чтобы шляхтѣ изъ этихъ областей вольно было переходить въ королевскую сторону; жаловались, что плѣнная шляхта и воинскіе люди до сихъ поръ еще не освобождены, мощи, образа, утварь костельная, дѣла воеводства кіевскаго не отданы; просили, чтобы царь велѣлъ отдать Велижъ къ воеводству Витепскому, а Себежъ и Невль къ Полоцкому.

Бояре отвѣчали, что къ гетману Многогрѣшному посланъ указъ о козацкихъ зацѣпкахъ и списокъ съ этого указа данъ будетъ посламъ; надобно было съѣхаться на рубежахъ съ обѣихъ сторонъ межевымъ судьямъ, но со стороны королевской они не высланы. Изъ плѣнныхъ въ сторонѣ царскаго величества никто не задержанъ, остались тѣ, которые сами захотѣли остаться; но много плѣнныхъ задержано въ сторонѣ королевской, и посламъ объ этомъ такъ досадительно объявлять не довелось, потому что съ обѣихъ сторонъ уже объ этомъ говорено пространно. Съ польской стороны не только что въ титулѣ царскаго величества сдѣланы многія прописки, но и книги напечатаны государю и предкамъ его на великое безчестье. Союзъ нарушенъ со стороны королевской: когда королевскій гетманъ Дорошенко съ Татарами воевалъ на восточной сторонѣ Днѣпра царскіе города, то отъ

короля помощи не подано. Въ Варшавѣ, въ королевскомъ дворцѣ, въ той палатѣ, гдѣ принимаютъ пословъ, на сводѣ написано живописнымъ письмомъ: на одной сторонѣ король съ сыномъ и панами-радою, а на другой гетманъ польскій гонитъ московскіе полки, царь и бояре взяты въ плѣнъ связаны, ту гисторію всѣмъ иностраннымъ посламъ показываютъ, и подлинно какъ была побѣда разсказываютъ съ насмѣханіемъ и съ укоризною московскому государству и россійскому народу. Тѣло царя Василья Ивановича Шуйскаго уже въ Москвѣ, прежнее вспоминать и тѣмъ досаждать за такимъ теперь мирнымъ постановленіемъ не годится, и королевское величество для братской любви велѣлъ бы то *выображеніе* въ палатѣ своей снять. Чтобъ отклонить бусурманское нашествіе, надобно обоимъ великимъ государямъ писать къ государямъ христіанскимъ и къ султану турскому, а помочь войскомъ и Кіевъ отдать царскому величеству невозможно, потому что съ королевской стороны противъ Дорошенка и Татаръ помощи не дано; но царское величество не перестанетъ помогать королю калмыцкими, ногайскими и донскими войсками. Пишутъ уже теперь и въ печатныхъ курантахъ, что турскій султанъ очень печалится: всѣ христіанскіе государи заключили союзъ и хотятъ на него войною наступать. Въ курантахъ же пишутъ, что турскій султанъ послалъ было войска свои на Черное море, но какъ услыхалъ, что русскія войска на Черное море противъ него идти хотятъ, то велѣлъ всѣ свои войска возвратить. Послѣ этого объявленія бояре дали посламъ записку о Дорошенкѣ: «Къ великому государю пишетъ гетманъ Демьянъ Игнатовичъ, что присылаетъ къ нему съ той стороны гетманъ Петръ Дорошенко и вся старшина, просятъ, чтобъ царское величество велѣлъ принять ихъ подъ свою высокую руку, потому что въ сторонѣ королевской въ вѣрѣ чинится имъ гоненіе. И королевское величество позволилъ бы царскому величеству принять Дорошенка, чтобы его тѣмъ отъ турскаго подданства отвратить. А если король и Рѣчь Посполитая принять Дорошенка не позволятъ, то царскому величеству принять его можно и потому, что король въ своей грамотѣ называлъ его подданнымъ турскаго султана, и писалъ, что онъ уговариваетъ къ турецкому же подданству и восточную сторону Днѣпра, а Дорошенко пишетъ, что онъ поддался турскому султану отъ гоненія въ вѣрѣ, и потому по всему царскому величе-

ству принять Дорошенка подъ свою высокую руку можно. Да и Запорожцы просятся въ подданство къ царскому величеттву, а у короля быть не хотятъ, потому что имъ никакой заплаты не было.»

Послы продолжали требовать, чтобъ сѣверскіе козаки выступили изъ занятыхъ ими воеводствъ и разоренная ими шляхта получила вознагражденіе,—иначе эта шляхта разорветъ сеймъ; требовали, чтобы царь помогъ войсками королю противъ Турокъ: царь обязанъ это сдѣлать, вопервыхъ, потому, что Турки сбираются воевать Польшу за союзъ ея съ Москвою, а вовторыхъ царь долженъ помочь и потому: когда сосѣдъ погоритъ, то и до другаго огонь доберется; въ Польшѣ есть приповѣстка такая: однажды Русинъ звалъ Поляка на помощь противъ Турка. Полякъ отказалъ и Русинъ ему молвилъ: «поддавшись Турку, приду на корону войною.» Наконецъ послы не переставали требовать, чтобъ назначенъ былъ срокъ возвращенію Кіева. »Уступимъ вамъ Кіевъ, возражали бояре, а Турокъ войдетъ въ Украйну, и Кіевъ сдѣлается гнѣздомъ для турецкихъ войскъ.»

На счетъ Дорошенка послы объявили: «Царскому величеству нельзя и не годится принять Дорошенка; хотя бы и принялъ, то права на украйну отъ этого не прибудетъ, потому что и самъ Дорошенко права на нее не имѣетъ; какъ вольно было королевскому величеству поставить его гетманомъ, такъ и перемѣнить вольно, когда того заслуживаетъ. Если королевское величество объявляетъ самъ о его измѣнѣ, то царскому величеству слѣдуетъ помогать на него, а не принимать его. Вѣра греческая не терпитъ никакого утѣсненія и поруганія; притѣснена она самимъ Дорошенкомъ, который платитъ бусурманамъ за оборону свою душами христіанскими, всѣ церкви въ вѣчное порабощеніе предаетъ и ко введенію мечетей ворота отворнетъ. Если царское величество возьметъ Дорошенка въ защиту, то война турецкая этимъ не утишится, но еще больше разгорится, ибо Турки увидятъ, что владѣнія царскія приближаются къ греческимъ государствамъ, находящимся подъ турецкимъ владычествомъ.»—«Если, говорили бояре, король позволитъ царскому величеству принять Дорошенка, то отъ этого королю и Рѣчи Посполитой противъ Турокъ будетъ великая помощь и прибыль.»—«Какая прибыль?» спросили послы.—«Султанъ, отвѣчали бояре, испугается, узнавъ, что Дорошенко подданный царскій, а не королевскій, подумаетъ, что всѣ соеди-

нятся противъ него, и пристанутъ къ нимъ Волохи, Молдоване и другіе греческой вѣры люди. Испугавшись этого, султанъ не начнетъ войны, какъ прежде султанъ Баязетъ, узнавъ о союзѣ христіанскихъ государствъ, тотчасъ прислалъ просить о перемирьѣ къ польскому королю Яну Албрехту, какъ разсказываетъ хроника Стрыйковскаго.

Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, согласились на слѣдующихъ статьяхъ: 1) Оба великіе государи обязуются содержать ненарушимо андрусовскія и московскія постановленія безо всякаго умаленія и противнаго толкованія. 2) Эти трегубые прошлые договоры и настоящее четвертое постановленіе государи подтверждаютъ присягою передъ св. Евангеліемъ. 3) Трудности, которыя явились при исполненіи нѣкоторыхъ статей, напримѣръ, на счетъ Кіева и вспоможенія войсками другъ другу, уладить на коммиссіи, имѣющей быть въ іюнѣ 1674 года. 4) Въ случаѣ наступленія Турецкаго султана на Польшу, царь помогаетъ королю войсками калмыцкими, ногайскими и другими ордами сухимъ путемъ, и Донскими козаками моремъ, также пошлетъ указъ на Запорожье, чтобы тамошніе козаки выходили какъ можно скорѣе въ море въ возможно большей силѣ чайками. 5) Царь пошлетъ къ султану и хану грамоты, отговаривая ихъ отъ войны съ Польшею. 6) Царь запретитъ Сѣверскимъ козакамъ давать помощь бусурманамъ или Дорошенку. 7) Царь позволяетъ шляхтѣ, оставшейся въ Смоленщинѣ, Стародубщинѣ и другихъ мѣстахъ, отъ Литвы присоединенныхъ, возвратиться въ сторону королевскую съ женами, дѣтьми и имуществомъ. 8) Римской вѣры людямъ, въ сторонѣ царскаго величества оставшимся, позволяется для богослуженія ѣздить за границу въ ближніе костелы; а Русскимъ людямъ, въ сторонѣ королевской пребывающимъ, вольное употребленіе вѣры греческой. 9) Мѣщане и купцы, остававшіеся до сихъ поръ въ Московскомъ государствѣ, по заплатѣ своихъ долговъ, отпускаются въ сторону королевскую, кромѣ тѣхъ, которые сами захотятъ остаться; о тѣхъ же мѣщанахъ, которые живутъ въ боярскихъ и другихъ людей дворахъ, будетъ рѣшено на будущей коммиссіи. 10) Возвращаются части св. Древа, взятаго въ Люблинѣ, сколько можно было собрать; возвращаются мощи св. Калистрата, золото, серебро, утварь и колокола каѳедры Смоленской, сколько можно найти. Царское величество разошлетъ указы

отыскивать всякія книги, дѣла, образа, церковныя утвари и украшенія, и, что найдется, возвратить королевскому величеству. 11) Сѣверскимъ козакамъ приказано будетъ очистить занятыя ими мѣста въ воеводствѣ мстиславскомъ, повѣтахъ рѣчицкомъ и мозырскомъ, но безъ вознагражденія убытковъ. 12) Назначаются по два порубежныхъ судьи въ каждомъ воеводствѣ, повѣтѣ и уѣздѣ.

Въ исполненіе пятой статьи договора въ апрѣлѣ 1692 года толмачъ Даудовъ и подъячій Венюковъ отправились къ султану Магомету IV съ царскою грамотою. Государь писалъ, чтобы Магометъ удержался отъ войны съ Польшею и хану запретилъ ходить на короля; въ противномъ случаѣ онъ, какъ государь христіанскій, обославшись со всѣми окрестными государями христіанскими, станетъ противъ Турокъ промыслъ чинить, пошлетъ къ Донскимъ козакамъ указъ, чтобъ шли на Черное море, сухимъ путемъ пошлетъ Калмыковъ, Ногаевъ и едисанскихъ Татаръ, кромѣ того подвигнетъ сосѣднихъ государей христіанскихъ и шаха Персидскаго. Вмѣсто султана отвѣчалъ великій визирь, упрекалъ за неприличныя слова, недостойныя государей и оканчивалъ грамоту такъ: «Будете друзья или недруги намъ, въ какой путь ни пойдете, съ нашей стороны тоже самое увидите.» Возвратясь, Даудовъ разсказывалъ: «Въ Молдавіи и Валахіи жители говорятъ: «Если христіане хотя малую побѣду одержатъ, то и мы сейчасъ же станемъ промышлять надъ Турками.» Но за то разсказалъ и другое: астраханскіе и казанскіе Татары и Башкирцы приходили къ султану съ просьбою, чтобы онъ ихъ всѣхъ съ астраханскимъ и казанскимъ царствомъ принялъ въ подданство, жаловались, будто московскіе народы, ненавидя ихъ бусурманскую вѣру, многихъ изъ нихъ бьютъ до смерти и разоряютъ безпрестанно. Султанъ отвѣчалъ, чтобы потерпѣли не много, и пожаловалъ ихъ кафтанами.

Гроза собиралась на югѣ; начавшіяся было мирныя соглашенія съ Крымомъ были порваны. 29-го апрѣля 1671 года плѣннаго боярина Василья Борисовича Шереметева позвали къ хану на отпускъ и велѣли ему поклониться Адиль-Гирею въ землю. Ханъ велѣлъ надѣть на боярина шубу соболью да кафтанъ золотный, а когда Шереметевъ вышелъ изъ палаты, то ему подвели аргамака со всѣмъ конскимъ уборомъ; потомъ ханъ прислалъ ему два кафтана—атласный и суконный, шапку и штаны суконные, при-

слалъ рыдванъ со всѣмъ нарядомъ и шесть возниковъ. Шереметевъ выѣхалъ изъ Бакчисарая къ Перекопи. Но судьба хотѣла жестоко насмѣяться надъ несчастнымъ старикомъ: пріѣхалъ изъ Константинополя чаушъ съ султанскою грамотою—велѣно хана Адиль-Гирея перемѣнить. Новый ханъ Салимъ-Гирей прислалъ приказъ—не отпускать Шереметева; боярина поворотили назадъ изъ Перекопи въ Бакчисарай и заковали въ кандалы, вмѣстѣ съ молодымъ княземъ Андреемъ Ромодановскимъ и другими знатными плѣнниками. Когда пріѣхалъ новый ханъ, то съ Шереметева кандалы сняли и началась торговля: боярину объявили, что Салимъ-Гирей хочетъ быть съ великимъ государемъ въ дружбѣ и любви, только бы прислалъ казну за всѣ годы царствованія Адиль-Гиреева, потому что въ эти годы ханъ войною не ходилъ на Москву. Бояринъ отказалъ, что такого великаго дѣла перенимать на себя онъ не можетъ. Обратились къ Ромодановскому, запросили съ него 80,000 ефимковъ, да плѣнныхъ Татаръ 60 человѣкъ. «Больше 10,000 рублей за меня не дадутъ,» отвѣчалъ Ромодановскій. «Какъ не дадутъ? говорили Татары: отецъ твой бояринъ и владѣетъ всею Украйною, хотя съ шапкою пойдетъ, то сберетъ съ Украйны больше 100,000.» «Хотя бы ханъ велѣлъ меня замучить, то больше 10,000 не будетъ,» покончилъ Ромодановскій. Государь, узнавши, что плѣнники опять задержаны, послалъ Шереметеву 200 золотыхъ червонныхъ, а другимъ знатнымъ плѣнникамъ. Ромодановскому, Скуратову и Толстому по 50.

«Ближніе люди новые, увѣдомлялъ Шереметевъ царя,—во нравахъ своихъ злые и ко мнѣ недобрые, не такіе добронравные, какъ прежніе, что были при Адиль-Гиреѣ ханѣ; князя Андрея и всѣхъ твоихъ знатныхъ людей безъ окупа на размѣну ханъ не отпускаетъ, прежній договоръ съ Адиль-Гиреемъ ставятъ ни во что, кричатъ, что по ихъ старому обыкновенію и вольностямъ ханъ не воленъ отбирать у нихъ ясырь, то имъ дано за службу, за кровь и за смерть, кто что возьметъ на войнѣ, тѣмъ они и живутъ. Твоему великаго государя дѣлу замедленье многое учинилось, а моему отпуску помѣшка большая отъ твоихъ людей, которые въ полону у лучшихъ и черныхъ Татаръ, научились они татарскому языку и наговариваютъ Татаръ, что если я буду отпущенъ, то послѣ ни размѣны, ни окуповъ за нихъ не будетъ; сказанъ имъ твой государевъ указъ, что окуповъ за нихъ ника-

кихъ не будетъ, и потому они думаютъ, что пропадутъ въ Крыму. У тебя, великаго государя, милости прошу я холопъ твой убогій и безпомощный, давній плѣнникъ и нужетерпецъ: умилосердись, государь праведный, укажи розыскать такую неправду. А дума бусурманская похожа была на раду козацкую: на что ханъ и ближніе люди приговорятъ, а черные юртовые люди не захотятъ, и то дѣло никакими мѣрами сдѣлано не будетъ. Посланники твои твердятъ хану и ближнимъ людямъ, чтобы по договору съ Адиль-Гиреемъ. плѣнники были отпущены на размѣну безъ окупа; но тѣже посланники, уѣзжая изъ Крыма, берутъ съ собою много плѣнниковъ на окупъ. Отъ этого черные люди и не хотятъ розмѣны: намъ, говорятъ, въ розмѣнѣ прибыли нѣтъ, только прибыль одному хану; прибыльнѣе намъ плѣнниковъ отпускать съ посланниками и брать на нихъ окупъ на Москвѣ. Умилосердись, государь праведный, не дай напрасною смертію умереть, и въ нечестивой сторонѣ тѣло грѣшное собакамъ и звѣрямъ поѣсть, и костей убогихъ врознь розносить; укажи, государь, быть розмѣнѣ на Донцѣ.» Но розмѣны на Донцѣ не было, и плѣнники попрежнему оставались въ Крыму.

Скоро число ихъ увеличилось, вслѣдствіе войны турецко-татарской. Но прежде чѣмъ приступимъ къ ея описанію, обратимся къ Малороссіи, которая уже успѣла перемѣнить гетмана.

ГЛАВА II.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Безпокойства относительно Малороссіи.—Письма Барановича въ Москву. — Новый соперникъ Дорошенку—Ханенко.—Барановичъ хлопочетъ о ненарушеніи Глуховскихъ статей.—Непрочность Многогрѣшнаго въ Малороссіи.— Торжество Дорошенка.—Происки Тукальскаго.—Константинопольскій патріархъ выдаетъ проклятіе на Многогрѣшнаго. — Притязанія Барановича. — Царскій отвѣтъ малороссійскимъ посланнымъ.—Посольство изъ Москвы къ Константинопольскому патріарху для снятія проклятія съ Многогрѣшнаго.— Представленія Дорошенка. — Война на западной сторонѣ Днѣпра.— Неудовольствія Многогрѣшнаго.—Посольства къ нему изъ Москвы.—Доносы старшины на гетмана.—Многогрѣшный схваченъ и привезенъ въ Москву.—Обвиненія на него поданныя. — Допросъ и ссылка Многогрѣшнаго. — Ссылка Сѣрка.—Рада въ Козачьей Дубровѣ.—Избраніе Самойловича въ гетманы.— Похожденія ложнаго пророка Вдовиченка въ Запорожьѣ.

Успѣшнымъ окончаніемъ глуховской рады безпокойства московскаго правительства на счетъ Малороссіи далеко не прекращались: новый гетманъ далъ знать въ Москву, что 1-го іюля 1669 г. Суховѣй съ Запорожцами и съ крымскимъ султаномъ Нурадиномъ пришелъ подъ Каневъ и сталъ на Расавѣ, съ нимъ Запорожцевъ 3000 да Татаръ 100.000, полки уманскій, корсунскій и кальницкій поддались Суховѣю, отставъ отъ Дорошенка; что Дорошенко съ митрополитомъ тукальскимъ упросилъ Юрія Хмельницкаго оставить монашество: они хотятъ сдѣлать его гетманомъ; только въ такомъ случаѣ Дорошенко надѣется сохранить жизнь, потому что если выберутъ въ гетманы Суховѣя, то ему не быть живу: Суховѣй отомститъ ему за потопленіе своихъ людей подъ Переволочною. 6 іюля пришелъ въ Каневъ и Дорошенко и разослалъ универсалы, приглашая полковниковъ на раду на Расаву.

Въ сентябрѣ явился въ Москву посланецъ отъ Лазаря Барановича и увѣдомилъ, что гетманъ въ Смѣлой между Путивлемъ и Ромнами, при немъ царскія войска, нѣжинской пѣхоты 300 человѣкъ, да козацкіе полки—нѣжинскій, черниговскій, переяславскій, прилуцкій, стародубскій, при немъ и Мурашка; къ Смѣлой пошелъ гетманъ противъ Гамалеи и орды, потому что въ Малороссіи села и деревни жгутъ, людей побиваютъ и въ плѣнъ Татарамъ отдаютъ: съ Гамалеею три полка — миргородскій, полтавскій, лубенскій, да при немъ же 3000 Татаръ; гетманъ Черкасъ и Татаръ многихъ побилъ; но съ другой стороны, Дорошенко собирается многимъ собраньемъ и орда пришла къ нему многая пришли Турки, Волохи и Молдаване. Барановичь писалъ государю: «Многочастно и многообразно писалъ я къ вашему царскому величеству о помощи ратными людьми, да не буду безстуденъ, потому что гетманъ Демьянъ Игнатовичь утруждаетъ меня грамотами, и самъ въ Черниговѣ, когда провожали святѣйшаго папу и патріарха Паисія Александрійскаго, говорилъ: «мы святыни твоей послушавшись, цѣловали крестъ царскому величеству въ надеждѣ, что къ намъ ратные люди будутъ на помощь. Теперь на насъ орда наступаетъ, а помощи нѣтъ; наше попраніе ордамъ врата отверзетъ и въ великороссійскіе города.» Смилуйся государь, прикажи бояриму своему, князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому спѣшить на помощь украйнѣ, а гетманъ уже пошелъ изъ Батурина.» Сильнѣе писалъ Барановичъ къ Матвѣеву: «Государь указалъ князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому стоять въ Сѣвскѣ: но отъ этого гетману и украйнѣ какая помощь, когда подъ бокомъ у этихъ войскъ бусурманы съ козаками обѣихъ сторонъ бѣдную украйну, какъ хотятъ, пустошатъ, надъ гетманомъ Демьяномъ Игнатовичемъ и надо мною насмѣхаются. Еслибы сначала, вскорѣ послѣ статей Глуховскихъ, какъ я твоему благородію совѣтовалъ и къ царскому величеству писалъ, силы государевы наступили, то давно бы уже украйна успокоилась; и теперь еще не такъ трудно это сдѣлать, если скорая помощь къ гетману придетъ, потому что гетманъ человѣкъ рыцарскій, знаетъ какъ дѣло сдѣлать, только было бы съ чѣмъ.» Барановичь просилъ также царя и Матвѣева и о своемъ дѣлѣ, чтобы книга его: *Труба* была напечатана въ Москвѣ: «чтобы могъ вскорѣ типомъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ вострубити.» —

«По нашему великаго государя указу, отвѣчалъ царь, велѣно боярину князу Ромодановскому идти немедленно въ малороссійскіе города, и велѣно передъ собою послать помощь къ гетману 500 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ людей; книги: Трубы отданы въ свидѣтельство, и какъ изъ свидѣтельства выйдутъ, то нашъ указъ о нихъ будетъ.»

Архіепископъ напрасно такъ безпокоился: Дорошенко, занятой у себя усобицею, не могъ быть очень страшенъ для восточной стороны. Въ Запорожьѣ явился ему новый соперникъ, Ханенко, котораго польское правительство провозгласило гетманомъ западной стороны, гдѣ онъ и утвердился въ Умани и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Суховѣй началъ помогать Ханенку: Юрій Хмельницкій, скинувши монашескую рясу, соединился съ ними. Ханенко писалъ Многогрѣшному, чтобы помогалъ ему на общаго непріятеля Дорошенка. Но изъ Москвы Демьяну Игнатовичу дали знать, чтобы не вмѣшивался въ эту усобицу: «Указъ вашего царскаго величества исполнять готовъ, отвѣчалъ Многогрѣшный: понеже между собою раздоръ учинили, пусть сами и расправятся.» Гетманъ понялъ мысль царя и успокоился. Но Лазарь Барановичъ, теперь, по удаленіи Меѳодія, единственный архіерей на восточной сторонѣ, считалъ своею обязанностію заботиться объ интересахъ Малороссіи, не допускать нарушенія Глуховскихъ статей. Въ концѣ года пріѣхалъ отъ него въ Москву игуменъ Іеремія съ жалобами: 1) въ Глуховскихъ статьяхъ постановлено, что по первому или второму прошенію гетмана государевы войска явятся на защиту украйны: теперь все лѣто гетманъ просилъ войска—и не обрѣлъ милости, отъ чего великая поднялась молва въ людяхъ. 2) Въ Глуховскихъ статьяхъ постановлено отпустить всѣхъ узниковъ, засланныхъ въ Москву Брюховецкимъ, также всѣхъ козаковъ, взятыхъ на бою и деревенскихъ крестьянъ: теперь многіе Малороссіяне ходили въ Великую Россію отыскивать своихъ родственниковъ и возвратились ни съ чѣмъ. 3) Вопреки Глуховскимъ статьямъ взятыя воеводами войсковыя и городскія пушки до сихъ поръ не отданы, что нелюбо козакамъ, 4) Не отданы церковные утвари и сосуды. 5) Въ Глуховѣ постановлено, что безъ козацкихъ пословъ коммиссія съ поляками не будетъ отправляться; а теперь коммиссія не только отправлялась безъ казацкихъ пословъ, но, какъ видно изъ коммиссарскихъ писемъ

къ Дорошенку, и совершено, отъ чего встала большая смута. Архіепископъ бьетъ челомъ: если еще коммиссія не окончилась, то чтобы государь велѣлъ отправить на нее пословъ гетманскихъ, да утолится жителей украинскихъ малодушіе. 6) Полномочные коммиссары восточнымъ берегомъ Днѣпра отправили посланниковъ къ западному гетману Дорошенко, не давше знать объ этомъ гетману восточному, чѣмъ возбудили въ немъ гнѣвъ. 7) Посланники эти коммиссарскіе произвели большую смуту тѣмъ, что листами своими приглашали Малороссіянъ обѣихъ сторонъ Днѣпра высылать на сеймъ знатныхъ людей духовнаго и мірскаго чина съ челобитными къ королю о своихъ надобностяхъ: Малороссіяне стали опасаться, чтобы ихъ на коммиссіи королю не отдали.— Царь отвѣчалъ Барановичу: «Тебѣ бы радѣнье свое показать, гетмана и все войско утверждать, чтобы они на нашу милость были надежны: никто ихъ, за милосердіемъ Божіимъ, изъ-подъ нашей высокой руки восхитить не можетъ. Ты пишешь про Глуховскія статьи, что безъ посланниковъ козацкихъ коммиссіямъ не отправляться: хотя и такъ въ Глуховскихъ статьяхъ постановлено, однако тому время не дошло; а въ 17-й статьѣ написано: если у насъ, великаго государя съ королевскимъ величествомъ или ханомъ крымскимъ на коммиссіяхъ будетъ вспоминъ о войскѣ запорожскомъ, то въ то время быть козацкимъ посламъ; когда такіе разговоры начнутся, тогда гетманскіе посланцы и будутъ позваны; ты пишешь, что коммиссарскіе посланцы призывали Малороссіянъ на сеймъ къ королю; но въ листѣ боярина Ордина-Нащокина написано: призываетъ изъ украйны духовнаго и мірскаго чина людей для истинной вѣдомости и разсужденія духовнаго, о устроеніи вѣчномъ, призываетъ къ себѣ на коммиссію и Дорошенка, отводя отъ бусурманскаго совѣта, о посылкѣ же къ королю на сеймъ въ листѣ не написано. Заточники и плѣнные, которые сысканы, отосланы къ гетману, и кто именно, о томъ къ тебѣ послана роспись; о пушкахъ воеводы намъ писали, что они отдали ихъ гетману по глуховскимъ статьямъ, и что отдано, послана къ тебѣ роспись.»

Весною 1670 г. поѣхалъ въ Малороссію подьячій Михайла Савинъ искать мастера винограднаго строенья, также мастера, который бы умѣлъ сажать дули, груши, сливы, орѣхи кіевскіе, пасечника для пчелъ. 17 апрѣля въ Батуринѣ Савинъ былъ на обѣдѣ

у гетмана, къ которому съѣхались полковники всѣхъ городовъ восточной стороны поздравлять съ праздникомъ, Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеньемъ; не было только полковниковъ полтавскаго и миргородскаго. За обѣдомъ Многогрѣшный началъ говорить полковникамъ: «Слышу я, что козаки всѣхъ городовъ меня мало любятъ; если и вправду такъ, то вы бы били челомъ великому государю объ избраніи другаго гетмана, я клейноты войсковые уступлю тому, кого вы выберете. А пока я буду гетманомъ, своевольниковъ усмирять не перестану, сколько во мнѣ мочи будетъ, на томъ я великому государю присягалъ; не такъ бы, какъ Ивашка Брюховецкій: какъ Іуда Христа предалъ, такъ онъ великому государю измѣнилъ, а я обѣщался за великаго государя умереть, чтобы послѣ меня роду моему слава была; а сколько своевольникамъ не крутиться, кромѣ великаго государя дѣться имъ негдѣ.» Тутъ переяславскій полковникъ Дмитряшка Райча ударился объ столъ и началъ говорить со слезами: «Полно намъ уже тѣхъ гетмановъ обирать и за тѣми гетманами крови христіанской литься; будемъ себѣ только одного великаго государя имѣть неотступно, а своевольниковъ укрощать.»

На другой день, 18 числа у гетмана съ полковниками и старшиною была рада, потому что годъ безъ войны не пройдетъ: полковники всѣ присягали, цѣловали государево знамя на томъ, чтобы имъ ни на какія непріятельскія прелести не склоняться и противъ непріятелей стоять упорно и гетмана во всемъ слушаться. Савину сказывали, что полтавскій и миргородскій полковники гетману не послушны: Дорошенко къ нимъ пишетъ съ угрозами, чтобы гетмана Демьяна не слушались, а гетманъ Демьянъ къ нимъ пишетъ, чтобъ на Дорошенковы прелести не склонялись; а Полтавцы и Миргородцы, запершись въ городахъ, ни того, ни другаго не слушаются. Не очень хорошо говорили Савину и о другихъ полковникахъ: съ гетманомъ Демьяномъ великому государю вѣрно служатъ и прямымъ сердцемъ поступаютъ полковники — переяславскій Дмитряшка, да стародубскій Рословченко, а другихъ украинскихъ городовъ полковники такъ и сякъ.

Не прочно, по этимъ вѣстямъ, было положеніе гетмана въ Малороссіи, а тутъ еще самъ гетманъ прислалъ дурныя вѣсти о Запорожьѣ; въ іюлѣ 1670 года Многогрѣшный прислалъ грамоту Матвѣеву, «благодѣтелю и пріятелю своему милостивому»; гетманъ

жаловался, что Ханенко и Запорожцы отправили пословъ своихъ къ великому государю, въ грамотѣ, писанной къ нему, Демьяну, не назвали его гетманомъ: «Они хотятъ бить государю челомъ, писалъ Многогрѣшный, чтобы позволено было выбирать гетмана въ Запорогахъ, а не въ городахъ; но еслибы царское величество это позволилъ, то на украйнѣ вновь встало бы смятеніе, ибо запорожцы привыкли людей разгонять.» Но Москвѣ въ это время было не до поставленія въ Запорогахъ гетмана: Разинъ поднималъ восточное казачество. Въ сентябрѣ опять пріѣхалъ въ Батуринъ къ Многогрѣшному подъячій Савинъ съ царскою грамотою: царь приказывалъ гетману выбрать пять или шесть сотъ козаковъ и отправить ихъ въ полкъ къ князю Ромодановскому противъ Разина; гетманъ отвѣчалъ: «По государеву указу велѣлъ я въ разные города универсалы разослать, чтобы войско козацкое собиралось въ Глуховъ; велѣлъ я собрать войска тысячу человѣкъ, начальникомъ у него будетъ генеральный есаулъ Матвѣй Гвинтовка; я приказалъ ему идти въ полкъ къ князю Гр. Гр. Ромодановскому. Ко мнѣ пришли вѣсти изъ Лубенъ и Миргорода, что ханъ крымскій съ большимъ войскомъ вышелъ и хочетъ воевать на той сторонѣ Днѣпра Дорошенка и польскіе города; а Юраска Хмельницкій съ калгою салтаномъ идетъ на эту сторону и войска при немъ съ 60,000, хочетъ ханъ крымскій Юраску сдѣлать гетманомъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Изъ Запорогъ писали козаки къ Стенькѣ Разину, будто я гетманъ у великаго государя не въ подданствѣ, чтобы Стенька шелъ на государевы понизовые города безопасно, меня не боясь. А еслибы у меня такихъ вѣстей про Татарскій приходъ не было, то ябы, по указу великаго государя, послалъ войска своего съ 10,000 человѣкъ. Великій государь пожаловалъ бы меня, велѣлъ въ Сѣвскѣ быть пѣхотѣ, солдатскимъ полкамъ или стрѣлецкимъ приказамъ двумъ или четыремъ тысячамъ, потому что чаю я отъ своихъ людей шатости; Юраска Хмельницкій идетъ съ ордою на сю сторону; а меня мало любятъ, потому что ихъ руку и къ злой мысли мало поступаю, унимаю ихъ отъ всякой шатости; а что при мнѣ голова московскихъ стрѣльцовъ съ приказомъ, то его въ походъ съ собою брать не буду, потому что онъ будетъ домъ мой оберегать.»

Въ тоже время были въ Москвѣ посланцы Барановича и Мно-

гогрѣшнаго, нашъ старый знакомый, протопопъ Семенъ Адамовичъ и сотникъ Василій Семеновъ; гетманъ извѣщалъ чрезъ нихъ великому государю, что въ малороссійскихъ жителяхъ начала быть шатость: какъ были у царскихъ пословъ съ королевскими коммисарами съѣзды, то будто постановили Кіевъ и всѣ города этой стороны отдать Полякамъ; на съѣздахъ былъ стародубовскаго полковника Рославченка братъ Иванъ, и онъ-то сказывалъ гетману про всѣ посольскія постановленія; гетманъ и старшина отъ этого въ великомъ сомнѣніи, особенно оттого, что посланцы ихъ на съѣздѣ не были. Еслибы въ нынѣшнемъ или въ будущіе годы съ обѣихъ сторонъ Днѣпра и Запорожцы начали бить челомъ великому государю, чтобы собрать черневую раду, то великій государь гетмана пожаловалъ бы, черневой рады созывать не велѣлъ, чтобъ между ними не учинилось междоусобія и кровопролитія какъ при Брюховецкомъ. Если Дорошенку отъ непріятелей его, Ханенка и Суховѣя учинится утѣсненіе, и побѣжитъ онъ въ Кіевъ или иные города этой стороны Днѣпра или въ слободы на украйну, то великій государь не велѣлъ бы его принимать, чтобы не встало между ними междоусобіе. Если Дорошенко, Ханенко, Суховѣй или Сумской полковникъ и другой кто-нибудь станутъ писать къ царскому величеству на него, гетмана о какой невѣрности, то чтобы великій государь не изволилъ тому вѣрить. Если на этой сторонѣ ему гетману объявится противникъ, то великій государь велѣлъ бы его гетмана своими ратями оборонить и въ изнеможеніи позволилъ бы ему въ великороссійскіе города съ домомъ своимъ пріѣхать, а когда пріѣдетъ, чтобы воеводы или приказные люди непріятелямъ его не отдали. Великій государь велѣлъ бы его гетмана обнадежить, что Кіевъ и города восточной стороны не будутъ никогда уступлены королю.

Многогрѣшный думалъ, что Суховѣй и Ханенко заставятъ бѣжать Дорошенко; но вышло противное: Дорошенко поразилъ Суховѣя, Ханенка и Хмельницкаго, взялъ послѣдняго въ плѣнъ и отослалъ къ султану. Сперва Хмельниченко сидѣлъ въ Семибашенномъ замкѣ; но потомъ султанъ велѣлъ освободить его, пожаловалъ кормомъ и дворомъ. Торжествующій Дорошенко тѣмъ опаснѣе былъ для Многогрѣшнаго; но къ усобицѣ между гетманами присоединилась еще усобица между архіереями: Іосифъ Тукальскій не переставалъ хлопотать о подчиненіи себѣ Кіева и

всей Малороссіи, а такъ какъ политическое раздѣленіе Малороссіи на двѣ части подъ двумя гетманами производило и раздѣленіе церковное, то Іосифъ враждовалъ къ восточному гетману не менѣе Дорошенка. Но если на западной сторонѣ подлѣ Дорошенка находился претендентъ на митрополію, то на восточной подлѣ Многогрѣшнаго находился также архіерей, который, какъ мы видѣли, домогался первенства даже и въ томъ случаѣ, еслибы Кіевъ отошелъ къ Польшѣ. Лазарь Барановичъ заступился за себя и за своего пріятеля Демьяна Игнатовича и написалъ государю: «Преосвященный Іосифъ Тукальскій, митрополитъ кіевскій домогается у Демьяна Игнатовича, чтобы духовенство восточной стороны находилось въ его послушаніи и повинности. Я отписалъ ему, что Демьянъ Игнатовичъ безъ вѣдома, воли и указу вашего царскаго величества ему этого позволить не можетъ. Что жь случилось? Попъ Романовскій (Романъ Ракушка), который передъ тѣмъ въ Нѣжинѣ былъ козакомъ, зашедши на ту сторону Днѣпра, поѣхалъ отъ митрополита Тукальскаго въ послахъ къ св. Меѳодію, патріарху константинопольскому, и хитростію выправилъ на гетмана Демьяна Игнатовича неблагословенный листъ, чтобы его этимъ неблагословеніемъ застращавши, и міръ въ обиду подавши, смуту на сей сторонѣ украйны учинить. Хотя гетманъ вашего царскаго величества и не находится подъ зависимостію константинопольскаго престола, однако нельзя же не обращать вниманія на имя и власть вселенскаго патріарха. Демьянъ Игнатовичъ удивляется вмѣстѣ со мною такъ неосторожно выданному патріархомъ неблагословенію, что̀ не можетъ не оскорбить и вашъ пресвѣтлый престолъ, потому что Демьянъ Игнатовичъ вашего войска гетманъ. Онъ бьетъ челомъ, чтобы ваше царское величество ходатайствовало предъ патріархомъ константинопольскимъ о благословеніи ему, и чтобы впередъ патріархъ такъ неосторожно клятвенныхъ листовъ не выдавалъ; достойнѣе клятвы тотъ, кто ее обманомъ у св. патріарха выправилъ и вашего царскаго величества престолъ укорить дерзнулъ; въ этой патріаршей неблагословенной грамотѣ Демьянъ Игнатовичъ и гетманомъ не названъ, названъ простымъ именемъ Демкомъ Игнатенкомъ; мало ли есть Демковъ Игнатенковъ, но гетманъ одинъ — Демьянъ Игнатовичъ. Митрополитъ Тукальскій хочетъ завладѣть духовенствомъ восточной стороны Днѣпра; но здѣсь духовенство и мірскіе люди всѣ

хотятъ быть подъ моею паствою; я отдаю это дѣло на вашего царскаго величества высокое разсмотрѣніе — вѣдать ли мнѣ все духовенство на сей сторонѣ Днѣпра, какъ гетманъ вѣдаетъ мірскаго чина людей? потому что трудно духовенству, пребывающему на вашей царскаго величества сторонѣ, переѣзжать къ митрополиту на другую, королевскую сторону; въ этомъ раздѣленіи могло бы что-нибудь и недоброе возрасти. Митрополитъ кіевскій хотя и всей Россіи пастырь и ексархъ константинопольскій, однако не всегда священниковъ этой стороны имѣлъ въ своей паствѣ, но всякій находился въ послушаніи у своего особаго пастыря: черниговскіе черниговскаго архіепископа, переяславскіе переяславскаго епископа знали; митрополитъ же кіевскій отъ древнихъ вѣковъ въ Кіевѣ на своемъ сидя мѣстѣ у св. Софіи, только одною тою стороною Днѣпра довольствовался, и теперь, на той сторонѣ Днѣпра пребывая, довольствоваться тамошнимъ духовнымъ чиномъ можетъ. О Кіевѣ и прежде многочастно и многообразно писалъ я къ вашему царскому величеству, и теперь повторяю, ибо слухъ здѣсь прошелъ, что онъ на коммиссіи уступленъ Ляхамъ и послѣдняго числа ноября нынѣшняго года будетъ отданъ, о чемъ всѣ православныя кіевскія обители плачутъ, и весь православный малороссійскій народъ въ смятеніи. Ей премилосердый, православный царю! пожалѣй крови своей и искони вѣчнаго отечества, потому что сущая-то вашего царскаго величества кровь—оные правовѣрные великіе князья и цари кіевскіе; не отпускай же своего присвоенія и вѣнца царскаго, того святаго великаго града Кіева отъ своей государской руки правовѣрной въ иновѣрную, въ вѣчное поношеніе и жалость всему православному христіанскому народу. Смѣю припомнить и о государскомъ словѣ (понеже слово дѣломъ закоснѣло) на счетъ напечатанія трудовъ моихъ *Трубами* названныхъ, смиренно бью челомъ, чтобы ваше царское пресвѣтлое величество слово свое дѣломъ совершить изволилъ, потому что книги уже исправлены, св. Іоасафомъ патріархомъ благословены.» Протопопъ Семенъ подалъ и листъ патріаршескій съ проклятіемъ на Многогрѣшнаго: «Меѳодій, Божіею милостію архіепископъ Новаго Рима великій патріахъ. Честный отецъ Романъ протопопъ бряславскій извѣстилъ насъ, что во время войны и смятенія межъ людьми Демко Игнатенко овладѣлъ домомъ онаго іерея и пограбилъ имѣніе его — четыре-

ста осмачекъ хлѣба, шесть котловъ великихъ, четыре коня, полтораста свиней, двѣ сабли оправныхъ позолоченыхъ, пять-сотъ золотыхъ денегъ, а самого его изгналъ: если Демко Игнатенко отдастъ протопопу все, что взялъ, въ цѣлости, безъ отговорокъ, по доброй волѣ, то будетъ благословенъ; а если не захочетъ отдать, то дабудетъ отлученъ отъ Бога, проклятъ и не прощенъ, мертвый да не разсыплется никогда, до урѣченнаго суда; камни, дрова, желѣзо да истлѣютъ и разсыплются и земля разсядется, онъ же никогда. И пожретъ его земля яко Даѳона и Авирона; гроза Божія верху главы его; имѣніе его и труды дабудутъ прокляты и да неузритъ счастія никогда; имѣніе его вѣтромъ да пойдетъ, напослѣдокъ же и самъ да обратится ни во что; да познаетъ самъ, яко не съ нимъ Богъ, и св. Ангелъ Божій на страшномъ судѣ не при немъ, отлученъ отъ церкви христовой, чтобы его къ церкви никто не припускалъ, и дабы его не благословилъ и не кадилъ, дара Божія не давалъ, и у трапезы никто съ нимъ не ѣлъ и не пилъ и не сидѣлъ съ нимъ и не прощался съ нимъ и здоровья не сказывалъ, и когда умретъ, чтобы его тѣло никто не хоронилъ подъ тяжкою нашею клятвою архипастырскою и отлученіемъ отъ церкви того іерея, который его похоронитъ; будетъ на немъ проклятіе св. 318 богоносныхъ отцовъ никейскаго собора, доколѣ не отдастъ всѣхъ вещей, взятыхъ у отца господина Романа.»

13-го іюля протопопъ и сотникъ видѣли очи великаго государя, были у него у руки на крыльцѣ передъ передними сѣнями и, по первой статьѣ о Кіевѣ самъ государь объявилъ посланнымъ: хотя въ Андрусовскихъ статьяхъ и упомянуто было объ отдачѣ Кіева, но такъ какъ Поляки нарушили нѣкоторыя условія, потому теперь онъ и въ помышленіи не имѣетъ Кіева королю отдавать; на нынѣшней коммиссіи полномоченные послы королевскимъ коммиссарамъ и слова не дали говорить объ отдачѣ Кіева, восточной же стороны Днѣпра и сами Поляки не домогались. Подлиннаго постановленія о вѣчномъ мирѣ не учинено; а еслибы договоръ состоялся, то немедленно дано было бы знать гетману, чтобы присылалъ своихъ людей на коммиссію по статьямъ Глуховскимъ. На вторую статью о радѣ былъ отвѣтъ: великій государь черневой радѣ, хотя бы отъ кого и челобитье пришло, быть не изволитъ, да и быть радѣ не для чего: бываетъ черневая рада

для гетманскаго выбора, когда гетманъ умретъ или гетманомъ быть не велятъ. Дорошенка государь никуда пускать и принимать не велѣлъ. Государь знаетъ вѣрную службу гетмана Демьяна Игнатовича. и если кто-нибудь станетъ на него писать, вѣрить не изволитъ; въ нуждѣ воеводы его въ царскіе города примутъ и непріятелямъ не выдадутъ. Барановичу былъ отвѣтъ, что государь тотчасъ же велѣлъ начать печатаніе *Трубъ;* къ несчастію бумаги нѣтъ, придетъ изъ-за моря не ранѣе 1-го сентября. Царь обѣщалъ послать надежнаго Грека къ патріарху константинопольскому по дѣлу о проклятіи гетманскомъ. Наконецъ кіевская область и Малороссія по сю сторону Днѣпра отдана въ паству Барановичу. Протопопъ Семенъ писалъ гетману изъ Москвы: «Царское величество неизреченную милость къ вельможности твоей являетъ; непотребно нимало о милости его сомнѣваться; къ тому же и ходатай скорый и пріятный господинъ Артемонъ Сергѣевичъ (Матвѣевъ); онъ къ вельможности твоей совершенную любовь имѣетъ, а это лучше всего, о войскѣ запорожскомъ и о всей сторонѣ малороссійской безпрестанно у царскаго престола, какъ мать о чадахъ убивается; сказалъ намъ: «пока живъ, не перемѣнюсь.» Замедлились мы здѣсь за благимъ совѣтомъ Артемона Сергѣевича, который хотѣлъ, чтобы мы были при отпускѣ низовыхъ козаковъ запорожскихъ; не стыдился его милость Артемонъ Сергѣевичъ, именемъ царскимъ выговорилъ запорожцамъ: для чего Ханенко гетманомъ пишется, и для чего вельможность твою Сѣверскимъ, а не настоящимъ гетманомъ почитаютъ? Запорожцы дали слово быть подъ твоимъ послушаніемъ.»

Для ходатайства предъ византійскимъ патріархомъ о снятіи проклятія съ Многогрѣшнаго отправился въ Константинополь переводчикъ Христофоровъ, и привезъ оттуда любопытныя извѣстія, показывающія, въ какомъ затруднительномъ положеніи находился патріархъ вслѣдствіе подданства Дорошенкова султану. Въ Яссахъ царскій посланецъ встрѣтился съ знаменитымъ Тетерею, который ѣхалъ къ султану; на вопросъ Христофорова, что̀ это значитъ? Тетеря отвѣчалъ, что въ Польшѣ чести ему никакой не оказали. Пріѣхавши въ Царьградъ, Христофоровъ представился патріарху и подалъ ему царскую грамоту, въ которой Алексѣй Михайловичъ просилъ снять проклятіе съ гетмана Многогрѣшнаго. «О чемъ ко мнѣ великій государь пишетъ, отвѣчалъ патріархъ,

того я не упомню, справлюсь въ своихъ записныхъ книгахъ и завтра тебѣ отвѣтъ дамъ.» На другой день Христофоровъ отправился за отвѣтомъ «Прiискалъ я дѣло, сказалъ ему патрiархъ: сдѣлалось оно по неволѣ, такимъ образомъ: не стало въ польскомъ королевствѣ. въ городѣ Львовѣ православнаго епископа; одинъ Латинецъ, именемъ Симеонъ пожелалъ львовскаго архiерейскаго престола, и билъ челомъ волошскому господарю, чтобы писалъ объ немъ ко мнѣ. Господарь ко мнѣ написалъ; но я ему отказалъ. что безъ вѣдома всѣхъ православныхъ львовскихъ жителей въ епископы поставить мнѣ никого нельзя. Тогда этотъ Латинецъ нашелъ въ волошской землѣ двоихъ запрещенныхъ митрополитовъ, которые и посвятили его въ епископы въ городѣ Сочавѣ, и отпустили во Львовъ, но львовскiе православные на престолъ его не пустили, и выбрали набожнаго и добраго человѣка, инока Iосифа, ко мнѣ его прислали, и я поставилъ его къ нимъ въ епископы. Но Латинецъ Симеонъ билъ челомъ Дорошенку и Тукальскому, чтобы они объ немъ писали ко мнѣ, и они написали. что Симеонъ этотъ человѣкъ добрый, ученый и христiанинъ православный. Съ грамотами ихъ прiѣхалъ ко мнѣ Браславскiй протопопъ Романовскiй. Я отвѣчалъ, что уже епископъ поставленъ во Львовъ, а Симеона посвящалъ невѣдомо кто. Тогда Романовскiй поѣхалъ къ султану, и я получилъ грамоту отъ каймакама Мустафы паши, что султанъ приказываетъ мнѣ исполнить то, о чемъ писалъ Дорошенко. Я не послушался; но Романовскiй поѣхалъ въ другой разъ къ султану, и привезъ мнѣ грамоту уже отъ самого султана, чтобы я сейчасъ же исполнилъ Дорошенкову просьбу. Тутъ дѣлать мнѣ было нечего: отставилъ я епископа Iосифа и благословилъ Симеона. Въ это же время протопопъ Романовскiй билъ мнѣ челомъ, что во время войны Демьянъ Игнатовичъ пограбилъ у него имѣнiе и до сихъ поръ имъ владѣетъ, и чтобы я патрiархъ предалъ за это Демьяна проклятiю, а того мнѣ не сказалъ, что Демьянъ гетманъ и царскаго величества подданный. Я, посовѣтовавшись со всѣмъ соборомъ, далъ Романовскому на Демьяна проклятую грамоту, въ которой написано: если дѣйствительно такъ, какъ доносилъ Романовскiй, то анаѳема.»

«Учини, святѣйшiй патрiархъ, по прошенью царскаго величества, началъ Христофоровъ, изволь дать прощальную грамоту

гетману Демьяну Игнатовичу и съ тѣмъ отпусти меня къ царскому величеству.»—«Никакъ мнѣ этого сдѣлать нельзя, отвѣчалъ патріархъ: еслибы отъ этого мнѣ одному приключилась бѣда, то я принялъ бы съ радостію; но опасаюсь, чтобъ не навести бѣды всему христіанству; пошлю я къ Демьяну Игнатовичу прощальную грамоту, а онъ станетъ этимъ хвалиться, узнаетъ Дорошенко, тотчасъ отпишетъ къ султану, и будетъ отъ этого великое кровопролитіе.»

«Опасаться тебѣ этого нечего, возражалъ Христофоровъ: прощальную грамоту отвезу я къ царскому величеству, и царское величество изволитъ отослать ее къ гетману, и прикажетъ, чтобы держалъ ее при себѣ, для души своей, а хвалиться ему предъ народомъ не для чего.» — «Вотъ посмотри, отвѣчалъ патріархъ, какую сочинили ложную грамоту, будто я писалъ ее къ великому государю. Грамота объявилась у визиря; визирь призывалъ меня и хотѣлъ было погубить, да спасибо оправдали меня добрые люди; однако дѣло стоило мнѣ съ пять сотъ мѣшковъ.» Наконецъ патріархъ далъ грамоту.

Въ Константинополѣ патріархъ боялся Дорошенки, какъ присяжника султанова; а въ Чигиринѣ Дорошенко увѣрялъ греческаго архіерея въ своей преданности православному монарху. Весною 1671 года заѣхалъ къ нему греческій архіерей Манассія, отправлявшійся въ Москву, и Дорошенко началъ ему говорить: «Писать я къ царскому величеству не смѣю; донеси великому государю, что мы ради ему служить; отъ польскаго насилія принуждены мы на время поддаться Агарянину. Чтобы великій государь, для святой восточной церкви, принялъ насъ подъ свою руку, держалъ бы насъ, какъ держитъ нашихъ братьевъ той стороны; а если не захочетъ принять, то помирилъ бы насъ съ польскимъ королемъ. Въ 68 году приходилъ я въ царскіе заднѣпровскіе города съ Татарами по прошенью Ивашки Брюховецкаго и иныхъ старшинъ; однако и тогда я козаковъ и Татаръ до бою съ царскими ратными людьми не допустилъ, взятыхъ государевыхъ воеводъ и ратныхъ людей въ Москву *многихъ* (!) отпустилъ, хотя и претерпѣлъ за то отъ Татаръ большую бѣду; полковниковъ, которые съ Демьяномъ Игнатовичемъ царскому величеству поддались, не подговаривалъ и впередъ подговаривать не буду. Чтобы гетманъ той стороны со мною въ дружбѣ былъ и запорожскихъ послан-

цевъ къ польскому королю не пропускалъ; а ссоры всѣ отъ запорожцевъ: чтобы великій государь ни въ чемъ имъ вѣрить не изволилъ. Если государь пришлетъ ко мнѣ свой указъ, то я и Стеньку Разина къ его царскому величеству по прежнему въ подданство наговорю» — Въ Каневѣ Тукальскій объявилъ Манассіи, что какъ скоро государь обнадежитъ ихъ, что приметъ въ подданство, то онъ, митрополитъ сейчасъ же самъ поѣдетъ въ Москву, а теперь ѣхать и писать не смѣетъ, потому что и прежнія его письма объявились у Поляковъ. Въ грамотѣ своей къ царю Дорошенко особенно нарекалъ на запорожцевъ, которые, по его словамъ, и при Богданѣ Хмельницкомъ, и при другихъ гетманахъ, творили великое смятеніе между русскими христіанами, надъ безчисленными благочестивыми людьми убійства, мучительства и кровопролитіе исполняли. «Самъ я, писалъ Дорошенко, восточной церкви удъ, и потому, ища добра церквамъ россійскимъ, тебя, православнаго государя, за главу себѣ имѣю.»

Лѣтомъ 1671 года на западной сторонѣ Днѣпра началась война: съ одной стороны Дорошенко съ Турками и Татарами, съ другой Поляки пустошили несчастную страну; Ханенко и Сѣрко были на сторонѣ польской. Но и восточная сторона не была покойна. Въ концѣ 1671 года въ Москвѣ узнали, что гетманъ Многогрѣшный обнаруживаетъ сильное неудовольствіе, вслѣдствіе неопредѣленія границъ между Малороссіею и Литвою по рѣкѣ Сожѣ. «Если царское величество, говорилъ гетманъ царскому посланцу, подъячему Савину, если царское величество изволилъ земли наши отдавать королю по немногу, то ужь изволилъ бы насъ и всѣхъ отдать, король будетъ намъ радъ! Но у насъ на этой сторонѣ войска тысячъ со сто, будемъ обороняться, а земли своей не уступимъ. Отъ насъ задору никакого нѣтъ и не будетъ, а за правду будемъ головы свои складывать. Ожидалъ я къ себѣ царскаго величества милости больше прежняго, а царское величество изволилъ насъ въ неволю отдать: нашихъ купцовъ польскіе люди грабятъ и въ тюрьмахъ держатъ, около Кіева разоряютъ, а великій государь ничего имъ не сдѣлаетъ и насъ не обороняетъ; еслибъ мы сами себя не обороняли, то давно бы насъ Поляки въ неволю побрали; а на оборону отъ московскихъ людей надѣяться намъ нечего.» Все это говорилъ гетманъ съ сердцемъ, и тотчасъ же поѣхалъ съ челядью своею въ поле. Тамош-

ніе люди Савину сказывали: когда гетманъ сердитъ или въ какомъ сумнительствѣ, то все ѣздитъ по полямъ и думаетъ про всякія дѣла.

Гетманомъ дѣйствительно овладѣло сильное сумнительство: «Я, говорилъ онъ, нынѣшняго своего чина не желаю, потому что очень боленъ, желаю прежде смерти сдать гетманство. Если мнѣ смерть приключится, то у козаковъ такой обычай — гетманскіе пожитки всѣ разнесутъ, жену, дѣтей и родственниковъ моихъ нищими сдѣлаютъ; да и то у козаковъ бываетъ, что гетманы своею смертію не умираютъ; когда я лежалъ боленъ, то козаки сбирались всѣ пожитки мои разнести по себѣ.»

Для объясненій по дѣламъ польскимъ въ январѣ 1672 года къ Демьяну въ Батуринъ явился стрѣлецкій полуголова Танѣевъ. «Точно, сказалъ гетманъ Танѣеву: я говорилъ, что великій государь изволилъ отдавать землю нашу по немногу, говорилъ для того, чтобы великій государь пожаловалъ, Поляковъ пускать за Днѣпръ и за Сожу не велѣлъ; только ихъ пустить за рѣку Сожу, и они станутъ вступаться въ малороссійскіе города, земли и угодья, станутъ называть города многіе на этой сторонѣ Днѣпра своими; правда ихъ и постоянство мнѣ извѣстны, на чемъ пункты ни становятъ, никогда того не держатся.» Въ Батуринѣ при гетманѣ жилъ въ это время голова московскихъ стрѣльцовъ Григорій Неѣловъ; онъ поразсказалъ Танѣеву много новостей: «Ѣздилъ нѣжинскій протопопъ въ Новгородокъ Сѣверскій къ архіепископу Лазарю Барановичу, заѣхалъ по дорогѣ въ Батуринъ, былъ у гетмана, и тотъ началъ ему говорить: «я узналъ, что государь указалъ быть на мое мѣсто гетманомъ кіевскому полковнику Константину Солонинѣ, а меня отставить.» Протопопъ отвѣчалъ ему, чтобы онъ не вѣрилъ такимъ словамъ, государь его жалуетъ и никогда не перемѣнитъ. Гетманъ осерчалъ и хотѣлъ своими руками отсѣчь протопопу голову саблею у себя въ свѣтлицѣ и бранилъ его всячески, кричалъ: «Ты за одно съ Москалями мною торгуешь!» Протопопъ перепугался, не сталъ при гетманѣ сходиться съ Неѣловымъ и ему подходить къ себѣ не велѣлъ, видѣлся съ нимъ тайно у церкви и велѣлъ беречься, чтобы какого лиха отъ тѣхъ словъ не сдѣлалось въ Украйнѣ.»

Симеонъ Адамовичъ самъ описалъ Матвѣеву разговоръ свой съ гетманомъ: «Яко изначала началъ я за помощію Божіею служити

вѣрно великому государю: тако и нынѣ, сколько могу, служу и радѣю; только нынѣшней наглой нашедшей на гетмана скорби никоими притчами и мѣрами исцѣлити не могу. Нѣкто крамольникъ вмѣстилъ гетману, будто великій государь Константина Солонину гетманомъ запорожскимъ учинилъ. Зѣло о томъ сѣтуетъ; скорбитъ о томъ, что Пиво съ Ляхами около Кіева монастыри и монастырскія отчины попустошилъ; спрашиваетъ, по коихъ мѣстъ граница съ Ляхами? а мнѣ почему знать! И о Кіевѣ сѣтуетъ и говоритъ, буде Кіевъ великій государь отдастъ? И я ему клянуся душею и священствомъ, что ничего того великій государь не мыслитъ, и на меня оскорбился, смертною казнію грозя: если что съ Москвы послышу непристойное, велю тебя лютою смертію уморити. И я ему сказалъ, что за истину и за великаго государя готовъ умереть, а то все сказываютъ ложь, и его милостію государскою безпрестанно обнадеживаю, а какъ увидалъ конечную его непреклонную скорбь, пріѣхавъ изъ Батурина февраля въ 1-е посовѣтовавъ съ думнымъ дворяниномъ, съ Ив. Ив. Ржевскимъ, нарочно скорымъ гонцомъ в. государю и твоей милости о томъ вѣстно чинилъ. Бога ради, попецытеся, какъ скоряе посылайте какова умна человѣка отъ в. государя къ гетману съ грамотою, обнадеживая его, опишите о Кіевѣ и о границѣ, что Кіевъ не въ отдачѣ Ляхамъ и о томъ, что о Солонинѣ на гетманство и не помышляется, потѣшьте Господа ради!» Въ слѣдъ за грамотою, протопопъ, вмѣстѣ съ есауломъ Павломъ Грибовичемъ, отправился въ Москву въ послахъ отъ гетмана.

Дѣйствительно молва о смѣнѣ Многогрѣшнаго Солониною, невѣдомо откуда, шла по Украйнѣ; но мы знаемъ, съ какою легкостію вѣрили въ Украйнѣ всякой молвѣ; приверженцы Демьяна встревожились не меньше его самого. Къ нѣжинскому воеводѣ Ржевскому пришелъ того же города козацкій полковникъ Гвинтовка и началъ говорить, что царь велѣлъ перемѣнить гетмана и всю старшину. Ржевскій позвалъ его къ себѣ обѣдать; тотъ не пошелъ и сказалъ: «Какъ къ вамъ идти? какіе вы добрые люди, что такъ дѣлаете непостоянно?» Старая сказка объ уступкѣ Кіева и всей Малороссіи королю польскому опять пошла въ ходъ. Многогрѣшный говорилъ Неѣлову: «Государь съ королемъ помирился, городъ Кіевъ и насъ всѣхъ уступилъ Полякамъ; но если такъ сдѣлано, то мы всѣ, покиня женъ своихъ и дѣтей у царскаго ве-

личества, пойдемъ головами своими противъ Поляковъ борониться, Кіева, Печерскаго монастыря и малороссійскихъ городовъ въ королевскую сторону не отдадимъ, у короля въ подданствѣ никогда не будемъ; далъ мнѣ знать объ этомъ Дорошенко, а Дорошенку сказывалъ польскій посолъ.» Когда пронесся слухъ о смѣнѣ Демьяна Соловиною, то гетманъ пилъ непомѣрно и сердитъ былъ многое время, съ Неѣловымъ не говорилъ ничего и къ себѣ не призывалъ, пьяный изрубилъ саблею переяславскаго полковника Дмитрашка Райчу, такъ что тотъ слегъ отъ ранъ. Въ другой разъ, напившись, билъ по щекамъ и пинками и хотѣлъ рубить саблею судью Ивана Домонтова, насилу Неѣловъ отнялъ у него саблю, за что Демьянъ бранилъ его Москалемъ. — «Но когда гетманъ не пьетъ, говорилъ Неѣловъ Танѣеву, то у него все разсмотрительно; теперь вся старшина боится его взгляду, и говорить ни о какихъ дѣлахъ не смѣютъ, потому что гетманъ сталъ къ нимъ непомѣрно жестокъ. Судьи очень тужатъ; говорили мнѣ, что гетманъ теперь сталъ очень сердитъ на нихъ всѣхъ старшинъ: только кто молвитъ слово—онъ и за саблю, спуску никому нѣтъ; стародубскаго полковника Петра Рословченка онъ перемѣнилъ, велѣлъ быть полковникомъ брату своему родному Саввѣ Шумѣйку; Рословченко сидитъ въ Батуринѣ за карауломъ, за что сидитъ — никто не вѣдаетъ и бить челомъ никто за него не смѣетъ. Старшины — обозный Петръ Забѣла, и судьи, и Дмитрашка Райча в. государю служатъ вѣрно и обо всякихъ новостяхъ мнѣ даютъ знать, только боятся со мною видѣться днемъ, потому что безпрестанно гетманъ велитъ челядникамъ своимъ за ними смотрѣть, чтобы они съ московскими людьми не сходились; съ новостями приходятъ они ко мнѣ по ночамъ; я привелъ ихъ къ присягѣ: цѣловали образъ Спасовъ, что быть имъ неотступно подъ государевою рукою. Однажды говорилъ со мною гетманъ: какъ бы царское величество изволилъ той стороны Днѣпра гетмана Петра Дорошенка принять подъ свою высокую руку, то онъ бы Дорошенко былъ на той сторонѣ Днѣпра гетманомъ, а я на этой сторонѣ; Дорошенко бы ту сторону отъ непріятельскихъ людей оберегалъ, а эта сторона была бы въ мирѣ и тишинѣ, на сю сторону Дорошенко непріятелей не пускалъ бы.» Неѣловъ объяснилъ и причину такой внезапной перемѣны въ отношеніяхъ Многогрѣшнаго къ Дорошенку: гетманъ, говорилъ онъ, ссылается тайно и

безпрестанно съ Дорошенкомъ, на банкетахъ пьетъ здоровье Дорошенка и меня пить заставляетъ. Былъ гетманъ на банкетѣ у полковника Дмитрашки Райчи и говорилъ всей старшинѣ: «Видите вы, какая ко мнѣ великаго государя неизреченная милость: присланъ ко мнѣ полковникъ Григорій Неѣловъ съ полкомъ, и у него стрѣльцовъ въ полку съ 1000 человѣкъ.» Старшина говорила: «еслибы не царская милость и не радѣнье батьки нашего и добродѣя, неотступнаго просителя государской милости ко всей Украйнѣ, Артемона Сергѣевича Матвѣева, еслибы хотя мало присылка Танѣева запоздала, то быть бы въ Украйнѣ большимъ бѣдамъ, должно быть ангелъ благовѣстилъ великому государю, что на эти лихіе часы, въ такихъ нашихъ смутныхъ бѣдахъ прислалъ своего посла, его пріѣздомъ все у насъ пошло хорошо попрежнему, и многія души освободились отъ невиннаго турбованія.» Неѣловъ говорилъ Танѣеву: «если гетманъ станетъ пить попрежнему, то я боюсь бѣды; ключи городскіе у меня; кто откуда ни пріѣдетъ, гетманъ приказалъ мнѣ, распрося, посылать къ себѣ.»

Когда въ Москвѣ получена была грамота Симеона Адамовича, то поскакалъ въ Батуринъ малороссійскаго приказа переводчикъ Григорій Колчицкій съ царскою грамотою къ гетману. Государь писалъ: «Нашего указа не бывало, чтобы Солонинѣ быть гетманомъ; мы никогда не назначимъ гетмана безъ челобитья всего войска запорожскаго и безъ рады войсковой даже и по смерти твоей. Солонина удержанъ въ Москвѣ для переговоровъ съ польскими послами.» Выслушавъ грамоту, гетманъ сказалъ: «Въ грамотѣ написано: государю вѣдимо учинилось, что я пребываю въ великомъ сомнѣніи на счетъ Солонины; а отъ кого вѣдимо учинилось— въ грамотѣ не сказано? — «Великому государю и мнѣ это неизвѣстно», отвѣчалъ посланный. «Если слухъ пошелъ отъ Малороссіянъ, уйми ихъ по своимъ правамъ; если отъ московскихъ ратныхъ людей, отпиши объ нихъ къ в. государю.»—«О назначеніи Солонины, сказалъ гетманъ, слышалъ мой слуга въ Кіевѣ. Тотъ же слуга сказывалъ мнѣ, что жена Солонины разослала по кіевскому полку листы, приказывая, чтобъ готовили стацію къ пріѣзду мужа ея. Я велѣлъ ей быть въ Батуринъ для допросу.» При Колчицкомъ пріѣхала она въ Батуринъ и объявила, что ничего не слыхала и ни о чемъ не приказывала. Гетманъ велѣлъ отпустить ее въ Кіевъ. Посланный обнадеживалъ гетмана и на счетъ Кіева,

что никогда не будетъ отданъ Полякамъ; гетманъ отвѣчалъ, что ни въ чемъ не сомнѣвается, но потомъ высказалъ новую причину неудовольствія на Москву: «Какая мнѣ и войску честь отъ великаго государя? на глуховской радѣ постановлено, что при переговорахъ съ Поляками присутствуютъ посланцы войска запорожскаго съ вольнымъ голосомъ, а теперь на Москвѣ посланцевъ нашихъ и въ палату не пускаютъ. Войску запорожскому отъ того безчестье и печаль великая!» — «Послѣ переговоровъ, отвѣчалъ Колчицкій, полковнику Солонинѣ и товарищамъ даютъ знать обо всемъ и отвѣтныя письма объявляютъ.» — «Какъ тому вѣрить? возразилъ гетманъ: показываютъ что написано русскимъ письмомъ: вольно что хотятъ написать; а намъ тутъ большое сомнѣніе.» — «Не одни русскія письма показываютъ, но и польскія», отвѣчалъ посланный, увѣряя гетмана, что его служба и радѣнье не будутъ забвенны у великаго государя. «Еслибъ я мыслилъ зло, сказалъ гетманъ, то этихъ словъ не объявлялъ бы.» Но еще Колчицкій былъ въ Батуринѣ, какъ 20 февраля Нѣловъ далъ знать нѣжинскому воеводѣ Ржевскому, что въ Батуринѣ становится мятежно и чаетъ онъ бѣды: пришелъ въ Батуринъ Ворошиловскій полкъ и козаки этого полка разставлены по тѣмъ же дворамъ, гдѣ стоятъ стрѣльцы, и козаки говорятъ стрѣльцамъ непристойныя слова, отъ которыхъ и прежде была бѣда. Самъ Ржевскій писалъ къ кіевскому воеводѣ князю Козловскому, смѣнившему Шереметева, что сынъ нѣжинскаго полковника Гвинтовки объявилъ ему, что гетманъ Демьянъ посылаетъ въ Кіевъ Стародубскій полкъ брата своего Шумѣйка, да изъ Батурина Ворошиловскій полкъ. Ржевскій въ той же грамотѣ жаловался Козловскому, что Гвинтовка начинаетъ быть къ нему недобръ, и жители нѣжинскіе не по прежнему ласковы. Пришелъ въ Кіевъ гоголевскій попъ Исакій и объявилъ воеводѣ: былъ я въ Терехтемировскомъ монастырѣ и слышалъ отъ тамошняго игумена, что гетманъ Демьянъ и полковники разныхъ городовъ переяславской (восточной) стороны часто списываются съ гетманомъ Дорошенкомъ о томъ, чтобы имъ не допустить государя до миру съ польскимъ королемъ, а если государь отдастъ Кіевъ польскому королю, то имъ соединиться всѣмъ съ обѣихъ сторонъ, за Кіевъ стоять и съ Поляками биться.

Въ Батуринъ опять поскакалъ только что возвратившійся оттуда Танѣевъ. Выслушавъ успокоительную царскую грамоту, гет-

манъ долго молчалъ, потомъ началъ: «Какъ мнѣ, начальнымъ людямъ и всему войску запорожскому не имѣть опасенія, видя, что великій государь Кіевъ и эту сторону Днѣпра отдаетъ Ляхамъ въ вѣчную нестерпимую неволю, посрамленіе и безчестіе, церкви Божіи на унію. разореніе и запустѣніе, отдаетъ тайно, потому что во время переговоровъ въ Москвѣ нашимъ посланцамъ не позволили сидѣть въ посольской избѣ и вольныхъ голосовъ имѣть, держать ихъ на Москвѣ какъ невольниковъ, отговариваются тѣмъ, будто королевскіе послы этого не хотятъ, называя ихъ своими холопями. Но это сдѣлали не королевскіе послы, а царскіе бояре, чтобы отдача Кіева и малороссійскихъ городовъ была невѣдома войску запорожскому. Этимъ войско запорожское на вѣки обезчещено; Поляки станутъ смѣяться надъ нами и въ хроники впередъ для спору напишутъ, что Москва козаковъ въ посольство не допустила. Когда ранятъ кого въ лобъ, то хотя рану и залѣчатъ, но знакъ ея до смерти останется: такъ и намъ этого безчестья вѣчно не забыть. А великій государь городъ Кіевъ и всѣ малороссійскіе города не саблею взялъ, поддались мы добровольно для единой православной вѣры. Если Кіевъ, малороссійскіе города, я и все войско запорожское великому государю не надобны, отдаетъ королю, то онъ бы воеводъ своихъ изъ этихъ городовъ велѣлъ вывести, мы сыщемъ себѣ другаго государя. И Брюховецкій, видя московскія неправды, много терпѣлъ, да не утерпѣлъ, и хотя смерть принялъ, а на своемъ поставилъ: такъ и я, видя неправды великія, велѣлъ въ Черниговѣ большой городъ отъ малаго городка отгородить, а что отъ этого сдѣлается, Богъ вѣдаетъ. Да и время намъ искать другаго государя, кромѣ короля, а подъ королевскою рукою не будемъ, хоть до ссущаго младенца помремъ. Поляки хотятъ на московскія деньги идти на Дорошенка, усмирить его, и потомъ взять Кіевъ и малороссійскіе города; но мы, войско обѣихъ сторонъ Днѣпра, соединясь съ турскимъ войскомъ и съ Татарами, пойдемъ противъ польскихъ силъ, и хотя всѣ помремъ, а Кіева и малороссійскихъ городовъ не дадимъ. Да и дожидаться не станемъ: послѣ Свѣтлаго Воскресенья пойдемъ въ польское государство войною великимъ собраньемъ; Варшава и всѣ польскіе города не устоятъ, будутъ сдаваться, потому что во всѣхъ городахъ православія много, развѣ устоитъ Каменецъ Подольскій и то не надолго; ни одинъ Полякъ не останется, развѣ

православной вѣры, и посполитые люди подъ державою турскаго султана будутъ; а какъ надъ польскимъ государствомъ что учинится, такъ и другому кому тоже достанется. Государь пишетъ, что списокъ съ договорныхъ статей пришлетъ съ полковникомъ Солониною: но я и все войско этимъ спискамъ не вѣримъ, чего глаза наши не видали и уши не слыхали. И такъ много ко мнѣ писемъ съ Москвы присылаютъ, только бумагою, да ласковыми словами утѣшаютъ, а подлиннаго ничего не объявляютъ, много съ Поляками договоровъ чинятъ, а границы не учинятъ; а Поляки мало-по-малу малороссійскій край заѣзжаютъ, полковникъ Пиво около Кіева все запустошилъ, людей побивалъ въ посадахъ. Гомельцы просятся къ войску запорожскому, и мнѣ не принять ихъ нельзя, войско никого не отгоняетъ, да и время мнѣ свой разумъ держать. Писалъ я къ царскому величеству о Дорошенкѣ и Запорожцахъ; мнѣ даютъ знать, что съ отвѣтомъ скоро пріѣдетъ голова московскихъ стрѣльцовъ Колупаевъ; но онъ присланъ будетъ не для тѣхъ дѣлъ, знаю я, для чего онъ пріѣдетъ, да пусть нездоровъ пріѣдетъ. И ты если еще ко мнѣ съ неправдою пріѣдешь, то будешь въ Крыму, потому что и ты у Поляковъ набрался ихъ лукавыхъ нравовъ. Какъ польскіе послы, набравшись на Москвѣ денегъ, пойдутъ въ свою землю на Смоленскъ или на другіе тамошніе города, то наши козаки эту казну съ ними раздѣлятъ; а хорошо, еслибы они пошли на малороссійскіе города, тогда и намъ бы что-нибудь досталось.» Получивши такой пріемъ, Танѣевъ бросился къ Неѣлову: тотъ подтвердилъ, что Демьянъ конечно соединился съ Дорошенкомъ, съ нимъ и съ его стрѣльцами обходится не по прежнему, на караулахъ велѣлъ стоять стрѣльцамъ съ убавкою, а которые ставились по форткамъ, тѣхъ велѣлъ свести. «Старшины, продолжалъ Неѣловъ, обозный Петръ Забѣла, судьи и полковникъ Дмитрашка Райча государю служатъ вѣрно, про всякія вѣдомости мнѣ знать даютъ; они говорятъ, что Демьянъ государю измѣнилъ, соединясь съ Дорошенкомъ, поддался турскому султану, далъ Дорошенку въ помощь на войско 24.000 ефимковъ, во всѣхъ полкахъ помѣстилъ полковниками родню свою, братьевъ, зятей и друзей, и хочетъ сдѣлать такъ же какъ и Брюховецкій; имѣніе свое изъ Батурина вывезъ въ Никольскій Крупицкій монастырь и въ Сосницу; брату своему Василью велѣлъ большой Черниговъ отгородить отъ малаго городка, въ ко-

торомъ царскіе ратные люди, и шанцы сдѣлать, а имѣніе ему велѣлъ вывезть изъ Чернигова въ Седневъ; самъ Демьянъ хочетъ идти съ женою и дѣтьми изъ Батурина въ Лубны 15 марта. Наконецъ Многогрѣшный, призвавъ старшину, объявилъ, что государь къ нему пишетъ всю старшину прислать въ Москву, а изъ Москвы разослать ихъ въ сибирскіе города на вѣчное житье.»

Ночью на 8 марта Танѣевъ и Нелѣловъ отправились къ Петру Забѣлѣ въ стрѣлецкихъ зипунахъ, съ бонделерами и бердышами. Тамъ, кромѣ хозяина, были судьи, Иванъ Домонтовичъ и Иванъ Самойловичъ и Дмитрашка Райча. Какъ увидали старшины московскихъ людей, залились слезами и повели жалобную рѣчь: «Бѣда наша великая, печаль неутѣшная, слезы неутолимыя! По наученью дьявольскому, по прелести Дорошенковой, гетманъ забывъ страхъ Божій и судъ Его праведный, царскую милость и жалованье, великому государю измѣнилъ, соединился съ Дорошенкомъ подъ державу турскаго султана. Посылалъ гетманъ къ Дорошенку совѣтниковъ своихъ чернецовъ, и Дорошенко при нихъ присягнулъ ему, а чернецы присягнули Дорошенку за гетмана; потомъ Дорошенко прислалъ къ гетману Спасовъ образъ съ своими посланцами, и гетманъ клялся при нихъ, и посланцы дали ему клятву за Дорошенка. Послѣ этой присяги гетманъ послалъ Дорошенку въ помощь, на жалованье войску, 24,000 ефимковъ. Къ намъ, старшинѣ гетманъ сталъ безмѣрно жестокъ, не дастъ ни одного слова промолвить, бьетъ и саблею рубитъ, во всѣхъ полкахъподѣлалъ полковниками и старшиною все своихъ братьевъ, зятей, друзей и собесѣдниковъ. Говоритъ, будто послалъ Ворошиловъ полкъ по вѣстямъ къ Днѣпру; но послалъ онъ его не къ Днѣпру, а въ Лубны къ зятю своему и велѣлъ поставить на чигиринской дорогѣ; во всѣ полки разослалъ универсалы, будто Татары вышли къ Дорошенку и изо всѣхъ мѣстъ велѣлъ идти въ осаду, точно такъ же, какъ и Брюховецкій дѣлалъ. Имѣніе свое все изъ Батурина вывезъ въ Никольскій Крупицкій монастырь, а изъ монастыря въ Сосницу; самъ съ женою и дѣтьми хочетъ идти въ Лубны 15 марта, а славу пускаетъ, будто идетъ въ Кіевъ молиться; насъ, старшину возьметъ съ собою; мы боимся, какъ только насъ изъ Батурина вывезетъ, велитъ побить или въ воду посадить, или по тюрьмамъ разошлетъ; да и то опасно: какъ поѣдетъ изъ Батурина, велитъ послѣ себя по воротамъ стать мужикамъ

силою, стрѣльцы пустить ихъ не захотятъ, и оттого начнется задоръ, кровопролитіе великое, что и будетъ началомъ войны. Стрѣльцовъ въ Батуринѣ мало, да и тѣ худы, надѣяться на нихъ нельзя. Неѣлова, выманя за городъ, не связалъ бы и въ Крымъ не отдалъ; давно бы онъ надъ нимъ и надъ стрѣльцами сдѣлалъ дурно, да мы по сіе время берегли. Да и васъ отпуститъ ли, а если и отпуститъ, то въ Королевцѣ и Глуховѣ будутъ обыскивать писемъ. Степана Гречанаго, который былъ въ Москвѣ съ полковникомъ Солониною, заведши въ комнату, привелъ къ присягѣ, что быть съ нимъ заодно, и велѣлъ ему писать то, чего отнюдь на Москвѣ не бывало, чтобъ этимъ отвратить украйну отъ государя. Однажды гетманъ созвалъ къ себѣ всѣхъ насъ и говорилъ: царское величество издавна пишетъ ко мнѣ, чтобъ я всю старшину прислалъ въ Москву, а изъ Москвы хочетъ сослать въ Сибирь на вѣки; мы ему въ этомъ не вѣримъ: затѣваетъ онъ своимъ злымъ умысломъ. Какъ будетъ въ Лубнахъ и Сосницѣ, сберетъ къ себѣ всю старшину и духовныхъ, прочтетъ имъ письма Степана Гречанаго, также объ отсылкѣ всей старшины въ Сибирь, и станетъ говорить: «Видите, какъ Москва обманчива; что намъ отъ нихъ добраго ждать?» Въ Лубны Дорошенко пришлетъ къ нему Татаръ, а послѣ и самъ гдѣ-нибудь съ нимъ увидится.» Райча объявилъ: «Призывалъ меня гетманъ ночью и велѣлъ цѣловать Спасовъ образъ, что быть съ нимъ заодно и государевыхъ ратныхъ людей побивать, послѣ чего подарилъ мнѣ свой лукъ. Я эту присягу въ присягу не ставлю, потому что присягалъ неволею, убоясь смерти, да и не по правдѣ.» Старшины просили, чтобы Танѣевъ передалъ все это Матвѣеву, а тотъ бы доложилъ государю: чтобы великій государь не отдалъ отчины своей злохищному волку въ разоренье, изволилъ въ Путивль прислать на спѣхъ самыхъ выборныхъ конныхъ людей, человѣкъ 400 или 500, а къ нимъ прислать свою милостивую обнадеживательную грамоту. Они и Неѣловъ дадутъ ратнымъ людямъ знать, чтобы прибѣжали въ Батуринъ на спѣхъ: можно на Конотопъ поспѣть ободну ночь; но еще до ихъ пріѣзда они свяжутъ волка и отдадутъ Неѣлову, а когда пріѣдутъ ратные люди, отошлютъ съ ними въ Путивль и, написавъ всѣ его измѣны, повезутъ къ великому государю сами. Вся бѣда чинится отъ совѣтниковъ его, протопопа Симеона Адамова, есаула Павла Грибовича, батуринскаго атамана

Еремѣя, а промышленникъ во всемъ нѣжинскій полковникъ Матвѣй Гвинтовка. Больше всѣхъ ссорщикъ протопопъ Семенъ: посылаетъ его гетманъ на Москву для провѣдыванія всякихъ вѣстей, а тотъ, желая его удобрить, сказываетъ ему то, чего не бывало. «Глуховскія статьи становилъ я, сказалъ Забѣла, въ нихъ написано: духовнаго чина въ посольствѣ не посылать и не принимать, и именно нѣжинскаго протопопа Семена Адамова. Если сего злохищника Многогрѣшнаго Богъ предастъ въ руки наши, то чтобы великій государь пожаловалъ насъ, велѣлъ быть гетманомъ боярину великороссійскому, тогда и постоянно будетъ; а если гетману быть изъ малороссійскихъ людей, то никогда добра не будетъ.»

Между тѣмъ виновники всего зла, по словамъ старшины, протопопъ Симеонъ Адамовичъ и есаулъ Грибовичъ отправили свое посольство въ Москвѣ, подали информацію отъ Демьяна Игнатовича: гетманъ просилъ о размежеваніи Малороссіи съ Литвою; жаловался, какъ смѣли польскіе послы не пустить козацкихъ посланцевъ къ засѣданію при переговорахъ: «Время господамъ Ляхамъ перестать съ нами такъ обращаться, потому что съ такимъ же ружьемъ, съ такими же саблями и на такихъ же коняхъ сидимъ, какъ и они; пусть знаютъ, что еще не засохли тѣ сабли, которые насъ освободили отъ холопства и отъ тяжкой неволи. Молимъ царское величество, чтобы господа Ляхи не смѣли больше называть насъ своими холопами. Довольно нашего терпѣнія! Польскій полковникъ Пиво пустошитъ хутора кіевскіе, захватилъ шесть человѣкъ и куда дѣвалъ—неизвѣстно; мы послали бывшаго черниговскаго полковника Лысенка въ Кіевъ; тотъ обратился къ воеводѣ, князю Козловскому съ просьбою о помощи: «Не могу тебѣ помочь, отвѣчалъ воевода, потому что отъ царскаго величества задирать Поляковъ указа не имѣю.» Посланные должны подать царскому величеству роспись убытковъ, причиненныхъ Пивомъ, и спросить, неужели гетману и войску оставаться долѣе въ такомъ смущеніи?»

Смущеніе кончилось, ибо Забѣла съ товарищами исполнили свое обѣщаніе: въ ночь на 13 марта они схватили Многогрѣшнаго и отправили въ Москву съ генеральнымъ писаремъ Карпомъ Мокріевичемъ. Братья Многогрѣшнаго Василій и Шумѣйка, услыхавъ о судьбѣ гетмана, скрылись. 6 апрѣля тайно пришелъ къ кіев-

скому воеводѣ, князю Козловскому, Кіевобратскаго монастыря ректоръ игуменъ, Варлаамъ Ясинскій, и сталъ умолять, чтобы о его извѣтѣ не свѣдали малороссійскіе духовные и мірскіе люди. Воевода обѣщалъ глубокую тайну, и Варлаамъ началъ: «Пришли ко мнѣ два монаха и показали прохожій листъ отъ игумена Максаковскаго монастыря Ширковича и сказали, что пришли за своими дѣлами, я ихъ отпустилъ уже изъ кельи, но одинъ изъ нихъ вернулся и началъ меня упрашивать: умилосердись, отецъ ректоръ, вели меня проводить до Печерскаго монастыря, чтобы меня московскіе люди, кіевскіе козаки и жители не опознали: я гетмана Демьяна братъ, Василій Многогрѣшный! Теперь онъ у меня. Воевода сейчасъ же послалъ захватить бѣглеца въ Братскомъ монастырѣ и привесть въ приказную избу, гдѣ его допросили и отправили въ Москву.

Здѣсь, ничего не зная, отпустили въ началѣ марта гетманскихъ посланцевъ, протопопа Симеона Адамовича и Грибовича и вмѣстѣ съ ними отправили обѣщаннаго стрѣлецкаго голову Михайла Колупаева. 15 марта Колупаевъ подъѣзжалъ къ Сѣвску, какъ на встрѣчу ему прискакалъ стрѣлецъ отъ Сѣвскаго воеводы и подалъ письмо: воевода увѣдомлялъ, что пригналъ къ нему гонецъ изъ Путивля съ вѣстію: гетмана Демьяна скованнаго привезли въ Путивль генеральный писарь Карпъ Мокріевъ, да полковники Рословецъ и Райча, и везутъ къ великому государю, обвиняя въ измѣнѣ. Колупаевъ отвѣчалъ воеводѣ, чтобы онъ постарался задержать въ Сѣвскѣ протопопа Адамовича съ товарищами, подъ предлогомъ недостатка подводъ, пока не объяснится гетманское дѣло, да послалъ бы воевода поскорѣе въ Малороссію провѣдать про это дѣло. Хитрость не удалась: когда воевода объявилъ Адамовичу, что подводъ нѣтъ, то на другой день протопопъ съ товарищами пришелъ и сказалъ, что подводы они сами себѣ собрали и поѣдутъ напередъ одни. «Нельзя вамъ однимъ ѣхать, говорилъ Колупаевъ, грамота къ гетману у насъ съ вами одна.» Тутъ Грибовичъ съ товарищами начали кричать и порываться изъ избы вонъ: «Поѣдемъ одни, ждать васъ не будемъ!» Колупаевъ принужденъ былъ объявить имъ, что про гетмана пришли не добрые слухи и потому надобно подождать вѣстей подлинныхъ. «Отъ гетмана мы никакого дурна нечаемъ, отвѣчали козаки, еслибы онъ хотѣлъ сдѣлать что дурное, то бы насъ съ протопопомъ къ ве-

ликому государю не посылалъ.» Съ этими словами Грибовичъ съ товарищами вышли, но Адамовичъ остался и началъ разсказывать, что дѣйствительно гетманъ съ нѣкотораго времени началъ быть не попрежнему: «мнѣ гетманъ велѣлъ довѣдываться подлинно въ Москвѣ, будутъ ли отданы Малороссія и Кіевъ королю? и если это правда, то онъ хотѣлъ послать тотчасъ же войско для занятія Гомеля. Когда я его спрашивалъ: на кого онъ надеженъ? то онъ мнѣ отвѣчалъ: «на того же, на кого и Дорошенко; Брюховецкій згинулъ за правду, пусть и я згину также; Нѣжинъ покину, въ Переяславлѣ московскихъ людей мало, Черниговъ осажду, а самъ пойду до Калуги.» На Запорожье послалъ 6000 талеровъ, чтобы Запорожцы были ему послушны. Теперь слухъ есть, что гетмана скованнаго везутъ въ Москву, и мнѣ въ Нѣжинъ ѣхать не зачѣмъ, буду государю бить челомъ, чтобы жить мнѣ въ Москвѣ.» Живи попрежнему въ Нѣжинѣ и служи великому государю правдою попрежнему,» сказалъ Колупаевъ. «И въ Брюховецкаго измѣну много мнѣ было мученья, имѣніе потерялъ; мы съ Райчею Спасовъ образъ поцѣловали на томъ: если гетманъ Демьянъ измѣнитъ, то намъ совсѣмъ уѣзжать въ Путивль.» 17 марта пріѣхали въ Сѣвскъ Карпъ Мокріевичъ и полковникъ съ своимъ колодникомъ, и 19-го Колупаевъ и Адамовичъ поѣхали съ ними въ Москву. Въ Москвѣ распорядились: 17 марта разосланы были въ разныя мѣста ратные люди для провѣдыванія всякихъ вѣстей, слушать и разсматривать въ козакахъ и мѣщанахъ, какія отъ нихъ мысли и слова станутъ исходить за то, что гетманъ взятъ, и впредь чего отъ нихъ чаять и каковы вѣрностію великому государю? Возвратившись, посыльщики сказали одни рѣчи: козаки, мѣщане и вся чернь великаго государя державѣ рады, за гетмана никто не вступается, говорятъ и про всю старшину, что имъ, черни стало отъ нихъ тяжело, притѣсняютъ ихъ всякою работою и поборами; ни одинъ гетманъ такъ ихъ не *тяжелилъ* и въ порабощенье старшинамъ и союзникамъ своимъ не выдавалъ какъ нынѣшній Демка; да и впередъ отъ старшинъ своихъ того же чаютъ, и хвалятъ прежнее воеводское владѣнье: въ то время имъ легко было: а не залюбили воеводскаго владѣнья старшина, что не панами стали; привели ихъ старшина неволею къ смутѣ, напугали Татарами; а теперь сколько Татарами и Поляками ни пугали, не повѣрили. Про старшину говорятъ: только бы

не опасались ратныхъ людей великаго государя, то всю бы старшину побили и пограбили; а больше всѣхъ недовольны нѣжинскимъ полковникомъ Гвинтовкою, Василіемъ и Савою Многогрѣшными, переяславскимъ полковникомъ Стрыевскимъ, Черниговскими сотниками—Леонтіемъ Полуботкомъ и Василіемъ Бурковскимъ, бывшимъ полковникомъ Дмитрашкою Райчею. Про генеральнаго судью Ивана Самойлова и про генеральнаго писаря Карпа Мокрѣева ничего добраго не носится. Про писаря говорятъ, что давно за гетманомъ измѣну вѣдалъ; а какъ пришла причина на гетмана явная, то и началъ выносить на гетмана, а до явной причины писарь ничего не объявилъ.

25 марта подъячій Алексѣевъ поѣхалъ въ Батуринъ къ старшинѣ съ милостивымъ словомъ; на дорогѣ многіе Черкасы ему говорили: «Чтобы царскому величеству прислать къ намъ своихъ воеводъ, а гетману у насъ не быть, да и старшихъ бы всѣхъ перевесть: намъ было бы лучше, разоренья и измѣны ни отъ кого не было бы; а то всякій старшина, обогатясь, захочетъ себѣ панства и измѣняетъ, а наши головы гинутъ напрасно» Черезъ 2 дня по отъѣздѣ Алексѣева изъ Москвы, 28 марта привезли туда Демьяна Игнатова, и генеральный писарь Карпъ Ивановичъ Мокрѣевъ разсказывалъ: 14 марта Демко сбирался идти изъ Батурина со всею старшиною и съ Григорьемъ Неѣловымъ, говорилъ, будто идетъ по обѣщанію въ Кіевъ молиться; но Ворошиловъ полкъ стоялъ въ Ичнѣ на готовѣ, да и Волошской хоругви, которая, стояла въ Ольшовкѣ, велѣлъ идти къ себѣ же; собравшись со всѣмъ войскомъ, хотѣлъ онъ остановиться въ Лубнахъ недѣли на двѣ, чтобы въ это время ссылаться съ Дорошенкомъ. Мы, старшина, видя, что онъ Демка великому государю конечно измѣнилъ, насъ хотѣлъ побить до смерти, обознаго Петра Забѣлу и судью Ивана Домонтова отдать въ неволю къ Дорошенку; думая, что и Неѣлову съ стрѣльцами добра никакого не будетъ, потому что Демка въ глаза сказалъ Неѣлову, что отсѣчетъ ему голову съ бородою;—видя все это, мы ночью на 13-го марта пришли въ малый городокъ и около гетманскаго двора тайно разставили стрѣльцовъ на сторожу, потомъ, собравшись съ ружьемъ, вошли къ нему въ хоромы тайно же, а онъ въ ту пору спалъ; полковникъ Дмитрашка первый вошелъ къ нему въ спальню, и въ темнотѣ сталъ спрашивать, гдѣ тутъ Демка? тотъ проснулся, вскочилъ съ

постели и сталъ было обороняться; но тутъ мы всѣ вошли, взяли его силою и отвели на дворъ къ Григорью Неѣлову. Здѣсь, у Григорья въ избѣ Демка рвался къ ружью, хотѣлъ съ нами биться; но я, до ружья его не допустя, поранилъ его въ плечо изъ пистолета; отъ этой раны Демка сѣлъ; тутъ мы его сковали и въ малый городъ привели. Онъ Демка передо всею старшиною говорилъ: «Соберу тысячь съ шесть войска конныхъ добрыхъ людей и пойду на великороссійскіе города войною; а больше того войска мнѣ не надобно, будетъ мнѣ въ помощь ханъ крымской по веснѣ какъ трава пойдетъ: тогда поймаю Артема за волосы и знаю, что надъ нимъ сдѣлаю.»—Братство и сватовство у него съ Дорошенкомъ ближнее, потому что Дорошенко сговорилъ дочь свою за роднаго его племянника Мишку Зиновьева, сватовство шло черезъ Куницкаго. Турскаго султана хвалилъ онъ Демка безпрестанно; говорилъ: лучше мнѣ быть подъ турскимъ, чѣмъ подъ московскимъ царемъ; говорилъ всей старшинѣ, будто Москва неправдива и хочетъ съ Ляхами насъ всѣхъ Малороссіянъ посѣчь, а города запустошить, будто государь для этого посѣченія далъ Полякамъ много денегъ; говорилъ: я самъ московскимъ людямъ дамъ отпоръ своею храбростію, какъ Александръ Македонскій; тотъ былъ Александръ, а я Демьянъ не меньше его. опустошу московское государство, какъ и Александръ воевалъ грады.» Я ему говорилъ: попомни Бога и присягу, для чего отступать? Лиха никакого мы не видали, живемъ во всякой вольности; подожди, какъ воротится изъ Москвы протопопъ Симеонъ.—«Я все знаю, отвѣчалъ мнѣ Демка: нечего ждать! не хочу быть подъ царемъ; хоть пріѣзжай кто изъ Москвы да весь Батуринъ наполни богатствомъ, мнѣ ничего не надобно!»

Генеральный писарь подалъ на бумагѣ: «Слова недостойныя, которыя изъ устъ бывшаго гетмана Демьяна исходили противъ высокаго престола Его царскаго величества: 1) великимъ постомъ въ своемъ домѣ говорилъ старшинѣ о межеваньѣ: видите, каково царское желательство къ намъ: пустилъ Ляхамъ всю украйну, учиня границу отъ Кіева Десною и Сеймомъ до Путивля. 2) Говорилъ намъ: подлинно я слышалъ отъ капитана, живущаго въ Черниговѣ, а тотъ слышалъ отъ самого царскаго синклита, велѣли этому капитану сказать мнѣ: тебѣ приготовлено въ царскихъ слободахъ пять сотъ дворовъ крестьянскихъ, только ты намъ вы-

дай всю старшину и подначальныхъ людей украинскихъ. Когда мы отвѣчали ему: подожди отца протопопа, какая милость государская будетъ? то онъ сказалъ намъ: бороды у васъ выросли, а ума не вынесли. 3) Петру Забѣлѣ наединѣ говорилъ: заблаговременно надобно намъ постараться о другомъ государѣ, а отъ Москвы намъ добра нечего надѣяться. 4) Судьѣ Самойловичу говорилъ: видишь, что чинится: Ляхи намъ непріятели, а Москва имъ деньги на 30,000 войска дала, а какъ придется платить Турку, то заплатятъ нами; надобно заранѣе позаботиться о сильнѣйшемъ государѣ, какъ Заднѣпровье сдѣлало. 5) Прошлую осенью, взявши клятву съ Андрея Мурашки хранить тайну, говорилъ: увидишь, что я Москвѣ сдѣлаю? увидишь мою саблю въ крови московской; я ихъ и за столицу загоню, только вы будьте при мнѣ неотступны. 6) Передъ масляницею говорилъ Дмитрашкѣ Райчѣ: у меня есть указъ самого царя рубить Москву. 7) Говорилъ: вы не знаете, въ какой чести царь московскій и король польскій у султана турскаго: королю польскому запретилъ называться цѣлымъ королемъ, а только короликомъ, а московскому велѣлъ сказать, что онъ также его уважаетъ, какъ чернаго Татарина. 8) Всѣ слова его досадительныя страшно вспомнить: тогда слыша и теперь пишучи, члены наши трясутся.

Въ слѣдъ за этимъ извѣтомъ старшина прислали другой: разсказъ батуринскаго сотника, Григорья Карповича, посыланнаго Многогрѣшнымъ къ Тукальскому вмѣстѣ съ посланцемъ послѣдняго, Семеномъ Тихимъ: «Какъ мы пріѣхали въ Каневъ, разсказывалъ Григорій, то пошли къ митрополиту, и Семенъ положилъ передъ нимъ на столѣ икону, которую возилъ въ Батуринъ. Митрополитъ, поцѣловавши икону, спросилъ Семена: «Что тамъ добраго учинили?» — «Зачѣмъ былъ посланъ, все исполнилъ вашими молитвами,» отвѣчалъ Семенъ. Тутъ Іосифъ подошелъ ко мнѣ и взявши за пуговицы, сказалъ: «Давно бы такъ, господинъ сотникъ, надобно было поступить вашему гетману: сами хорошо знаете: при комъ ханъ, тотъ и господинъ; у султана столько силы, что и Полякамъ и Москвѣ дастъ себя знать, не только имъ на насъ не придется наступить, и своихъ городовъ не оборонятъ; а теперь еще болѣе испугаются, когда наши гетманы въ неразрывномъ пріятствѣ пребываютъ.» — «Еслибы, писали старшина государю, еслибы мы выписывали всѣ доказательства Демковой измѣны, то

не умѣстили бы всего не только на листѣ бумаги, но и на воловьей кожѣ.» Лазарь Барановичъ также разсказывалъ присланному къ нему стольнику Самарину: «Какъ скоро я узналъ, что Демка ссылается съ Дорошенкомъ, то писалъ къ нему, чтобы онъ эти ссылки прекратилъ и въ Кіевопечерскій монастырь молиться не ѣздилъ; онъ, прочтя мою грамоту, бросилъ ее по столу и сказалъ моему посланцу: «зналъ бы архіепископъ свой клобукъ!»

14-го апрѣля бояре и думные люди съѣхались въ посольской приказъ распрашивать Демку Игнатова объ его измѣнѣ и кто съ нимъ въ той измѣнѣ совѣтовалъ?—«Я великому государю измѣнить не хотѣлъ, отвѣчалъ Демьянъ: служилъ я ему вѣрно, за Сожу не заѣзжалъ, полковниковъ перемѣнялъ по совѣту всей старшины; въ Кіевъ хотѣлъ ѣхать по письму Печерскаго архимандрита, что отъ Ляховъ насиліе и разореніе; я посылалъ въ Кіевъ къ воеводѣ князю Козловскому, чтобы онъ оборонилъ Печерскихъ людей отъ Поляковъ, но писарь Карпъ присовѣтовалъ мнѣ самому идти въ Кіевъ съ обозомъ. Съ Дорошенкомъ ссылался я о томъ, чтобы онъ на этой сторонѣ никому обидъ не дѣлалъ; къ Сожѣ посылалъ я по совѣту полковниковъ и всѣхъ начальныхъ людей, а больше писаря Карпа Мокрѣева; я хотѣлъ одного: сдѣлать рубежь по Сожу.»—«Ты хотѣлъ сдѣлать рубежь по Сожу— хорошо! говорили бояре; но зачѣмъ же ты хотѣлъ овладѣть Гомелемъ? вѣдь Гомель за Сожею!»—«Въ томъ воля великаго государя, отвѣчалъ Демьянъ: хотя Гомель и за Сожею, но во время польской войны отъ него было малороссійскимъ жителямъ великое утѣсненіе, поэтому я и велѣлъ было его заѣхать; еслибы впередъ была съ Поляками война, то малороссійскимъ жителямъ было бы отъ Гомеля обереженье великое, потому что онъ стоитъ надъ самою рѣкою Сожею.»

Демьяна спросили: «зачѣмъ онъ говорилъ царскому посланцу, что пусть бы уже государь ихъ всѣхъ отдалъ королю и прочее?»—«Никогда не говорилъ,» отвѣчалъ Многогрѣшный. Позвали посланца, и Демьянъ на очной ставкѣ повинился: «Говорилъ я это пьянымъ обычаемъ, безпамятствомъ своимъ,» сказалъ онъ. Бояре спросили о рѣчахъ его къ Танѣеву; Демьянъ заперся: «Я ничего этого не говаривалъ; а говорилъ писарю Карпу: «вотъ великій государь обрадовалъ насъ своею грамотою на счетъ Кіева;» а писарь мнѣ сказалъ: «Не всему вѣрь, держи свой разумъ; не такъ

бы сдѣлали, какъ прежде: прислана была царская грамота къ Брюховецкому, войско Запорожское обнадеживли, а послѣ того князь Данила Великого-Гагинъ съ войскомъ высланъ, Золотаренка, Самка, Силича побилъ.» Слыша такія рѣчи отъ писаря, началъ я быть въ сомнѣніи и въ опасеніи отъ войскъ царскихъ; въ томъ передъ великимъ государемъ виноватъ, а измѣнить не хотѣлъ.»

«Для чего жь ты такихъ рѣчей на писаря старшинѣ и всему войску не объявилъ и къ царскому величеству не писалъ? спросили бояре: да и какое тебѣ было опасенье! Развѣ ты не знаешь, что князь Великого-Гагинъ Золотаренка и Самка не билъ, а былъ съ войскомъ на радѣ, потому что безъ царскаго войска вы бы на радѣ передрались?» — «Я человѣкъ простой и неграмотный, отвѣчалъ Демьянъ: а къ царскому величеству не писалъ спроста, думая, что писарь говорилъ правду, остерегая меня: виноватъ.» Тутъ поднялся свидѣтель, протопопъ Симеонъ, очутившійся опять въ Москвѣ: «Когда я ѣхалъ въ Москву, сказалъ онъ, то говорилъ ему не однажды, укрѣплялъ, чтобы держался милости царской, напоминалъ, какъ Брюховецкій измѣнилъ и что съ нимъ послѣ того случилось, а онъ мнѣ на это сказалъ: «Поѣзжай только въ Москву: вотъ тамъ тебя въ Москвѣ посадятъ!» Демьянъ повинился.

Спрашивали: зачѣмъ перемѣнилъ обращеніе съ Неѣловымъ, зачѣмъ велѣлъ убавить стрѣлецкіе караулы? — «Самъ собою убавлять стрѣлецкихъ карауловъ я не приказывалъ, отвѣчалъ Демьянъ. Дѣло вотъ какъ было: однажды шелъ я въ церковь и спросилъ, есть ли караульщики? Мнѣ отозвались, что стоятъ два пятидесятника и съ ними стрѣльцовъ, человѣкъ со сто. Я спросилъ, нѣтъ ли имъ скудости въ кормахъ. Въ кормахъ нѣтъ скудости никакой, отвѣчали они, только безпокойство великое отъ карауловъ. Я поговорилъ объ этомъ съ головою Неѣловымъ, и велѣлъ съ караулу стрѣльцовъ по немногу убавить. Разговаривать съ Неѣловымъ я никому не заказывалъ и присматривать за кимъ не велѣвалъ.»

На вопросъ о сношеніяхъ съ Дорошенкомъ и о перемѣнѣ полковниковъ отвѣчалъ: «Чернецовъ къ Дорошенку и объ измѣнѣ не посылывалъ, а присылалъ ко мнѣ Дорошенко козака Сеньку Тихонова, потому что крымскіе татары на сей сторонѣ въ Лубнахъ взяли малороссійскихъ жителей; Дорошенко Татаръ этихъ разбилъ, полонъ отнялъ и возвратилъ на свои мѣста. 24,000 ефим-

ковъ я къ Дорошенку не посылывалъ и посылать было мнѣ нечего, потому что съ начала гетманства и двухъ тысячь левковъ въ собраньѣ у меня никогда не бывало. А полковниковъ и другихъ урядниковъ перемѣнялъ по совѣту всей старшины.»

—Зачѣмъ говорилъ старшинѣ, что царь требуетъ ихъ въ Москву для отсылки въ Сибирь? зачѣмъ велѣлъ Гречанову писать то, чего на Москвѣ не бывало? заставлялъ ли ночью Дмитрашка Райчу присягать, что будетъ съ нимъ заодно? посылалъ ли игумена Ширковича въ Варашаву?» —На все отвѣтъ отрицательный.

Явился на очную ставку Александръ Танѣевъ и началъ уличать Демьяна по своему статейному списку. Обвиненный по прежнему отрекся отъ всего. Но когда началъ уличать его протопопъ Симеонъ, что онъ ссылался съ Дорошонкомъ, то Многогрѣшный отвѣчалъ: «Передъ великимъ государемъ я виноватъ, протопоповымъ рѣчамъ я не внималъ.»

Бояре начали распрашивать съ великимъ пристрастіемъ, чтобы Демьянъ вину свою принесъ, сказалъ правду, какъ съ Дорошенкомъ объ измѣнѣ ссылался, кто про ихъ совѣтъ вѣдалъ и на чемъ у нихъ положено? если же не скажетъ, то будутъ пытать. Демьянъ повторилъ, что никогда не думалъ объ измѣнѣ, съ Дорошенкомъ ссылался о любви и дружбѣ, чтобы тотъ не приходилъ войною на этотъ берегъ, и Дорошенко его къ Турскому не подговаривалъ. «Вина моя одна, что я говорилъ неистовыя рѣчи въ безпамятствѣ, пьянствомъ», прибавилъ онъ. — «Еслибы у тебя мысли объ измѣнѣ не было, сказали бояре, то ты бы всѣ Дорошенковы грамоты присылалъ къ великому государю.» — «Я человѣкъ простой и безграмотный, отвѣчалъ Демьянъ: положено все это на войсковаго писаря; я всѣ грамоты приказывалъ посылать къ царскому величеству; но писарь не посылалъ, умысля съ старшиною на меня, чтобы отлучить меня отъ милости царскаго величества и измѣну на меня положить; у нихъ у старшихъ всегда такъ ведется, какъ захотятъ учинить надъ гетманомъ какое зло, тотчасъ къ тому его приведутъ; а я человѣкъ простой, ссылался съ Дорошенкомъ по его лести, а измѣны я никакой не мыслилъ.»

Сдѣланъ былъ новый распросъ у пытки, и тотъ же отвѣтъ, что измѣны никакой не мыслилъ. Тутъ началъ говорить Батуринскій атаманъ Ерема Андреевъ: «Когда Демка посылалъ меня къ Дорошенку, то приказывалъ сказать ему, что двое за одинъ кожухъ

торгуются; я его спросилъ, что это значить? и онъ мнѣ отвѣчалъ, что Дорошенко это слово знаетъ, только скажи такъ.» — «Я объ этомъ не приказывалъ и не помню», отвѣчалъ Демьянъ. Повели къ пыткѣ, дали 19 ударовъ.—«Я произмѣну свою только на словахъ говорилъ, винился Демьянъ, но съ Дорошенкомъ объ измѣнѣ не ссылался; кожухъ, о которомъ я съ Еремою приказывалъ, значитъ то, что Поляки хотятъ Кіевъ взять, а царское величество отдать не хочетъ. Еслибы Поляки ссоръ дѣлать не перестали, то я Гомель принять хотѣлъ, но про ту мою измѣну никто не вѣдалъ и въ совѣтѣ со мною не былъ, думалъ я одинъ.» Тутъ же распоряжались съ Матвѣемъ Гвинтовкою: клали его руки въ хомутъ и расспрашивали про Демкову измѣну: Гвинтовка отвѣчалъ, что ничего не зналъ и самъ служилъ вѣрно. На второй пыткѣ Демьянъ говорилъ тѣ же рѣчи. Спросили о сношеніяхъ съ Тукальскимъ: «Какъ шелъ Паисій патріархъ александрійскій изъ Москвы на малороссійскіе города, то братъ мой Васька билъ челомъ ему и архіепископу Лазарю Барановичу о разрѣшеніи въ убійствѣ жены и о позволеніи жениться на другой; патріархъ и епископъ простили его и жениться позволили, только велѣли дать въ церковь милостыню; и онъ архіепископу Лазарю да митрополиту Тукальскому послалъ по лошади. Ко мнѣ митрополитъ писалъ, чтобы позволено было ему брать дань съ церквей кіевской области, и я ему въ томъ отказалъ.»

6 мая Артамонъ Матвѣевъ и думный дьякъ Богдановъ расспрашивали гетманова брата Василія Многогрѣшнаго, есаула Павла Грибовича и Дорошенковыхъ посланцевъ. Василій Многогрѣшный отвѣчалъ, что ничего не вѣдаетъ. Но ему показали собственное его письмо къ наказному полковнику Леонтію Полуботку, въ которомъ онъ приказывалъ распорядиться съ какимъ-то московскимъ подъячимъ: «Этого подъячаго, писалъ Василій, вынувъ изъ тюрьмы и давъ вину, надгнети животомъ, а кіями не бей, чтобъ не было синяковъ, но такъ подержи въ рукахъ, чтобы не забылъ до вѣка; будь въ томъ надеженъ, ничего тебѣ за это не будетъ, только не води его къ себѣ, а ночью пусть сторожа обвинятъ его, что хотѣлъ уйти.»—«Виноватъ, отвѣчалъ Василій, такой листъ писалъ, потому что подъячій досадилъ намъ своими словами, до начала войны Брюховецкаго говорилъ самому гетману: «Сэмковы кафтаны мы носили, не закаиваемся и ваши носить.»

—«Если ты, спросилъ Матвѣевъ, за братомъ своимъ измѣны никакой не зналъ и самъ не хотѣлъ измѣнять, то зачѣмъ свое полковничество покинулъ, изъ Чернигова побѣжалъ и монашеское платье на себя надѣлъ?»—«Виноватъ, отвѣчалъ Василій, а побѣгъ мой учинился отъ того: въ недавнемъ времени писалъ я къ брату, что черниговскій воевода безпрестанно проситъ лѣсу на городовое строенье, городъ починилъ и бои подѣлалъ, что государевы ратные люди стали насъ опасаться и осадою крѣпиться, да и про то стало слышно, что начальные люди пули льютъ; сказывалъ мнѣ шляхтичъ Половецкій, выходецъ съ той стороны, что государевы ратные люди пули льютъ, хотятъ съ козаками войну начинать. Я писалъ объ этомъ къ брату и самого Половецкаго къ нему послалъ. Братъ прислалъ ко мнѣ выростка Ивашку сказать, чтобы я съ черниговскимъ воеводою и государевыми ратными, людьми задору никакого не дѣлалъ, а онъ Демьянъ ждетъ къ себѣ изъ Москвы протопопа Симеона да Михайлу Колупаева съ подлиннымъ указомъ, и чаетъ онъ, что Поляки ихъ съ царскимъ величествомъ ссорить и мутить больше не будутъ. Да тотъ же выростокъ Ивашка сказывалъ мнѣ тайно: пріѣхалъ изъ Москвы въ Батуринъ чернецъ и сказывалъ ему Ивашкѣ, будто гетмана Демьяна велѣно поймать и къ Москвѣ послать. На другой день приходитъ ко мнѣ полуполковникъ и зоветъ меня къ воеводѣ сурово, чтобы я ѣхалъ тотчасъ. Я, видя, что меня зовутъ не по прежнему обычаю, испугался и началъ догадываться, что брату моему, по черенцовой сказкѣ, не здорово. Осѣдлавъ лошадь, поѣхалъ было я въ городъ, а изъ города идетъ ко мнѣ на встрѣчу многая пѣхота съ ружьями и бердышами; я тутъ и пуще испугался и побѣжалъ. Прибѣжалъ въ монастырь Елецкой Богородицы и говорю архимандриту Голятовскому, что̀ мнѣ дѣлать? къ воеводамъ ѣхать или бѣжать дальше? Какъ себѣ хочешь, говоритъ архимандритъ: побѣги дальше, а здѣсь тебѣ дѣлать нечего. Я за Десну въ Никольскій манастырь, покинулъ здѣсь лошадь свою и платье свое съ себя скинулъ, и надѣлъ монашескую ряску. Изъ Никольскаго пришелъ въ Максаковскій монастырь къ игумену Ширкѣевичу; тотъ далъ мнѣ старца де челядника и велѣлъ проводить до Кіева Десною въ лодкѣ.»

Грибовичь отвѣчалъ, что ничего не знаетъ, знаетъ только, что Демьянъ далъ Дорошенку взаймы 6000 золотыхъ польскихъ. Про

отставку полковника Дмитрашки Райчи знаетъ онъ вотъ что: слухъ пронесся, что Дмитрашка хочетъ передаться къ Ляхамъ или къ Дорошенку; Демка послалъ за нимъ своихъ челядниковъ, но Дмитрашка не поѣхалъ, заперся въ Барышевкѣ и говорилъ гетманскимъ посланцамъ: какъ погублены Самко и Золотаренко, также и со мною хотятъ сдѣлать! Тогда Демьянъ, взявши царскихъ ратныхъ людей и своя войска, пошелъ въ Нѣжинъ; выѣхавъ изъ Нѣжина, встрѣтилъ митрополита сербскаго и посылалъ его къ Дмитрашкѣ въ Барышевку уговаривать; изъ Барышевки пріѣзжалъ къ гетману попъ съ Дмитрашковою женою бить челомъ за полковника. Демьянъ обнадежилъ ихъ и велѣлъ Дмитрашкѣ ѣхать къ себѣ безъ боязни. Но какъ Дмитрашка пріѣхалъ къ нему въ Басань, гетманъ велѣлъ его сковать и, привезши въ Батуринъ, отдалъ подъ караулъ, но потомъ по просьбѣ греческихъ митрополитовъ, освободилъ и велѣлъ жить при себѣ въ Батуринѣ; а на его мѣсто послалъ Стрыевскаго. Стародубскаго же полковника Рославца перемѣнилъ по челобитью козаковъ и черни за его налоги, перемѣнилъ, поговоря съ старшиною, и послалъ на его мѣсто брата своего Шумейку.

Василій Многогрѣшный увѣрялъ, что онъ хотѣлъ остаться въ кіевскомъ Братскомъ монастырѣ, но старецъ Максаковскаго монастыря объявилъ, что Василій пробирался къ Тукальскому. Многогрѣшнаго опять взяли къ допросу: зачѣмъ утаилъ, что хотѣлъ ѣхать къ Тукальскому?—«Виноватъ, овѣчалъ онъ, испугался, хотѣлъ я бѣжать къ митрополиту, чтобы онъ меня и отъ Дорошенка ухоронилъ и царскому величеству не выдалъ; а чтобы собравшись съ кѣмъ, войну вести противъ великаго государя — и въ мысляхъ у меня не было; да еслибы и хотѣлъ это сдѣлать, да не могъ, потому что какъ былъ я на Запорожьѣ, съ Запорожцами ссорился, а при Дорошенкѣ писарь енеральный Войхеевичь великій мнѣ недругъ; не до войны было, лишь бы отъ бѣдъ великихъ голову свою ухоронить, хотѣлъ я, все покиня, постричься.»

28-го мая на болотѣ за кузницами поставили плаху — будутъ казнить гетмана Демку Многогрѣшнаго и брата его Ваську. Привезли преступниковъ и начали читать имъ вины, т. е всѣ поданныя на нихъ обвиненія: «Ты, Демка, про все распрашиванъ и пытанъ; и во всѣхъ своихъ измѣнныхъ словахъ винился; а 20 го мая старшины со всѣмъ народомъ малороссійскимъ прислали че-

лобитье, чтобы тебя казнить смертью въ Москвѣ, а для подлиннаго обличенья прислали батуринскаго сотника Григорья Карпова, который отъ тебя къ Дорошенку образъ возилъ и присягалъ, что вамъ служить турскому султану. Бояре и думные люди, слушавъ вашихъ распросныхъ рѣчей, приговорили васъ, Демку и Ваську, казнить смертью, отсѣчь головы.» Демку и Ваську положили на плаху; но бѣжитъ гонецъ и объявляетъ, что великій государь, по упрошенью дѣтей своихъ, пожаловалъ, казнить Демку и Ваську не велѣлъ, а указалъ, сослать въ дальніе сибирскіе города на вѣчное житье; бояре приговорили—сослать къ нимъ женъ ихъ и дѣтей. Таже участь постигла полковника Гвинтовку и есаула Грибовича. На другой день великій государь пожаловалъ, велѣлъ дать на милостыню Демкѣ 15 рублей, Васькѣ 10 рублей, Гвинтовкѣ и Грибовичу по 5; Многогрѣшнымъ отдана была и вся ихъ рухлядь, съ которою привезены въ Москву, нѣсколько очень не дорогихъ вещей. Семейство Многогрѣшнаго состояло изъ жены Настасьи, двоихъ сыновей — Петра и Ивана, дочери Елены и племянника Михайлы Зиновьева; съ ними поѣхали двѣ работницы. Съ Гвинтовкою отправилась жена его Ирина и двое сыновей, Ѳвимъ и Ѳедоръ. Въ Тобольскѣ велѣно держать ссыльныхъ за крѣпкимъ карауломъ скованныхъ, а изъ Тобольска разослать по разнымъ острогамъ въ пѣшую козачью службу. Участь ссыльныхъ была отягчена вслѣдствіе бѣгства Грибовича. Тогда Многогрѣшнаго съ товарищами, вмѣсто того, чтобы послать по острогамъ въ козачью службу, велѣно держать скованныхъ въ тюрьмахъ «для того, говорилось въ указѣ, что они забыли страхъ Божій и нашу государеву милость, товарищъ ихъ Пашка Грибовичь изъ Сибири бѣжалъ.»

Между тѣмъ еще 3-го мая пріѣхалъ въ Москву старый черниговскій полковникъ Лысенко и привезъ грамоту: старшина писали, что во время праздниковъ воскресныхъ полковники, сотники и атаманы, будучи въ Батуринѣ, приговорили быть радѣ въ Конотопѣ, чтобы князю Ромодановскому съ товарищами не далеко было идти, и на радѣ быть полковникамъ, сотникомъ, старшинѣ войсковой и начальнымъ людямъ, не собирая всего войска, чтобы не встало смятенія въ многочисленныхъ толпахъ. Старшина давали также знать, что Иванъ Сѣрко, отдѣлясь отъ Ханенка, гетмана королевской милости, пріѣхалъ въ полкъ полтавскій для

всѣянія между народомъ бунтовъ; но полковникъ Жученко схватилъ его и прислалъ въ Батуринъ. Наконецъ старшина била челомъ объ указѣ Ромодановскому оборонять ихъ отъ своевольниковъ.

Князю Ромодановскому и думному дворянину Ивану Ржевскому велѣно было отправиться въ Конотопъ на раду для гетманскаго обиранья; но въ началѣ іюня Ромодановскій далъ знать государю, что въ Батуринѣ между старшинами начинается безсовѣтство; да у Батурина стоятъ козаки таборомъ, и 26-го мая приходило ихъ человѣкъ 400 въ городъ къ старшинѣ и говорили: «Прежняго гетмана вы невѣдомо гдѣ дѣли, другаго гетмана нѣтъ; мы подъ Батуринымъ стояли для гетманскаго обиранья долгое время, испроѣлись, выходите съ войсковыми клейнотами изъ города въ поле на раду!» Старшины отказали, боясь, что въ полѣ козаки ихъ побьютъ. Козаки приходили къ Неѣлову съ тѣмъ же требованіемъ; Неѣловъ, видя шатость, велѣлъ запереть малый городъ и не пускать впередъ козаковъ. Кромѣ того пришла въ Москву вѣсть, что хотятъ выбирать въ гетманы Сѣрка. Знаменитаго Запорожца подъ карауломъ отправили въ Москву, а оттуда подальше, въ Сибирь.

Ромодановскій и Ржевскій двинулись къ Конотопу, и 15-го іюля, верстахъ въ трехъ отъ Козачьей Дубровы встрѣтили ихъ старшина и говорили, чтобы великій государь пожаловалъ, велѣлъ имъ сдѣлать раду, не ходя въ Конотопъ, въ Козачьей Дубровѣ, на рѣчкѣ Красенѣ, потому что подъ Конотопомъ стояли козацкія войска и конскіе кормы потравлены около города верстъ по десяти и больше. — «Что жь? сказалъ бояринъ, учинимъ раду и въ Козачьей Дубровѣ, по вашему прошенью.» Ромодановскій сталъ по одну сторону Красены, старшина по другую. На слѣдующій день старшина пріѣхали къ боярину съ просьбою немедлить радою.—«По указу великаго государя надобно подождать архіепископа Лазаря Барановича», отвѣчалъ Ромодановскій. — «Нельзя ли безъ архіепископа?» просили старшина. Бояринъ согласился и велѣлъ сходиться для разсужденія о статьяхъ. Старшина вошли въ государевъ шатеръ, потомъ отобрали половину козаковъ, бывшихъ при старшинѣ и велѣли имъ идти на раду; когда козаки собрались въ шатеръ и къ шатру, бояринъ объявилъ вѣрющую

грамоту и спросилъ старшину о здоровьѣ, объявилъ, что государь милостиво похваляетъ ихъ за неучастіе въ измѣнѣ Демки и жалуетъ прежними правами и вольностями. Начали читать глуховскія прежнія и новыя статьи вслухъ, а писарь Карпъ Мокрѣевъ смотрѣлъ статьи по тетрадямъ по своему *бѣлорусскому* письму. Но вдругъ чтецъ замолкъ: въ шатеръ вошелъ царскій посланный, жилецъ Григорій Синявинъ: «Бояринъ и воевода князь Григорій Григорьевичъ! сказалъ онъ Ромодановскому: объявляю тебѣ великаго государя радость: мая 30, за молитвами св. отецъ, даровалъ Богъ царскому величеству сына, а намъ великаго государя царевича и великаго князя Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи!» Старшины встали и начали поздравлять боярина; чтеніе снова началось. Выслушавъ статьи, старшина и козаки говорили: «Всѣ эти статьи намъ надобны кромѣ двадцать второй, въ которой написано, чтобы для своевольныхъ людей учинить полковника и при немъ быть 1000 человѣкъ козаковъ реестровыхъ: если гдѣ учинятся шатости и измѣна, то полковнику этому своевольниковъ унимать. А теперь мы бьемъ челомъ великому государю, чтобы пожаловалъ—у гетмана полковнику и козакамъ и у полковниковъ компаніи быть не велѣлъ, потому что отъ такихъ компаній малороссійскимъ жителямъ чинится всякое разореніе и обиды.» Бояринъ отвѣчалъ, что государь пожаловалъ, велѣлъ этой статьѣ быть по ихъ челобитью. Поставили также слѣдующія статьи: 1) старшина и все войско били челомъ, чтобы отъ новаго гетмана не терпѣть имъ такой же неволи и жесточи, какъ отъ измѣнника Демки, чтобы гетманъ никого не смѣлъ казнить и отставлять отъ должностей безъ войсковаго суда и доводу. 2) Старшина и все войско били челомъ, чтобы гетманъ, безъ указа великаго государя и безъ совѣта старшинъ къ посторонинмъ государямъ и ни къ кому, особенно же къ Дорошенку, ни о чемъ не писалъ и изустно ссылаться не дерзалъ. 3) Если Малороссіяне дѣйствительно заѣхали по рѣку Сожь, то должны отступиться отъ занятыхъ земель, и впередъ королевскихъ земель не заѣзжать, а жить съ королевскими людьми спокойно. 4) Турецкій султанъ, изъ-за Дорошенкова подданства, начинаетъ съ королемъ войну: такъ если султанъ и Дорошенко наступятъ на Польшу, то гетману, старшинѣ и всему войску запорожскому Дорошенку не по-

могать. 5) Гетману, старшинѣ и всему войску никакихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ изъ Великой Россіи не принимать, а которые приняты, тѣхъ отпустить. Потомъ бояринъ говорилъ: «Высланы были вами въ Москву полковникъ Константинъ Солонина для прислушиванія къ переговорамъ между боярами и уполномоченными королевскими послами, гдѣ будетъ рѣчь идти объ украинскихъ дѣлахъ; польскіе послы не согласились допустить вашихъ посланцевъ къ переговорамъ; но все что въ отвѣтѣ о вашихъ дѣлахъ было говорено, все полковнику Солонинѣ читали: такъ впередъ вамъ своихъ посланцевъ на посольскіе съѣзды посылать не для чего, одни только убытки и посольскимъ дѣламъ затрудненія; а какъ скоро на посольскихъ съѣздахъ о вашихъ дѣлахъ какой воспоминъ будетъ или договоры, то великій государь велитъ васъ увѣдомлять письмами.»—Старшина положились на волю государеву.— «Теперь, сказалъ бояринъ, объявите, какія вы хотите становить новыя статьи?» — «У насъ никакихъ статей нѣтъ», сказали старшина.—«Такъ 17 іюня будьте въ обозъ къ государеву шатру для обранія гетмана.»

17 іюня часу въ третьемъ дня пріѣхалъ въ обозъ Лазарь Барановичь, архіепископъ черниговскій, за нимъ пришелъ голова московскихъ стрѣльцовъ Григорій Нееловъ, пріѣхали генеральная и войсковая старшина и козаки, а передъ старшиною несли государево жалованье— войсковые клейноты — булаву, знамя, бунчукъ, литавры. Архіепископъ говорилъ, чтобъ прочесть ему новыя статьи; бояринъ велѣлъ читать, и когда чтеніе кончилось, объявилъ, чтобъ приступили къ гетманскому избранію. Передъ шатромъ въ обозѣ устроили мѣсто, поставили на налоѣ Спасовъ образъ, булаву положили на столъ, знамя и бунчукъ поставили у стола. Бояринъ и старшина вышли изъ шатра, архіепископъ говорилъ передъ образомъ молитву; послѣ молитвы бояринъ говорилъ на всѣ четыре стороны: «Великій государь указалъ мнѣ быть на радѣ для обиранья гетмана: и вы бы по своимъ правамъ и вольностямъ гетмана обирали, царское величество положилъ гетманское обиранье на ваше войсковое право и волю, кого вы войскомъ излюбите.» Изговоря рѣчь, бояринъ отступилъ отъ стола прочь. Вольные и тихіе голоса провозгласили гетманомъ генеральнаго судью Ивана Самойлова. Полковники — Райча и Солонина

взяли избраннаго подъ руки и поставили на столъ, обозный Забѣла и другіе полковники поднесли ему булаву, укрыли знаменами и бунчукомъ. «На гетманскій урядъ я не желаю», началъ новый гетманъ: но нельзя же мнѣ не принять царскаго величества жалованье, булавы и знамени. Только я объявляю, что великому государю буду служить вѣрно и никогда не измѣню, какъ прежніе гетманы дѣлали.» Старшина, козаки и мѣщане закричали, что великому государю съ гетманомъ служить готовы, пусть Иванъ беретъ булаву и будетъ гетманомъ. Иванъ принялъ булаву, послѣ чего всѣ двинулись въ шатеръ, отслужили молебенъ и Лазарь Барановичь привелъ новаго гетмана къ присягѣ.

Новый гетманъ, Иванъ Самойловичъ, былъ сынъ священника съ западной стороны Днѣпра; когда жители этой стороны толпами переходили на восточную сторону, какъ болѣе спокойную, перешелъ и Самойловичъ съ отцомъ своимъ и начали жить въ городѣ Старомъ Колядинѣ. Молодой Иванъ Самойловичъ былъ человѣкъ грамотный, уменъ, хорошъ собою, ко всѣмъ ласковъ и услужливъ и потому скоро былъ поставленъ въ томъ же Колядинѣ писаремъ сотеннымъ; пріобрѣлъ расположеніе генеральнаго писаря при Брюховецкомъ, Гречанаго, и былъ сдѣланъ сотникомъ въ Веприкѣ; изъ сотниковъ, по просьбѣ того же Гречанаго, поставленъ наказнымъ полковникомъ черниговскимъ, и наконецъ, на Глуховской радѣ, при избраніи Многогрѣшнаго въ гетманы, Самойловичъ сдѣлался генеральнымъ судьею войсковымъ.

Паденіе Многогрѣшнаго не нарушило спокойствія въ Малороссіи; ссылка Сѣрка не взволновала Запорожья. Здѣсь въ это время явился вождь особаго рода.

Осенью 1672 года подъячій Семенъ Щеголевъ привезъ на Запорожье пять пушекъ, ядра, порохъ и свинецъ. Подъѣзжая къ кошу, Щеголевъ выстрѣлилъ изо всѣхъ пушекъ и изъ ружей, изъ коша отвѣчали тѣмъ же, священники вышли на встрѣчу съ крестами. Запорожцы поставили царскіе подарки на майданѣ, гдѣ бываетъ рада, и объявили Щеголеву, что у нихъ начальнымъ кошевымъ и гетманомъ полевымъ Никита Вдовиченко, который пошелъ подъ Перекопь, не дожидаясь царскихъ пушекъ, объявили, что они примутъ государеву грамоту всею радою, какъ придутъ изъ-подъ Перекопа Кошевой и войско. 17 октября войско изъ-

подъ Перекопа пришло, но безъ Вдовиченка. 19 числа собралась рада; выбрали кошевымъ Луку Андреева, читали грамоту церскую, королевскую и сенаторскія. Когда царская грамота была прочтена, новый кошевой началъ рѣчь: «Братья, войско запорожское, кошевое, Днѣпровое и морское! Слышимъ и глазами видимъ великаго государя премногую милость и жалованье: милостивымъ словомъ изволилъ увеселить, про наше здоровье велѣлъ спрашивать, пушки, ядра, порохъ и свинецъ приказалъ прислать. Калмыкамъ, донскимъ козакамъ, изъ городовъ охочимъ людямъ на помощь противъ бусурманъ къ намъ на кошъ позволилъ переходить, также чайками, хлѣбными запасами и жалованьемъ обнадеживаетъ, только бъ наша правда была.» — «За премногую царскаго величества милость бьемъ челомъ! закричала рада, а правда наша конечно будетъ: полно намъ безъ пристанища волочиться. Служили мы и съ Татарами послѣ измѣны Брюховецкаго и во время Суховѣева гетманства; крымскій ханъ со всего Крыма хлѣбные запасы сбиралъ и къ намъ на кошъ присылалъ; да и теперь, еслибъ хотѣли, будетъ присылать, только тотъ его хлѣбъ обращался намъ въ плачъ, насъ же за шею водили и какъ овцами торговали, въ неволю отдавали, все добро и клейноты отняли. Пока свѣтъ будетъ и Днѣпръ идти не перестанетъ, съ бурсурманами мириться не будемъ.»—Кошевой началъ опять: «Съ нынѣшняго времени его царскому величеству и его королевскому величеству обѣщаемся Богомъ служить вѣрно и неотступно. Братья, войско запорожское, кошевое, рада полная! такъ ли моя рѣчь къ престоламъ обоихъ великихъ государей христіанскихъ монарховъ?»—«Такъ, такъ, господинъ кошевой!» отвѣчало войско.

—«Воздадимъ же Господу Богу и великому государю нашему свѣту хвалу!» сказалъ кошевой, и въ отвѣтъ грянули пушки и ружья. Потомъ пошли въ церковь къ молебну.

Щеголевъ провѣдалъ, что до его пріѣзду на ектеніяхъ поминали прежде короля; онъ сталъ говорить войску и священникамъ, что надобно поминать прежде царя, и его послушались. Потомъ Щеголевъ позвалъ къ себѣ въ курень кошеваго съ старшими и спросилъ: «гдѣ вашъ гетманъ Вдовиченко и откуда онъ на Запорожье пришелъ?» — «Пришелъ онъ на Запорожы въ нищемъ образѣ, былъ отвѣтъ; сказался харьковскимъ жителемъ, святъ

мужъ и пророкъ, дана ему отъ Бога власть будущее знать; тому седьмой годъ, какъ велѣлъ ему Богъ, дождавшись этого времени, съ войскомъ запорожскимъ разорить Крымъ, и въ Царѣгородѣ взять золотые ворота и поставить въ Кіевѣ на прежнемъ мѣстѣ. Князь Ромодановскій до этого добраго дѣла его не допускалъ и мучилъ, только его муки эти не берутъ, писано, что сынъ вдовицы всѣ земли усмиритъ. Теперь послалъ его Богъ къ войску запорожскому, и въ городахъ всякому человѣку до сосущаго младенца велѣлъ сказывать, что онъ такой знающій человѣкъ, чтобъ шли съ нимъ разорять Крымъ, какъ придетъ въ Крымъ, пять городовъ возьметъ и будетъ въ нихъ зимовать, бусурманы стрѣлять не будутъ, потому что онъ невидимо будетъ подъ города приходить, стѣны будутъ распадаться сами, ворота сами же отворятъся, и отъ того прославится онъ Вдовиченко по всей землѣ. А напередъ ему надобно Перекопь взять и войско запорожское пожитками наполнить. Услыхавъ такія слова, многіе люди покинули домы свои, хлѣбъ въ поляхъ и пришли за Вдовиченкомъ на Запорожье, собралась большая толпа и войску запорожскому говорили, чтобы идти съ Вдовиченкомъ подъ Перекопь. Кошевой Евсевій Шашолъ отказывалъ, чтобъ дожидались пушекъ отъ великаго государя; но городовые люди хотѣли Шашола убить, кричали, что они шли не на ихъ войсковую, но на Вдовиченкову славу, и кошевое войско на эти слова ихъ все склонилось, собрали раду, Шашола отставили, а выбрали Вдовиченко атаманомъ кошевымъ и гетманомъ полевымъ.» Когда начали собираться подъ Перекопь, спрашивали у Вдовиченка, сколько брать пушекъ? «Мнѣ пушки не надобны, отвѣчалъ Вдовиченко: и безъ пушекъ будетъ добро; слышалъ я, что вы послали къ царю бить челомъ о пушкахъ, и та ваша посылка напрасная, отъ этихъ пушекъ мало вамъ будетъ проку; а если вамъ пушки понадобятся, тогда который городъ бусурманскій будетъ поближе и богатъ, въ томъ и пушки возьмете.» Только нѣкоторые знающіе люди не во всемъ ему Вдовиченку повѣрили и взяли двѣ пушки. Всего пошло подъ Перекопь тысячъ шесть конныхъ, да тысячи три пѣшихъ. Вдовиченко шелъ до самаго Перекопа безъ отдыха, отъ чего у многихъ лошади попадали, а пришедши къ перекопскому валу, подъ городъ не пошелъ и промыслу никакого не чинилъ. Войско, по своему обычаю, ровъ засыпало и

половина обоза перебралась; но перекопскіе жители начали изъ пушекъ и изъ ружей стрѣлять и нашихъ людей бить и топить. Вдовиченко сталъ отъ стрѣльбы прятаться, и войско, видя, что онъ не такой человѣкъ, какъ про себя сказывалъ, отъ Перекопа отступило, дорогою булаву и бунчукъ у него отняли и хотѣли убить, но онъ скрылся.» Вдовиченко не наказался перекопскою исторіею: онъ явился въ Барышевкѣ и сталъ проповѣдовать прежнія рѣчи; но тутъ его схватили и отослали къ гетману, а гетманъ отослалъ къ Ромодановскому.

ГЛАВА III.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Нашествіе Турокъ на Польшу. — Битва при Батогѣ. — Взятіе Каменца Подольскаго.—Распоряженія въ Москвѣ по случаю войны Турецкой. — Освобожденіе Сѣрка. — Прибытіе сыновей гетмана Самойловича въ Москву. — Извѣстія съ западнаго берега.—Ханенко изъявляетъ желаніе поддаться царю.—Поведеніе митрополита Тукальскаго.—Неудачное движеніе Ромодановскаго и Самойловича къ Днѣпру. — Неудовольствія Малороссіянъ на царское войско и на воеводу кн. Трубецкаго.—Похвалы князю Ромодановскому.—Ропотъ на Самойловича.—Военныя дѣйствія на Дону.—Воръ Міюска.— Самозванецъ Семенъ въ Запорожьѣ.—Поведеніе Сѣрка.—Сношенія Дорошенка съ Москвою. — Самойловичъ хлопочетъ, чтобы царь не принималъ Дорошенка въ подданство. — Ромодановскій и Самойловичъ на западномъ берегу Днѣпра. — Письмо Ханенка къ князю Трубецкому. — Переяславская рада; избраніе Самойловича въ гетманы обѣихъ сторонъ Днѣпра. — Дорошенко проситъ о принятіи его въ подданство. — Сѣрко высылаетъ самозванца въ Москву; допросъ и казнь вору.—Дорошенко уклоняется отъ подданства царю. — Приходъ Татаръ къ нему на помощь.—Братъ его Андрей разбитъ царскими войсками.—Посланецъ Дорошенка Мазепа, отправленный къ хану, схваченъ Запорожцами и присланъ въ Москву.—Показанія Мазепы. — Царь не отпускаетъ изъ Москвы сыновей гетмана Самойловича. — Ромодановскій и Самойловичъ подъ Чигириномъ —Новое нашествіе Турокъ и Татаръ.—Русскія войска отступаютъ на восточный берегъ.—Мнѣніе гетмана Самойловича о соединеніи русскихъ войскъ съ польскими.—Грамота Ромодановскаго къ царю.—Доносъ архіепископа Барановича на протопопа Адамовича.—Пріѣздъ послѣдняго въ Москву съ порученіемъ отъ архіепископа. — Доносы Самойловича на Сѣрка. — Жалоба гетмана на протопопа Адамовича.—Сношенія Сѣрка съ Москвою.—Смута въ Каневѣ.—Новый походъ царскихъ войскъ на западный берегъ Днѣпра.—Затруднительное положеніе Дорошенка.—Онъ обращается къ посредничеству Сѣрка.—Въ Москвѣ не принимаютъ этого посредничества.—События на Дону

Въ то самое время какъ на восточной сторонѣ Днѣпра ставили новаго гетмана, на западной разразилась наконецъ буря, о

которой такъ давно и долго толковали и которой, отъ продолжительности ожиданій и толковъ, переставали уже бояться. Мы видѣли, какое важное вліяніе на ходъ событій имѣло отложеніе Дорошенка отъ Польши и обращеніе его къ Турціи. Испуганная Польша поспѣшила помириться съ Москвою, выговаривая себѣ ея помощь противъ Турокъ, одинаково страшныхъ для обоихъ государствъ. Янъ Казимиръ не сталъ дожидаться новой бѣды и отказался отъ престола. Надобно было ожидать, что Поляки, въ виду опасной войны, выберутъ теперь въ короли какого-нибудь знаменитаго полководца изъ своихъ или чужихъ; но, какъ нарочно, мелкая шляхта выбрала въ короли человѣка хотя изъ знатной, но обѣднѣвшей фамиліи, и человѣка, своими личными достоинствами менѣе всего способнаго заставить забыть, что онъ не царственнаго происхожденія. Масса шляхты могла выкрикнуть Вишневецкаго, но давала ему слабую опору противъ недовольной его выборомъ знати, которая составила сильную партію и мѣшала королю во всемъ; къ недовольнымъ принадлежалъ и самый видный по талантамъ и мѣсту человѣкъ—великій гетманъ и великій маршалокъ коронный Янъ Собѣскій. Турками стращали другъ друга, но о мѣрахъ противъ грозы никто не думалъ. И повидимому имѣли основаніе отложить страхъ: пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ Дорошенко отложился отъ Польши къ Турціи и Турки не думали о войнѣ. Магометъ IV сперва былъ занятъ войною Венеціанскою; но и послѣ этой войны, кончившейся блистательнымъ успѣхомъ, завоеваніемъ Кандіи, султанъ не трогался: шли слухи, что ему не до войны, что онъ проводитъ время или въ гаремѣ, или на охотѣ. Мы упоминали, что лѣтомъ 1671 года шла война въ западной украйнѣ между Поляками и Дорошенкомъ, которому помогали Татары. Нападеніе Дорошенка на Умань не удалось: городъ отбился. Собѣскій поразилъ Дорошенковыхъ козаковъ и Татаръ подъ Брацлавлемъ, и занялъ нѣсколько городовъ, признававшихъ власть чигиринскаго гетмана. Но этотъ минутный успѣхъ польскаго оружія только раздражилъ султана, заставилъ его спѣшить походомъ на Польшу, которая осмѣлилась воевать вассала его, Дорошенка. Весною 1672 года турецкое войско, въ числѣ болѣе чѣмъ 300,000, перешло Дунай. Передовой отрядъ, состоявшій изъ 40,000 Татаръ, ворвался въ Подолію и на берегахъ Буга, при Батогѣ, встрѣтилъ Поляковъ, бывшихъ подъ

начальствомъ Лужецкаго, каштеляна подляскаго, при которомъ находился и Ханенко съ своими козаками; всѣхъ же Поляковъ, и козаковъ было не болѣе 6000; не смотря на то, они опрокинули и втоптали въ рѣку Татаръ. Надмѣнный успѣхомъ, Лужецкій рѣшился гнаться за Татарами за рѣку. Тщетно удерживалъ его Ханенко; Лужецкій не хотѣлъ ничего слушать. «По крайней мѣрѣ, говорилъ Ханенко, позволь мнѣ остаться на сторожѣ на этомъ берегу: если успѣешь что-нибудь сдѣлать на той сторонѣ, то будешь имѣть свидѣтеля твоего знаменитаго подвига; если же дѣло не пойдетъ на ладъ, то поспѣшимъ раздѣлить твой жребій.» Ханенко остался и немедленно огородился обозомъ, а Лужецкій бросился въ Бугъ, истомилъ коней, подмочилъ огнестрѣльное оружіе. Въ такомъ положеніи онъ не могъ удержаться съ своею горстью людей на противоположномъ берегу; толпы Татаръ обхватили его со всѣхъ сторонъ и заставили обратиться назадъ въ рѣку, Лужецкій едва спасся самъ, потерявши много своихъ убитыми и плѣнными. Бѣглецы нашли спасеніе въ таборѣ Ханенка. Какъ скоро всѣ Поляки вбѣжали въ таборъ, онъ началъ двигаться назадъ; Татары напирали съ тыла и съ боковъ; но козаки успѣшно отстрѣливались изъ пушекъ и ружей, и движущійся валъ достигъ Ладыжина. Татары осадили этотъ городъ, но не могли взять.

Иная судьба ждала Каменецъ, который въ августѣ мѣсяцѣ облегло все турецкое войско подъ начальствомъ самого султана. Число защитниковъ знаменитой крѣпости не превышало 1500 человѣкъ; былъ порохъ, но мало пушкарей и тѣ плохіе: говорятъ, что на 400 пушекъ приходилось только четыре пушкаря. Измученные работами надъ укрѣпленіями, осажденные не имѣли свободной минуты поѣсть и уснуть. Турки взяли Новый замокъ и подвели мину въ скалѣ подъ воротами Стараго, послѣ чего пошли на приступъ, но были отбиты, потерявши 200 человѣкъ. Осажденные видѣли однако, что долго нельзя имъ держаться, и вывѣсили бѣлое знамя. Условія сдачи были: 1) безопасность жизни и имущества; 2) свободное отправленіе богослуженія, для чего христіане сохраняютъ нѣсколько церквей, остальныя обращаются въ мечети; 3) всякій воленъ выѣхать изъ города съ имуществомъ, воленъ и остаться; 4) ратнымъ людямъ вольно выйти съ мушкетами, но безъ пушекъ и знаменъ. По заключеніи этихъ условій

Янычаръ-ага пріѣхалъ въ городъ и занялъ его именемъ султана; янычары смѣнили гарнизонъ; жителямъ оставлены три церкви: одна Русскимъ, одна католикамъ и одна Армянамъ; соборная церковь обращена въ мечеть; со всѣхъ церквей сломали кресты, свѣсили колокола; часть знатныхъ шляхтянокъ забрали на султана, часть на визиря, часть на пашей. Магометъ IV съ торжествомъ въѣхалъ въ покоренный городъ и прямо направился въ главную мечеть—бывшую соборную церковь: тамъ передъ нимъ обрѣзали осьми-лѣтняго христіанскаго мальчика.

Страшное впечатлѣніе произвела въ Москвѣ вѣсть о взятіи Каменца, этого оплота Польши съ юга, подобнаго которому не имѣла Россія. Явились уже разсказы о тѣхъ ужасахъ, которые надѣлали бусурманы въ покоренномъ городѣ: христіанскія церкви и римскіе костелы Турки разорили и подѣлали мечети; образа изъ церквей и костеловъ выносили, клали въ проѣзжихъ воротахъ и велѣли христіанамъ по нимъ идти и всякое ругательство дѣлать; кто не соглашался, того били до смерти. Давали знать, что визирь, ханъ и Дорошенко хвалятся идти подъ Кіевъ. Кіевскій воевода князь Козловскій писалъ, что въ Кіевѣ, Переяславлѣ и Острѣ мало людей. Въ Кіевѣ чинили городъ безпрестанно: гдѣ осыпалось на валу, зарубали лѣсомъ и крѣпили, только вала валить было нельзя, потому что мѣсто песчаное и дерну близко нѣтъ. Тукальскій безпрестанно посылалъ къ Дорошенку, чтобы шелъ подъ Кіевъ, обнадеживая, что тамъ мало людей. Дорошенко называлъ себя подданнымъ султана и воеводою кіевскимъ. Симеонъ Адамовичъ писалъ Матвѣеву: «Бога ради заступай насъ у царскаго пресвѣтлаго величества, не плошась, прибавляйте силъ въ Кіевъ, Переяславль, Нѣжинъ и Черниговъ. Вѣдаешь непостоянство нашихъ людей: лучше держаться будутъ, какъ государскихъ силъ прибавится. Присылайте воеводою въ Нѣжинъ добраго человѣка: Степ. Ив. Хрущовъ не по Нѣжину воевода; давайте намъ такого, какъ Ив. Ив. Ржевскій: и послѣдній бы съ нимъ теперь за великаго государя радъ былъ умереть.»

Царь призвалъ на совѣтъ высшее духовенство, бояръ и думныхъ людей, объявилъ имъ объ успѣхахъ султана, о замыслахъ его идти весною подъ Кіевъ, на малороссійскіе города и Сѣверскую украйну, и спрашивалъ, что дѣлать? Назначили чрезвычайные сборы со всѣхъ помѣстій и вотчинъ, по полтинѣ съ двора,

съ горожанъ десятую деньгу; государь объявилъ о намѣреніи своемъ выступить лично къ Путивлю со всѣми силами, и написалъ къ гетману Самойловичу, что въ Кіевъ назначенъ бояринъ и воевода князь Юрій Петровичъ Трубецкой со многими ратными людьми; въ Черниговъ стольникъ князь Семенъ Андреевичъ Хованскій, въ Нѣжинъ князь Семенъ Звенигородскій, въ Переяславль князь Владиміръ Волконскій и съ-Москвы отпущены будутъ скоро; а если султанъ двинется подъ Кіевъ, то онъ самъ, великій государь пойдетъ на него, для чего въ Путивлѣ уже велѣно строить царскій дворъ. Боялись, какъ мы видѣли, весны, ибо относительно зимы скоро пришли успокоительные слухи: султанъ пошелъ за Дунай на зимовку, ханъ въ Крымъ, Дорошенко въ Чигиринъ и Татаръ осталось у него немного; Поляки подъ Бучачемъ (въ Галиціи) заключили миръ съ Турками, уступивъ имъ Подолію, Украйну и обязавшись платить султану ежегодно по 22,000 червонныхъ. Такимъ образомъ тяжесть новой Турецкой войны грозила обрушиться на одну Москву, и все вниманіе ея правительства обращено было на югъ.

Въ декабрѣ 1672 года Иванъ Самойловичъ писалъ Матвѣеву, зѣло милостивому своему пріятелю и благодѣтелю: «Посланный мой сказалъ мнѣ, будто твоя милость велѣлъ мнѣ теперь къ его пресвѣтлому царскому величеству быть; еслибы указъ царскаго величества мнѣ наинижайшему рабу былъ, дайто Христе Боже, усердно сего желаю, только бы время было удобное, и непріятельскіе замыслы отъ насъ отдалились; смиренно молю о скорой вѣдомости отъ твоей милости, благодѣтеля моего.» Гетманъ не ладилъ почему-то съ Карпомъ Мокріевичемъ; тотъ также обратился къ Матвѣеву съ нижайшимъ поклономъ до лица земли: «Стыдно мнѣ частымъ писаніемъ вашей милости добродѣю моему докучать, но думаю, до рукъ вашихъ не доходитъ, потому что и по сіе время не удостоиваюсь милости вельможнаго господина гетмана за свои вѣрныя и правдиво желательныя къ великому государю службы, о которыхъ не только всему свѣту явно, но и самъ Господь вѣдаетъ душу мою, что вѣрно царскому величеству работалъ и до конца жизни моей обѣщаю. Съ покореніемъ полагая себя подножіемъ вашей милости благодѣтелю моему многомилостивому, смиренно челомъ бью: смилуйся надо мною, работникомъ своимъ, изволь своимъ высокимъ ходатайствомъ его царскому ве-

личеству обо мнѣ доложить, чтобы съ какимъ-нибудь дѣломъ въ своей государской грамотѣ обо мнѣ указалъ отписать, чтобы я вѣрный подданный работникъ при своей чести былъ, а иные, которые ни малой службы великому государю не учинили, нынѣ сугубую милость и честь и корысть имѣютъ.»

Въ тоже время Матвѣевъ получилъ грамоту изъ Запорожья отъ кошеваго, Лукьяна Андреева: «Благодѣтелю нашему многомилостивому, объ отчинѣ нашей Малороссіи и объ насъ, войскѣ Запорожскомъ многочестному ходателю и всякихъ щедротъ давцу нижайшее наше поклоненіе посылаемъ и смиренно молимъ: умилосердись яко отецъ надъ чады, чтобъ милостивымъ твоимъ ходатайствомъ Калмыки и чайки (лодки) и хлѣбные запасы присланы были къ намъ, и полевой нашъ вождь добрый и правитель, бусурманамъ страшный воинъ, Иванъ Сѣрко къ намъ былъ отпущенъ для того, что у насъ втораго такого полеваго воина и бусурманамъ гонителя нѣтъ; бусурманы, слыша, что въ войскѣ запорожскомъ Ивана Сѣрко, страшнаго Крыму промышленника и счастливаго побѣдителя, который ихъ всегда поражалъ и побивалъ и христіанъ изъ неволи свобождалъ, нѣтъ, радуются и надъ нами промышляютъ.» Царь отвѣчалъ, что всѣ просьбы ихъ будутъ исполнены и полевой воинъ Сѣрко къ нимъ будетъ отпущенъ. Дѣйствительно въ мартѣ 1673 года Сѣрко привезенъ былъ въ Москву и представленъ государю: сперва самъ царь, потомъ патріархъ и весь синклитъ, особенно князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій и Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ накрѣпко увѣщевали его быть вѣрнымъ престолу царскаго величества, патріархъ грозилъ клятвою и вѣчною погибелью если помыслитъ что худое. «Отпускаю тебя, сказалъ царь, по заступленію вѣрнаго нашего подданнаго гетмана Ивана Самойловича, потому что царское слово непремѣнно, писалъ я и къ королю Польскому, и къ Запорожцамъ, что отпущу, и отпускаю.»

Мы видѣли, что шелъ вопросъ о пріѣздѣ гетмана въ Москву, и Самойловичъ уже давалъ знать, что это трудно сдѣлать при настоящихъ обстоятельствахъ. Придумано было средство—и оставить гетмана въ Малороссіи и дать залогъ вѣрности его царю. Еще въ концѣ 1672 г. Симеонъ Адамовичъ писалъ къ Матвѣеву: «Богъ да видитъ убогую службу и радѣніе мое къ царскому пресвѣтлому величеству: многіе гетманы, архіереи и полковники,

много поглотавъ государской казны, поизмѣняли и кровопролитіе чинили; а я убогій червь, а не человѣкъ, какъ началъ, такъ и работаю Богу и великому государю. Нынѣшній гетманъ Иванъ Самойловичъ совершенно на мой совѣтъ положился; уже я его къ тому привелъ—если страна наша освободится отъ непріятельскаго нашествія, то по первому пути хочетъ дѣтей своихъ къ великому государю посылать со мною.» Въ мартѣ 1673 года протопопъ пріѣхалъ въ Москву и съ нимъ два сына гетманскихъ, Семенъ и Григорій съ *начальникомъ* своимъ, Батуринскаго монастыря намѣстникомъ Исаакомъ и учителемъ Павломъ Ясилковскимъ, для вѣрности подданства и службы его гетманской, чтобы царскому величеству служба его гетманская была во всемъ вѣрна. Самойловичъ писалъ, что сыновья его должны оставаться при царѣ до тѣхъ поръ, пока самъ гетманъ пріѣдетъ въ Москву. Адамовичъ былъ челомъ отъ имени Самойловича, чтобы государь приказалъ князю Ромадановскому и ему, гетману идти войною на Крымъ или на Дорошенка, и для этого похода прислалъ пушекъ полковыхъ, легкихъ, пороху и свинцу, прислалъ еще ратныхъ людей въ малороссійскіе города.

19-го марта гетманскихъ посланцевъ позвали смотрѣть какъ повезутъ пушки строемъ изъ Никольскихъ воротъ подъ дворцовые переходы въ Спасскіе ворота. Кромѣ Малороссіянъ были тутъ разныхъ земель торговые Нѣмцы и Греки и Персіяне; въ ихъ толпу пробрались тайкомъ подъячіе посольскаго приказа и подслушивали, что говорятъ иноземцы. Протопопъ Семенъ съ Черкасами говорилъ: «Должно быть идетъ самъ государь въ походъ на турскаго султана;» дивились, что пушки везены зѣло урядствомъ и строемъ премудрымъ; хвалили, что лошади впряжены были парами и устроены воински, пушки велики и къ войнѣ зѣло удобны. Когда шелъ между пушками дворъ окольничаго князя Ивана Петровича Борятинскаго, то протопопъ, сжавъ плеча, сказалъ: «Ей по истинѣ надъ симъ намѣреніемъ и надъ людьми происходитъ Божіе милосердіе; конечно чаю, что дѣла ихъ воинскія во всякомъ добрѣ совершатся, потому что по многимъ моимъ примѣтамъ, люди смѣло и радостно выступаютъ и благополучія себѣ ожидаютъ: это съ Божіей воли!» Гетманскіе сыновья распрашивали протопопа обо всемъ, считали, многоль пушекъ, которая больше и все хвалили. Греки говорили: когда Турки

брали Кандію, а теперь Каменецъ, то у нихъ было пушекъ много, только невелики, такія или немного побольше бывали при султанѣ по двѣ или по три, но сдѣланы грубо и не такъ къ войнѣ удобны. Нѣмцы также хвалили и говорили, что прежде такихъ строевъ на Москвѣ не бывало и потому надобно ждать побѣды царя надъ Туркомъ; Богъ не оставитъ царя, потому что онъ начинаетъ войну для защиты христіанской вѣры. Персіяне и Армяне говорили, что у шаха такихъ пушекъ нѣтъ и Турки ихъ не стерпятъ.

Отецъ протопопъ былъ въ восторгѣ отъ пріема въ Москвѣ, и писалъ гетману: «Царскаго величества отеческая къ вельможности твоей неизрѣченная милость: о чемъ били челомъ, все будетъ исполнено. Дѣтямъ твоимъ дворъ съ палатами каменными купить пріискиваютъ; въ господинѣ Артемонѣ Богъ послалъ твоей вельможности и дѣтямъ твоимъ отца милостиваго, на котораго милость и заступленіе будь всегда надеженъ, далъ онъ мнѣ въ томъ слово, и дѣткамъ твоимъ всякое добро при царскомъ величествѣ будетъ. Не могу перечислить царскаго величества милости и Артемона Сергѣевича пріятства и любви.» Протопопъ былъ отпущенъ съ отвѣтомъ: что касается до похода на Крымъ, то государь указалъ этотъ способъ теперь до времени оставить; а идти князю Ромодановскому и гетману Самойловичу къ Днѣпру и, ставши у этой рѣки, послать къ Дорошенку грамоту съ двумя досужими людьми, сказать ему: ты присылалъ къ великому государю съ челобитьемъ, чтобы велѣлъ тебя принять въ подданство: великій государь на это изволяетъ и прислалъ къ тебѣ милостивую грамоту; при этомъ обѣщать, что права и вольности будутъ ненарушены и государь будетъ оборонять Дорошенка отъ Турокъ; если же Дорошенко откажется принять присягу, то объявить ему, что царскія войска обратятся противъ него. Если, мимо Дорошенка, заднѣпровскіе козаки станутъ присылать, что поддаются великому государю, то ихъ принять, привести къ присягѣ и, поговоря со всѣмъ войскомъ, учинить на той сторонѣ гетмана, добраго и досужаго, особенно же вѣрнаго человѣка, а надъ Дорошенкомъ чинить промыслъ. Если заднѣпрскіе козаки будутъ просить, чтобы сдѣлать гетманомъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра Ивана Самойловича или станутъ просить себѣ въ особые гетманы кого-нибудь съ восточной стороны, то исполнить ихъ желаніе.

Мы видѣли, что государь обѣщалъ отправить въ Кіевъ большое войско съ бояриномъ княземъ Юріемъ Петровичемъ Трубецкимъ: дѣйствительно въ началѣ 1673 года Трубецкой двинулся въ Малороссію. Въ десяти верстахъ отъ Сосницы встрѣтилъ его гетманъ съ старшиною, и до Сосницы сидѣлъ съ бояриномъ на саняхъ у щита на облучкѣ. 13 февраля Трубецкой вступилъ въ Кіевъ.

Войска должны были выступить въ походъ по послѣднему зимнему пути, разсчитывая по московской погодѣ; но Ромодановскій далъ знать государю, что этого сдѣлать нельзя: «У насъ на украйнѣ съ полей снѣгъ весь сбило и водное *располеніе* большое, ни которыми мѣрами мнѣ походомъ поспѣшить нользя; ратныхъ людей при мнѣ нѣтъ никого.» А между тѣмъ на западномъ берегу какъ только узнали о намѣреваемыхъ движеніяхъ царскаго войска, такъ уже начали толковать о подданствѣ великому государю. Есаулъ Яковъ Лизогубъ сносился изъ Канева съ переяславскимъ полковникомъ Райчею, обѣщая сдать Каневъ какъ только русскія войска явятся за Днѣпромъ: «Радъ бы я, говорилъ Лизогубъ, перейти за Днѣпръ въ сторону царскаго величества со всѣмъ своимъ домомъ и пожитками, да славу свою потеряю: тутъ я начальнымъ знатнымъ человѣкомъ и всѣ меня здѣсь слушаютъ, лучше мнѣ будетъ, живучи здѣсь, царскому величеству службу свою показать, потому что здѣсь всѣ люди, видя утѣсненіе отъ Турокъ, Дорошенка и насъ всѣхъ проклинаютъ и всякое зло мыслятъ, и самъ Дорошенко скучаетъ, что поддался Турскому. Послѣ Рождества Христова у него была рада со всею старшиною; говорилъ Дорошенко: весна приходитъ, и слухъ носится, что царь со всѣми силами будетъ на украйну, такъ рѣшите, при комъ намъ держаться? Старшина приговорили: отъ турскаго султана не отставать и его не гнѣвить, потому что нынѣ, кромѣ него, дѣться намъ негдѣ: царь по договору съ королемъ подъ свою руку насъ не приметъ, а подъ королемъ быть не хотимъ, потому что много досады ему учинили, будетъ намъ мстить, да и для того, что искони вѣковъ въ раздѣленіи мы не бывали, а теперь одна сторона безъ другой быть не хотятъ. Турской салтанъ въ Каменецъ будетъ, видя что король мирнаго постановленія не исполняетъ, изъ Бѣлой Церкви ратнымъ людямъ выступить не велѣлъ и если теперь отъ Турскаго намъ отстать, а помощи ни отъ кого не будетъ, и онъ, пришедши въ конецъ насъ всѣхъ разоритъ.»—Когда Доро-

шенко былъ въ походѣ вмѣстѣ съ Турками, продолжалъ Лизогубъ, то ему честь была добрая, называли его княземъ; но козакамъ нужда была великая, Турки называли ихъ и теперь называютъ свиньями, гдѣ увидятъ свинью, называютъ козакомъ. Турскіе люди теперь въ Каменцѣ, Межибожьѣ, Барѣ, Язловцѣ, Снятинѣ, Жванцѣ. Во всѣхъ этихъ городахъ они церкви Божіи разорили, подѣлали изъ нихъ житницы, изъ другихъ мечети, колокола на пушки перелили, жителямъ нужды чинятъ великія, малыхъ дѣтей берутъ, женятся силою, мертвыхъ погребать и младенцевъ крестить безпошлинно не даютъ, безпрестанно кандалы куютъ и въ Каменецъ отсылаютъ, двѣ башни до верху наметали, также конскія желѣза дорогою цѣною покупаютъ—для чего, не вѣдомо. Пусть гетманъ Иванъ Самойловичъ напишетъ къ великому государю, чтобъ присылалъ многихъ ратныхъ людей сюда на западную сторону, ни одинъ городъ, кромѣ Чигирина, стоять не будетъ, только бы великій государь польскому королю насъ не отдавалъ; да занялъ бы государь своими войсками Сѣчь и Кодакъ, а если займутъ ихъ Турки, то Полтавской сторонѣ и намъ здѣсь трудно будетъ.»—«Не вѣрю я Лизогубу, говорилъ гетманъ Иванъ Самойловичъ: все это онъ говоритъ по Дорошенкову наученью; да у Лизогуба пашня, и скотина на этой сторонѣ въ Переяславскомъ полку, боится онъ, чтобы я ихъ у него не отнялъ. Если мы съ княземъ Гр. Гр. Ромодановскимъ пойдемъ на ту сторону Днѣпра, тогда и не въ честь будутъ сдаваться, потому: какъ турскій султанъ наступитъ, разволокутъ всѣхъ; Хмельницкій (Юрій) съ бусурманами водился и залетѣлъ въ Царь городъ; и Дорошенко изъ-подъ Каменца чуть чуть туда же не угодилъ, и впередъ ему не отбыть. Посылать къ Лизогубу о склонности впередъ не надобно, потому что онъ обо всемъ будетъ передавать Дорошенкѣ и Дорошенко подумаетъ, что, боясь турскаго султана, къ нимъ подсылки дѣлаются о склонности, и пуще будетъ султана и хана къ войнѣ побуждать.» Но Дмитрашка Райча говорилъ иное: хвалилъ вѣрность Лизогуба, утверждалъ, что впередъ на него можно положиться.

Въ апрѣлѣ прислалъ въ Москву грамоту Ханенко: «Падши раболѣпно къ ногамъ царскаго престола, билъ челомъ о принятіи въ подданство: яко елень на источники водные, сице желала душа его подъ пресвѣтлую державу единаго святолѣпнаго монарха. Былъ

онъ Ханенко при королевскомъ величествѣ многіе годы, кровь свою проливалъ на оборону короны польской, но за то ни онъ, ни войско ни малаго себя награжденія не получили, только сенаторскими пыхами (гордостію) озлоблены бывали.»

Лизогубъ въ своемъ разсказѣ о Чигиринской радѣ пропустилъ любопытное извѣстіе о Тукальскомъ. Кіевскій мѣщанинъ, пріѣхавшій изъ Черкасъ, разсказывалъ, что во время рады митрополитъ читалъ поученіе, въ которомъ сильно поносилъ Дорошенка и другихъ начальныхъ людей за то, что Турку служатъ, и церкви разоряютъ и мечети строятъ. Послѣ этого митрополитъ на радѣ совѣтовалъ козакамъ, чтобы оставались въ союзѣ только съ ханомъ, а отъ Турокъ, какимъ бы то ни было способомъ, отлучились. Тогда обозный Гурлакъ отвѣчалъ митрополиту: «Ужь бы тебѣ, отче митрополитъ, полно въ наши рады вступаться, своего бы ты духовнаго дѣла остерегалъ, а не насъ; ужь ты насъ усовѣтовалъ, такъ не скоро отсовѣтуешь.»

17-го апрѣля князь Ромодановскій съѣхался съ гетманомъ Самойловичемъ въ Сумахъ и постановили: Ромодановскому съ своими ратными людьми собираться въ Суджѣ, а гетману въ Батуринѣ и сойтиться вмѣстѣ между Глинскомъ и Лохвицею у рѣки Сулы. 22-го мая вожди соединились за Лохвицею у Лебединыхъ озеръ, и 1-го іюня отправили отрядъ за Днѣпръ подъ Каневъ съ предложеніемъ Дорошенку и Лизогубу поддаться великому государю; но Дорошенко, Лизогубъ и Каневцы отказали, что они въ подданствѣ у великаго государя быть никогда не хотятъ. Отрядъ переправился назадъ за Днѣпръ, а между тѣмъ на восточной сторонѣ появились татарскія толпы. Ромодановскій послалъ за ними харьковскаго полковника; подъ Коломыкомъ встрѣтился онъ съ Татарами, бился цѣлый день и едва ушелъ. Это заставило Ромодановскаго и гетмана изъ-подъ Лубенъ отступить назадъ къ Бѣлгороду. Ромодановскій и гетманъ писали царю, что имъ нельзя было переправиться за Днѣпръ, потому что рѣка очень распалилась, а Дорошенко отогналъ всѣ суда.—«Но еслибы и не это, отвѣчалъ царь, то развѣ вамъ велѣно было переправляться за Днѣпръ? Вамъ именно было велѣно стать у Днѣпра гдѣ пристойно, и, устроясь обозомъ, послать къ Дорошенку съ милостивыми грамотами двоихъ досужихъ людей, а не полкъ; также велѣно было, услыхавъ о Татарахъ, не отступать, а выслать противъ нихъ

часть войска.» Царь оканчивалъ грамоту объявленіемъ, что если султанъ, ханъ и Дорошенко наступятъ на Польшу, то онъ самъ выступитъ въ походъ. Но Самойловичъ не переставалъ оправдываться въ томъ, что не перешли за Днѣпръ: войска было мало, запасовъ мало, и Дорошенко распустилъ слухъ, что козаки и восточной и западной стороны, соединясь, будутъ промышлять надъ царскими людьми.

Въ Малороссіи требовали царскихъ войскъ; но въ то время проходъ войскъ въ странѣ извѣстно чѣмъ сопровождался. Архимандритъ Иннокентій Гизель говорилъ: «Превеликая царскаго величества милость, что изволилъ свою отчину, преславный градъ Кіевъ охранить: этому мы рады; но что ратные люди дорогою дѣлали, тому Богъ свидѣтель: не только эти новопришлые, но и прежніе подъ самымъ Печерскимъ монастыремъ и около монастырскія и подданныхъ монастырскихъ сѣна побрали безъ остатку, пришлось лошадей и скотину съ двора спускать; также и лѣса наши пустошили и теперь пустошатъ, не исключая борныхъ и надобныхъ.»—Полковникъ Солонина жаловался: «Воеводы и головы стрѣлецкіе, идучи дорогою, подъ Кіевомъ брали подводы многія, и изъ этихъ подводъ большая половина распропала; людей, которые за подводами шли, стрѣльцы били, за хохлы драли и всякими скверными словами безчестили; у бѣдныхъ людей дворы и огороды пожгли, разорили, сѣна всѣ потравили, крали и силою отнимали; такой налоги бѣднымъ людямъ еще не бывало; не знаю я какъ и назвать: неужели это христіане къ христіанамъ пришли на защиту? Но и Татары то же бы сдѣлали! только тѣмъ и удивляться нечего: непріятельскія люди и бусурманы.» Не поправился и самъ Трубецкой съ товарищами своими: знатные Малороссіяне жаловались, что бояринъ и воеводы неприступны, ласки къ нимъ не держатъ, Трубецкой полковникамъ на дворъ и съ двора ѣздить не велитъ. не то что бояринъ князь Григ. Григор. Ромодановскій: кто бы изъ Малороссіянъ къ нему ни пришелъ, и онъ со всякимъ обходится какъ равный, за это всѣ его любятъ. И по всей Малороссіи, гдѣ проходилъ Трубецкой съ войскомъ, слышались однѣ рѣчи: «Намъ очень надобно, что великій государь прислалъ многихъ людей въ Кіевъ и хочетъ удержать его за собою; если бусурманы на Кіевъ станутъ наступать, то мы всѣ за него умирать готовы; только то не хорошо, что ратные люди съ нами не ла-

сково поступаютъ и не смирно ходятъ; ни отъ чего мы такъ не скучаемъ, какъ отъ подводъ, и многіе съ Кіевской и Переяславской дороги хотятъ разбрестись.»

Слышался ропотъ и на новаго гетмана; знатные и простые люди говорили: «Очень тяжело было намъ при Демкѣ, но и теперь отъ того не ушли; на радѣ было отговорено гетману: охочихъ людей не держать, съ винныхъ, пивныхъ котловъ и съ мельничныхъ колесъ пошлинъ не брать; но все по прежнему, какъ при Демкѣ, дѣлается: компанейщину сбираютъ и поборы частые берутъ.» Объ этихъ жалобахъ дали знать гетману; онъ отвѣчалъ: «Я компанейщиковъ сбираю и пошлины брать велѣлъ для того, что въ нынѣшнее время люди мнѣ надобны противъ непріятеля. Еслибы съ той стороны всѣ воинскіе люди на эту сторону Днѣпра перешли, то я ихъ приму и кормить буду; а пошлины не себѣ я сбираю, а на кормъ воинскимъ людямъ, которые, покинувъ домы и пожитки свои, великому государю служатъ, не жалѣя головъ; часто случается, что противъ непріятельскихъ ратныхъ людей и нанимаютъ, жалованье большое даютъ; а этимъ людямъ только и пожитку, что сами да лошади ихъ сыты.»

Въ то время, какъ походъ царскихъ войскъ къ Днѣпру кончился такъ неудачно, въ августѣ 1673 года начались промыслы на другой сторонѣ, подъ Азовомъ: отправленные на Донъ воеводы Иванъ Хитрово и Григорій Касоговъ съ государевыми ратными людьми и съ Донскими козаками, въ числѣ 8,000, подошли подъ Каланчинскія башни, и, стрѣляя изъ пушекъ день и ночь, сбили у одной изъ башенъ верхній и середній бои и отняли водяное сообщеніе у Азова съ башнями, но сухопутнаго, по недостатку конницы, отнять не могли. Азовцы вышли на бой всѣмъ городомъ, но потерпѣли пораженіе: побѣдители гнали ихъ больше версты. Ядеръ не стало, а идти на приступъ къ башнѣ воеводы и атаманы сочли невозможнымъ, по причинѣ широкихъ валовъ, глубокихъ рвовъ и янычаръ, которыхъ было 1000 человѣкъ. Не успѣвши взять башенъ, воеводы пропустили козаковъ козачьимъ еркомъ въ море на 22 стругахъ для промыслу надъ турецкими и крымскими берегами. Донское войско писало Матвѣеву, что если великій государь велитъ идти подъ Азовъ и чинить приступъ, то ратныхъ людей надобно пѣхоты 40,000, да конницы 20,000: съ такимъ войскомъ къ Азову пытаться можно, а съ ма-

лымъ войскомъ идти на приступъ нельзя, мѣсто большое; Каланчинскія башни въ десять разъ крѣпче Азова, взять ихъ никакъ нельзя, и впередъ подъ ними людей и казны терять не для чего.

Московскіе ратные люди и козаки промышляли подъ Азовомъ; а въ тылу у нихъ чинился промыслъ своего рода. Хитрово доносилъ, что объявилось на Дону воровство великое, воруетъ старый товарищъ Разина, Иванъ Міюска, около котораго собралось больше 200 человѣкъ; проѣздъ степью сталъ тяжелъ, и впередъ надобно ожидать воровства большаго, потому что товарищи Разина, ушедшіе изъ Астрахани и съ черты, живутъ по Дону въ верховыхъ городахъ. По настоянію Хитрово, Донцы послали отрядъ противъ Міюски на Сѣверскій Донецъ; но Міюска, узнавъ объ этой посылкѣ, перешелъ на устье Черной Калитвы, гдѣ объявилось великое воровство внизъ и вверхъ, торговымъ и служилымъ людямъ не стало проѣзду, и шелъ слухъ, что на весну Міюска пойдетъ на Волгу, пристанетъ къ нему съ Дона и верховыхъ городковъ много воровъ, какъ и къ Разину. Посланные воронежскимъ воеводою козаки нигдѣ не отыскали слѣдовъ Міюски: онъ объявился въ другомъ мѣстѣ.

Въ началѣ зимы гетманъ Самойловичъ далъ знать, что въ Запороги пріѣхалъ человѣкъ—хорошъ и тонокъ, долголицъ, не черменъ и не русъ, немного смугловатъ, по лицу трудно сказать лѣта, козаки угадывали, что лѣтъ пятнадцать, молчаливъ, два знамени у него: на знаменахъ написаны орлы и сабли кривыя, съ нимъ восемь человѣкъ донской породы, надѣтъ на немъ кафтанъ зеленый, лисицами подшитъ, а подъ исподомъ кафтанецъ червчатый китайковый, называется царевичемъ Симеономъ Алексѣевичемъ; вожъ его, козакъ Міуской говорилъ судьѣ запорожскому, будто у этого царевича на правомъ плечѣ и на рукѣ есть знамя видѣніемъ царскаго вѣнца. Когда узнали въ Запорожьѣ, что Сѣрко приближается, то царевичь, распустивъ знамена, почтилъ Сѣрка встрѣчею. Сѣрко посадилъ его подлѣ себя и спрашивалъ: «Слышалъ я отъ наказнаго своего, что ты называешься какого-то царя сыномъ: скажи, Бога боясь, потому что ты очень молодъ, истинную правду скажи, нашего ли великаго государя Алексѣя Михайловича ты сынъ, или другаго какого царя, который подъ его рукою пребываетъ? чтобы мы и тобою обмануты не были, какъ иными въ войскѣ плутами.» Молодой человѣкъ всталъ, снялъ шапку

и говорилъ какъ бы плача: «Не надѣялся я, что ты меня бояться будешь; Богъ мнѣ свидѣтель правдивый, что сынъ я вашего государя.» Услыхавъ это, Сѣрко и всѣ козаки сняли шапки, поклонились до земли и начали потчивать его питьемъ. У самозванца спрашивали, будетъ ли онъ своею рукою писать къ гетману Самойловичу и къ батюшкѣ своему великому государю? — «Господину гетману, отвѣчалъ онъ, изустнымъ приказомъ кланяюсь; а къ батюшкѣ писать трудно, чтобы моя грамотка къ боярамъ въ руки не попалась, чего очень опасаюсь, а такой человѣкъ не сыщется, чтобы грамотку мою батюшкѣ въ самыя руки могъ отдать, и ты, кошевой атаманъ, умилосердись, никому русскимъ людямъ обо мнѣ не объявляй; сосланъ я былъ на Соловецкій островъ, и какъ Стенька былъ, то я къ нему тайно пришелъ и жилъ при немъ пока его взяли, потомъ съ козаками на Хвалынское море ходилъ, откуда на Дону былъ, войскомъ здѣсь про меня не вѣдали, только одинъ атаманъ вѣдалъ.» А вожъ Міуской говорилъ Сѣрку, что подлинно на тѣлѣ у царевича знаки видѣніемъ царскаго вѣнца есть; намѣреніе такое имѣетъ, тайно пробраться въ Кіевъ и оттуда ѣхать къ польскому королю.

14 декабря къ гетману Самойловичу и на кошъ къ Сѣрку за самозванцемъ отправились сотникъ стрѣлецкій Чадуевъ и подъячій Щеголевъ.—«Я уже писалъ въ Запороги, сказалъ имъ Самойловичъ, чтобы вора съ товарищами ко мнѣ прислали; думаю, что Сѣрко не будетъ мнѣ противенъ; боюсь одного, что на Запорожьѣ никого не выдаютъ, говорятъ, что они войско вольное, кто хочетъ приходить по волѣ и отходитъ также.» На дорогѣ, въ мѣстечкѣ Керебердѣ пришелъ къ московскимъ посланцамъ запорожскій козакъ Максимка Щербакъ и началъ говорить: «Знаете ли вы Щербака Донскаго, а онъ знаетъ, зачѣмъ вы на Запорожье посланы; вамъ ѣхать не зачѣмъ, даромъ пропадете: самый истинный царевичъ Симеонъ Алексѣевичъ нынѣ на Запорожьѣ объявился, я про это про все знаю и вѣдаю; царевичъ дѣда своего, боярина Илью Даниловича Милославскаго ударилъ блюдомъ и отъ того ушелъ, по всей Москвѣ слава носилась, что то правда была, а я въ то время на Москвѣ сидѣлъ въ тюрьмѣ, по челобитью Демьяна Многогрѣшнаго освобожденъ, былъ на Дону и на Запорожьѣ, а вышелъ изъ Запорожья тому другая недѣля.»—«Это воръ, плутъ, самозванецъ и обманщикъ», говорили посланцы. Щербакъ на это

плюнулъ имъ въ глаза и сказалъ: «Завяжите себѣ ротъ. даромъ злую смерть примете.» Встрѣтились Чадуеву и Щеголеву посланцы Самойловича, ѣздившіе въ Запорожье и объявили: «Когда Запорожцы выслушали гетманское письмо о самозванцѣ, то смѣялись, про гетмана и про бояръ говорили всякія непристойныя и грубыя слова, самозванца, по приказу Сѣркову, называютъ царевичемъ; къ гетману ничего не отписали, писалъ къ нему самозванецъ и запечаталъ своею печатью на подобіе печати царскаго величества; сдѣлали ему эту печать Запорожцы изъ ефимковъ, да сдѣлали ему тафтяное знамя съ двоеглавымъ орломъ и платье доброе дали. На отпускѣ нашемъ пришелъ въ раду самозванецъ, безчестилъ всячески гетмана, говорилъ: «Глупъ вашъ гетманъ, что меня такъ описываетъ, еслибы вы не прѣсныя души, велѣлъ бы повѣсить; если гетману надобно меня знать, пусть пришлетъ осмотрѣть обознаго Петра Забѣлу, да судью Ивана Домонтовича; о выдачѣ моей много бояре станутъ присылать знатныхъ людей именемъ царскаго величества съ грамотами, только я не поѣду три года, буду ходить на море и въ Крымъ, а кто присланы будутъ, даромъ не пробудутъ.» Въ Кишенкѣ московскіе посланцы нашли челядника Василья Многогрѣшнаго, Лучка, да самозванцева товарища Мерешку; оба говорили Чадуеву и Щеголеву, чтобы на Запорожье ни подъ какимъ видомъ не ѣздили: еще у Кодака Запорожцы встрѣтятъ и повѣсятъ, а самозванца выдать и не подумаютъ. «Я, говорилъ Лучка, при немъ жилъ многое время и видѣлъ на плечахъ природные знаки красные: царскій вѣнецъ, двоеглавый орелъ, мѣсяцъ съ звѣздою.» Пріѣхалъ въ Кишенку Игнатъ Оглобля, отправлявшійся въ посланникахъ отъ Сѣрка къ гетману Самойловичу; онъ говорилъ, что Сѣрко хотѣлъ бить Чадуева за самозванца и называлъ его собачьимъ сыномъ. Услыхавъ всѣ эти вѣсти, Чадуевъ и Щеголевъ приняли мѣры для собственной безопасности: велѣли Щербака, Лучку, Мерешку и Оглоблю отослать къ гетману въ Каневъ, чтобы онъ держалъ ихъ тамъ до ихъ возвращенія.

1-го марта 1674 года выѣхали царскіе посланники изъ Кишенки на Запорожье; 9-го числа въѣхали въ Сѣчь: кошевой атаманъ Сѣрко и все поспольство вышли за городъ навстрѣчу, и поставили Чадуева и Щеголева за городомъ, на берегу рѣки Чертомлика въ Греческой избѣ. На другой день посланниковъ позвали

въ курень къ атаману; тамъ нашли они Сѣрка, судью, писаря, куренныхъ атамановъ и знатныхъ козаковъ-радцевъ (совѣтниковъ): «Для какихъ великаго государя дѣлъ вы къ намъ присланы? спросилъ Сѣрко: слышали мы, что за царевичемъ?» — «Это не царевичъ, отвѣчалъ Чадуевъ: это воръ, плутъ, самозванецъ, явный обманщикъ и богоотступникъ, Стеньки Разина ученикъ.» — «Неправда, говорили Запорожцы: это истинный царевичь Симеонъ Алексѣевичъ и желаетъ съ вами видѣться.»—«Мы присланы, отвѣчалъ Чадуевъ, для взятья этого вора и самозванца, а не видѣться съ нимъ.» Сѣрко: «Мы его въ радѣ вамъ покажемъ, станете съ нимъ говорить, и мы знаемъ, что вы, узнавъ, поклонитесь ему какъ слѣдуетъ.» Послѣ этого разговора Сѣрко, судья, писарь и куренные атаманы пили у самозванца мало не весь день, и Сѣрко, упившись, будто спалъ. Часа за два до вечера самозванецъ, опоясавшись саблею, вышелъ изъ своего куреня, съ нимъ судья Степанъ Бѣлый, писарь Андрей Яковлевъ, есаулы и козаковъ человѣкъ съ триста, всѣ пьяные, подошли къ избѣ, гдѣ стояли послы, и стали выкликать Щеголева: «Поди! царевичъ тебя зоветъ.» Щеголевъ не пошелъ, а Чадуевъ вышелъ въ сѣни и, отворя дверь, говорилъ: «Кто и зачѣмъ Щеголева спрашиваетъ!» Отвѣчалъ самозванецъ: «Поди ко мнѣ!» Чадуевъ: «Ты что́ за человѣкъ?» Самозванецъ: «Я царевичъ Симеонъ Алексѣевичъ.» Чадуевъ: «Страшное и великое имя вспоминаешь; такого великаго и преславнаго монарха сыномъ называешься, что и въ разумъ человѣческій не вмѣстится; царевичи государи по степямъ и по лугамъ такъ ходить не изволятъ; ты сатанинъ и богоотступника Стеньки Разина ученикъ и сынъ, воръ, плутъ и обманщикъ.» Самозванецъ: «Брюхачи, измѣнники! смотрите! наши же холопи да намъ же досаждаютъ! Я тебя устрою!» И вынувъ саблю, побѣжалъ къ дверямъ на Чадуева; тотъ взялъ пищаль и хотѣлъ его убить; но писарь схватилъ самозванца поперекъ, унесъ за хлѣбную бочку и потомъ пошелъ съ нимъ въ городъ. Остались козаки и начали съ полѣньями приступать къ избѣ, а другіе разбирать крышу, ругались, крича: «Ты, старый, государича хотѣлъ застрѣлить.» Тутъ Чадуевъ съ пищалью, Щеголевъ съ саблею, стрѣльцы съ мушкетами, простясь между собою, сѣли на смерть. Но до смерти дѣло не дошло: посланники вынули государеву грамоту и закричали: «Подождите до рады, а въ радѣ выслушайте великаго государя

грамоту!» Козаки закричали судьѣ и есауламъ: «Поставьте у нихъ караулъ, чтобы не ушли: умѣютъ Москали изъ рукъ уходить» И одинъ за другимъ разошлись. Но вмѣсто нихъ явился полковникъ Алексѣй Бѣлицкій, при немъ козаки съ мушкетами, и стали въ сѣняхъ, у самыхъ избныхъ дверей, готовые къ бою.

Вечеромъ пришли къ посламъ отъ Сѣрка судья, писарь, есаулъ, атаманъ куренный и говорили: «Худо вы сдѣлали, что государича хотѣли застрѣлить, будучи между войскомъ; 12 марта будетъ рада и государичъ въ радѣ будетъ; что вы хотѣли его застрѣлить, теперь всѣмъ вѣдомо, и если надъ вами войску велитъ что̀ сдѣлать, то войско что огонь, по маковому зерну разорветъ. Вы когда придете въ раду, поскорѣе добивайте ему челомъ и кланяйтесь до земли.» Чадуевъ: «Недобрый, небогоугодный, невѣрныхъ слугъ поступокъ, что вы, называясь вѣрными слугами царскаго величества, просите и получаете его милости, а пословъ его, повѣря невѣдомо какому вору, смерти предаете! мы не на смерть къ вамъ посланы, а на увеселеніе и объявленіе царскаго величества премногой милости вамъ же»

12-го марта собралась рада; пословъ царскихъ позвали туда, но ножи у нихъ обобрали и велѣли за ними идти караульщикамъ съ мушкетами. Самозванецъ стоялъ въ церкви и смотрѣлъ въ окно на раду. Сѣрко, выслушавъ царскую грамоту, наказъ и гетманскій листъ, началъ говорить Запорожцамъ: «Братья мои, атаманы молодцы, войско запорожское низовое днѣпровое, какъ старъ, такъ и молодой. Прежде въ войскѣ запорожскомъ у васъ добрыхъ молодцовъ того не бывало, чтобъ кому кого выдавали: не выдадимъ этого молодчика!»—«Не выдадимъ, господинъ кошевой!» грянула толпа. — Сѣрко продолжалъ: «Братья моя милая! Какъ одного его выдадимъ, тогда всѣхъ насъ Москва по одному разволочетъ; а онъ не воръ и не плутъ, прямой царевичъ, и сидитъ какъ птица въ клѣткѣ и никому ничего невиненъ.»—«Пусть они того плута сами въ очи посмотрятъ, закричали козаки: узнаютъ, что̀ за плутъ! Идетъ имъ о печать и о письмо; царевичъ и самъ сказываетъ, что бояре все это пишутъ и присылаютъ безъ указа великаго государя и еще будутъ присылать; пора ихъ утопить, либо руки и ноги отрубить.»—«Поберегите, братцы, меня, сталъ опять говорить Сѣрко: еще потерпимъ, нашихъ много у гетмана, а иныхъ они, Чадуевъ и Щеголевъ, для своей свободы къ гет-

ману отослали, и пока наши будуть, подержимъ ихъ живыхъ, или одного изъ нихъ отпустимъ, чтобы какъ-нибудь своихъ освободить, а караулъ у нихъ крѣпкій стоитъ, неуйдутъ. Пошлемъ мы къ Дорошенку, чтобы онъ клейноты войсковые отдалъ намъ накошъ да и самъ къ намъ пріѣхалъ, онъ меня послушаетъ, потому что мнѣ кумъ; спасибо ему, что до сихъ поръ клейнотовъ войсковыхъ Ромодановскому не отдалъ. Какая правда Ромодановскаго? Когда побилъ Юраску Хмельницкаго и клейноты войсковые взялъ, намъ ихъ не отдалъ, и теперь тоже сдѣлаетъ, если Дорошенко клейноты ему отдастъ.»—«Пошлемъ, господинъ кошевой! загремѣла опять толпа, вели листы къ Дорошенку писать.» Тутъ Сѣрко велѣлъ Чадуеву и Щеголеву выйти изъ рады; но козаки зашумѣли: «Показать имъ царевича, чтобы они по его волѣ учинили, а если не учинятъ, побить.» Сѣрко сталъ ихъ опять успокоивать: «Онъ государичъ, зачѣмъ ему по радамъ волочиться; когда будетъ время, увидятъ и безъ рады и по волѣ его учинятъ, а теперь пускайте ихъ.»

Вечеромъ пришли къ посламъ судья, писарь и есаулъ и начали говорить: «Царевичъ очень печаленъ, что къ вамъ въ раду его не позвали, хочетъ онъ съ вами видѣться, и кошевой хочетъ его съ вами свести въ своемъ куренѣ.» Послы отвѣчали: «Присланы мы отъ царскаго величества къ войску запорожскому за самозванцевъ, а не бесѣдовать съ нимъ; если кошевой введетъ его къ себѣ въ курень съ саблею, а онъ захочетъ озорничать, то какая ваша правда? мы и теперь какъ тогда шеи не протянемъ.»

13-го марта созвавъ къ себѣ въ курень куренныхъ атамановъ и знатныхъ козаковъ, Сѣрко призвалъ пословъ и говорилъ имъ: «Много вы на Запорожьѣ наворовали, на великаго человѣка хотѣли руку поднять, государича убить, достойны вы смерти. А намъ Богъ далъ съ неба многоцѣнное жемчужное зерно и самоцвѣтный камень, чего никогда, искони вѣковъ у насъ на Запорожьѣ не бывало. Сказываетъ онъ, что изъ Москвы изгнанъ такимъ образомъ: однажды былъ онъ у дѣда своего, боярина Ильи Даниловича Милославскаго, и въ тоже время былъ у боярина нѣмецкій посолъ и говорилъ о дѣлахъ; царевичъ разговору ихъ помѣшалъ, а бояринъ невѣжливо отвелъ его рукою. Царевичъ, возвратившись въ свои палаты, говорилъ матери, царицѣ Марьѣ

Ильиничнѣ: если бы мнѣ на царствѣ хотя бы три дня побыть, и я бы бояръ нежелательныхъ всѣхъ перевелъ. Царица спросила: кого бы онъ перевелъ?—Прежде всѣхъ боярина Илью Даниловича, отвѣчалъ царевичь. Царица кинула въ него ножемъ, ножъ попалъ въ ногу, и онъ отъ того занемогъ. Царица велѣла стряпчему Михайлѣ Савостьянову его окормить, но стряпчій окормилъ вмѣсто его пѣвчего, и, снявъ съ него платье, положилъ на столъ, а другое на мертваго; царевича берегъ втайнѣ три дня, нанялъ двухъ нищихъ старцевъ, одного безъ руки, другаго криваго, далъ имъ сто золотыхъ червонныхъ, и эти старцы вывезли его изъ города на малой тележкѣ подъ рогожею и отдали посадскому мужику, а мужикъ свезъ его къ Архангельской пристани. Скитаясь тамъ долгое время, царевичь наконецъ пришелъ на Донъ и былъ съ Стенькою Разинымъ на морѣ, не сказывая про себя, былъ у Разина кашеваромъ и назывался Матюшкою; а передъ Стенькинымъ взятьемъ онъ ему про себя сказывалъ подъ присягою; а послѣ Стеньки былъ на Дону царскаго величества посланный съ казною, который его царевича дарилъ, и онъ съ нимъ послалъ письмо, но этого письма бояре до царскаго величества не допустили. Какъ время придетъ, пошлетъ онъ къ царскому величеству письмо съ такимъ человѣкомъ, который самъ до государя донесетъ.—Я, продолжалъ Сѣрко, мало этому вѣрилъ; но въ нынѣшній великій постъ онъ постился; я велѣлъ священнику его на исповѣди подъ клятвою свидѣтельствовать, подлинно ли такъ какъ сказываетъ, и онъ подъ клятвою сказалъ, что правда истинная и причащался. И теперь кто что ни говори и ни пиши, всѣ мы въ томъ ему вѣримъ». Тутъ Сѣрко перекрестился и сказалъ: «Истинный царевичь! не зарекаемся мы за его промысломъ, какъ онъ у насъ росписи проситъ, что̀ войску надобно? на 3000 и больше кармазинныхъ суконъ по 10 аршинъ на человѣка на годъ брать, также денежную, свинцовую и пороховую и многую казну, ломовыя пушки и нарядныя ядра; и мастеръ, который тѣми ядрами умѣетъ стрѣлять, и сипоши, и чайки у насъ будутъ. Царевичъ говоритъ да и мы сами хорошо знаемъ, для чего Донскимъ козакамъ и намъ государева жалованья, пушекъ, всякихъ войсковыхъ запасовъ и чаекъ не даютъ: царское величество къ намъ милосердъ, много обѣщаетъ, а бояре и малого не даютъ; царское величество изволилъ намъ прислать шиптуховыхъ суконъ, и

намъ досталось только по полтора локтя на человѣка.»—«Оставьте всѣ эти слова, отвѣчалъ Чадуевъ, выдайте самозванца и пошлите къ великому государю съ нимъ сто человѣкъ и больше своихъ, и всѣ они будутъ пожалованы, и къ вамъ на кошъ царское жалованье, сукна, пушки, ядра, мастеръ, зѣлье, свинецъ, сипоши и чайки присланы будутъ.» — «Если и тысячу человѣкъ за нимъ пошлемъ, отвѣчали атаманы, то на дорогѣ его отнимутъ и до царскаго величества не допустятъ; если дворяне или воеводы съ людьми ратными за нимъ присланы будутъ, не отдадутъ; Москва и насъ всѣхъ называетъ ворами и плутами, будто мы не знаемъ, что и откуда кто есть? Если государь, по приговору бояръ, что мы царевича не отдали, пошлетъ къ гетману Самойловичу, чтобы не велѣлъ пускать къ намъ въ Запорожье хлѣба и всякихъ харчей, какъ Демка Многогрѣшный не пропускалъ, то мы какъ тогда безъ хлѣба не были, такъ и теперь не будемъ, сыщемъ мы себѣ и другаго государя, дадутъ намъ и крымскіе мѣщане хлѣба, и ради намъ будутъ, чтобы только брали, такъ какъ во время Суховѣева гетманства давали намъ всякій хлѣбъ изъ Перекопи. А про царевича вѣдомо и хану крымскому: присылалъ провѣдывать объ немъ, и мы сказали, что есть у насъ на кошѣ такой человѣкъ. Турскій султанъ нынѣшнею весною непремѣнно хочетъ быть подъ Кіевъ и далѣе; пусть цари между собою перевѣдаются, а мы себѣ мѣсто сыщемъ: кто силенъ, тотъ и государь намъ будетъ. Жаль намъ Пашки Грибовича: если бы въ нынѣшнее время онъ Пашка былъ съ нами, узналъ бы я, какъ въ Сибирь черезъ поле посмотрѣть, узнали бы какой жолнырь Сѣрко. Какому они мужику дали гетманство? онъ своихъ разоряетъ и разорять-то не умѣетъ: по Днѣпру поппласталъ и поволочился и, ничего добраго не сдѣлавъ, назадъ возвратился. Теперь у насъ четыре гетмана: Самойловичъ, Суховѣй, Ханенко, Дорошенко, а ни отъ кого ничего добраго нѣтъ, въ домахъ сидятъ и только между собою христіанскую кровь проливаютъ за гетманство, за маетности, за мельницы; то бы было хорошо, еслибы Крымъ разорить и войну унять. Когда рада была и Ромодановскій гетманство Самойловичу далъ, а войско спрашивало меня и гетманство хотѣло дать мнѣ. Ромодановскій не повойсковому поступилъ и давно меня въ пропасть отослалъ. Слышно, что той стороны Днѣпра многіе города и Лизогубъ теперь при ва-

шемъ гетманѣ. Хвала Богу, что Лизогубъ подлизался, а какъ лизнеть, то и въ пятахъ горячо будетъ. А когда бы мнѣ дали гетманство, я бы не такъ сдѣлалъ; еслибы и теперь дали мнѣ на одинъ годъ гетманство, или гетманъ, московскій обранецъ, поповичь далъ мнѣ четыре полка, полтавскій, миргородскій, прилуцкій и лубенскій, то я бы зналъ что съ ними сдѣлать, Крымъ бы весь розорилъ.»— Теперь у князя Ромодановскаго и у гетмана войска много, сказали послы: ступай къ нимъ и промышляй съ ними сообща.—«Теперь не прежнее, отвѣчалъ Сѣрко, не обмануть меня; прежде Ромодановскій отписалъ ко мнѣ государскую милость; я, повѣря, поѣхалъ къ нему, а онъ меня продалъ за 2000 золотыхъ червонныхъ.»—«Кто эти червонные за тебя далъ?» спросили послы.—«Царское величество, милосердуя обо мнѣ, велѣлъ дать ихъ Ромодановскому,» отвѣчалъ Сѣрко.

17 марта передъ обѣднею Сѣрко посылалъ священника, да 11 человѣкъ куренныхъ атамановъ осматривать царевича; никакого вѣнца, ни орла, ни мѣсяца, ни звѣзды не нашли, только на груди отъ одного плеча до другаго восемь пятенъ бѣлыхъ, точно пальцемъ ткнуты, да на правомъ плечѣ точно лишай—широко и бѣло. Самозванецъ говорилъ имъ, будто про эти знаки знаетъ царица, да мама Марья; теперь кромѣ стряпчаго Михайлы Савостьянова никто его не узнаетъ, да и онъ, кромѣ его, никому не повѣритъ, а къ царю писать будетъ. Сѣрко и всѣ козаки еще больше послѣ этого увѣрились. Въ тотъ же день московскимъ посламъ было объявлено, что ихъ къ государю отпустятъ, но вмѣстѣ съ ними отправятъ своихъ козаковъ, чтобы они сами изъ устъ царскаго величества о томъ человѣкѣ слово услышали и, пріѣхавъ на кошъ, имъ объявили, и тогда у нихъ свой разумъ будетъ.»

Старая исторія! Запорожскій кошевой срываетъ сердце: зачѣмъ его не выбрали въ гетманы? его, давняго сторонника Дорошенка! притворяется, что вѣритъ самозванцу; козакъ высказывается; пусть государи перевѣдаются, а мы будемъ затѣмъ, кто осилитъ: приговоръ Запорожью былъ подписанъ этими словами, ибо кто осилилъ окончательно, тотъ не захотѣлъ болѣе терпѣть людей, шатающихся между государями, выжидающими, кто изъ государей будетъ сильнѣе. Сѣрку было досадно, что гетманъ-поповичь, Самойловичъ получилъ успѣхъ на западной сторонѣ Днѣпра.

Дѣйствительно въ началѣ 1674 года привелось въ исполненіе давно задуманное предпріятіе перенести царское оружіе на западную сторону. Самойловичь получилъ приказаніе изъ Москвы соединиться съ Ромодановскимъ и двинуться противъ Дорошенка, съ которымъ не прекращались безполезные переговоры о подданствѣ. Дорошенко съ Тукальскимъ присылали и въ Москву монаха Серапіона съ предложеніемъ подданства и съ условіями, на которыхъ Дорошенко хотѣлъ поддаться великому государю. Дорошенко требовалъ, чтобы Кіевъ отданъ былъ козакамъ, чтобы царь вывелъ изъ него своихъ людей, а козаки за то позволятъ царю въ какомъ городѣ угодно занять крѣпость своими войсками. Если царь не согласится на это, то Серапіонъ долженъ былъ просить обнадеживанья, чтобъ Кіева не отдавать Полякамъ. Дорошенко требовалъ, чтобы на обѣихъ сторонахъ Днѣпра былъ одинъ гетманъ, который владѣлъ бы войскомъ и поспольствомъ какъ господарь, какъ теперь за Днѣпромъ, чтобъ всѣ его слушались. Гетманъ съ украйною не на время признаютъ царское величество дѣдичнымъ государемъ: такъ чтобы и гетманъ на всю жизнь былъ утвержденъ, особенно, чтобы вольности козацкія въ цѣлости пребывали. Чтобы царь не допускалъ непостоянства нѣкоторыхъ людей украинскихъ, какъ недавно по нѣскольку гетмановъ бывало. Гдѣ домовитовъ много, тамъ порядка нѣтъ, особенно когда согласія и послушанія не будетъ: такъ чтобы приказалъ государь Запорожцамъ слушаться гетмана. Касательно рубежа польскаго въ составъ украйны должны входить три прежнія воеводства: кіевское, браславское и черниговское. Чтобы царь оборонялъ украйну и велъ наступательную войну противъ бусурманъ.—У Дорошенка больше всего было на сердцѣ двойное гетманство: «Никогда я этого не уступлю, говорилъ Дорошенко: дѣло невозможное и въ Украйнѣ неслыханное, чтобы гетманъ на той сторонѣ Днѣпра когда-нибудь былъ; не только я, но и вся сторона, которая подъ моимъ начальствомъ, на это никакъ не согласится. При двухъ гетманахъ мы никогда ничего добраго не сдѣлаемъ; примѣръ Польша и Литва: отъ безпрестанной зависти что тамъ добраго дѣлается? Не хвалюсь, но пусть панъ Самойловичъ такой будетъ какъ я Козакъ ли онъ отъ прадѣдовъ и дѣдовъ! Знаетъ ли онъ Запорожье, рѣчки, проливы морскіе, рѣки, самое море? на многихъ ли войнахъ бывалъ! гдѣ чего наглядѣлся? когда съ

монархомъ дѣло имѣлъ, воевалъ или договаривался, чтобы теперь умѣть начать что-нибудь для услуги царскаго величества? Если онъ на себѣ покажетъ, что знаетъ все и можетъ что доброе начать, то я ему уступлю и низко поклонюсь, что съ меня эту тягость сниметъ. А то онъ и козакомъ-то недавно, случилось ли ему хотя однажды быть въ войскѣ? долго ли былъ полковникомъ? всѣ ли наши старшинства — отъ малаго до великаго — перешелъ? А еще мнѣ пакость дѣлаетъ! козаковъ съ нашей стороны забираетъ, на лошадяхъ козацкихъ, украденныхъ съ нашей стороны, самъ ѣздитъ; вора, который, служа у меня покралъ и на ту сторону ушелъ, не велѣлъ выдать; Дмитряшку ключникомъ, на зло мнѣ, сдѣлалъ. Послѣ этого пусть царское величество разсудитъ, какъ мы можемъ согласиться? какъ онъ можетъ мнѣ въ нуждахъ помогать? Хорошо ли, что въ Польшѣ два гетмана безпрестанно ссорятся, одинъ другому пакоститъ, и Польша отъ ихъ несогласія погибаетъ? Кромѣ того: одною стороною украйны не только отъ Турокъ, но и отъ орды не оборонюсь. Не обо мнѣ дѣло: у меня нѣтъ дѣтей; наберу тысячу, другую, третью пѣхоты, пойду въ поле—и тамъ проживу. Дѣло идетъ обо всѣхъ людяхъ, которые отъ моего поступка могутъ погибнуть. Если царское величество возложитъ на меня гетманство обѣихъ сторонъ, то буду стараться услужить. Если царское величество будетъ слушаться Самойловича, то добра не видать. Такихъ найдется не мало, которые, сидя въ покоѣ, господствуютъ, о добрѣ общемъ христіанскомъ не стоятъ. Дѣло понятное, что нѣжинскій протопопъ на соединеніе украйны подъ моимъ гетманствомъ не согласится: тогда бы пришлось имъ бояться пастыря бдящаго, а теперь что хотятъ то творятъ.»

Самойловичъ платилъ Дорошенку тою же монетою: писалъ въ Москву, что Дорошенко съ Тукальскимъ о томъ только и думаютъ, какъ бы властвовать на обѣихъ сторонахъ съ помощію Турокъ; что онъ, Самойловичъ, не хочетъ имѣть съ ними никакихъ сношеній, что Дорошенко вредитъ ему самымъ нехристіанскимъ образомъ, присылаетъ зажигателей на восточную сторону и цѣлые города горятъ. Царь успокоивалъ гетмана, приказывалъ къ нему, что Дорошенко принятъ будетъ въ подданство только подъ условіемъ оставаться гетманомъ на одной западной сторонѣ. Дѣйствительно, Дорошенку велѣно было сказать: «Царское величество

дивится, что онъ гетманъ Петръ Дорошенко укоряетъ гетмана Ивана Самойловича за низкое происхожденіе, и будто онъ никакихъ поведеній войска Запорожскаго не знаетъ. Надобно ему Дорошенку припамятовать прежнихъ гетмановъ, кромѣ Богдана Хмельницкаго, знатной ли фамиліи и знающіе ли были люди, Самко, Цыцура, Безпалый, Барабашъ, Пушкаренко, Золотаренко, Брюховецкій: только выбраны были вольными голосами по правамъ войска Запорожскаго, потому что государь не запрещаетъ войску Запорожскому выбирать гетмановъ. Нечего укорять Ивана Самойловича, что онъ съ монархами не договаривался: ему этого дѣлать нельзя, потому что онъ подъ рукою царскаго величества; какъ онъ Дорошенко своими договорами войско Запорожское успокоилъ — это всему свѣту извѣстно; а гетманъ Иванъ Самойловичъ и все войско Запорожское на восточной сторонѣ въ покоѣ живутъ. Въ Польшѣ и Литвѣ изъ древнихъ лѣтъ гетманы великіе и польные, а что между ними несогласіе, то сдѣлалось по волѣ Божіей, и въ примѣръ того писать не годится.» Также Дорошенку велѣно было сказать, что сейчасъ нельзя сдѣлать его гетманомъ обѣихъ сторонъ; но если весною войска обѣихъ сторонъ, вышедши въ поле, захотятъ имѣть его единственнымъ гетманомъ по правамъ своимъ козацкимъ, то царское величество его утвердитъ. Но Дорошенко, толкуя постоянно о правахъ и вольностяхъ козацкихъ, не хотѣлъ признать главнаго права козаковъ права на выборъ гетмана, опасаясь, что они могутъ воспользоваться этимъ правомъ не въ его пользу. «Не подлинная эта вещь, отвѣчалъ Дорошенко: потому что извѣстные люди не хотятъ на это позволить, и я неподлинными вещами далъ бы себя провести, а потомъ некому было бы меня защищать отъ Турокъ и Татаръ. Видя недружбу пана Самойловича, нечего мнѣ ждать отъ него помощи. Мнѣ говорятъ, что царскому величеству трудно смѣнить Самойловича! Но вѣдь по милости царскаго величества дано ему гетманство, минуя заслуженнѣйшихъ людей и не спрашивая нашу братью козаковъ; козаки были принуждены взять его въ гетманы, потому что князь Ромодановскій утвердилъ. Такъ и теперь, если царское величество захочетъ, возможно. Хорошъ будетъ порядокъ, когда войско будетъ въ послушаніи двоихъ гетмановъ, въ недружбѣ живущихъ! я захочу того, онъ другаго: можетъ ли выйти отсюда что доброе?»

Понятно, что Самойловичъ не могъ успокоиться, зная характеръ и притязанія чигиринскаго гетмана: но кромѣ Дорошенка онъ боялся еще друзей Многогрѣшнаго: «Многогрѣшный съ совѣтниками своими по волѣ ходятъ и, разумѣется, что нибудь умышляютъ, писалъ гетманъ къ черниговскому полковнику Бурковскому. Грибовичъ уже въ Запорогахъ, наши своими глазами его видѣли, да и тѣ (т. е. Многогрѣшные) невѣдомо гдѣ? Богъ вѣсть что изъ того будетъ! Не хитръ былъ и Стенька, а много бѣды надѣлалъ! И этимъ не надобно было довѣрять: слыхали мы не разъ своими ушами, что хотѣли станъ раскинуть около самой Москвы; такъ бывало явно брешуть.» Раздѣленіе гетманства точно также не нравилось и Самойловичу, какъ Дорошенку: «Если оба гетмана, говорилъ Самойловичь царскому послу Бухвостову, если оба гетмана пошлютъ противъ непріятеля своихъ наказныхъ гетмановъ, то бояринъ, который придетъ съ государевыми людьми, не будетъ знать, которому гетману угодить? При польскомъ владычествѣ никогда двухъ гетмановъ не бывяло. А что гетманъ Богданъ Хмельницкій билъ челомъ, чтобы быть другому гетману, то онъ хотѣлъ дать гетманство какому-нибудь родственнику своему, да и войска въ то время было на обѣихъ сторонахъ много, а теперь на той сторонѣ малолюдство; по старому захочетъ Дорошенко этою стороною славенъ быть и подыскивать подо мною. Если же царское величество хочетъ принять Дорошенка для отвращенія турецкой войны, то война этимъ не отвратится; принявъ Дорошенка, надобно будетъ его отъ непріятеля оборонять и поставить войска по городамъ: въ Чигиринѣ, въ Каневѣ, въ Умани, въ Черкасахъ, потому что турецкій султанъ будетъ воевать Дорошенка за измѣну. Какъ поддастся Дорошенко великому государю, то будетъ безпрестанно посылать въ Москву, прося помощи и для другихъ дѣлъ черезъ наши города; эти посланцы всегда будутъ намъ докучать, всего просить, насильно отнимать и плевелы всякіе въ народъ пускать, и будемъ мы у нихъ точно въ подданствѣ. Дорошенко укоряетъ меня за низкое происхожденіе: но еслибъ посмотрѣлъ въ зерцало правды, то могъ бы увидать, что я не только равенъ, но и честнѣе его родомъ; какое же я получилъ воспитаніе у родителей моихъ, въ томъ свидѣтель Богъ и люди честные; пришедши въ возрастъ, не былъ я празденъ, но тотчасъ занялся войсковыми дѣлами, проходя разные

чины: послѣ полковничества получилъ судейство генеральное, которое требуетъ совершеннаго человѣчества, т.-е. страха Божія и разсужденія. Нарекаетъ Дорошенко и на отца Симеона: подай Богъ, чтобъ много такихъ было какъ отецъ протопопъ. Митрополитъ Тукальскій погубилъ Выговскаго: когда король Казимиръ былъ подъ Сѣвскомъ и Глуховымъ, то онъ приводилъ Выговскаго къ тому, чтобы всталъ на королевское величество. Выговскій, послушался его, писалъ къ Сѣрку и къ Сулимкѣ, чтобъ они, собравшись съ войскомъ Запорожскимъ, шли къ нему, а онъ хотѣлъ короля у Днѣпра перенять. Но грамоты попались Тетерѣ, который вмѣстѣ съ Маховскимъ и убилъ Выговскаго, а Тукальскаго въ Маріенбургъ послали въ заточеніе. Тукальскій же погубилъ и Брюховецкаго, прельстивъ его булавою на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Демка Многогрѣшный сначала словъ непристойныхъ на государя и на синклитъ не говаривалъ, а какъ началъ пересылаться съ митрополитомъ и Дорошенкомъ, то вознесся въ гордость и сталъ говорить и писать хульныя рѣчи на государя и государство. Дорошенко погубилъ Степана Опару, который выбранъ былъ войскомъ послѣ Тетери, и самъ сдѣлался гетманомъ насильно, съ помощію орды, а не вольными голосами.»

Чтобы покончить это дѣло и заставить Дорошенко поддаться на всей волѣ великаго государя или свергнуть его съ гетманства, Самойловичу и Ромодановскому надобно было двинуться за Днѣпръ. Матвѣевъ получилъ письмо отъ протопопа Семена Адамовича: «Гетманъ Иванъ Самойловичъ во всякихъ дѣлахъ совершенно на волю Божію и царскую и на твое благодѣтеля моего заступленіе положился, и ничего мимо указа царскаго и твоего совѣта не дѣлаетъ. Теперь, по указу государеву, собрался съ полками въ походъ и дорогою узналъ, что князь Трубецкой обѣщаетъ Дорошенку гетманство на обѣихъ сторонахъ, обѣщаетъ собрать раду чернецкую для козаковъ обѣихъ сторонъ. Самъ гетманъ своею рукою писалъ объ этомъ ко мнѣ; какъ онъ выходилъ въ походъ, то у насъ съ нимъ такой приговоръ учинился: если ему отъ чего нибудь будетъ скорбь, то пишетъ ко мнѣ, а я отписываю объ этомъ къ тебѣ, благодѣтелю моему милостивому: мы теперь по Богѣ и по царскомъ величествѣ инаго, кромѣ милости твоей, заступника не имѣемъ. Не отрини насъ отъ своей милости, какъ началъ благодѣтелемъ намъ быть, такъ и соверши.» Въ Кіевъ по-

скакалъ гонецъ съ указомъ Трубецкому не пересылаться съ Дорошенкомъ насчетъ подданства, а если Дорошенко пришлетъ, то отвѣчать, что это дѣло положено на Ромодановскаго и Самойловича: пусть съ ними и сносится.

31 декабря Самойловичъ *рушился* изъ Батурина и 8 января 1674 года достигъ Гадяча; сюда 12 числа пришелъ и князь Ромодановскій; переговоривши обо всемъ, 14-го оба полководца выступили къ Днѣпру, имѣя вмѣстѣ тысячь 80 войска. Несмотря на то, что Дорошенко «предавался въ отеческую милость его превысочества, великаго визиря», Турки не защитили его на этотъ разъ. 27 января сдался Крыловъ; 31 января, товарищъ Ромодановскаго, Скуратовъ съ русскими и козацкими полками подошелъ подъ Чигиринъ, выжегъ всѣ посады, побилъ Дорошенковыхъ людей и преслѣдовалъ ихъ до городской стѣны. 4 февраля Ромодановскій и Самойловичъ заняли Черкасы. 9 февраля, только что Ромодановскій и Самойловичъ подошли къ Каневу, находившійся тутъ Дорошенковъ генеральный есаулъ Яковъ Лизогубъ и каневскій полковникъ Гурскій со всею старшиною явились въ таборъ къ соединеннымъ полководцамъ и били челомъ о подданствѣ царскому величеству; всѣ Каневцы были приведены къ присягѣ. Когда въ Москвѣ узнали о началѣ непріятельскихъ дѣйствій за Днѣпромъ, о взятіи Черкасъ и о посылкѣ Скуратова подъ Чигиринъ, то къ воеводѣ и гетману поскакалъ полковникъ и стрѣлецкій голова Колобовъ — спросить о здоровьѣ, похвалить за службу, но потомъ спросить: «Зачѣмъ бояринъ и гетманъ со всѣми ратными людьми не пошли сообща подъ Чигиринъ, а послали Скуратова да полковниковъ козацкихъ? Тѣ въ предмѣстіи сожгли дома, въ домахъ всякіе запасы и живность, и, не учиня никакого промысла надъ самимъ Чигириномъ, отступили назадъ; тогда какъ надобно было въ предмѣстьѣ и въ другихъ мѣстахъ устроить крѣпость и осадить Дорошенка въ Чигиринѣ накрѣпко. Тогда, видя Дорошенка въ осадѣ, всѣ полки начали бы сдаваться. Въ Черкасахъ великій государь указалъ учинить самую твердую крѣпость и въ другихъ мѣстахъ около Чигирина, чтобъ не пропускать въ этотъ городъ хлѣбныхъ запасовъ, и не выпустить изъ него осадныхъ людей. Если поддадутся многіе полки той стороны, то собрать раду, и какъ съѣдутся полковники, начальные люди и козаки, говорить имъ, чтобы они выбрали себѣ вмѣсто Дорошенка

другаго гетмана, добраго, досужаго, особенно вѣрнаго человѣка. Ханенка призывать въ подданство. — «Потому мы подъ Чигиринъ не пошли со всѣми силами, отвѣчали Ромодановскій и гетманъ, что тамъ при Дорошенкѣ было воинскихъ людей больше десяти тысячь, кромѣ поселянъ, которыхъ онъ согналъ изъ окрестныхъ мѣстъ для обороны, пушекъ больше двухъ сотъ и всякихъ запасовъ довольство, а за́мокъ чигиринскій на какомъ пригожемъ мѣстѣ поставленъ — всякъ бывшій тамъ знаетъ; приступать къ нему ниоткуда нельзя, шанцы въ зимнее время подѣлать также нельзя, долго стоять безъ конскихъ кормовъ войску трудно, на сторонѣ взять негдѣ, и пришлось бы намъ, постоявъ и войско истомя, со стыдомъ отступить. А теперь все дѣлается хорошо.» — Ромодановскій и гетманъ не сочли нужнымъ оставаться на западномъ берегу и перешли въ Переславль съ главными силами, оправдываясь тѣмъ, что съ 5 до 15 февраля зимній путь былъ въ разрушеньѣ отъ большихъ дождей, снѣгу по обѣ стороны Днѣпра не было, идти санями нельзя; притомъ же лошади падаютъ отъ безкормицы и ратные люди бѣгутъ безпрестанно. Гетманъ говорилъ Колобову съ великою докукою, чтобы великій государь велѣлъ распустить козацкіе полки, потому что такой тяжелой службы не только не видано, но и не слыхано

Несмотря однако на отступленіе главныхъ вождей, дѣла на западной сторонѣ шли удачно. 2 марта московскій полковникъ Цеевъ съ копѣйщиками, рейтарами драгунами и солдатами, да генеральный есаулъ Лысенко схватились съ Дорошенковымъ братомъ Григорьемъ и съ Татарами за 15 верстъ отъ Лысенки, и разбили на голову. Разбитые заперлись было въ Лысенкѣ, но были захвачены здѣсь съ помощію жителей, попался въ плѣнъ и Григорій Дорошенко. Узнавши объ этомъ пораженіи, Гамалѣя и Андрей Дорошенко бросились изъ Корсуня въ Чигиринъ; а оставшіеся въ Корсунѣ полковники—корсунскій, браславскій, уманскій, калницкій, подольскій добили челомъ великому государю въ подданство. 4 марта Ханенко написалъ кіевскому воеводѣ Трубецкому слѣдующее письмо: «Покорно молю, исходатайствуй, чтобы его царское величество, какъ отецъ щедрый, пожаловалъ меня своею милостію. Вѣрою и правдою служилъ я королю и Рѣчи Посполитой, безъ опасенія оставилъ жену и дѣтей въ Польшѣ, безо всякаго жалованья кровь свою проливалъ, а теперь прину-

жденъ бѣжать сюда, по враждѣ и нестерпимой злобѣ гетмана Яна Собѣскаго, который безъ вины старшаго сына моего мучительски велѣлъ убить и на мою жизнь умышляетъ. Обѣщаюсь быть въ подданствѣ его царскаго величества.» Ханенко не ограничился однимъ письменнымъ заявленіемъ, но явился съ 2000 козаковъ въ полкъ къ Ромодановскому и Самойловичу.

17 марта, въ день имянинъ царскихъ, собралась въ Переяславлѣ рада; собрались полковники восточной стороны: кіевскій Солонина, переяславскій Райча, нѣжинскій Уманецъ, стародубскій Рославецъ, черниговскій Борковскій, прилуцкій Горленко, лубенскій Сербинъ; съ западной стороны: генеральный есаулъ Лизогубъ, обозный Гуликъ, судья Петровъ, полковники: каневскій Гурскій, корсунскій Соловей, бѣлоцерковскій Бутенко, уманскій — Бѣлогрудъ, торговицкій Щербина, браславскій Лисица, поволоцкій Мигалевскій. Передъ начатіемъ рады Ханенко со всѣмъ товариществомъ своимъ положилъ войсковые клейноты, булаву и бунчукъ, полученные отъ короля. Ромодановскій объявилъ, что такъ какъ войско западной стороны учинилось у великаго государя въ вѣчномъ подданствѣ, то, по царскому указу, выбрали бы себѣ на свою сторону гетмана. Старшина и войско отвѣчали, что имъ многіе гетманы не надобны, отъ многихъ гетмановъ они разорились, пожаловалъ бы великій государь, велѣлъ быть на обѣихъ сторонахъ одному гетману, Ивану Самойловичу. Самойловичъ сталъ было отговариваться, но поднялся крикъ, что имъ любъ, старшины схватили его, поставили на скамью и покрыли бунчукомъ, при чемъ изодрали платье на гетманѣ. Старшина была утверждена старая и били челомъ, чтобы гетману Самойловичу жить въ Чигиринѣ или Каневѣ, а если нельзя на западной сторонѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ Переяславлѣ. Потомъ били челомъ, чтобы государь велѣлъ въ Чигиринѣ и Каневѣ быть своимъ ратнымъ людямъ. Ханенка сдѣлали уманскимъ полковникомъ. Послѣ рады пошли всѣ обѣдать къ князю Ромодановскому, всѣ увѣряли, что вседушно ради служить великому государю и промышлять надъ бусурманами. Въ самый обѣдъ доложили князю, что пріѣхалъ посланецъ отъ Дорошенка: не предчувствовалъ новый гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра Иванъ Самойловичъ, что въ этомъ посланцѣ Дорошенковомъ готовился ему преемникъ: то былъ генеральный писарь Иванъ Степановичъ Мазепа. Мазепа началъ передъ кня-

земъ смиренную рѣчь: «Обѣщался Дорошенко, цѣловалъ образъ Спасовъ и Пресв. Богородицы, что быть ему въ подданствѣ подъ высокою царскою рукою со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ той стороны: великій государь пожаловалъ бы, велѣлъ его принять, и бояринъ князь Григорій Григорьевичъ взялъ бы его на свою душу, чтобы ему никакой бѣды не было.»—«Скажи Петру Дорошенкѣ, отвѣчалъ бояринъ, чтобы онъ, надѣясь на милость великаго государя, ѣхалъ ко мнѣ въ полкъ безо всякаго опасенья.» Тутъ же разнеслась вѣсть, что Іосифъ Тукальскій ослѣпъ въ Чигиринѣ.

Порадовали Москву вѣсти изъ Переяславля; но безпокоило Запорожье съ своимъ царевичемъ. Уже посланъ былъ указъ Ромодановскому, что если самозванецъ изъ коша пойдетъ куда-нибудь для воровства, посылать противъ него войско московское и малороссійское по совѣту съ гетманомъ Самойловичемъ. 1-го мая явился въ Москву запорожскій посланецъ Прокопій Семеновъ съ товарищами, и подалъ грамоту «Помазаннику Божію, многомилостивому свѣту и дыханью нашему Вашего царскаго пресвѣтлаго величества вѣрные слуги, Войско Запорожское, Днѣпровское, кошевое, верховое, низовое, живущее на лугахъ, на поляхъ, на полянкахъ и на всѣхъ урочищахъ днѣпровскихъ, и полевыхъ и морскихъ.» Сѣрко объявлялъ въ грамотѣ о пріѣздѣ къ нимъ молодаго человѣка, называющаго себя царевичемъ Симеономъ, излагалъ разсказъ самозванца о своихъ похожденіяхъ, скрывши только о знакомствѣ съ Разинымъ, и въ заключеніи писалъ: «Сохраняемъ его у себя потому, что называется сыномъ вашего царскаго величества, стережемъ его, отъ насъ никуда не уйдетъ; покажи милость посланнымъ нашимъ, чтобы отъ вашего царскаго величества услышали, правда ли то?» Посланцы подали и письмо къ царю отъ мнимаго сына его: «Бью челомъ я, сынъ твой, благочестивый царевичъ Семенъ Алексѣевичъ, который похвалился было при вашемъ царскомъ пресвѣтломъ величествѣ батюшкѣ моемъ на думныхъ бояръ, и за то меня хотѣли уморить и не уморили, потому что я и по се время твоими молитвами батюшки моего живъ нынѣ на славномъ Запорожьѣ при войскѣ Запорожскомъ при вѣрныхъ слугахъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества. Когда батюшко мой самъ своими очима меня увидишь и вѣры поимешь, когда я предъ твоимъ царскимъ лицемъ стану

и къ ногамъ паду, тогда правду мою познаешь. Богъ всемочій вся вѣсть. И нынѣ я хотѣлъ къ батюшкѣ моему пойти, да чтобъ на дорогѣ зла какова не было, а войско вѣрно тебѣ батюшку моему служитъ, по ихъ войсковому челобитью пожалуй о чемъ бьютъ челомъ для лучшаго промыслу надъ бусурманы, чтобы не токмо полемъ доказывали надъ бусурманы надъ непріятели и побѣждали, но и водою въ ихъ прямую землю проходили и надъ ними знатную побѣду одерживали. Также припадая низко, челомъ бью и жалуюсь батюшку моему на Семена Щеголева да на Василья Чадуева, которые, безъ указа вашего царскаго величества, взявъ себѣ злый замыслъ, хотѣли меня изъ пищали застрѣлить.» —«Этотъ листъ, отвѣчалъ царь Сѣрку, нашему царскому величеству нынѣ и никогда не потребенъ. Ты презрѣлъ нашу премногую милость и свое обѣщаніе, вору и самозванцу далъ печать и знамя, прежде пріѣзда Чадуева не далъ намъ о немъ знать, священника и знатныхъ козаковъ посылалъ вора распрашивать безъ нашего указа, съ Дорошенкомъ безъ нашего указа ссылался. Сынъ нашъ царевичъ Симеонъ скончался 18 іюня 1669 года, мощи его погребены въ церкви архистратига Михаила при насъ, при александрійскомъ патріархѣ Паисіи и московскомъ Іоасафѣ. И вамъ бы, кошевому атаману, свое обѣщаніе помнить, самозванца и Міюска прислать къ намъ скованныхъ за самымъ крѣпкимъ карауломъ, а пока не пришлете, посланцы ваши будутъ оставаться въ Москвѣ. Чайки (лодки) и пушки пришлемъ, сукна и золотые посланы, но удержаны въ Сѣвскѣ пока вора пришлете.»

12 августа Сѣрко далъ знать Ромодановскому, что онъ отправилъ вора къ великому государю. Сѣрко писалъ въ грамотѣ: «Человѣка, который именуется вашего величества сыномъ, мы за крѣпкимъ карауломъ держали, честь не ему самому, а вашему царскому пресвѣтлому величеству, свѣту, нашему дыханію отдавали, потому что вашимъ прирожденіемъ именуется; теперь, какъ вѣрный слуга, отсылаю его къ вашему величеству, свое обѣщаніе исполнить хочу и вѣрно служить до послѣднихъ дней живота; съ Дорошенкомъ ссылался я, желая привести его на службу къ вашему царскому величеству; смилуйся, великій государь, пожалуй насъ всякими запасами довольными, какъ и на Дону. Мы просили у гетмана Ивана Самойловича перевоза, Переволочной, не далъ, а мы просили не для собиранья пожитковъ, какъ иные выпраши-

ваютъ, просили на защиту вѣры христіанской. Всѣ поборы, которые съ христіанъ на украйнѣ берутъ, вашему величеству не доносятъ, а намъ и одного перевозу не даютъ.»

17 сентября у землянаго города, противъ Смоленскихъ воротъ стоялъ цѣлый приказъ московскихъ стрѣльцевъ съ головою Яновымъ, принимали вора и самозванца, ставили на ту самую телѣгу, на которой везли Стеньку Разина, приковывали руки къ дыбѣ и за шею. Кончивши эту церемонію, повезли Тверскою улицею въ земскій приказъ. Въ тотъ же день всѣ бояре, окольничіе и думные люди собрались на земскій дворъ для розыска.

«Я породы польской, роду Вишневецкихъ, звали отца моего Еремѣемъ, меня зовутъ Семеномъ. Отецъ мой жилъ въ Варшавѣ, подъ Варшавою поймали меня Нѣмцы и продали на рѣкѣ Вислѣ купцу Глуховскому, а тотъ продалъ Литвину. Жилъ я въ Глуховѣ недѣль съ пять и сбѣжалъ съ товарищами, шли на Харьковъ и Чугуевъ къ Донцу, съ Донца на Донъ, съ Дону пошелъ я съ Міюскомъ въ Запороги, и хотѣлъ идти въ Кіевъ или въ Польшу; но Міюска началъ мнѣ говорить, чтобъ назвался я царевичемъ; я такимъ страшнымъ и великимъ именемъ назваться не смѣлъ, но Міюска хотѣлъ меня убить, и я изъ страха назвался. А больше еще Міюски принудилъ меня къ такому страшному имени Сѣрко, хотѣли было, собравшись, идти войною на московское государство и думали бояръ побить. Стеньки Разина я не зналъ, узналъ его уже въ то время, какъ привели его козаки на Донъ скованнаго.

Повели въ застѣнокъ, подняли:

«Я мужичій сынъ, жилъ отецъ мой въ Варшавѣ, былъ мѣщаниномъ, подданный князя Дмитрія Вишневецкаго, пришелъ жить въ Варшаву изъ Лохвицы, звали его Иваномъ Андреевымъ, прозвище Воробьевъ, а мнѣ прямое имя Семенъ; воровству училъ меня Міюска, который породою хохлачь. Хотѣли мы собрать войско и, призвавъ крымскую орду, идти на московское государство и побить бояръ.»

Съ огня говорилъ тѣ же рѣчи.

Того же числа великій государь указалъ, и св. патріархъ Іоакимъ, бояре, окольничіе и думные люди приговорили вора и самозванца казнить такою же смертію, какою казненъ Стенька Разинъ. Приговоръ былъ исполненъ въ тотъ же день; на Кра-

ской площади самозванецъ казненъ и на колья разбитъ, а на другой день перенесенъ на болото и поставленъ съ Стенькою Разинымъ. И пожаловалъ государь кошеваго атамана Ивана Сѣрка, велѣлъ послать два сорока соболей, по 50 рублей сорокъ, да двѣ пары, по семи рублей пара. Сѣрко билъ челомъ: «Устарѣлъ я на воинскихъ службахъ, а нигдѣ вольнаго житія съ женою и дѣтьми не имѣю, милости получить ни отъ кого не желаю, только у царскаго величества: пожаловалъ бы великій государь велѣлъ дать въ Полтавскомъ полку подъ Днѣпромъ городокъ Кереберду.» Городокъ атаману и Переволоченскій перевозъ войску были даны.

Успокоились на счетъ Сѣрка; но надобно было управляться съ Дорошенкомъ, который не думалъ пріѣзжать въ Переяславль и отдаваться въ руки Ромодановскаго и ненавистнаго Самойловича, теперь гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра. Уже 5 мая написана была въ Москвѣ царская грамота къ Дорошенку: «Вѣдомо намъ учинилось, что ты нынѣ по непріятельскимъ прелестнымъ письмамъ, подъ нашу высокую руку несклоненъ, въ мысли своей сумнѣваясь непостояненъ и началъ быть въ шатости, безпрестанно ссылаешься съ турскимъ султаномъ и съ крымскимъ ханомъ. А мы, великій государь, имѣемъ надежду на Господа Бога и на Пресвятую Богородицу, въ которой надеждѣ были и предки наши и отецъ нашъ, и мы, великій государь, живемъ и движемся, и царство наше въ ея жребіи. А если что по твоему навѣту случится отъ бусурманскаго нашествія святымъ Божіимъ церквамъ и монастырямъ, и въ томъ какой отвѣтъ дашь въ день страшнаго суда Божія? Вспомни прежнихъ гетмановъ, не сохранившихъ своего обѣщанія, Выговскаго и другихъ! Гдѣ ихъ жены и дѣти? не въ сиротствѣ ль и не въ нищетѣ ль пребываютъ? И тебѣ бы, помня это, учиниться подъ нашею высокою рукою въ подданствѣ безъ отлагательства, не опасаясь нашего гнѣва; а мы тебя и все твое родство будемъ держать въ своемъ милостивомъ жалованьѣ.»

25 мая пріѣхалъ въ Чигиринъ посланецъ отъ Ромодановскаго, стрѣлецкій сотникъ Терпигоревъ: «Будь въ подданствѣ у великаго государя, говорилъ сотникъ Дорошенку, и ступай въ Переяславль къ боярину и воеводамъ для присяги; самъ не хочешь ѣхать, пошли тестя своего, Павла Яненка, или брата Андрея, или другихъ какихъ-нибудь знатныхъ людей въ заложники, и бояринъ пришлетъ къ тебѣ голову московскихъ стрѣльцовъ для перего-

воровъ».—«Ничего этого сдѣлать мнѣ теперь нельзя, отвѣчалъ Дорошенко, потому что я подданный Турецкаго султана; сабля султанова, ханская и королевская на моей шеѣ висятъ. Прежде я хотѣлъ быть въ подданствѣ у царскаго величества, но старшина и полковники рѣшили быть въ подданствѣ у султана; а что теперь старшина и полковники перешли въ подданство великаго государя, такъ это только для соболей, не вѣчно, послѣ измѣнятъ. Если бояринъ и гетманъ придутъ подъ Чигиринъ, то я радъ имъ отпоръ давать, только бы Татаръ дождаться, да и безъ того Татары у меня есть.» Терпигоревъ былъ задержанъ. Дѣло объяснялось тѣмъ, что къ Дорошенку пришли на помощь Татары въ числѣ 4000, и, вмѣстѣ съ чигиринскими козаками, въ маѣ же мѣсяцѣ осадили Черкасы, гдѣ сидѣлъ московскій воевода Иванъ Вердеревскій; осажденные отбили непріятеля и гоняли его на пространствѣ 15 верстъ до рѣки Тясмина. Братъ Дорошенка Андрей съ козаками серденятами и *Черемисами* * взялъ обманомъ мѣстечки Орловку и Балыклею, сказавшись царскимъ подданнымъ. Жители были отведены въ плѣнъ Татарами, а старшинѣ буравомъ глаза вывертѣли, другихъ повѣсили. Но жители Смѣлаго не дались въ обманъ, разбили Андрея и гнали его до Чигирина. По этимъ вѣстямъ Ромодановскій и Самойловичъ отпустили за Днѣпръ рейтарскаго полковника Беклемишева да Переяславскаго полковника Дмитрашка Райчу съ 5-ю козацкими полками; 9 Іюня у рѣчки Ташлыка, между городковъ Смѣлаго и Балыклеи, Беклемишевъ и Райча сошлись съ непріятелемъ и поразили его; много мурзъ полегло на мѣстѣ, Андрей Дорошенко ушелъ раненый. Чтобъ получить поскорѣе новую помощь отъ Татаръ и Турокъ, Дорошенко отправилъ къ хану и султану уже знакомаго намъ Ивана Мазепу съ 15 невольниками, козаками восточной стороны, въ подарокъ. Но Сѣрко перехватилъ Мазепу, задержалъ его у себя, а грамоты переслалъ къ Самойловичу, который препроводилъ ихъ въ Москву. «Знатно, писалъ Самойловичъ, что Сѣрко сдѣлалъ это для объявленія своей вѣрной прежней службы, чтобъ исправить свой неразсудительный поступокъ.» Сѣрко сдѣлалъ еще больше: по первому требованію Ромодановскаго, прислалъ къ нему самого Мазепу, но при этомъ

* Такъ назывались польскіе Татары, измѣнившіе королю.

Сѣрко писалъ Самойловичу, прося прилежно со всѣмъ войскомъ, чтобы его никуда не засылали. Самойловичъ далъ слово и просилъ царя отпустить Мазепу назадъ, а то войско и такъ уже попрекаетъ ему гетману, будто онъ посылаетъ людей на заточеніе.

Мы познакомились съ Мазепою мелькомъ, когда онъ пріѣзжалъ въ Переяславль отъ Дорошенка, при которомъ былъ генеральнымъ писаремъ. Но до насъ дошло нѣсколько извѣстій и объ его предыдущей судьбѣ. Мазепа былъ родомъ козакъ, получилъ шляхетство отъ короля Яна Казимира и былъ при немъ комнатнымъ дворяниномъ. Разсказываютъ, что онъ долженъ былъ оставить Польшу по слѣдующему случаю: у него было имѣніе на Волыни по сосѣдству съ паномъ Фалбовскимъ. Слуги донесли послѣднему, что сосѣдъ Мазепа часто бываетъ у нихъ въ его отсутствіе, и очень благосклонно принимается госпожею, съ которою у него идетъ постоянная переписка. Однажды Фалбовскій выѣхалъ кудато въ дальній путь; на дорогѣ нагоняетъ его холопъ, везущій письмо отъ госпожи къ Мазепѣ съ приглашеніемъ пріѣхать, потому что мужа нѣтъ дома. Фалбовскій велѣлъ слугѣ ѣхать къ Мазепѣ, отдать письмо, просить скораго отвѣта и привезти этотъ отвѣтъ къ нему. Посланный скоро возвращается съ запиской, что Мазепа летитъ на свиданіе. Фалбовскій беретъ письмо и ждетъ на дорогѣ. Мазепа ѣдетъ: «Добраго здоровья!»—Добраго здоровья!»— «Куда изволите ѣхать?» Мазепа выдумываетъ какое-то мѣсто, куда будто бы нужно ему ѣхать. Тутъ Фалбовскій хватаетъ его за шею: «А это что? чья это записка?» Мазепа обмеръ; проситъ извиненія, говоритъ, что въ первый разъ ѣдетъ. «Холопъ! кричитъ Фалбовскій слугѣ: сколько разъ панъ былъ у насъ безъ меня?» — «Столько же сколько у меня волосъ на головѣ» отвѣчаетъ слуга. Мазепа долженъ признаться во всемъ, но признаніе не помогло. Фалбовскій велитъ раздѣть грѣшника до нага и привязать на его же собственную лошадь, лицемъ къ хвосту. Раздраженная ударами кнута, испуганная выстрѣлами, раздавшимися надъ ея головою, лошадь понеслась изо всѣхъ силъ домой черезъ чащу лѣса и остановилась прямо у воротъ панскаго дома. Выходитъ слуга и видитъ — чудовище! бѣжитъ назадъ, созываетъ всю дворню и та насилу признаетъ своего пана. Это было въ 1663 году; но въ томъ же году Мазепа получилъ важное порученіе—ѣхать къ гетману Тетерѣ, и отъ него, по благоусмотрѣнію гетмана, ѣхать или

къ Самку въ Переяславль уговаривать его поддаться королю, или въ Запорожье подговаривать тамошнихъ козаковъ также отстать отъ Москвы. Какъ исполнено было порученіе, мы не знаемъ; но, по всѣмъ вѣроятностямъ, Мазепа, не желая возвращаться въ Польшу, гдѣ и до происшествія съ Фалбовскимъ, не любили его какъ козака, остался у западныхъ козаковъ, гдѣ при своихъ способностяхъ и образованіи, дослужился до званія генеральнаго писаря

Теперь вмѣсто Константинополя Иванъ Степановичъ является въ Москвѣ, въ видѣ плѣнника, котораго участь еще нисколько не обезпечивалась просьбою Самойловича. Мазепу повели къ допросу въ малороссійскій приказъ передъ начальника его Артамона Сергѣевича Матвѣева. Мазепа спѣшилъ выиграть расположеніе царскаго любимца длиннымъ, обстоятельнымъ отвѣтомъ; знали, что онъ пріѣзжалъ въ Переяславль съ обѣщаніемъ подданства отъ Дорошенка, а потомъ поѣхалъ въ Крымъ поднимать хана на государевы украйны:—и вотъ Мазепа началъ разсказъ съ поѣздки своей въ Переяславль. «Присылали къ Дорошенку старшина города Лисенки, объявляя, что они поддались царскому величеству, чтобы онъ также поддался, ѣхалъ бы къ нимъ на раду въ Корсунь и привезъ съ собою булаву и бунчукъ. Дорошенко послалъ меня съ отписками къ той старшинѣ, да со мною жо послалъ листъ къ князю Ромодановскому, а при отпускѣ велѣлъ мнѣ присягу учинить на томъ, что я не останусь въ Корсуни у жены, и, будучи на радѣ, стану говорить боярину и старшинѣ восточной стороны, по его Дорошенкову приказу, а приказывалъ онъ говорить старшинѣ: если они добьются того, что ему быть гетманомъ на той сторонѣ Днѣпра, то онъ готовъ быть въ подданствѣ у государя; если же ему гетманомъ быть не велятъ, то чтобъ знатные государевы люди при мнѣ присягнули, что ему ничего дурнаго не сдѣлается. Но когда я пріѣхалъ въ Переяславль, то въ тотъ самый день рада уже вершилась до меня, и я одинъ Дорошенковъ листъ отдалъ боярину, а другой старшинѣ. Князь и гетманъ писали со мною къ Дорошенку, чтобъ пріѣзжалъ къ нимъ безо всякаго опасенья. Онъ отвѣчалъ, чтобы прислали въ Черкасы честнаго человѣка, а онъ пришлетъ отъ себя въ аманаты своихъ людей. Бояринъ прислалъ въ Черкасы голову московскихъ стрѣльцовъ. Тогда Дорошенко созвалъ раду въ Чигиринѣ и спрашивалъ: посылать ли аманатовъ въ Черкасы или нѣтъ? Положи-

ли — посылать; но вотъ пришла вѣсть изъ Крылова, что идутъ Сѣрковы посланцы; аманатовъ задержали, хотѣли прежде узнать, что скажутъ Запорожцы. Тѣ объявили, чтобъ Дорошенко булавы и бунчука въ Переяславль не отдавалъ и самъ бы не ѣхалъ, потому что гетманъ долженъ быть по прежнему на западной сторонѣ; что Запорожцы хотятъ соединиться съ нимъ и съ ханомъ крымскимъ заодно, какъ было при Богданѣ Хмельницкомъ, писали они къ хану, чтобы онъ помирилъ Сѣрка съ Дорошенкомъ, чтобы Дорошенко для подтвержденія гетманства и для союза ѣхалъ въ Запорожье. Дорошенко на Запорожье не поѣхалъ, опасаясь государевыхъ людей, а присягнуть вмѣсто себя послалъ козака. Я сталъ проситься у Дорошенка, чтобы отпустилъ меня къ женѣ въ Корсунь. «Ты хочешь измѣнить! сказалъ мнѣ на это Дорошенко, видно тебя Ромодановскій соболями прельстилъ!» Велѣлъ мнѣ при митрополитѣ тукальскомъ присягнуть, что буду служить ему впередъ, и, будучи въ Переяславлѣ, не говорилъ ли про него чего дурнаго? Я присягнулъ: и дней черезъ пять послалъ меня къ визирю турскому съ листами.»

Служа великому государю, Мазепа объявилъ: «Дорошенковъ резидентъ въ Константинополѣ, Порывай писалъ: ханъ крымскій конечно на томъ положилъ — помирить Поляковъ съ Турками и обратить войско на московское государство.» Мазепа разсказалъ кой что и о самозванцѣ Семенѣ, который былъ при немъ въ Запорожьѣ: Сѣрко называлъ его прямымъ царевичемъ и сказывалъ мнѣ: проситъ царевичъ у него войска ста съ два, и съ ними хочетъ ѣхать на островъ Чертомликъ, а оттуда писать на Донъ къ черни, чтобы на Дону всѣхъ старшинъ вырубили и къ нему приклонились; а когда чернь приклонится, то онъ, собравъ по городамъ людей, пойдетъ къ Москвѣ. Сѣрко ему говорилъ: «зачѣмъ тебѣ собирать войско? если хочешь ѣхать въ Москву, то я тебя и такъ отпущу съ провожатыми.»—«Нельзя мнѣ ѣхать въ Москву», отвѣчалъ самозванецъ: «меня бояре убьютъ.» Съ тѣхъ поръ Сѣрко велѣлъ его беречь, чтобы онъ куда-нибудь не уѣхалъ изъ сѣчи. А какъ были у Сѣрка царскіе посланцы, то воръ, взявши лошадей, гонялъ за ними, хотѣлъ ихъ порубить; Сѣрку дали знатья и онъ тотчасъ послалъ за нимъ козаковъ, которые не дали ему убить посланцевъ.

Мазепа былъ неистощимъ въ важныхъ показаніяхъ: «Крѣпка

и подлинная пріязнь у Собѣскаго съ Дорошенкомъ. Пріѣзжалъ Орѣховскій въ Чигиринъ уговаривать Дорошенка, чтобы покинувъ протекцію турецкую, обратился въ подданство къ Рѣчи Посполитой; Орѣховскій подалъ и статьи, на которыхъ должно было совершиться это подданство: 1) быть коммиссіи о томъ, какіе убытки уніаты сдѣлали церквамъ православнымъ въ Польшѣ и Литвѣ. 2) Границѣ войска запорожскаго быть до воеводства кіевскаго и браславскаго; однако обывателямъ этихъ воеводствъ долженъ быть сысканъ особливый способъ вознагражденія отъ войска запорожскаго. 3) Войскамъ польскимъ кварцянымъ никогда въ Украйнѣ не быть, развѣ только само войско запорожское ихъ потребуетъ. 4) Дорошенко долженъ послать въ Варшаву бунчуки турецкіе; если же по какимъ-нибудь причинамъ нельзя бунчуковъ прислать, то пусть пришлетъ брата съ другими козаками въ аманаты, за что Собѣскій обѣщалъ выпроводить коменданта изъ Бѣлой Церкви. И то положено между статьями: нечего упоминать и просить у Рѣчи Посполитой такихъ вольностей, какими козаки пользуются на восточной сторонѣ подъ Москвою. Какія это вольности? посмотри что терпитъ народъ подъ воеводами московскими? Гетманъ нынѣшній выбранъ не по вольностямъ и правамъ войсковымъ, подъ бердышами и мушкетами; дѣти его забраны въ неволю въ аманаты; власть вырвана у гетмана изъ рукъ, потому что виновныхъ козаковъ наказывать не можетъ, а долженъ отсылать ихъ въ Москву въ неволю; наконецъ безчестье Многогрѣшнаго! Собѣскій указывалъ Дорошенку средство защиты отъ царской рати: послать въ Варшаву съ предложеніемъ подданства, а онъ, Собѣскій тотчасъ напишетъ царю грамоту чтобы не велѣлъ своимъ войскамъ наступать на подданнаго Рѣчи Посполитой. Поляки, продолжалъ Мазепа, просятъ хана и Дорошенка, чтобы уговаривалъ султана помириться съ Польшею и поднять войну на московское государство. Турки говорили: «Какіе разумные люди Ляхи! вмѣсто того, чтобы намъ у нихъ въ Краковѣ обѣдать, будемъ теперь подъ Кіевомъ ужинать.» Резидентъ Дорошенка въ Константинополѣ писалъ гетману: «Не кручинься, что потерялъ Украйну: не трудно ее назадъ взять: нѣтъ у васъ на Украйнѣ Крита и Каменца-Подольскаго.» Султанъ нынѣшнею войною хочетъ взять Хмельницкаго изъ неволи съ собою про запасъ: еслибы Дорошенко измѣнилъ, то Хмельницкаго на его мѣсто поставить. Мазепа объ-

авилъ подробно и о средствахъ Дорошенка въ Чигиринѣ: всего и съ чигиринскими жителями около 5000 человѣкъ. Пушекъ большихъ и малыхъ въ обоихъ городахъ съ 200 будетъ; пушечныхъ запасовъ много; хлѣбныхъ запасовъ у жителей будетъ на годъ, а у ратныхъ людей запасовъ никакихъ нѣтъ, и солью очень скудно. Дорошенко говаривалъ тайно: какъ послышу приходъ Москвы, то побѣгу изъ Чигирина къ турскому султану; а теперь онъ сидитъ въ осадѣ развѣ для того, что есть къ нему грамоты отъ турскаго султана или Собѣскаго о помощи. Большая половина чигиринскихъ жителей Дорошенка не любятъ, желаютъ, чтобы онъ поддался царскому величеству, а родичи и пріятели въ одной съ нимъ думѣ. Сотникъ Блоха уговариваетъ конныхъ козаковъ тайно, чтобы соединились съ войскомъ царскимъ. Дорошенко и старшина говаривали между собою, что если придетъ подъ Чигиринъ царское войско, то имъ лучше вести переговоры съ княземъ Ромодановскимъ, чѣмъ съ своими козаками.

Мазепою остались очень довольны въ Москвѣ: онъ видѣлъ царскія пресвѣтлыя очи, пожалованъ государскимъ жалованьемъ и отпущенъ безъ задержанья; отправлена съ нимъ призывная грамота къ Дорошенку и чигиринскимъ жителямъ; но Иванъ Степановичъ отправлялся въ Чигиринъ не съ тѣмъ, чтобы тамъ остаться: онъ долженъ былъ возвратиться въ полкъ къ Ромодановскому и гетману, которымъ наказано было беречь его, чтобы никуда не ушелъ.

Отправляя въ Москву Мазепу, Самойловичъ билъ челомъ, чтобы государь отпустилъ къ нему сыновей его: «Твои дѣти, былъ отвѣтъ, пребываютъ при его царскомъ величествѣ въ премногой милости, которая никогда отмѣнна не будетъ; отпустить же ихъ къ тебѣ за нынѣшними украинскими смутами невозможно, чтобы украинскіе народы непокорные не подумали, что гетманскіе сыновья высланы изъ Москвы по немилости.» Предлогъ отказа былъ не очень искусно придуманъ; но примѣръ четырехъ гетмановъ заставилъ Москву быть подозрительною.

Между тѣмъ военныя дѣйствія продолжались на западной сторонѣ. 23 іюля Ромодановскій и Самойловичъ подошли къ Чигирину, подѣлали шанцы и начали безпрестанную стрѣльбу въ городъ. Много домовъ было разбито, много козаковъ и горожанъ перебито и переранено. Домъ Тукальскаго также былъ разбитъ

гранатами; митрополитъ ушелъ въ верхній городъ и тамъ заболѣлъ отъ страха; крымскій ханъ прислалъ своего доктора лѣчить его. Въ концѣ іюля московскія войска подъ начальствомъ копейнаго и рейтарскаго строя полковника Сасова и другихъ чиновъ начальныхъ людей, а малороссійскія подъ начальствомъ бунчужнаго Леонтья Полуботка и черниговскаго полковника Борковскаго, отправились подъ Чигиринъ съ крымской стороны. Въ двухъ верстахъ отъ города встрѣтилъ ихъ братъ гетманскій, Андрей Дорошенко, но былъ разбитъ, побѣдители преслѣдовали его до городской стѣны и истребили весь хлѣбъ въ окрестностяхъ Чигирина, потерявши только шесть человѣкъ убитыми и одного прапорщика взятаго въ плѣнъ. Но въ тоже время пришла вѣсть, что крымскій ханъ переправился черезъ Днѣстръ подъ Сорокою, гдѣ строятъ мостъ для переправы самому султану со всѣмъ турецкимъ войскомъ, которое двинется въ Умань, а изъ Умани прямо подъ Кіевъ. 6 августа турецкій отрядъ явился подъ Ладыжинымъ. Здѣсь сидѣлъ извѣстный своими партизанскими подвигами противъ Татаръ и Турокъ, Грекъ Анастасъ Дмитріевъ, изъ купца ставшій начальникомъ вольной сбродной дружины козацко-польско-волошской. Съ Анастасомъ же заперлись въ Ладыжинѣ полковникъ Мурашка и Савва; ратныхъ людей было 2500 человѣкъ, да мѣщанъ съ женами и дѣтьми съ 20,000, изъ нихъ боевыхъ людей тысячи съ четыре, пушка одна, и та испорчена, валъ худой, запасовъ никакихъ. 80 турецкихъ пушекъ загремѣло противъ города. Мурашка съ протопопомъ и сотникомъ перебѣжали въ непріятельскій станъ; но защитники Ладыжина выбрали въ полковники Анастаса — чтобъ биться до смерти. Отбивши пять приступовъ, Ладыжинцы отчаялись, сдались и были всѣ объявлены плѣнными. Анастасъ, переодѣтый, пошелъ за простаго мужика, и успѣлъ потомъ освободиться изъ плѣна. Мурашку взяло раскаяніе: сталъ онъ браниться, называлъ визиря и султана воришками, проклиналъ Магомета — и потерялъ голову.

Изъ-подъ Ладыжина Турки двинулись подъ Умань. Уманцы сдались; Турки, оставя залогу въ ихъ городѣ, двинулись далѣе по Кіевской дорогѣ; но Уманцы, раздраженные насиліями турецкаго гарнизона, перерѣзали его и заперлись въ городѣ. Визирь и ханъ, услыша объ этомъ, возвратились и взорвали Умань подкопомъ. Съ другой стороны Татары пошли освобождать Чиги-

ринъ; но какъ скоро, 9 августа, появились они подъ городомъ, Ромодановскій и Самойловичъ отступили къ Черкасамъ, куда пришли 12 августа; на другой день явились къ Черкасамъ и ханъ съ Дорошенкомъ: отъ втораго часа дня до вечера былъ бой; государевы люди, какъ доносили воеводы, многихъ Татаръ и козаковъ побили и пришли въ обозъ въ цѣлости: не выходцы изъ непріятельскихъ полковъ объявили, что ханъ и Дорошенко переправляются на восточную сторону Днѣпра, а Турецкій визирь отъ Ладыжина прямо идетъ на Черкасы. По этимъ вѣстямъ Ромодановскій и Самойловичъ сожгли Черкасы, оставленные еще прежде жителями, переправились на восточную сторону и стали противъ Канева. Въ то же время Татары явились съ Азовской стороны; подошли подъ степные города Змѣевъ и Мерехву и побрали многихъ жителей въ плѣнъ; но харьковскій полковникъ Григорій Донецъ выступилъ противъ нихъ, настигъ за Торцомъ на рѣчкѣ Бычку, побилъ на голову, освободилъ всѣхъ плѣнниковъ, захватилъ мурзу татарскаго и одного знатнаго Турка.

Страхъ, нагнанный на украйну турецкимъ и татарскимъ нашествіемъ не былъ однако продолжителенъ: въ первыхъ числахъ сентября Турки были уже на дорогѣ въ свою землю; ханъ и Дорошенко, проводя султана до Днѣстра, повернули назадъ и сначала, казалось, имѣли намѣреніе перейти на восточную сторону Днѣпра; загоны ихъ уже явились здѣсь, но были побиты, и 8 октября ханъ отправился въ Крымъ. Изъ Польши присланы были къ Ромодановскому и Самойловичу грамоты съ убѣжденіями идти вмѣстѣ съ королевскимъ войскомъ промышлять надъ непріятелемъ; но и воевода и гетманъ были далеки отъ этого. Гетманъ говорилъ присланному къ нему подъячему Щеголеву: «Поляки пишутъ ко мнѣ и къ князю Григорью Григорьевичу, чтобы теперь идти съ ними промышлять надъ непріятелемъ. Лукавый народъ! когда непріятель отступилъ и слуху объ немъ нѣтъ, тогда они о соединеніи войскъ пишутъ. Тутъ явная ихъ неправда, потому что безпрестано съ султаномъ и ханомъ тайные договоры чинятъ. Спрашивается, кого теперь воевать, противъ кого стоять, подъ которые города ходить? Въ Валахію и Молдавію не зачѣмъ: и безъ нихъ разорены Турками; если же имъ надобны Молдавія и Валахія, такъ пусть идутъ, имъ ближе. Подъ Чигиринъ идти: чѣмъ самимъ сытымъ быть и лошадей кормить? около Чигирина

и другихъ мѣстъ степи, какъ паханая земля, черны. Для чего Поляки пропустили на насъ съ бояриномъ султана, визиря и хана, для чего съ тылу надъ ними не промышляли? Лживые ихъ поступки я подлинно знаю: Турецкая и Крымская на украйнѣ война не отъ одного Дорошенка, Поляки сами рады были, чтобы обѣ стороны Днѣпра и Кіевъ изъ рукъ царскаго величества вырвать, и явно украйну отдали такимъ образомъ: калга султанъ крымскій во всю прошлую зиму стоялъ въ Волошской землѣ и безпрестанно съ Собѣскимъ ссылался, и пока не договорились, никто въ украйну не смѣлъ вступать; а какъ договорились, что султану, визирю и хану ихъ Поляковъ не воевать и разоренья никакого не чинить, когда непріятелю въ украйну и подъ Кіевъ вольную дорогу отворили, тогда Турки и Татары въ украйну вступили и что хотѣли, то и дѣлали. Слыша о такихъ ихъ злыхъ поступкахъ, я усматривалъ всякихъ способовъ, какъ бы тотъ ихъ злой совѣтъ и союзъ прекратить, и Господь Богъ такой способъ мнѣ далъ: какъ взятъ былъ Гришка Дорошенко на бою, то у него взято 8 листовъ бѣлыхъ за Дорошенковою рукою и печатью войсковою: далъ ему Дорошенко эти листы съ приказомъ писать отъ его имени въ города къ старшинѣ и посполитству. На одномъ такомъ листѣ велѣлъ я написать по польски отъ Дорошенкова имени къ калгѣ Крымскому, что Собѣскій хитрыми своими поступками учинился королемъ польскимъ, и чтобы калга боялся хитростей королевскихъ. Въ это время былъ въ Межибожьи польскій коммендантъ: я велѣлъ полковнику Райчѣ передать листъ къ комменданту, будто перехватили его на дорогѣ, а коммендантъ переслалъ къ королю. Когда мы съ бояриномъ отступили отъ Чигирина, а ханъ съ Дорошенкомъ на насъ напиралъ, то вдругъ прибѣжалъ отъ султана гонецъ, чтобы ханъ съ Дорошенкомъ, оставя все, шли подъ Умань, потому что Поляки начали договоръ нарушать, и, дождавшись хана и взявши Умань, султанъ дальше не пошелъ, а хану на нашу сторону Днѣпра ходить не велѣлъ. Пріѣзжалъ послѣ того къ намъ полковникъ польскій Лазицкій и сказывалъ: «Врагъ-то Дорошенко писалъ къ крымскому калгѣ, будто король на престолѣ сѣлъ хитрыми поступками; до этого времени король былъ къ Дорошенку совершенно милостивъ и во всемъ его остерегалъ; а теперь, когда такъ дѣлаетъ, то рукъ нашихъ не уйдетъ. Такимъ образомъ прошлая Турецкая и Крымская

война отвратилась моею службою, этимъ листомъ, который я послалъ Межибожскому коммендашту. Теперь Дорошенко, слыша, что король на него сердитъ, проситъ прощенья и обѣщается ему служить для того, чтобы короля задержать и между тѣмъ крымскаго хана вызвать, какъ прежде клялся быть подъ рукою царскаго величества, и вызвалъ султана съ визиремъ и ханомъ. А на все зло подучаетъ его кошевой Сѣрко. Была у Дорошенка съ митрополитомъ Тукальскимъ рада; митрополитъ говорилъ: «Насъ никто нелюбитъ и жить тутъ намъ нельзя, пойдемъ къ султану и будемъ бить челомъ, чтобы далъ мѣсто, тебя пусть сдѣлаетъ господаремъ Волошскимъ, и я буду тамъ же. На томъ и постановили и пожитки свои въ сундуки прибравъ, живутъ въ готовности, смотрятъ времени.»

Движеніе польскихъ войскъ, занятіе ими нѣкоторыхъ городовъ на западномъ берегу взволновало восточную сторону, пронесся опять слухъ, что царь хочетъ уступить королю Кіевъ и восточную сторону; надобно было писать увѣренія, что государь не только Кіева и восточнаго берега, но и западнаго не уступитъ Польшѣ. Самойловичъ радовался этимъ увѣреніямъ, но не переставалъ возбуждать въ Москвѣ подозрѣнія относительно польскихъ замысловъ на Малороссію. Въ народѣ ходили слухи, что Поляки непремѣнно перейдутъ на восточную сторону; съ другой стороны шелъ слухъ, что царь самъ явится съ войскомъ въ Малороссію. Одни радовались царскому пріѣзду, а другіе говорили, что царь пріѣдетъ въ Путивль для того, чтобы украйну снесть за одно съ королемъ; царь пойдетъ отъ Путивля, а король отъ Кіева. Государь писалъ Ромодановскому, что если дѣйствительно непріятеля уже нѣтъ въ украйнѣ, то онъ, воевода можетъ отступить къ московскимъ границамъ и распустить ратныхъ людей, также и гетманъ Самойловичъ можетъ идти въ Батуринъ, но должно оставить въ Переяславлѣ молодаго князя Михайлу Ромодановскаго съ отрядомъ московскихъ ратныхъ людей, у которыхъ есть еще запасы и которые, слѣдовательно, могутъ еще продолжать службу; также и Самойловичъ долженъ оставить въ Переяславлѣ отрядъ козаковъ, выбравъ имъ наказнаго гетмана. На это Ромодановскій отвѣчалъ любопытною грамотою: «Ратные люди Сѣвскаго и Бѣлгородскаго полковъ, будучи на службѣ въ безпрестанныхъ походахъ полтора года, изнуждались, наги и го-

лодны, запасовъ у нихъ вовсе никакихъ нѣтъ, лошадьми опали, и многіе отъ великой нужды, разбѣжались и теперь бѣгутъ безпрестанно, а которыхъ немного теперь осталось, у тѣхъ никакихъ запасовъ нѣтъ, оставить ихъ долѣе на службѣ никакъ нельзя; и мнѣ въ разлученіи съ сынишкомъ своимъ Мишкою, за скудостію и безлюдствомъ, быть нельзя. Теперь я, государь, съ нимъ и не врозни, и то живемъ съ великою нуждою; убогія мои малыя худыя деревнишки безъ меня разорились въ конецъ, потому что служу тебѣ на украйнѣ 22 года безпрестанно, да и сынишка мой Мишка служитъ шесть лѣтъ безъ перемѣны, а другой мой сынишка Андрюшка, за тебя разливъ свою недозрѣлую кровь, въ томительной нуждѣ въ Крымскомъ полону, въ кандалахъ животъ свой мучитъ седьмой годъ.» Царь велѣлъ отцу идти въ Курскъ, а сына отпустить въ Москву для свадьбы.

Гетманъ возвратился въ Батуринъ—отдохнуть отъ трудовъ военныхъ; но внутренніе враги не хотѣли дать ему отдыха и опять пошли старые слухи, что государь хочетъ возвратить Многогрѣшнаго изъ ссылки и поручить ему часть войска. Въ началѣ 1675 года царь долженъ былъ въ своей грамотѣ увѣрять Самойловича, что этого никогда не будетъ, и требовалъ казни плевосѣятельнымъ людямъ. Съ другой стороны Лазарь Барановичъ доносилъ на протопопа Симеона Адамовича. Еще въ сентябрѣ 1674 года былъ въ Малороссіи стряпчій Бухвостовъ для объявленія тамошнимъ начальнымъ людямъ о рожденіи царевны Θеодоры Алексѣевны. Прежде всего явился онъ къ Лазарю Барановичу, и тотъ началъ говорить ему: «Когда пріѣдешь въ Москву, извѣсти, что отъ нѣжинскаго протопопа Симеона Адамова проходятъ многія лукавства, ссылается онъ тайно съ турецкимъ султаномъ и съ Дорошенкомъ, въ грамотахъ своихъ хвалитъ султана, что войсками своими изъ дальнихъ странъ обороняетъ Дорошенка, а царское величество, будучи въ пяти стахъ верстахъ, жителей обѣихъ сторонъ Днѣпра не обороняетъ. Этимъ протопопъ приводитъ малороссійскихъ жителей ко всякому злу; письма его у меня въ рукахъ. Я ихъ ни съ кѣмъ не пошлю; самъ я хотѣлъ ѣхать въ Москву вскорѣ, да упрашиваетъ меня гетманъ не ѣздить; а какъ я буду въ Москвѣ, то не только про эти письма, и о другихъ дѣлахъ великому государю извѣщу.» Разумѣется въ Москвѣ не могли не удивиться, когда тотъ же самый протопопъ пріѣхалъ по

дѣламъ архіепископа, привезъ его книги—*Трубы*. Барановичъ просилъ, чтобы государь велѣлъ взять всѣ книги въ казну и заплатить деньги; ему отвѣчали, что государь *Трубы* похваляетъ, но въ казну взять и по монастырямъ неволею раздавать не указалъ, указалъ продавать ихъ повольною цѣною, какъ въ Россійскомъ царствѣ съ печатнаго двора всякія книги продаютъ, а вневолю книгъ никому не даютъ и въ монастыри не наметываютъ. Какъ же распорядилось правительство относительно продажи книгъ Барановича! Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1675 года по указу великаго государя бояринъ Арт. Серг. Матвѣевъ приказалъ раздать мѣщанамъ въ лавки сто двѣ книги кіевской печати въ переплетѣ *Трубы духовныя*, цѣною по 2 рубля съ полтиною книга, и того 255 рублей; велѣть имъ тѣ книги продавать съ великимъ радѣніемъ по настоящей цѣнѣ неоплошно, а раздать мѣщанамъ книги съ роспискою, кому можно вѣрить, самымъ лучшимъ людямъ, не бражникамъ, чтобы было кому вѣрить и на комъ можно взять; а деньги велѣть собрать въ нынѣшнемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ безъ недобору. Это называлось тогда: въ неволю книгъ никому не давать! Барановичъ просилъ, чтобы позволено ему было завести типографію въ Черниговѣ: просьба была исполнена; просилъ прислать ему сукна и лисьихъ мѣховъ: сукна и мѣха были отосланы.

Царь увѣрялъ Барановича и гетмана, что не отдастъ никогда Кіева Полякамъ; гетманъ клялся, что никогда не поддастся королю, но доносилъ, что Запорожскій кошевой Сѣрко не такого образа мыслей: когда король вступилъ въ западную украйну, то на кошу началась шатость; Сѣрко говорилъ: «При которомъ государѣ родились, при томъ и будемъ пребывать и головы за него складывать, и еслибы войско не захотѣло идти къ королю, какъ государю своему дѣдичному, то я Сѣрко хоть о десяти коняхъ поѣду поклониться государю своему.» Схваченъ былъ въ Нѣжинѣ, отосланъ къ гетману и казненъ имъ *плъвосъятель*, толковавшій объ измѣнѣ и въ восточной украйнѣ. Эти событія поддерживали недовѣрчивость московскихъ воеводъ и печальную привычку называть Малороссіянъ измѣнниками. Архимандритъ Новгородо-Сѣверскаго Спасскаго монастыря, Михаилъ Лежайскій писалъ къ Матвѣеву: «Невѣдаю, за что порубежные воеводы нашихъ украинцевъ измѣнниками зовутъ: изволь предварить, чтобы воеводы въ такихъ мѣрахъ были опасны, и такихъ вѣстей ненадоб-

ныхъ не начинали и Малороссійскихъ войскъ не озлобляли; опасно, чтобы отъ малой искры большой огонь не запылалъ» Вслѣдствіе этого къ порубежнымъ воеводамъ былъ посланъ указъ съ большимъ подкрѣпленіемъ, чтобы Малороссіянъ измѣнниками не называли, жили съ ними въ совѣтѣ и во всякомъ пріятствѣ, а если впередъ отъ нихъ такія неподобныя и поносныя рѣчи пронесутся, то будетъ имъ жестокое наказаніе безо всякой пощады. Самойловичъ неперестававалъ доносить на Сѣрка, будто онъ хочетъ идти къ Астрахани и Сибирскимъ странамъ, въ надеждѣ на Калмыковъ. 23 апрѣля гетманъ писалъ Матвѣеву: «Богъ видитъ совѣсть мою, что не изъ ненависти какой-либо объявляю объ атаманѣ Иванѣ Сѣркѣ. Постомъ великимъ былъ у насъ писарь Запорожскій и тайно объявилъ намъ Сѣрковы замыслы, со слезами прося, чтобы до времени оставалось тайною; знатнымъ козакамъ, находящимся въ Запорожьѣ Сѣрко постоянно говоритъ: »Какъ предки наши не служили государству московскому, такъ и намъ не надобно служить, а держаться дѣдичнаго государя: если вы не позволите помогать, то хотя съ десяткомъ самъ пойду къ королевскому величеству. А что меня на Москвѣ къ присягѣ привели, то присяга невольная, мнѣ она ни во что; а что меня изъ Сибири освободили, то я объ этомъ не просилъ никого: могъ я выйти и другимъ способомъ.» Тотъ же писарь говорилъ: какъ посылалъ его Сѣрко къ царскому величеству съ самозванцемъ, то приказывалъ бить челомъ о мѣстечкѣ Керебердѣ, при чемъ говорилъ: «Колибы не догадались и отдали мнѣ его! тогда бы могъ жену изъ Слободскихъ полковъ вывесть, зналъ бы я тогда что̀ начать»! Это мѣстечко ему на злое его дѣло надобно, потому что лежитъ на Днѣпровскомъ берегу выше всѣхъ городовъ полтавскаго полка, а въ тѣхъ краяхъ живутъ все люди западной стороны. Сѣрко, въ измѣну Брюховецкаго, взбунтовавши нѣсколько городовъ около себя, жителей ихъ посадилъ въ Керебердѣ, гдѣ прежде людей не было. Теперь Запорожцы отправили посланцевъ своихъ къ великому государю, а къ намъ о томъ ни одного слова не написали: Царскій указъ, чтобъ писали къ намъ о чемъ хотятъ бить челомъ, пошелъ ни за что. Теперь ихъ съ такимъ бездѣльемъ съ-полтораста было пошло, насилу разогнали, а дорогою идучи, въ городахъ безчинства дѣлаютъ; у насъ это уже вывелось было; при Брюховецкомъ имъ это позволялось,

что грѣхъ и стыдъ предъ знатными людьми припомнить; мы имъ больше терпѣть не будемъ, чтобы не смѣли нами пренебрегать.»

Самойловичъ поссорился и съ отцомъ протопопомъ, Симеономъ Адамовичемъ, писалъ къ Ромодановскому: «Объявляю вашей милости печаль мою и жалость, которыя причинилъ мнѣ пріятель мой Симеонъ протопопъ Нѣжинскій: какъ ѣхалъ онъ въ Москву съ книгами архіепископскими, то я ему никакихъ дѣлъ не поручалъ, потому что, по милости великаго государя, всякія вѣсти и указы и безъ него къ намъ доходятъ, а онъ тамъ оглашаетъ насъ нестаточными дѣлами передъ высокими людьми, самъ не имѣя въ себѣ постоянства, а ужь пора бы ему перестать отъ того. Я здѣсь нѣсколько свидѣтелей надежныхъ имѣю, что онъ нѣсколько особъ здѣсь обнадежилъ: какіе захотятъ они чины, то въ Москвѣ имъ промыслитъ, не откажутъ ему тамъ ни въ чемъ, и добрыхъ людей своими вымыслами потерялъ.» Въ маѣ явились въ Москву запорожскіе посланцы съ грамотою отъ Сѣрка. Кошевой писалъ, что король польскій зоветъ ихъ къ себѣ на службу, но что они не могутъ двинуться безъ указа царскаго; просилъ, чтобы гетманъ Самойловичъ шелъ вмѣстѣ съ ними на Крымъ и тѣмъ отвлекъ хана отъ поданія помощи султану, жаловался, что перевозъ на Переволокѣ не отданъ имъ, просилъ, чтобы отданы были на Запорожье клейноты, бывшіе у Ханенка. Но извѣстія Самойловича произвели свое дѣйствіе въ Москвѣ. Сѣрку отвѣчали, чтобы къ польскому королю не ходилъ, а шелъ одинъ съ своими Запорожцами на море. Клейнотовъ отдать нельзя, потому что они вручены Ханенку королемъ Михаиломъ, а Ханенко отдалъ ихъ гетману Самойловичу; о перевозѣ посланъ указъ къ гетману. Этотъ указъ состоялъ въ томъ, чтобы гетманъ учинилъ по своему разсмотрѣнію. Пріѣзды Запорожцевъ были накладны казнѣ, какъ прежде пріѣзды Крымцевъ: такъ теперь ѣхало ихъ человѣкъ полтораста, да гетманъ Самойловичъ всѣхъ не пропустилъ, пріѣхало только 41 человѣкъ. Царь послалъ указъ на Запорожье, чтобы впередъ ѣздило не болѣе десяти человѣкъ, если же пріѣдутъ лишніе, то будутъ кормиться на свой счетъ. Въ іюнѣ Самойловичъ далъ знать, что на Запорожье пріѣхалъ королевскій посланецъ Завиша; Сѣрко, какъ будто бы затѣмъ, чтобы проводить посла, выступилъ въ поле съ большимъ отрядомъ войска; но Запорожцы, заподозривъ, что Сѣрко прямо хочетъ идти къ королю, оста-

новились въ степи, выбрали себѣ другаго старшину и возвратились на кошъ, а Сѣрко только съ 300 преданныхъ себѣ людей отправился вмѣстѣ съ Завишею. Но оказалось, что онъ ходилъ на Крымскіе юрты за добычею и языками и возвратился на Запорожье.

Въ то же время царя безпокоила смута въ Каневѣ, этомъ важномъ по близости къ Чигирину городѣ. Въ мартѣ 1675 года каневскій воевода князь Михайла Волконскій писалъ къ князю Ромодановскому, что въ Каневѣ только два приказа московскихъ стрѣльцовъ, и тѣ неполны: многіе разбѣжались отъ головъ стрѣлецкихъ, Карандѣева и Лупандина, отъ нестерпимыхъ побоевъ, въ остаткѣ только 1600 человѣкъ. Волконскій жаловался, что головы его не слушаются, во всемъ ему отказали. Но головы объяснили дѣло иначе: присланы въ Каневъ деньги на хлѣбную покупку стрѣльцамъ, а Волконскій хлѣба не покупаетъ и деньгами стрѣльцамъ не даетъ, отъ чего стрѣльцы мрутъ и бѣгутъ; воевода призываетъ къ себѣ городскихъ войтовъ и бурмистровъ и передъ ними бранитъ головъ, называетъ ихъ измѣнниками, разсказываетъ, будто они хотятъ отъѣхать къ Дорошенку Пятидесятники, десятники и рядовые стрѣльцы подтвердили грамоту головъ, приславши къ Ромодановскому жалобу, что воевода задерживаетъ ихъ жалованье. Царь велѣлъ послать Волконскому грамоту съ угрозою, что если впередъ будетъ такъ поступать, то подвергнется жестокому наказанью. Но Волконскій прислалъ новую жалобу на головъ: «Держатъ они у себя другіе ключи отъ воротъ городовыхъ и отпираютъ тайкомъ отъ меня. 7 марта былъ я въ церкви, и когда послѣ обѣдни шелъ домой, то Карандѣевъ и Лупандинъ дождались меня на паперти и начали бранить непристойными словами, похвалялись бить; велѣли деньщикамъ своимъ взять у меня солдатскаго полковаго подъячаго, били его ослопами и задержали у себя; отъ страха я сижу на своемъ дворишкѣ запершись.»

Ссору между воеводою и стрѣлецкими головами утишили: Карандѣевъ и Лупандинъ обѣщали слушаться воеводу. Но скоро Волконскій столкнулся съ другими людьми посильнѣе головъ стрѣлецкихъ. 14 іюня въ съѣзжую избу къ воеводѣ привели лазутчика, схваченнаго на площади. Съ пытки, послѣ троекратнаго поджариванія, лазутчикъ объявилъ: «Прислалъ меня Дорошенко съ

листомъ къ здѣшнему полковнику Ивану Гурскому; полковникъ взялъ у меня листъ и положилъ за пазуху, потомъ кликнулъ челядника своего, велѣлъ мнѣ дать хлѣба и проводить къ матери своей въ домъ, гдѣ бы я могъ прожить до извѣстнаго времени.» Привели челядника полковничья, поставили на очную ставку съ лазутчикомъ: челядникъ сначала заперся, но съ пытки объявилъ, что всѣ показанія лазутчика справедливы. Полковникъ Гурскій заперся; тогда воевода отдалъ его на береженье стрѣлецкимъ головамъ Карандѣеву и Лупандину, и немедленно далъ знать объ этомъ происшествіи государю, прося указа. Воеводская грамота пришла въ Москву только 25 іюня; 27 іюня царь отвѣчалъ Волконскому, что посланъ указъ гетману взять Гурскаго, челядника его и лазутчика изъ Канева къ себѣ въ Батуринъ и, розыскавъ подлинно, указъ имъ учинить по ихъ войсковымъ правамъ. Отвѣтъ этотъ не могъ придти въ Каневъ ранѣе десяти дней, а между тѣмъ извѣстіе о каневскомъ происшествіи возбудило сильное негодованіе въ Батуринѣ: воевода отдалъ полковника подъ караулъ! Гетманъ писалъ Матвѣеву, что Гурскій человѣкъ добрый и слуга царю вѣрный, вины его никакой нѣтъ; писалъ, что Дорошенково войско хотѣло перейти въ Каневъ и поддаться государю, но узнавъ, какая въ Каневѣ смута, отложило свое намѣреніе: «Для того прошу вашу боярскую милость, изволь вступиться, какъ особенный нашъ малороссійскій ходатай, чтобы въ чести были у великаго государя наши войсковыя вольности и указы его же царскаго величества. Если милости великаго государя ко мнѣ и къ войску Запорожскому не будетъ, воеводу скоро перемѣнить не укажетъ, то Каневъ пустъ будетъ; да и давно бы былъ пустъ, еслибы не головы стрѣлецкіе, Карандѣевъ и Лупандинъ держали. Очень мнѣ и всему войску досадительно, будто я сталъ царскому величеству измѣнникъ.» Въ бытность царскаго посланца въ Батуринѣ пріѣхали туда изъ Канева жена Гурскаго да обозный съ атаманомъ и говорили: «Какъ малыя дѣти безъ матери, такъ мы теперь безъ полковника, а непріятель подлѣ Канева, и какъ придетъ, что̀ намъ дѣлать безъ полковника? Отъ Дорошенковыхъ козаковъ попреки намъ и стыдъ: «поддавайтесь царю, поддавайтесь! хороша къ вамъ царская милость!» Всѣ бы мы давно разбрелись, еслибы не головы стрѣлецкіе держали; они воеводѣ говорили, чтобы въ такія дѣла не вступался, вѣдалъ бы одинъ

городъ да государевыхъ ратныхъ людей, а полковника отослалъ бы къ гетману; но онъ и головъ называетъ измѣнниками.» Въ Москвѣ почли за нужное успокоить гетмана: Волконскій былъ смѣненъ, и въ царскомъ указѣ къ нему по этому случаю говорилось: «То ты дуростію своею дѣлаешь не гораздо, вступаешься въ ихъ права и вольности, забывъ нашъ указъ: и мы указали тебя за то посадить въ тюрьму на день, а какъ будешь на Москвѣ, и тогда нашъ указъ сверхъ того учиненъ тебѣ будетъ.»

Съ весны 1675 года начали думать о возобновленіи военныхъ дѣйствій: 26 апрѣля государь послалъ Ромодановскому и Самойловичу приказъ собраться съ Бѣлгородскими и Сѣвскими полками и съ козаками и двинуться къ Днѣпру, къ тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ Днѣпръ удобенъ для переправы; а пришедши къ Днѣпру, писать къ коронныиъ и литовскимъ гетманамъ, чтобъ они, согласясь между собою, шли къ днѣпру же въ ближнія мѣста. Когда Поляки дадутъ знать о своемъ приходѣ, то становить съ ними слѣдующій договоръ о соединеніи обѣихъ ратей: соединяться на той сторонѣ Днѣпра подъ Коростышевымъ, или подъ Мотовиловкою, или подъ Паволочемъ, потому что окрестности этихъ мѣстечекъ лѣсисты и кормовъ всякихъ достать можно; назначить точно время и мѣсто, гдѣ соединяться, и чтобы въ сборѣ были всѣ коронныя и литовскія войска, съ пѣхотою и пушками; чтобы съ обѣихъ сторонъ даны были аманаты; если Турки и Татары нынѣшняго лѣта на войну не придутъ, и будетъ при Дорошенкѣ Турокъ и Татаръ не много, то царскимъ войскамъ съ королевскими не соединяться; далѣе Паволочи войскамъ царскимъ не ходить; въ подъѣзды войскъ царскихъ не посылать, кромѣ охочихъ людей, и когда съ непріятелемъ сойдутся, то первый бой давать войскамъ королевскимъ, а царскихъ войскъ напередъ не посылать, и въ напускахъ и въ отводъ не выдавать, стоять за одно и въ нужное время другъ отъ друга не отступать, въ кормахъ конскихъ и во всякихъ добычахъ войскъ царскихъ не тѣснить, и быть въ соединеніи до тѣхъ поръ, пока непріятель не отступитъ; договариваться и о томъ, чтобы прибавить къ прежнимъ перемирнымъ годамъ еще 10 лѣтъ, чтобы непріятель, видя склонность обоихъ государей къ братской дружбѣ, отъ злаго намѣренія своего отсталъ; просить, чтобы въ благодарность за соединеніе войскъ король уступилъ на вѣки всѣ завоеванныя мѣста; чтобъ Поляки

гетмана Ивана Самойловича почитали и войску запорожскому укоризны и безчестья никакого не дѣлали. Если королевскіе гетманы станутъ заключать мирный договоръ съ султаномъ и ханомъ, то внести въ него слѣдующія статьи: на пограничныя съ Турціею и Крымомъ царскія украйны войною не ходить, если же Турки и Татары договоръ нарушатъ, то царское и королевское величества будутъ давать имъ отпоръ сообща.

29 мая, въ Сумахъ, гетманъ Самойловичъ съ старшиною, въ присутствіи князя Ромодановскаго и царскаго посланца, стряпчаго Алмазова, далъ такой отвѣтъ: «Соединяться намъ съ Поляками всѣми нашими войсками опасно по многимъ причинамъ: прошлою зимою, когда король былъ на украйнѣ, и Аджи-Гирей салтанъ тамъ не далеко стоялъ въ шести тысячахъ войска, то Поляки съ этою ордою никакого бою знатнаго не имѣли, а все ссылались съ салтаномъ и Дорошенкомъ о мирѣ, и носились слухи, что король пришелъ на украйну не для отпора Туркамъ, но чтобы какимъ бы то ни было образомъ отобрать ее и Кіевъ себѣ. Поэтому мы не только не желаемъ соединяться съ польскими войсками, но и въ другихъ малѣйшихъ вещахъ не хотимъ съ ними ссылаться; у насъ одинъ защитникъ, православный монархъ, его царское величество; если же государю угодно дать помощь Полякамъ, то послать нѣкоторую часть московскихъ и козацкихъ войскъ, а не всѣ. Аманатовъ давать Полякамъ страшно: въ прошлыхъ годахъ они дали Туркамъ аманатовъ изо Львова, духовенство, шляхту и мѣщанъ, знатныхъ людей, и въ правдѣ своей не устояли, усмотря время, Турокъ побили. Да и потому намъ нельзя соединяться съ Поляками: Поляки народъ гордый, станутъ насъ безчестить и называть своими подданными, козаки станутъ стоять за свои права и пойдетъ ссора. Если непріятель подступитъ всѣми силами подъ Кіевъ, то мы съ бояриномъ будемъ отпоръ чинить, сколько милосердый Богъ помощи подастъ. Въ этомъ и будетъ королю великое вспоможеніе, а соединяться съ Поляками мы не хотимъ, чтобы чрезъ соединеніе большей ссоры не было.»

Генеральный писарь Савва Прокоповъ говорилъ: «Хотя Поляки и толкуютъ о соединеніи войскъ, но лукавымъ сердцемъ, вѣрить имъ нельзя: нынѣшнею зимою сенаторы Яблоновскій и Сѣнявскій пріѣзжали въ Кіевъ провѣдать про войска и крѣпости городовыя и про иныя московскія вѣсти, а сказывались простою

шляхтою, будто пріѣзжали для покупокъ, и этимъ умыселъ свой объявили.»

Ромодановскій и Самойловичъ говорили въ одинъ голосъ: «Если великій государь укажетъ идти намъ въ Крымъ, то надѣемся учинить тамъ великое разоренье.»

Бывшій Дорошенковъ есаулъ Яковъ Лизогубъ разсказывалъ Алмазову: «Былъ тайный съѣздъ у визиря съ Дорошенкомъ, съѣзжались только трое—Дорошенко, визирь да я; визирь говорилъ: «Мы хотимъ Запорожье и Кіевъ взять.» Когда разговоры кончились, то Дорошенко, вышедши изъ шатра, сказалъ мнѣ: «Слышалъ, что говорилъ визирь? нашею кожею торгуютъ!» и сталъ плакать: «не дай Боже, чтобы замыселъ ихъ исполнился!»

Въ концѣ іюля, по вѣстямъ изъ украйны, царь велѣлъ Ромодановскому двинуться изъ Курска въ Суджу, отправить въ Заднѣпровье знающихъ людей для подлинныхъ извѣстій, а къ гетману коронному, князю Дмитрію Вишневецкому отписать, что если всѣ войска, коронныя и литовскія въ согласіи и соединеніи не будутъ, то царскія войска съ однимъ короннымъ гетманомъ не соединятся. Въ началѣ августа другой указъ: двинуться Ромодановскому изъ Суджи, а Самойловичу изъ Батурина къ Днѣпру, и отправить за рѣку по отряду, выбравъ добрыхъ людей. Самойловичъ объявилъ царскому посланцу, что готовъ исполнить указъ великаго государя, но что надобно только ограничиться прогнаніемъ Татаръ, а не соединяться съ Поляками: «Мнѣ, гетману, и всему нашему войску лучше смерть принять, нежели отъ Поляковъ въ безчестіи и порабощеніи быть. Если мнѣ и боярину перейти за Днѣпръ, то это все равно, что руками насъ отдать Полякамъ: у нихъ только рѣчей, что московская пѣхота способна городовъ доставать, позовутъ насъ неволею хана въ поляхъ искать и Каменца Подольскаго доставать, начнутъ называть мужиками и своими подданными, бить обухами, спрашивать кормовъ, выговаривать: вы насъ въ такое осеннее время вызвали, вы и кормите; а козаки теперь и не Полякамъ не спускаютъ, Турокъ и Татаръ побиваютъ: такъ чего добраго ждать? начнутъ биться; ни на одинъ часъ нельзя соединяться съ Поляками! Полякамъ всего досаднѣе то, что на этой сторонѣ Малороссійскіе люди живутъ подъ царскою рукою во всякихъ вольностяхъ, покоѣ и многолюдствѣ; Полякамъ непремѣнно хочется, чтобы какою-нибудь хи-

тростію эту сторону въ свои руки прибрать и такъ же, какъ ту сторону, разорить и людей погубить; особенно этого добивается коронный гетманъ, князь Дмитрій Вишневецкій, потому что на этой сторонѣ ихъ маетности были. Мнѣ и всему войску нужно не то, чтобы всѣ коронныя и литовскія войска пришли къ Днѣпру, намъ нужно, чтобы ни одинъ Полякъ въ этихъ мѣстахъ не былъ. А присяга ихъ извѣстна: боярина Шереметева за присягою въ Крымъ отдали! Теперь короля своего на украйнѣ покинули и разошлись по домамъ!»

Соединеніе русскихъ войскъ съ польскими было рѣшительно отвергнуто, и въ началѣ осени началось отдѣльное движеніе русскихъ войскъ: Ромодановскій и Самойловичъ сошлись у Обечевской грабли, между рѣкою Галицею и Прилуками, въ 5 верстахъ отъ Монастырища и въ 30 отъ Днѣпра. Отсюда 11 сентября двинулись къ Яготину, гдѣ стояли до 16 числа; недостатокъ въ конскихъ кормахъ и *бездровица* заставили ихъ приблизиться къ Днѣпру, къ которому подошли 18 сентября, стали въ 10 верстахъ отъ Канева и послали на ту сторону отрядъ московскаго войска подъ начальствомъ генералъ-майора Франца Вульфа, и козацкій подъ начальствомъ генеральнаго есаула Лысенка. Заслышавъ о приближеніи этого войска, два полка Дорошенковыхъ сердюковъ бросили города Корсунь, Богуславль, Черкасы, Мошны и другіе, и ушли въ Чигиринъ; жители также покинули свои города, села и деревни и перешли на восточную сторону. Это движеніе нагнало сильный страхъ на Дорошенка, который тщетно просилъ помощи у Турокъ и Татаръ, занятыхъ войною съ Поляками, и хотя Ромодановскій съ гетманомъ, не предпринявши ничего важнаго, разошлись—одинъ въ Курскъ, а другой въ Батуринъ, однако положеніе Дорошенка не улучшилось. Ненависть къ нему была возбуждена сильная, потому что подданство султану оказалось въ послѣднее время всею своею черною стороною для украйны. Чигиринъ, по свидѣтельству самовидцевъ, превратился въ невольничій рынокъ, всюду по улицамъ Татары выставляли и продавали ясырь (плѣнныхъ), даже подъ самыми окнами Дорошенкова дома. Если кто изъ чигиринскихъ жителей, по христіанству, хотѣлъ выкупить земляка, то навлекалъ на себя подозрѣніе въ непріязни къ покровителямъ украйны Туркамъ и Татарамъ. По городамъ не было мѣры притѣсненіямъ отъ голодныхъ Татаръ.

Проклятія на Дорошенка были во всѣхъ устахъ. Онъ бы могъ еще не обращать вниманія на эти проклятія; но въ самомъ Чигиринѣ было мало хлѣба, потому что два года уже ничего не сѣяли, кормились тѣмъ, что могли купить украдкою у жителей восточной стороны. Въ такой крайности Дорошенко рѣшился обратиться къ Сѣрку: нельзя ли посредствомъ Запорожья какъ-нибудь продержаться, получить выгодныя условія отъ царя, остаться гетманомъ?

Въ концѣ сентября Сѣрко далъ знать въ Москву о своей вѣрной службѣ: по царскому указу пришли въ Запорожье князь Каспулатъ Муцаловичъ Черкаскій, стольникъ Леонтьевъ, стрѣлецкій голова Лукошкинъ, Мазинъ-мурза съ Калмыками, атаманъ Фролъ Минаевъ съ донскими козаками; Сѣрко соединился съ ними, и 17 сентября всѣ пошли чинить воинскій промыслъ надъ крымскими улусными людьми, за Перекопью разбили татарскую заставу, села попалили, много полону побрали и христіанскихъ душъ много освободили, и всѣ здоровы назадъ пришли. При этомъ Сѣрко билъ челомъ: «Многое время, не щадя головы своей, промышлялъ я надъ непріятелемъ; а теперь я устарѣлъ, отъ великихъ волокитъ, отъ частыхъ походовъ и отъ ранъ изувѣченъ, жена моя и дѣти въ украинскомъ городкѣ Мерехвѣ скитаются безъ пріюта, отъ Татаръ лошадьми и животиною разорились, а мнѣ Ивану теперь полевая служба стала не въ мочь, присмотрѣть за старикомъ и упокоить его некому. Милосердый Государь! вели мнѣ, холопу своему, съ женишкою и дѣтишками, въ домишкѣ пожить, чтобы, живучи порознь, въ конецъ не разориться и при старости безпріютно не умереть; вели мнѣ дать свою грамоту, чтобы мнѣ, живучи въ домишкѣ своемъ, утѣсненія ни отъ кого не было.»—«Не время теперь, отвѣчалъ царь, жить тебѣ въ домѣ съ женою и дѣтьми, а когда будетъ время, и воинскія дѣла станутъ приходить къ успокоенію, тогда мы тебя пожалуемъ, въ домѣ жить позволимъ и нашею царскою грамотою обнадежимъ.»

Но въ слѣдъ затѣмъ, отъ 15 октября, кошевой атаманъ объявилъ другую свою службу: «Гетманъ войска запорожскаго Петръ Дорошенко, отъ давныхъ лѣтъ имѣя подданственное намѣреніе къ пресвѣтлому престолу вашего царскаго величества, не могъ его, за многими нѣкоторыхъ завистныхъ людей препонами, привести въ совершеніе. Но теперь, желая его совершить, писалъ

къ войску низовому, чтобы мы для этого добраго дѣла пріѣхали къ нему. Мы, учинивъ раду войсковую общую, рѣшили къ нему идти, и какъ скоро подошли къ Чигирину съ войскомъ низовымъ запорожскимъ и частію донскаго, то Дорошенко тотчасъ, въ присутствіи чина духовнаго, со всѣмъ старшимъ и меньшимъ товариществомъ и со всѣмъ своимъ войскомъ и посполитыми людьми, предъ св. Евангеліемъ присягнулъ на вѣчное подданство вашему царскому величеству; а мы присягнули ему, что онъ будетъ принятъ вашимъ царскимъ величествомъ въ отеческую милость, останется въ цѣлости и не нарушенъ въ здоровьѣ, въ чести, въ пожиткахъ, со всѣмъ городомъ, со всѣми товарищами и войскомъ, при милости и при клейнотахъ войсковыхъ, безо всякой за прошлыя преступленія мести, отъ всѣхъ непріятелей, Татаръ, Турокъ и Ляховъ, будетъ войсками вашего царскаго величества защищенъ, мѣста всѣ запустѣлыя на сей (западной) сторонѣ Днѣпра опять людьми населятся и будутъ они вольностями своими тѣшиться и разживаться какъ и Заднѣпровская (восточная) сторона.»

Этотъ Запорожскій поступокъ, нарушавшій порядокъ, установленный на послѣдней Переяславской радѣ, сильно не понравился въ Москвѣ и Царь отвѣчалъ кошевому: «Ты это сдѣлалъ не по нашему указу, не давши знать князю Ромодановскому и гетману Самойловичу; къ тебѣ о томъ нашего указа не послано, посланъ былъ указъ о Дорошенковомъ подданствѣ князю Ромодановскому и гетману Самойловичу: и впередъ бы тебѣ и всему войску Запорожскому низовому съ Дорошенкомъ не ссылаться и въ дѣла его не вступаться, и тѣмъ съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ не ссориться. Да намъ извѣстно, что ты взялъ у Дорошенка клейноты войсковые гетманскіе, данные нами прежнимъ гетманамъ, булаву, бунчукъ, знамя, и отвезъ ихъ къ себѣ на Запорожье, и теперь эти клейноты у тебя: и ты бы сейчасъ же отослалъ ихъ къ князю Ромодановскому и гетману, потому что прежде на Запорожьѣ никогда гетманскихъ клейнотовъ не бывало.» Сѣрко продолжалъ распоряжаться: минуя гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра, Самойловича, онъ разослалъ грамоты къ полковникамъ: «Объявляю, что *гетманъ* Петръ Дорошенко отъ турскаго султана и крымскаго хана отступилъ, и подъ высокодержавную руку царскаго величества подклонился: такъ извольте междоусобную брань

между народомъ христіанскимъ оставить и инымъ заказать, которыхъ много, что̀ общему христіанскому дѣлу не ради; ибо всѣ мы единаго Бога созданіе, надобно жить, чтобы Богу было годно и людямъ хвально, дабы Богъ обратилъ ярость злую на бусурманъ. Всѣмъ людямъ прикажи, чтобы никто не ходилъ на ту сторону обиды дѣлать.» Опять царь долженъ былъ напомнить кошевому атаману, что всѣ эти дѣла положены на князя Ромодановскаго и гетмана Самойловича.

Легко понять, какъ эти событія должны были обезпокоить послѣдняго; онъ обратился къ Матвѣеву, «своему благодѣтелю милостивому.» «Не разъ, писалъ Самойловичъ, былъ я предостереженъ добрыми людьми на счетъ шатости и замысловъ Ивана Сѣрка. Писалъ я уже къ твоей боярской милости, какъ онъ добивалъ челомъ царскому величеству, чтобы ему нѣсколько козацкихъ полковъ дать, будто Крымъ воевать, потомъ, чтобъ ему изъ Слободскихъ городовъ жену выдать, потомъ, чтобъ Кереберду городъ дать въ полтавскомъ полку; но въ тоже самое время открылъ онъ тайну писарю своему, говорилъ: «Только бы мнѣ въ тотъ уголокъ залезть, зналъ бы я что дѣлать!» Только объ одномъ и заботится: какъ бы собрать войско да войти въ города и завести тамъ смуту. Дорошенко, видя, что не надъ кѣмъ гетманить (потому что отъ Днѣстра до Днѣпра нигдѣ духа человѣческаго нѣтъ, развѣ гдѣ стоитъ крѣпость польская), призвалъ къ себѣ въ Чигиринъ Сѣрка и 10 октября встрѣчалъ его съ духовенствомъ, разгласивши между народомъ, что хочетъ жить подъ рукою царскою. Но здѣсь явный обманъ, какъ далъ намъ знать одинъ близкій къ нему человѣкъ. Отъ Турокъ и Татаръ помощи ему нѣтъ, а тутъ Ляхи въ гостяхъ, да и мы не далеко; вотъ онъ, чтобы какъ-нибудь перезимовать, получить съѣстные припасы съ нашей стороны и перезвать къ себѣ опять людей, такую молву и распустилъ о подданствѣ. Завидуя особенно нашей украйнѣ, въ мирѣ живущей, хлопочутъ они завести здѣсь смуту. И въ прошломъ 1674 году Сѣрко намъ помѣшалъ въ добрыхъ дѣлахъ; теперь при мнѣ Мазепа и Кочубей, которые тогда были при Дорошенкѣ: такъ они сказываютъ, что Сѣрко присылалъ къ Дорошенку съ такою рѣчью: «Если на тебя Москва наступитъ, то войско Запорожское тебѣ поможетъ, клейнотовъ войсковыхъ ни за что Москвѣ не отдавай.» Къ Ромодановскому Самойловичъ писалъ: «Разсуди, благодѣтель

мой, дѣло этихъ крутоголовыхъ! передъ нами не хотѣли сдѣлать ничего добраго, а передъ какимъ-то Фроломъ да Міюскомъ, что самозванца съ Дону къ Сѣрку привелъ, какую-то присягу дали! Какова совѣсть у Дорошенка? намъ разъ десять присягалъ, и по прежнему солгалъ! Мы узнали, благодѣтель мой. что тамъ между собою усовѣтовали: попытаться черезъ своихъ пословъ у царскаго величества: если имъ позволитъ черневую раду собрать, то и эту украйну туда же потянуть, смуту здѣсь завести и намъ не поддаться.»

Ромодановскій, наравнѣ съ гетманомъ, былъ оскорбленъ поступкомъ Дорошенка, который отъ 12 октября увѣдомилъ его о своей присягѣ передъ Сѣркомъ и Фроломъ Минаевымъ, и просилъ прислать въ Чигиринъ добрыхъ людей «для достовѣрнѣйшаго разговора.» Ромодановскій отвѣчалъ: «Когда мы стояли у Днѣпра. то ты по письму моему и по присылкамъ своимъ, обѣщанія своего не исполнилъ, для присяги въ обозъ къ намъ не пріѣхалъ; а теперь для разговора просишь о присылкѣ знатныхъ людей. Это мнѣ очень удивительно! Когда мы съ вѣрнымъ и неотмѣннымъ царскаго величества подданнымъ, гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, Иваномъ Самойловичемъ, усердно желали тебя принять и государскою милостію обнадежить, то ты, за *перепятіемъ* нрава своего, этого сдѣлать не изволилъ; а теперь какъ могу къ тебѣ для разговора знатныхъ людей послать? Если ты вправду поддался царскому величеству, то пріѣзжай ко мнѣ и къ гетману Ивану Самойловичу и присягни предъ нами.»

Донесенія Самойловича произвели большое безпокойство въ Москвѣ. Царь писалъ Ромодановскому и гетману: «Мы какъ прежде, такъ и теперь, положили Дорошенково дѣло на васъ, и вы бы поступили по своему разсмотрѣнію, чтобы то дѣло до весны успокоить и къ расширенію не допустить.» Наконецъ отправлена была царская грамота и въ Чигиринъ: «Петру Дороѳеевичу наше царскаго величества милостивое слово. Мы твоего обѣщанія, даннаго предъ Иваномъ Сѣркомъ и Фроломъ Минаевымъ, въ правду не вмѣняемъ, потому что они ѣздили къ тебѣ въ Чигиринъ безъ нашего указа; эти наши дѣла на нихъ не положены, и впредь тѣмъ дѣламъ крѣпкимъ быть нельзя; и тебѣ бы, Петру, пріѣхать къ боярину князю Ромодановскому и гетману Ив. Самойловичу, и при нихъ присягу принести. Если же не пріѣдешь, то мы велимъ боярину и гетману чинить надъ тобою промыслъ.»

«Я и прежде не отговаривался къ тебѣ ѣхать, отвѣчалъ Дорошенко Ромодановскому, но всегда дѣло шло о моей безопасности. Такъ и теперь, присягнувши великому государю, мы сейчасъ же снарядили посольство къ царскому величеству, и дали объ этомъ знать твоей милости и гетману Самойловичу; но гетманъ отвѣта никакого не далъ, и по его приказанію заднѣпровскіе козаки пограбили Чигиринское село надъ Тясминомъ, полковникъ Переяславскій подъ Черкасами много людей разорилъ, по берегу Днѣпровскому крѣпкую стражу поставили съ гетманскимъ приказомъ не пропускать моихъ посланниковъ. Нижайше прошу, прекрати войну съ нами, какъ уже съ подданными одного государя, и пришли сюда добраго человѣка для безопасности пословъ нашихъ; какъ только этотъ человѣкъ къ намъ пріѣдетъ, сейчасъ же пословъ и съ ними санжаки Турецкіе къ царскому величеству отпустимъ.» Посланецъ Дорошенковъ, падши къ ногамъ Ромодановскаго, долженъ былъ просить: «Пусть Дорошенку не чрезъ кого инаго, только чрезъ его боярскую вельможность, чрезъ его предстательство будетъ пріобрѣтена щедрая царская милость, чтобъ быть ему безопасну въ своемъ здоровьѣ.» Получивъ это письмо, Ромодановскій немедленно отправилъ къ Самойловичу дьяка, чтобы прекращены были всѣ непріятельскія дѣйствія противъ Дорошенка, а въ Чигиринъ для пріема пословъ и санжаковъ, отпустить полковника Вестова съ двумя стами человѣкъ пѣхоты. Къ самому Дорошенку Ромодановскій отписалъ: «Совѣтую твоей милости и сердечно желаю, какъ другу и пріятелю, для твоего добра, чтобы ты благоволилъ безъ всякаго замедленія самъ съ полковникомъ Вестовымъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Курскъ, а изъ Курска ѣхать къ великому государю. Еслибы ты это сдѣлалъ, то я, для большой чести тебѣ, послалъ бы изъ Курска съ тобою сына моего, князя Михайлу.»

Но Дорошенко не думалъ такъ скоро покончить этого дѣла. Въ концѣ декабря пріѣхалъ отъ него въ Москву Чигиринскій атаманъ Сенкеевичъ и объявилъ: Петръ Дорошенко приказалъ мнѣ бить челомъ, чтобы царское величество его Петра и все поспольство пожаловалъ, велѣлъ милостивый указъ учинить и своею милостивою грамотою обнадежить и увеселить, чтобъ быть ему, сродникамъ его и всему поспольству подъ высокою рукою царскаго величества въ вѣчномъ подданствѣ, при своемъ здоровьѣ,

пожиткахъ и вольностяхъ неотмѣнно. Онъ, Дорошенко великому государю служить и всякаго добра хотѣть, и, не желая чина гетманскаго, умирать готовъ, только имѣетъ безпрестанное попеченіе, чтобы быть при милости его государской. Когда бояринъ князь Ромодановскій и гетманъ Иванъ Самойловичъ стояли у Днѣпра, то онъ Дорошенко къ нимъ для присяги не поѣхалъ, опасаясь за свое здоровье, чтобы нежелательные ему люди западной стороны Днѣпра, перешедшіе на восточную, не сдѣлали надъ нимъ того же, что надъ Самкомъ и Брюховецкимъ. Опасаясь этого, онъ писалъ на Запорожье къ кошевому атаману Ивану Сѣрку, чтобы пріѣхалъ въ Чигиринъ для совѣта и былъ свидѣтелемъ присяги Дорошенковой царскому величеству. Когда Сѣрко пріѣхалъ, то присяга была принесена и клейноты войсковые ему отданы, при чемъ Сѣрко и все войско велѣли ему Дорошенку писаться гетманомъ до указа великаго государя. Въ подданствѣ у турецкаго султана былъ онъ и санжаки Турецкіе принялъ съ общей рады всей старшины. Когда онъ въ одно время получилъ и милостивую государеву грамоту изъ Москвы и обнадеживательныя грамоты отъ короля, то созвалъ всю старшину и спрашивалъ: у котораго государя быть въ подданствѣ? И старшина пожелали обороны Турецкой и Крымской. Но когда султанъ и ханъ для этой обороны пришли на украйну, города разорили, множество невинныхъ душъ погубили и въ неволю захватили, въ то время тѣ же совѣтники, складывая вину на Дорошенка и желая себѣ гетманства, перешли всѣ на восточную сторону, также и жители; а онъ, Дорошенко, вспоминая царскія милостивыя грамоты, и не видя въ томъ дѣлѣ ни отъ кого помѣшки, отъ султана отсталъ и санжаки шлетъ къ великому государю съ тестемъ своимъ и братомъ Андреемъ, и какъ скоро чрезъ этихъ посланниковъ получитъ полное увѣреніе, то немедленно безъ отговорокъ поѣдетъ въ Москву. Теперь при немъ города Чигиринскаго полка: Крыловъ, Вороновка, Бужинъ, Боровица, Суботово, Медвѣдовка, Жаботинъ, Черкасы, Бѣлозерье.

Сенкеевичъ подалъ грамоту отъ гетмана: въ ней Дорошенко сравнивалъ себя съ евангельскимъ разслабленнымъ, не имѣвшимъ человѣка, который бы ввергнулъ его въ цѣлительную купѣль. «Не имѣлъ я человѣка, писалъ Дорошенко, не имѣлъ человѣка, который бы избавилъ меня отъ злаго недуга, отъ ига бусурманскаго,

ввергнувъ въ цѣлебную купѣль великомощной вашего царскаго величества обороны. Умилосердись, великій государь царь, не отринь меня отъ пресвѣтлаго лица своего, но милостивно, яко царь небесный, Христосъ, разслабленному рцы: возстани, возьми одръ свой и ходи, повели мнѣ срамное ложе ига бусурманскаго оставити!» «Все прежнее будетъ забыто, отвѣчалъ царь: безо всякаго сомнѣнія пріѣзжай на сю сторону Днѣпра къ князю Ромодановскому и гетману Ивану Самойловичу и предъ ними принеси присягу; захочешь съ родственниками своими ѣхать къ намъ въ Москву, то получишь нашу многую милость и жалованье, и укажемъ отпустить тебя въ малороссійскіе города попрежнему, позволимъ жить въ какомъ городѣ захочешь, безо всякой обиды и укоризны.»

Нежеланный былъ это гость для гетмана Ивана Самойловича; гетманъ не вѣрилъ, чтобъ Дорошенко рѣшился пріѣхать на восточную сторону въ видѣ частнаго человѣка, онъ все боялся смутъ отъ Дорошенка и Сѣрка, созванія рады и сверженія его, Самойловича. Онъ послалъ въ Запорожье грамоту съ выговоромъ, какъ смѣлъ Иванъ Сѣрко съ товарищами ѣздить въ Чигиринъ и подтвердить тамъ гетманство Дорошенку безъ вѣдома гетмана и всего войска Запорожскаго городоваго? потомъ, какъ смѣли разослать грамоты къ полковникамъ, чтобы тѣ не враждовали болѣе съ Дорошенкомъ? «И такъ уже, писалъ гетманъ, почти 30 лѣтъ за грѣхи наши, кровавымъ обливаемся потомъ. Каждый изъ молодцовъ добрыхъ, Бога боящихся и правду любящихъ, знаетъ, что западная сторона разорена, благодаря Дорошенку, который возбудилъ противъ себя бѣды со всѣхъ сторонъ, поддавшись турецкому султану, подъ которымъ и послѣднихъ людей потерялъ; а когда увидалъ, что мало тамъ осталось, то, чтобы побыть нѣкоторое время гетманомъ, призвалъ васъ къ своему расколу. Извѣщаю вамъ, что не надобно въ этихъ городахъ нашихъ никакихъ радъ собирать и ничего у царскаго величества добиваться; были уже въ четыре года двѣ рады.» Царскому послу Алмазову гетманъ говорилъ: «У Сѣрка съ Дорошенкомъ давняя дружба и клятва другъ другу во всемъ добра искать. Теперь Дорошенка держитъ Сѣрко, а только бъ не Сѣрко, то Дорошенко давно бы самъ пріѣхалъ къ князю Ромодановскому или ко мнѣ.»

Въ январѣ 1676 года пріѣхали въ Москву и обѣщанные Доро-

шенкомъ знатные послы, тесть его, уже извѣстный намъ Павелъ (Яненко) Хмельницкій съ товарищами и послами изъ Запорожья, привезли Турецкіе санжаки—бунчукъ и два знамени тафтяныя. На спросъ, зачѣмъ пріѣхали? послы объявили: «Приказалъ намъ Петръ Дорошенко у великаго государя милости просить, чтобы царское величество пожаловалъ, вины его изволилъ простить и принять подъ свою высокую руку, и позволилъ бы остаться ему въ прежнемъ своемъ чинѣ гетманомъ, и войсковые прежніе клейноты были бы при немъ; а онъ Дорошенко служить будетъ во вѣкъ, нещадя здоровья своего; впрочемъ гетманскій чинъ въ волѣ великаго государя. Бьетъ челомъ Петръ Дорошенко, чтобы великій государь пожаловалъ его, сродниковъ его и все посполъство, указалъ имъ жить попрежнему на той сторонѣ Днѣпра въ старыхъ своихъ поселеніяхъ, при пожиткахъ своихъ и вольностяхъ, какъ живутъ во всякихъ покояхъ и вольностяхъ на сей сторонѣ Днѣпра Малороссійскіе жителя, чтобы на той сторонѣ церкви Божіи не разорились, а имъ на сей сторонѣ между дворами не волочиться; слухи у насъ носятся, что заставятъ насъ покинуть домы, сжечь города и перейти на сю сторону. Да чтобы мы были защищены отъ турецкаго султана, крымскаго хана и польскаго короля, чтобы на той сторонѣ Днѣпра церкви Божіи не запустѣли и обѣ стороны въ разлученіи не были. Какъ будетъ на это челобитье милостивый указъ, и мы къ Дорошенку возвратимся, то онъ пріѣдетъ ударить челомъ великому государю, а до тѣхъ поръ ни въ Москву, ни въ полкъ къ боярину и гетману не поѣдетъ.»

Въ отвѣтъ посламъ сказали, что они будутъ отпущены къ князю Ромодановскому и гетману Самойловичу и тамъ задержаны до тѣхъ поръ, пока самъ Дорошенко пріѣдетъ на сю сторону и присягнетъ великому государю; но въ то же время Ромодановскому и гетману дано было знать: «если, смотря по тамошнему дѣлу, пристойнѣе будетъ Павла Яненка съ товарищами отпустить къ Дорошенку въ Чигиринъ, то сдѣлайте это по своему разсмотрѣнію, какъ васъ Господь Богъ вразумитъ, чтобы Дорошенка совершенно обнадежить и на сю сторону перезвать.» На челобитье Дорошенка, объявленное послами, былъ данъ указъ: «За подданство и присылку санжаковъ великій государь милостиво похваляетъ. Присяга передъ Сѣркомъ въ правду не вмѣняется, присяга

должна быть принесена передъ княземъ Ромодановскимъ и гетманомъ Самойловичемъ. Всѣ прежнія преступленія прощаются. На обѣихъ сторонахъ быть одному гетману Ивану Самойловичу. Городомъ Чигириномъ со всѣми поселеніями жалуетъ государь Петра Дорошенка и все поспольство. Для обороны въ Чигиринъ и Каневъ ратные люди будутъ присланы въ то время, когда Дорошенко присягнетъ на вѣчное подданство передъ бояриномъ и гетманомъ. Жить Дорошенко можетъ гдѣ захочетъ, и никакого притѣсненія ему не будетъ. Братъ Дорошенка, Григорій будетъ освобожденъ и отосланъ къ боярину и гетману.

Въ Днѣпровской украйнѣ дѣла начали принимать благопріятный для Москвы оборотъ; но иначе было на другой украйнѣ, на другой козацкой рѣкѣ, на Дону.

1674 годъ прошелъ здѣсь безо всякаго дѣла. Новый воевода, смѣнившій Хитрово, князь Петръ Хованскій пришелъ на Донъ поздно, ходилъ осматривать мѣста на Міусѣ, гдѣ бы построить городокъ, и нашелъ, что нигдѣ ничего построить нельзя; донесенія воеводы царю наполнялись извѣстіями о побѣгахъ ратныхъ людей. Лѣтомъ 1675 года государь послалъ на Донъ указъ идти на козачій ерекъ, прокопать его и построить городки. Хованскій поговорилъ объ указѣ тайно съ атаманомъ Корниломъ Яковлевымъ, и тотъ началъ въ Черкаскѣ собирать круги и объявлять указъ: козаки отвѣчали, что имъ прокапывать ерекъ, городки строить и въ нужное время въ осадѣ сидѣть за малолюдствомъ не въ мочь, и, говоря эти слова, расходились изъ круга съ крикомъ. Атаманъ созвалъ ихъ въ кругъ въ послѣдній разъ и допрашивалъ: «Скажите въ одно слово, прокапывать ли ерекъ и городки строить ли? чтобы мнѣ писать о томъ къ великому государю подлинно.» Козаки и тутъ, не сказавши ничего навѣрное, хотѣли расходиться изъ круга. Корнилъ началъ кричать съ угрозами, чтобы не смѣли расходиться, не порѣшивши дѣла, и зашибъ двоихъ или троихъ козаковъ палкою. Козаки зашумѣли, бросились на атамана и прибили его; одного изъ старшинъ, Родіона Калужанина хотѣли убить до смерти, но тотъ убѣжалъ, отмахавшись ножомъ и скрылся у Хованскаго въ новомъ городкѣ, гдѣ стояли государевы ратные люди. Черезъ три дня Хованскій поѣхалъ въ Черкаскъ и взялъ Родіона съ собою; послѣ обѣдни воевода началъ уговаривать козаковъ, чтобы они отъ непослу-

шанья своего отстали и были съ старшиною въ совѣтѣ. Козаки простили Родіона, позволили ему жить въ Черкаскѣ по прежнему; но Корнилъ Яковлевъ атаманство сдалъ, и на его мѣсто выбрали Михайлу Самаренина.

Выбравши новаго атамана, козаки собрались въ кругъ и говорили, чтобы имъ идти на ерекъ для осмотру, можно ли имъ ерекъ прокопать и городки строить? Хованскій отправился на ерекъ, взялъ съ собою ратныхъ людей тысячи съ четыре, да атаманъ Михайла Самаренинъ взялъ собою козаковъ тысячи съ три, осмотрѣли мѣста, и нашли, что на еркѣ можно построить два городка, а третьяго противъ Азова на взморьѣ строить нельзя, потому что земля не сдержитъ, развѣ построить каменный. Хованскій сталъ говорить козакамъ: «Мы начнемъ строить городки, а вы будете въ нихъ сидѣть, будете получать государево жалованье.» — «Хотя бы намъ государь положилъ жалованья и по сту рублей, то мы въ городкахъ сидѣть не хотимъ, ради мы за великаго государя померетъ и безъ городковъ: въ городки надобно людей 13,000, а насъ всѣхъ на рѣкѣ только тысячь съ шесть.

Осмотрѣвши ерекъ, возвратились въ Черкаскъ, и козаки стали между собою говорить, чтобы имъ идти на море для промыслу надъ непріятелями, а себѣ для добычи; собралось ихъ три тысячи и послали сказать Хованскому, чтобы далъ имъ въ помочь государевыхъ ратныхъ людей. Воевода самъ пошелъ ихъ провожать къ ерку съ 4,000 войска. Но какъ пришли они на ерекъ, въ тѣ мѣста, которыя прежде осматривали, то нашли, что по другую сторону каланчи, отъ Азова, построены шанцы, въ нихъ сидятъ азовцы съ пушками. Засвистали ядра и пули. Русскіе на своей сторонѣ построили шанцы, и стрѣляли въ непріятеля черезъ рѣку пятеро сутокъ, многихъ побили, живыхъ взяли троихъ и тѣмъ удовольствовались; козаки узнавъ, что близь Азова стоятъ военныя суда, испугались, на море не пошли, и возвратились всѣ въ Черкаскъ.

Когда въ Москвѣ узнали объ этихъ происшествіяхъ, то на Донъ къ Хованскому пошла гнѣвная государева грамота: «Козаки такъ дѣлаютъ, забывъ страхъ Божій и презрѣвъ наше жалованье, писалъ царь: въ Москвѣ атаманъ Родіонъ Калужанинъ отъ имени всего войска билъ челомъ, чтобы мы велѣли козакамъ и нашимъ ратнымъ людямъ прокопать ерекъ и построить на немъ три го-

родка; говорилъ, что козаки охотно сядутъ въ этихъ городкахъ, если имъ дано будетъ по 10 рублей жалованья, что городки эти будутъ держать въ осадѣ не одинъ Азовъ, но и самый Царьгородъ; а теперь козаки во всемъ вамъ отказали и старшинъ своихъ обезчестили! мы простимъ ихъ, по просьбѣ нашихъ сыновей царевичей, но съ тѣмъ, чтобы они немедленно же шли на ерекъ и строили городки; если же этого не сдѣлаютъ, то жалованья нашего имъ не видать, и запретимъ нашимъ городамъ подъ смертною казнію пропускать къ нимъ запасы.»

Грамоту прочли козакамъ въ кругу; въ отвѣтъ поднялся шумъ, посыпались ругательства на Хованскаго за то, что грамота прислана по его письму, и отказались идти на ерекъ. Чтобы какънибудь смягчить отказъ, атаманъ и старшины объявили Хованскому, что они не смѣютъ постановить никакого рѣшенія безъ совѣту съ верховыми городками. Была и другая причина шуму въ кругахъ: царь требовалъ выдачи извѣстнаго вора, Сеньки Буянка; Корнилъ Яковлевъ и другіе добрые козаки приговаривали выдать Буянка; но другіе козаки кричали Корнилу: «Повадился ты насъ къ Москвѣ возить, будто азовскихъ ясырей. будетъ съ тебя и той удачи, что Разина отвезъ; если Буянка отдать, то и по достальнаго козака присылки изъ Москвы ждать будетъ!»

Выступилъ въ кругу Родіонъ Калужанинъ и сталъ держать рѣчь: «Изъ-за одного человѣка вы повелѣнье великаго государя презираете. Вспомните, что̀ вы говорили, лежа въ камышѣ подъ каланчами? что надобно на еркѣ городъ построить, будетъ онъ Азову вмѣсто осады, а козакамъ на море будетъ путь свободный. По этимъ вашимъ словамъ, будучи на Москвѣ, я великому государю извѣстилъ; а теперь у васъ во всемъ стало непостоянно.» Флоръ Миняевъ поддакивалъ Родіону, и на обоихъ поднялись крики: «Вы этимъ выслуживаетесь, берете ковши да соболи, а Донъ раззоряете; тебя Фрола, растакую м...., на руку посадимъ, а другою раздавимъ!» Не слыхать было одного. атамана Михайлы Самаренина: хотя бы слово сказалъ и унялъ козаковъ!

Съ тѣхъ поръ козаки начали дурно обходиться съ государевыми ратными людьми, ругать ихъ мясниками, прибили и ограбили стрѣльца, а управы не дали.

Надобно было выбирать въ зимовую станицу для посылки въ Москву, какъ былъ обычай; выбрали Корнила Яковлева и дру-

гихъ козаковъ, которые отличались радѣньемъ къ государю. Корнилъ сказалъ, что онъ въ зимовой станицѣ не поѣдетъ: «Прежде я ѣзжалъ въ Москву и доносилъ великому государю вашу службу; а теперь, что́ я ему объявлю? что во всемъ вы ему не послушны?» Козаки зашумѣли: «Если ты не поѣдешь, кричали они, то мы тебя и съ пасынкомъ Родіономъ скуемъ, и какъ ты Разина возилъ, такъ и съ тобой сдѣлаемъ.» Послѣ этихъ угрозъ Корнилъ не посмѣлъ больше отказываться.—«Смотри ты въ Москвѣ немного говори, кричали ему козаки: говори одно, чтобы ратныхъ людей отъ насъ вывести, у насъ и безъ нихъ войска много!» Хованскому доносили, что во всѣхъ городкахъ по станичнымъ избамъ всѣ козаки собираются идти на государевыхъ ратныхъ людей и московскихъ стрѣльцовъ хотятъ побить, а городовымъ стрѣльцамъ дать волю; говорятъ: «Московскихъ стрѣльцовъ немного, а украйные стрѣльцы съ нами биться не будутъ. А если государь пришлетъ на Донъ рать большую, то мы замиримся съ Азовомъ и поднимемъ Крымъ; старшинъ, которые съ Разинымъ не были и государю доброхотуютъ, побьемъ, чтобы они въ Москву вѣстей не давали.» Доносили, что ратныхъ людей, которые бѣгутъ изъ полковъ, козаки уговариваютъ, чтобы остались съ ними, а у нихъ на весну всего будетъ много, и бѣглецы остаются на Дону. Во всѣхъ городкахъ козаки пустили молву, что стрѣльцамъ въ Москву идти не зачѣмъ: бояринъ Матвѣевъ за одного своего человѣка два приказа стрѣльцовъ велѣлъ порубить.

Когда на Дону узнали, что Хованскій послалъ съ этими вѣстями въ Москву, то къ нему явились старшины съ объясненіями: «Мы узнали, говорили они, что нѣкоторые пьяницы козаки въ верхнихъ городкахъ начали волноваться и непристойныя слова распускать, и ты, князь, писалъ объ этомъ государю: такъ мы тебя обнадеживаемъ, что у козаковъ въ нижнихъ городкахъ никакихъ злыхъ умысловъ нѣтъ и не бывало, государю по присягѣ служатъ и впередъ его наслѣдникамъ служить будутъ. А если козаки пьяницы въ верхнихъ городкахъ и побунтовались, то мы воровъ сыщемъ и казнимъ безъ пощады.»

ГЛАВА IV.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Сношенія съ Польшею послѣ Турецкаго нашествія. — Рознь литовскихъ сенаторовъ съ польскими по поводу мира съ Турками.—Поляки требуютъ отъ Москвы сильной помощи.—Литовскій гетманъ Пацъ совѣтуетъ не подавать этой помощи и обѣщаетъ поддаться со всею Литвою государю рускому. — Свидерскій, первый польскій резидентъ въ Москвѣ. — Стольникъ Тяпкинъ первый русскій резидентъ въ Варшавѣ.—Кончина короля Михаила.—Вопросъ объ избраніи царевича Ѳеодора Алексѣевича на польскій престолъ.—Условія избранія.—Переговоры о нихъ.—Затруднительное положеніе Тяпкина и его жалобы.—Королевскіе выборы.—Избраніе Яна Собѣскаго въ короли.—Разныя вѣсти о расположеніи новаго короля къ Москвѣ.—Посольство Венславскаго въ Москву.—Съѣзды уполномоченныхъ въ Андрусовѣ.—Поляки дѣлаютъ неудовольствія Тяпкину и стращаютъ его миромъ короля съ Турками.—Жалобы Тяпкина на продажность Поляковъ; онъ умоляетъ Матвѣева отозвать его.—Поѣздка резидента къ королю во Львовъ.—Сынъ Тяпкина польско-латинскою рѣчью благодаритъ короля за школьную науку.—Разговоры старика Тяпкина съ панами.—Злой отвѣтъ его гетману Пацу, смѣявшемуся надъ русскимъ войскомъ.—Обращеніе короля съ русскимъ резидентомъ.—Поведеніе Поляковъ по удаленіи непріятеля.—Сношенія царя Алексѣя съ Австріею, Швеціею, Даніею.—Мысль о заведеніи флота на Балтійскомъ морѣ.—Сношенія по этому поводу съ Курляндіею.—Сношенія съ Голландіею, Англіею, Франціею, Испаніею, Италіею.

Царское войско дѣйствовало на Днѣпрѣ и на Дону для исполненія договора, заключеннаго съ Польшею. Польское правительство во все это время требовало болѣе дѣятельной помощи, требовало соединенія русскихъ войскъ съ своими для дружнаго дѣйствія противъ Турокъ: но мы видѣли, какъ рѣшительно противился этому соединенію гетманъ Самойловичъ, да и вѣсти изъ Польши, какъ увидимъ, не могли заставить московское правитель-

ство дѣйствовать на перекоръ желанію гетмана и козачества малороссійскаго. Въ январѣ 1673 года, по донесенію гонца Протопопова, у короля былъ генеральный съѣздъ сенаторовъ и пословъ. Сенаторы коронные на радѣ говорили, чтобы нынѣшнею весною съ турецкимъ султаномъ войны не вести, а дать гарачъ (дань), потому что весна уже наступаетъ, а войска въ готовности нѣтъ; лучше, собравшись съ силами, выступить на другой годъ. Но литовскіе сенаторы говорили: «Если нынѣшнею весною противъ непріятеля не выступить и дать гарачъ, то онъ, взявъ гарачъ, по давнему своему бусурманскому замыслу, пойдетъ на царскую украйну, и тогда будетъ нарушенъ договоръ со стороны королевской; лучше гарачь употребить на заплату войску и выступить противъ непріятеля. Если вы коронные подлинно хотите поддаться бусурману, то объявите, а княжество литовское никогда подъ игомъ бусурманскимъ не бывало, и теперь не будетъ. Если мы у васъ не увидимъ вѣрной службы и старанія къ оборонѣ отчизны, то княжество литовское отдѣлится отъ короны и отъ бусурманской неволи освободится милостію царскаго величества, лучше быть подъ его самодержавною рукою, чѣмъ подъ игомъ бусурманскимъ.» Ханенко билъ челомъ въ подданство великому государю и говорилъ: «Объявилъ мнѣ гетманъ литовскій Михайла Пацъ, чтобы я отъ его стороны не отлучался, ибо въ коронѣ польской многіе сенаторы явились губителями отчизны и продавцами; отъ этой продажи корона польская приходитъ къ концу; если мы не увидимъ отъ Поляковъ искреннаго старанія о защитѣ отчизны, то будемъ просить великаго государя о принятіи насъ въ подданство.» Литовцы уже назначили двоихъ пословъ къ царю, Витепскаго воеводу Храповицкаго и Троцкаго воеводу Огинскаго.

Въ Москвѣ королевскій посланникъ Іеронимъ Камаръ въ тайномъ разговорѣ съ окольничимъ Матвѣевымъ и дьяками, объявилъ, что султанъ, напавши на Польшу внезапно, принудилъ короля къ тяжкому договору. Но, не смотря на всю тяжесть договора, король и Рѣчь Посполитая немогутъ его нарушить, не будучи обезпечены союзомъ сосѣднихъ державъ, при чемъ король надѣется всего больше на царское величество, и требуетъ его совѣта, сохранять ли миръ? если же нѣтъ, то требуетъ сильной помощи, по крайней мѣрѣ тысячь сорокъ войска съ добрыми воеводами и многочисленнымъ нарядомъ, потому что нельзя ждать

непріятеля къ себѣ, а надобно искать его въ его собственныхъ владѣніяхъ; надобно, чтобы король, предводительствуя войсками коронными, литовскими, доброжелательными козаками и посполитымъ рушеньемъ, соединился въ Валахіи съ войсками царскими и цесарскими: первыя вступятъ туда черезъ украйну, а вторыя черезъ Венгрію. Такъ изволилъ бы великій государь объявить число своего войска, число пушекъ, имена воеводъ, и чтобы войско это къ первымъ числамъ мая стояло уже на Волошской границѣ.

Матвѣевъ отвѣчалъ, что всѣ условія послѣдняго договора о помощи исполнены свято: Калмыки и Черкесы, по царскому указу, бьютъ хана, на Запорожье отправлены запасы и чайки, на Донъ посланъ думный дворянинъ Большого-Хитрово со многими знатными людьми, чтобы промышлять надъ Турками вмѣстѣ съ донскими и запорожскими козаками, морскимъ и сухимъ путемъ. Узнавши о взятіи Каменца, великій государь разослалъ гонцовъ своихъ ко всѣмъ окрестнымъ государямъ христіанскимъ, призывая ихъ къ союзу на Турокъ для помощи королевскому величеству; не дождавшись отъ нихъ отвѣта, не заключивъ съ ними договора, и неукрѣпившись присягою, царскому величеству нельзя подать помощи королю, кромѣ той, которая уже безпрестанно подается съ великими убытками для царской казны. Удивляемся мы, что ты спрашиваешь совѣта—сохранять ли договоръ съ султаномъ, тогда какъ существуетъ договоръ между царскимъ и королевскимъ величествомъ—одному государю безъ другаго не заключать мира ни съ султаномъ, ни съ ханомъ! Если же государь вашъ былъ къ этому договору принужденъ, то все же ему слѣдовало бы, до заключенія договора, какъ можно скорѣе обослаться съ царскимъ величествомъ; а то намъ, до твоего пріѣзда, не было никакой отъ васъ вѣсти о договорѣ, да и ты не привезъ намъ статей его. А намъ хорошо извѣстно, что въ договорѣ съ султаномъ между прочимъ постановлено, что украйна по старымъ рубежамъ остается за козаками; такой статьи вносить въ договоръ не годилось, потому что украйною по этой сторонѣ Днѣпра владѣетъ великій государь нашъ. А теперь спрашиваете—сохранять ли этотъ договоръ, или нѣтъ? Неужели это значитъ поступать побратски и попріятельски? Царскому величеству нельзя выслать своей рати, не дождавшись отвѣта отъ другихъ государей; нель-

зя и потому, что у короля и Рѣчи Посполитой съ первымъ сенаторомъ короны польской, Николаемъ Пражмовскимъ, архіепископомъ Гнѣзненскимъ да съ гетманомъ Собѣскимъ и съ другими сенаторами и шляхтою учинилось междоусобное несогласіе и до сихъ поръ не усмирено.

Весною поѣхалъ въ Польшу подъячій Возницынъ съ объясненіемъ, что царское величество разослалъ грамоты ко всѣмъ окрестнымъ государямъ съ приглашеніемъ вступиться за Польшу. Подканцлеръ литовскій Михаилъ Радзивилъ говорилъ Возницыну: «Донеси царскому величеству отъ имени королевскаго: Его королевское величество, вся корона польская и мы сенаторы обрѣтаемся въ доброй пріязни къ его царскому величеству; чтобы царское величество не вѣрилъ измѣннику гетману Пацу, который ссоритъ вашего государя съ нашимъ. Пацъ, изъ зависти, видя воинственнаго и такимъ фальшамъ неподатнаго государя, царскому величеству какъ будто вѣрность свою показываетъ, подданство обѣщаетъ и на вражду съ королемъ и короною польскою приводитъ. Пацъ не только желаетъ вражды между вашимъ и нашимъ государями, но и придалъ мужества непріятелю короны польской и всего христіанства: потому что Дорошенко, узнавши, что онъ отступилъ отъ короля изъ-подъ Бара съ нѣкоторыми хоругвями, далъ знать хану, что Литва вся отступила, и ханъ, по этой вѣсти, уже приближается къ нашимъ границамъ. Ханъ требуетъ, чтобы государь нашъ помирился съ султаномъ, уступивъ ему Украйну и Подолію и отворилъ путь въ государство московское; король отвѣчалъ на это, что ханъ, если хочетъ, пусть договаривается съ нимъ о мирѣ въ полѣ, а онъ, король, надѣется на добрую пріязнь царскаго величества и пути въ государство московское никогда не отворитъ. По разглашенію измѣнниковъ великій государь вашъ опасается соединить свои войска съ нашими противъ непріятелей Креста Св. Въ полки наши и въ государство царскіе воеводы присылаютъ для провѣдыванія вѣстей. Эти лазутчики, наслышась невѣдомо отъ кого неразумныхъ вѣстей, приносятъ ихъ въ московское государство: великій государь не вѣрилъ бы ни Литвѣ, ни этимъ вѣстовщикамъ, но ради Бога и своей безсмертной славы, умилосердился надъ всѣмъ христіанствомъ, а особенно надъ невинными душами нашего народа, изволилъ бы подать помощь королевскому величеству и соединить свои войска съ войсками Рѣчи Посполи-

той. Весь свѣтъ назоветъ его за это не только братомъ, но и отцемъ королевскому величеству, а мы бы за такую милость не стали на коммиссіяхъ много упоминать о городахъ нашихъ, находящихся теперь въ сторонѣ царскаго величества.» И гетманъ Пацъ говорилъ Возницыну: «Извѣсти ближнему боярину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву, чтобы царское величество изволилъ поскорѣе подать намъ помощь съ тылу на общаго непріятеля, потому что государству нашему приходитъ послѣднее разоренье; а я совсѣмъ войскомъ къ королю пойду, когда уже иначе быть не могло, а потомъ выдамъ универсалы и на посполитое рушенье; только безъ помощи вашихъ войскъ однимъ намъ такого сильнаго непріятеля не сдержать; а если великій государь войскамъ своимъ наступить съ тылу на погань не укажетъ, то намъ придется заключить миръ на всей волѣ турецкой, что и вашему государству будетъ не безопасно.»

Гонецъ подъячій Бурцовъ, бывшій лѣтомъ въ Польшѣ, привезъ вѣсти: король въ Варшавѣ не безопасенъ; сенаторы попрежнему поднимаются, короля почитать на хотятъ, бранятъ его, называютъ невоинственнымъ. Гетманъ Собѣскій, презирая королевскіе листы и посыльщиковъ, зовущихъ его въ Варшаву, не ѣдетъ. Кто противенъ королю, тѣ пріѣзда гетманскаго съ радостію ожидаютъ, кто за короля, тѣ не хотѣли бы и на свѣтѣ видѣть Собѣскаго. Епископъ волошскій и посолъ молдавскій были у Бурцова и говорили: «Присланы мы къ королю съ просьбою, чтобы поспѣшилъ походомъ, а наши государи въ союзѣ, и на готовѣ у нихъ войска 8000· еслибы только показались польскія войска, то мы бы со всѣми христіанами обратились на Турка. Но намъ здѣсь чинятъ проволоку, отвѣта никакого не даютъ, отговариваются отсутствіемъ гетмана Собѣскаго, всю силу полагаютъ въ немъ. Отъ такой задержки намъ можетъ быть бѣда, потому что посланы мы тайно, узнаютъ о томъ Турки, то не только насъ съ домашними смерти предадутъ, и самихъ господарей не пощадятъ. Видится намъ, что господа сенаторы не только насъ изъ-подъ ига басурманскаго не освободятъ, но и сами не хотятъ ли добровольно Турку поддаться. Еслибы мы жили такъ погранично съ государствами царскаго величества, и присланы были къ нему, то конечно отпускъ намъ былъ бы скорый и намѣреніе наше отъ царскаго престола отринуто не было.» Говоря это, епископъ и посолъ плакали. Въ

Вильнѣ гетманъ Михайла Пацъ объявилъ Бурцову иное, чѣмъ Возницыну: «Чтобы царское величество походъ свой на Турка удержать изволилъ, изволилъ бы оставаться въ Москвѣ, чтобы лишнихъ мыслей инымъ не прибывало. Чтобы войну съ Туркомъ около границъ кіевскихъ изволилъ вести и отпоръ давалъ черезъ бояръ. Чтобы не велѣлъ войскамъ своимъ переходить за Днѣстръ, чтобы такою стремительностію не облегчить Польши и не навлечь на себя большей тяжести. Чтобы царскія войска подъ Бѣлою Церковью или въ другихъ мѣстахъ съ войсками коронными не соединялись: а то лукавымъ не пришло бы въ голову сдѣлать также какъ подъ Чудновымъ. Чтобы царскія войска не наступали на Турокъ безъ задору съ ихъ стороны, а смотрѣли бы, что будетъ дѣлаться у коронныхъ? прямо ли станутъ оборонять отчизну свою отъ Турокъ? Чтобы царское величество изволилъ приказать въ пріемѣ Дорошенка наблюдать осторожность, потому что Дорошенко бьетъ челомъ и королю, а мы считамъ его другомъ Собѣскому. Я къ войнѣ на Турка готовлюсь, только литовскія войска съ коронными соединяться не будутъ. Если еще немного продлится непостоянство коронныхъ и нерадѣніе, то я со всею Литвою поддамся царскому величеству.»

Въ августѣ пріѣхалъ въ Москву отъ короля покоевый дворянинъ Павелъ Свидерскій съ небывалымъ характеромъ—резидента. «Я присланъ резидентомъ, объявилъ Свидерскій, для удобнѣйшей обсылки съ королевскимъ величествомъ, особенно теперь, когда король этотъ годъ будетъ находиться въ обозѣ, чтобы царское величество зналъ обо всѣхъ движеніяхъ короля и его войскъ, и наоборотъ, чтобы королевское величество зналъ обо всѣхъ намѣреніяхъ царскихъ. Еще давно, при договорахъ андрусовскихъ Ординъ-Нащокинъ предлагалъ установить резиденцію, для чего и почта была учреждена, и Тяпкинъ уже былъ назначенъ резидентомъ къ королю Яну Казимиру.» Свидерскій потребовалъ, чтобы ему былъ вольный доступъ къ царскому величеству, ко всѣмъ боярамъ, окольничимъ, воеводамъ и думнымъ людямъ, вольный разговоръ съ резидентами и послами окрестныхъ государствъ, чтобы ему давали овесъ, сѣно и дрова, столъ же будетъ имѣть на счетъ короля и Рѣчи Посполитой. Ему отвѣчали, что какъ скоро присланы къ нему будутъ отъ короля государственныя грамоты, то съ ними онъ будетъ имѣть доступъ къ царскому вели-

честву; съ боярами, окольничими и думными людьми, также съ иностранными послами и резидентами можетъ видаться, только прежде долженъ давать знать объ этомъ въ государственный посольскій приказъ.

Въ Варшаву резидентомъ отправился стольникъ и полковникъ Василій Михайловичъ Тяпкинъ, при немъ въ дворянахъ сынъ его жилецъ Иванъ, переводчикъ, подъячій, черный священникъ съ антиминсомъ и полною церковною службою и шесть человѣкъ стрѣльцовъ. На дорогѣ въ Смоленскѣ, 24 ноября Тяпкинъ узналъ о кончинѣ короля Михаила, далъ знать объ этомъ въ Москву и получилъ указъ — отправляться на мѣсто назначенія. Въ Оршѣ его остановили на основаніи предписанія пановъ радныхъ — не пропускать иностранныхъ пословъ въ Варшаву по случаю смерти королевской. Но Тяпкинъ, зная только указъ своего государя, отправился далѣе на своихъ подводахъ и безъ пристава. 30 января 1674 года въѣхалъ Тяпкинъ въ Варшаву, и чрезъ нѣсколько дней принесли ему сочиненіе на польскомъ языкѣ, разсуждавшее объ избраніи царевича Ѳеодора Алексѣевича на польскій престолъ. «Славные оба народа языкомъ и обычаями въ вѣрѣ мало рознятся, живутъ на одной землѣ, не раздѣлены моремъ и никакими неудобопроходимыми рубежами; по большей части сосѣди у нихъ общіе, и могли бы они стать необоримою стѣною христіанства противъ силы бусурманской, когда бы между собою заключили союзъ вѣчный. Союзъ этотъ можетъ быть заключенъ, если старшій сынъ царскій сдѣлается королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ. Потому указывается старшій сынъ, что царское величество, будучи еще въ цвѣтѣ лѣтъ, можетъ долго управлять своими государствами и воспитать меньшаго сына; а съ другой стороны нравы и обычаи отчизны нашей, особенно въ нынѣшнее время, требуютъ государя уже возрастнаго. Побужденія къ союзу: союзъ съ домомъ австрійскимъ, съ которымъ у царскаго величества давно уже дружба, можетъ быть еще болѣе скрѣпленъ супружествомъ царевича со вдовствующею королевою польскою, эрцгерцогинею австрійскою. Союзъ между тремя государствами поведетъ къ счастію и обогащенію подданныхъ посредствомъ свободной и безопасной торговли. Сосѣдямъ всѣмъ страхъ, особенно Турку. Открытый путь къ распространенію всѣхъ этихъ государствъ безъ взаимной обиды и ненависти. Помощь общая и

скорая. Надежда наслѣдства польскаго и литовскаго для потомства царевича: ибо хотя въ Польшѣ правленіе избирательное, однако не было еще примѣра, чтобы обходили сыновей королевскихъ, напротивъ отыскивали ихъ въ монастыряхъ и вымаливали у папы позволеніе возвести ихъ на престолъ. Освобожденіе греческихъ и славянскихъ народовъ изъ неволи бусурманской. Съ другой стороны, если царь несогласится на этотъ союзъ, то Поляки могутъ выбрать себѣ государя изъ дому французскаго; этотъ государь не будетъ друженъ ни съ цесаремъ, ни съ царемъ, потому что корона французская въ союзѣ съ султанами турецкими, также въ союзѣ съ королевствомъ шведскимъ.»

6 февраля Тяпкинъ отправился къ архіепископу-примасу въ присланной за нимъ каретѣ шестеркою; съ нимъ вмѣстѣ въ каретѣ съ лѣвой руки сидѣли приставъ и переводчикъ; передъ каретою верхомъ съ государевою грамотою ѣхалъ жилецъ Иванъ Тяпкинъ съ двумя подъячими, передъ грамотою ѣхали дворяне королевскіе 20 человѣкъ, а за каретою шли московскіе стрѣльцы съ бердышами и посланниковы люди. Первая встрѣча была у крыльца, у самой кареты, другая въ сѣняхъ, третья въ дверяхъ палатныхъ; при каждой встрѣчѣ говорили гостю: «Его милость яснооосвѣщенный арцыбискупъ васъ, его царскаго величества посланника, ожидаетъ съ любовію.» Самъ архіепископъ съ пятью сенаторами встрѣтилъ Тяпкина среди палаты. «Великій государь, началъ посланникъ, вамъ примасу и первому князю, и всѣмъ вамъ господамъ сенаторамъ и цѣлой Рѣчи Посполитой свою царскую милость обѣщаетъ на всякое время, и велѣлъ мнѣ васъ навѣстить и спросить о вашемъ здоровьѣ.» Архіепископъ и сенаторы стояли всѣ безъ шапокъ и слушали посольство со всякою учтивостію. Посланникъ поднесъ архіепископу грамоту великаго государя въ тафтѣ; тотъ, принявъ грамоту, спрашивалъ о здоровьѣ великаго государя, говорилъ рѣчь, именованье и титулъ по письму сполна. Когда Тяпкинъ отвѣтилъ, что царское величество въ добромъ здравіи, то примасъ спросилъ: «Великаго государя бояре и вся дума ихъ по здорову ль?»—«Бояре и всѣ думные люди въ благоденствіи и добромъ здравіи пребываютъ,» отвѣчалъ посланникъ. Слѣдовалъ спросъ о здоровьѣ и путешествіи самого посланника; когда Тяпкинъ отвѣтилъ. что «милостію Божіею и великаго государя жалованьемъ въ путномъ шествіи поводилось во

всемъ здраво и благополучно,» архіепископъ и сенаторы сѣли по мѣстамъ, велѣли сѣсть и посланнику среди палаты противъ архіепископа. Посидѣвши немного, посланникъ всталъ и объявилъ, что онъ присланъ резидентомъ, точно такъ какъ Свидерскій присланъ въ Москву. Канцлеру литовскому, Кристофу Пацу Тяпкинъ подалъ статьи, чтобы ему быть въ Варшавѣ въ такомъ же положеніи, въ какомъ Свидерскій находится въ Москвѣ: «Великій государь вашему резиденту позволилъ вольный доступъ къ себѣ, къ своимъ ближнимъ людямъ и къ иностраннымъ резидентамъ, конскій кормъ указалъ давать понедѣльно и дрова помѣсячно, по пяти четвертей московскихъ овса, да по пяти возовъ битыхъ сѣна на недѣлю, дровъ на мѣсяцъ по 20 возовъ; кромѣ того дано денежнаго жалованья на три недѣли съ пріѣзда его, по 70 рублей на недѣлю.»

Въ то же самое время въ Москвѣ посланникъ литовскаго гетмана Паца, Августинъ Константиновичъ подалъ Матвѣеву условія, на которыхъ царевичъ Ѳеодоръ можетъ быть избранъ въ короли польскіе: 1) принятіе католицизма; 2) вступленіе въ бракъ со вдовою покойнаго короля Михаила; 3) возвращеніе всѣхъ завоеваній; 4) соединеніе силъ противъ Турокъ и денежное вспоможеніе Польшѣ. Отвѣчалъ посланнику ближній бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій: «Великій государь сыну своему на коронѣ польской и великомъ княжествѣ литовскомъ быть не изволяетъ, а соизволяетъ быть государемъ самъ своею государскою особою въ православной христіанской вѣрѣ восточной церкви. Быть королю католикомъ—эта статья трудна съ обѣихъ сторонъ: на коронаціи у васъ король присягаетъ не притѣснять никого въ вѣрѣ, если же присягу нарушитъ, то этимъ подданныхъ отъ подданства увольняетъ, а если быть королю и греческой вѣры католикомъ, отъ этого между восточною церковію и западнымъ костеломъ преломленіе, чему никакимъ образомъ сдѣлаться нельзя.» Между греческою и римскою вѣрою, отвѣчалъ посланникъ, мало разницы; только въ королевствѣ польскомъ всегда бывали короли католики, точно такъ какъ и другіе окрестные государи держатъ также католическую вѣру, и объ этомъ можно договориться.»—«Станутъ духовные съѣзжаться для постановленія о вѣрѣ, пройдетъ много времени, сказалъ Долгорукій. Великій государь хочетъ быть государемъ польскимъ и литов-

скимъ въ греческой вѣрѣ, а Рѣчи Посполитой всѣ права и вольности подтверждаетъ. Что прежніе польскіе короли были католиками и что другіе окрестные государи католики, то не примѣръ; которые у великаго государя подданные римской, люторской, кальвинской, калмыцкой и другихъ вѣръ служатъ вѣрно, тѣмъ никакой тѣсноты въ вѣрѣ не дѣлается, за вѣрную службу жалуетъ ихъ великій государь.»—«Въ Польшѣ и Литвѣ никогда не бывало государей греческой вѣры,» повторялъ посланникъ.—«Бывали разныхъ вѣръ,» отвѣчали ему; самъ ты говорилъ, что между греческою и римскою вѣрою мало разницы, слѣдовательно государю греческой вѣры у васъ быть можно; можно быть и потому: въ послѣднемъ договорѣ съ султаномъ вы обязались давать ему гарачь, слѣдовательно сдѣлали его себѣ государемъ. Объ условіи, чтобы царевичъ вступилъ въ бракъ съ королевою говорить нечего, потому что королемъ хочетъ быть самъ государь. О возвращеніи завоеваній будетъ договоръ въ то время, какъ пріѣдутъ къ царскому величеству польскіе и литовскіе послы. Что же касается до вспоможенія казною, то до сихъ поръ войскамъ государевымъ, которыя помогаютъ коронѣ польской, розданы многія тысячи милліоновъ. Царское величество дѣлаетъ это теперь только для имени христіанскаго, а когда будетъ государемъ польскимъ и литовскимъ, тогда совѣсть понудитъ его оборонять своихъ подданныхъ какъ своими, такъ и чужеземными войсками. Всѣ доходы королевскіе государь велитъ собирать Рѣчи Посполитой на наемъ войскъ, а самъ будетъ довольствоваться своею царскою казною.» Константиновичъ былъ отпущенъ съ отвѣтомъ: «Великому государю не только для короны польской и великаго княжества литовскаго, но и для цѣлаго свѣта нельзя оставить благочестивой вѣры греческаго закона; быть у васъ государемъ царское величество изволяетъ самъ, а сына своего отпустить не соизволяетъ; слѣдовательно королевѣ замужъ выходить не за кого, а какъ ей жить, о томъ договорятся коммиссары съ обѣихъ сторонъ. Когда царское величество будетъ государемъ во всѣхъ трехъ государствахъ, то рубежей раздѣлять не для чего. Права ваши и вольности не будутъ нарушены, а при коронаціи сенаторы и вся Рѣчь Посполитая присягаютъ въ вѣрной службѣ и послушаніи; въ уряды ваши и маетности великій государь никогда вступаться не будетъ и никому не велитъ. Когда царское

величество будетъ вашимъ государемъ, тогда Польшу и Литву станетъ оборонять отъ всякихъ непріятелей своими ратными людьми, не требуя изъ скарбовъ коронныхъ и литовскихъ никакихъ податей; коронныя и литовскія войска должны помогать государевымъ ратнымъ людямъ на всякаго непріятеля ровнымъ числомъ на коронныхъ и литовскихъ проторяхъ, потому что великій государь никакихъ поборовъ и податей, которыя сбирывались въ казну королевскаго величества съ его экономіи, въ свою казну собирать не изволитъ, а укажетъ всякіе поборы и подати раздавать ратнымъ людямъ. Ты упоминалъ о дачѣ милліоновъ Рѣчи Посполитой: но великій государь владѣетъ своимъ Россійскимъ государствомъ и впредь его содержать можетъ по своему бодроопасному разуму безъ пріискиванія иныхъ государствъ куплею; такъ эту торговлю Рѣчь Посполитая оставила бы. Если Рѣчь Посполитая хочетъ имѣть у себя государя премудраго, благочестиваго, въ ратныхъ дѣлахъ искуснаго, многонароднаго, и всякими годностями въ Европѣ цвѣтущаго, то пусть обратится къ царскому величеству, пусть пришлетъ пословъ своихъ съ прошеніемъ, а государь отправитъ на елекцію своихъ пословъ съ полною мочью, которые и станутъ договариваться.»

Къ Тяпкину въ Варшаву посланъ былъ списокъ этихъ статей съ наказомъ: повидаться съ гетманомъ Пацомъ и говорить ему, чтобы онъ великому государю радѣнье свое показалъ, и свою братью пановъ и Рѣчь Посполитую приводилъ, чтобъ они избрали себѣ государемъ царское величество именно на этихъ статьяхъ.

4-го марта написанъ былъ этотъ наказъ Тяпкину, который между тѣмъ находился въ затруднительномъ положеніи, не получая никакихъ грамотъ изъ Москвы; 25 февраля онъ обратился съ жалобою къ Матвѣеву: «Милостивый государь отецъ и благодѣтель мой Артемонъ Сергѣевичъ! Преславши обыкновенное пренижайшее рабское мое поклоненіе, тебѣ, милостивому моему государю отъ Превышняго Господа Бога яко многолѣтнаго здравія, такъ и счастливаго и добропомысленнаго господствованія усердно тебѣ государю присно желаю. По своей, государь, велией ко мнѣ отеческой милости изволишь вѣдать: и я на службѣ великаго государя въ Варшавѣ за помощію Божіею и его государскимъ жалованьемъ и твоимъ свѣта и государя отца моего милостивымъ

заступленіемъ живъ до воли Вседержителя нашего; только никогда не могу безпечаленъ быти, понеже чрезъ многія почты не токмо вижу писанія, ниже слышу о твоемъ, государя моего, здравіи, котораго сердечно, любовною моею охотою радъ бы на всякъ часъ слышать и о немъ веселиться, яко неотмѣнный рабъ и желатель твоей, государя моего, милости. Понеже убо вся вещи ветхость снѣдаетъ, а благодѣянія же точію память во вѣки старѣтися не имать: сице же и у мене искушенная твоя, государя моего, отеческая благодать, ея же долженъ есмь въ сердцѣ моемъ имѣти, даже и до послѣдняго издыханія моего. Наипаче же о сиротствѣ моемъ съ плачемъ прошу твоей, государя моего, милости: чего бы ради такъ забвенъ есмь? яко николи же чрезъ многія почты неимамъ и на отписки и вѣстовыя письма мои изъ Минска и изъ Вильны и изъ Варшавы никакого государскаго указу по се число ко мнѣ не бывало, и ни единыя ни о чемъ вѣдомости не имѣлъ; а сенаторы, государь, безпрестанно спрашиваютъ, а наипаче о войскахъ его царскаго величества. Отъ нихъ только что услышу, а самъ во время безвѣстенъ пребываю, отъ чего и зазоръ себѣ не малый предъ другими резиденты имѣю, понеже ко всѣмъ чрезъ всякую почту письма доходятъ, а я уже въ Варшавѣ по се число живу четвертую недѣлю, ни о чемъ неслышу. Пожалуй, премилостивый государь отецъ мой и благодѣтель, не прогнѣвись на грубое письмо и прошенье мое, вели, государь, хотя малое что надлежитъ до вѣдомости мнѣ посылать чрезъ всякую почту. Пословъ безмѣрно на елекцію желаютъ, и говорятъ о томъ мнѣ, чтобы я къ тебѣ, государю, писалъ; а референдарь Литовскій, Павелъ Бростовскій съ великимъ прошеньемъ говорилъ мнѣ и велѣлъ къ тебѣ, государю, нарочно отписать, чтобы ты изволилъ съ нимъ дружество имѣть и любительнымъ письмомъ ссылаться, крѣпко, государь, желаетъ твоей пріятной милости и частаго писанья.»

Жалуясь, что не получаетъ извѣстій изъ Москвы, Тяпкинъ долженъ былъ жаловаться на Поляковъ, что не даютъ ему во время посылать писемъ въ Москву, и что трудно получить отъ нихъ правдивыя извѣстія: «Варшавскій *почтомайстеръ* двѣ почты, не сказавъ мнѣ, отпустилъ (жаловался резидентъ Матвѣеву): сказалъ намъ, что отпустится почта въ среду; я изготовилъ письма и послалъ въ среду рано къ почтомайстеру, а онъ уже почту

отпустилъ еще въ понедѣльникъ! Все это они дѣлаютъ для своихъ лакомыхъ подарковъ, которыхъ много надобно въ годъ, если придется всѣхъ дарить. Думаю, что ихъ резидентъ не очень много передарилъ нашихъ; а здѣсь услужитъ какимъ-нибудь пустякомъ, пустую вѣстишку принесетъ и уже смотритъ, чтобъ ему дали: такихъ лакомыхъ и лживыхъ людей и между погаными трудно найти. Я не только варшавскому, но и минскому, и виленскому почтомайстеру добрые подарки далъ, чтобы только писемъ нашихъ не задерживали; также и отъ другихъ людей, что куплю, то и провѣдаю, и Богъ вѣсть, какъ впередъ жить будетъ съ такими лакомцами.» Тяпкинъ жаловался, что ему даютъ мало денегъ на дрова и конскій кормъ, который въ Варшавѣ гораздо дороже, чѣмъ въ Москвѣ, именно давали по четыре рубля въ недѣлю. Свидерскій въ Москвѣ имѣлъ у Матвѣева два дня въ недѣлю— воскресенье и среду, а Тяпкину литовскій канцлеръ Пацъ назначилъ только одинъ разъ въ недѣлю, въ воскресенье послѣ обѣда; Тяпкинъ потребовалъ у Паца, чтобъ позволено ему было посылать въ ихъ канцелярію переводчика и подъячихъ для провѣдыванія вѣстей, также чтобы присылали къ нему *авизы* для прочтенія; но Пацъ отвѣчалъ, что у нихъ канцеляріи нѣтъ и авизовъ никакихъ не бываетъ, а если нужно будетъ резидента о чемъ увѣдомить, то это будетъ сдѣлано во время пріѣзда его къ канцлеру въ воскресенье, въ случаѣ же крайней необходимости канцлеръ за нимъ пришлетъ нарочно.» Поэтому, государь, и людей Свидерскаго не надобно пускать въ посольскій приказъ, писалъ Тяпкинъ Матвѣеву. Отнюдь нималаго пріятства отъ канцлера себѣ, кромѣ гордости не имѣю. Только архіепископъ зѣло человѣкъ благоувѣтливъ, учтивъ и низокъ; также и гетманъ Литовскій Пацъ и маршалокъ Литовскій Полубенскій ласковы мнѣ явились, обсылали меня кормомъ, овощами и питьемъ.» Жалобы не прерывались: «Житье наше въ Варшавѣ яко единымъ отъ убогихъ: никакого призрѣнія и почтенія не имѣемъ; противъ господина Свидерскаго и вполовину не дано; развѣ впередъ намъ лучше станетъ, когда король будетъ, а теперь очень мы имъ непотребны, только потому отказать не смѣютъ, что ихъ резидентъ въ Москвѣ живетъ, боятся того, что Заднѣпровская сторона становится подъ скипетръ великаго государя. Канцлеръ говорилъ мнѣ, чтобы князь Григ. Григ. Ромодановскій соблюдалъ большую осто-

рожность насчетъ гетмана Самойловича: Дорошенко пишетъ къ нему такія письма: «Мы другъ съ другомъ будемъ биться такъ, чтобы у насъ обоихъ войска были въ цѣлости; у меня протекторъ турскій султанъ, а у тебя заступникъ царь, и если наши войска будутъ въ цѣлости, то мы отъ государей своихъ въ большой чести и милости будемъ. Лучше было бы, еслибы царское величество велѣлъ всѣмъ войскамъ дѣйствовать вмѣстѣ съ нашими.»

Получивъ изъ Москвы статьи на счетъ королевскаго избранія, Тяпкинъ отправился съ ними къ гетману Пацу. Тотъ отвѣчалъ: «Я, желая прислужиться царскому величеству, вмѣстѣ съ литовскими сенаторами, воеводою Троцкимъ Огинскимъ, маршалкомъ Полубенскимъ, референдаремъ Бростовскимъ, Виленскимъ каштеляномъ Котовичемъ, радѣлъ всѣми силами, чтобы быть королемъ царевичу Θеодору Алексѣевичу, и канцлера литовскаго Кристофа Паца привелъ было на тоже доброе желаніе. Еслибы царское величество позволилъ сыну своему быть католикомъ по нашему древнему праву, то мы бы, оставя всѣхъ другихъ государей, выбрали царевича. Но въ статьяхъ, привезенныхъ Константиновичемъ отъ бояръ, объявлено, что быть королемъ самому царскому величеству; этого намъ сдѣлать нельзя, нельзя оставить королеву безъ супружества; но, что важнѣе, объявлено, что великій государь и для пріобрѣтенія цѣлаго свѣта католикомъ не сдѣлается; объ этомъ намъ нельзя объявить панамъ польскимъ, да и некогда было говорить, потому что сеймики въ Литвѣ и коронѣ всѣ кончились, и предложить это дѣло некому, а безъ предложенія шляхтѣ на сеймикахъ нельзя начинать дѣло.»

Въ апрѣлѣ начались выборы. Послы папскій и цесарскій хлопотали за герцога Лотарингскаго. 28 апрѣля въ колѣ рыцарскомъ держали рѣчь послы волынскіе, объявили, что они впередъ никакихъ податей въ казну королевскую платить не будутъ, потому что воеводы московскіе разослали универсалы по всей волынской землѣ и Подоліи, запрещаютъ давать подати въ казну королевскую; а войска царскія приближаются уже къ Полѣсью, Заславлю, Острогу, и догадываются они, нѣтъ ли соглашенія у царя съ султаномъ, чтобы заодно промышлять надъ польскимъ государствомъ. Многіе паны коронные говорили: «Во столько лѣтъ черезъ посольскіе договоры не могли мы вытребовать у царя

Кіева, а теперь еще труднѣе стало, когда всю украйну царь отобралъ. Польскіе паны начали винить въ этомъ Литву; тутъ вмѣшался въ ихъ рѣчи посолъ цесарскій и спросилъ у коронныхъ: «Вѣдь украйна оставалась въ вашихъ рукахъ?» и, услыхавъ отвѣтъ, что украйна съ Дорошенкомъ поддалась султану, сказалъ: «За что же вы сердитесь? лучше пусть владѣетъ ею государь христіанскій и вашъ союзникъ!» Троцкій воевода Огинскій говорилъ также въ защиту царя: «Трудно на васъ угодить, господа коронные! въ прежніе годы, когда царь не давалъ вовсе помощи противъ Татаръ, то вы съ сердцемъ говорили, что онъ поступаетъ не по договору; а теперь, когда царь сталъ помогать и всю украйну изъ-подъ султанскаго подданства освободилъ, сердитесь и говорите, что онъ всю украйну отъ васъ отобралъ!»

8 мая провозглашенъ былъ королемъ великій гетманъ коронный Янъ Собѣскій. 11 мая, по требованію Троцкаго воеводы Огинскаго, Тяпкинъ послалъ къ нему переводчика Лаврецкаго, и воевода говорилъ: «Писали мы къ царскому величеству, просили себѣ въ короли царевича Ѳеодора Алексѣевича; удивительно намъ, почему царское величество не изволилъ исполнить наше желаніе. А теперь своею силою, посулами и тайнымъ сговоромъ подканцлера литовскаго Радзивила и всѣхъ Сапѣговъ, которымъ многія сотни тысячъ золотыхъ роздалъ, сталъ королемъ гетманъ Янъ Собѣскій. И хотя гетманъ Михайла Пацъ, и канцлеръ, и я, и другіе паны литовскіе противились этому и стояли крѣпко отъ самаго избранія его, съ 8 мая до 11-го, только теперь пришлось и намъ позволить по неволѣ, а тайно конечно будемъ радѣть, чтобы его какою ни есть смертію извести, и есть на то хорошіе способы. Собѣскій намъ потому нелюбъ, что онъ великій непріятель московскому государству, и, надобно думать, что помирится съ султаномъ сейчасъ же; хочетъ онъ пустить Турокъ на цесаря войною, чтобы отвлечь его отъ Франціи, а самому съ отрядомъ турецкаго войска и съ Крымомъ идти непремѣнно на московское государство. Но если онъ обнаружитъ намѣреніе разорвать миръ съ царскимъ величествомъ, то мы, литовскіе никакъ этого не позволимъ, если же возьмутъ силу коронные, то пусть будетъ извѣстно царскому величеству, что мы, пріѣхавши въ Литву, всѣми силами станемъ радѣть, будемъ приводить всю шляхту литовскую на сеймикахъ по повѣтамъ и по воеводствамъ, чтобы

на войну съ московскимъ государствомъ не давали никакихъ податей, ни войска ни одного человѣка. Думаю, что мы со всею Литвою, совсѣмъ отложимся отъ коронныхъ и приклонимся къ царскому величеству, усмотря время. Хотя мы теперь по неволѣ и позволили быть королемъ Яну Собѣскому, потому что онъ многихъ коронныхъ и литовскихъ пановъ задарилъ, а иныхъ застращалъ, приведши подъ Варшаву войско коронное: однако мы его впредь королемъ имѣть не будемъ.» Огинскій плакалъ, цѣловалъ крестъ: «Отнюдь, говорилъ онъ, Литва не хочетъ воевать съ царскимъ величествомъ; пусть великій государь велитъ своимъ войскамъ поступать осторожно на Украйнѣ, если случится быть вмѣстѣ съ войсками коронными; а теперь бы изволилъ явить къ королю свою милость, не показывалъ бы ни въ чемъ жесточи, наблюдая, что впередъ отъ короля и отъ коронныхъ объявится, и если что объявится, то царскаго величества рати должны быть на рубежѣ литовскомъ: и этимъ страхъ большой разглаеится по всей Литвѣ, и станетъ Литва отговариваться и помощи не дастъ. Во всѣхъ этихъ и въ другихъ своихъ дѣлахъ указалъ бы государь тайно ссылаться и промышлять съ гетманомъ Михаиломъ Пацомъ и со мною, не довѣряя другимъ.»

Иное говорилъ Тяпкину подканцлеръ литовскій князь Михаилъ Радзивилъ: «Нынѣшній король во многихъ случаяхъ былъ желателенъ къ царскому величеству: такъ, когда коронные гетманы отдали въ Крымъ боярина Василья Борисовича Шереметева, то онъ сильно противился этому несправедливому поступку, говорилъ, что они это дѣлаютъ не по христіанскому обычаю. А теперь, получивши корону, онъ еще больше желаетъ дружбы и любви съ царскимъ величествомъ. Напишите къ великому государю, чтобы онъ имѣлъ съ королемъ нашимъ истинную дружбу и никакимъ ссорамъ не вѣрилъ, чтобы, какъ въ прошломъ году, такъ и теперь, велѣлъ своимъ ратнымъ людямъ промышлять надъ Крымомъ и надъ Азовомъ и тѣмъ отвести Татаръ отъ помощи войскамъ турецкимъ, да и противъ Турокъ велѣлъ бы своимъ полкамъ съ польскими и литовскими войсками сближаться и за одно стоять.»

Узнавши, что король отложилъ коронацію и готовится выступить въ походъ, Тяпкинъ обратился къ литовскому канцлеру съ требованіемъ, чтобы ему позволено было быть на резиденціи при

королѣ въ обозѣ.—«Старый у насъ обычай, отвѣчалъ канцлеръ, что послы и резиденты ни только что въ обозъ съ королемъ, и никуда изъ Варшавы не ѣзжали.» Донося объ этомъ отвѣтѣ Матвѣеву, Тяпкинъ писалъ: «Трехдневнаго корма по сіе время мнѣ не выдавали, ей, до конца изпроѣлись, и что было государскаго жалованья, рухляди, все издержали, а впередъ, Богъ вѣсть, какъ буду жить? А если королевское величество насъ съ собою не возьметъ, то не знаю, какой толкъ въ моей резиденціи будетъ.»

Московскому резиденту долго пришлось дожидаться кормовыхъ денегъ: денегъ не было въ казнѣ королевской, послали занимать ихъ въ Данцигъ, повезли королевскіе брилліанты въ закладъ. Безъ денегъ нельзя было выступить въ походъ. Въ предстоящей страшной войнѣ съ Турками была помощь только съ одной стороны—московской. Сначала въ Варшавѣ сильно безпокоились — какъ взглянутъ въ Москвѣ на избраніе Собѣскаго? безпокоились, что долго не приходила поздравительная грамота отъ царя новому королю; наконецъ грамота пришла, и 11 іюля Тяпкинъ поднесъ ее королю. Подканцлеръ коронный Ольшевскій, епископъ Хельминскій, въ тайномъ разговорѣ клялся резиденту, что король желаетъ съ царемъ истинной братской дружбы и соединенія силъ противъ Турокъ и Татаръ: «Если это соединеніе послѣдуетъ, говорилъ епископъ, то силами обоихъ народовъ навѣрное прогонимъ Турка до Дуная, потому что мы уже знаемъ, какъ въ битвахъ съ Турками промышлять, только бы при нихъ не было Татаръ, которые нашему народу всегда тяжки. А христіанскіе народы, живущіе по Дунаю, Волохи, Сербы, Молдаване, Славяне какъ скоро заслышатъ, что царскія войска соединялись съ польскими, то сейчасъ же пристанутъ къ нимъ, особенно къ людямъ царскаго величества; они всякими способами провѣдываютъ, тайно и явно, какъ бы имъ далъ Богъ, чтобы царское величество съ королевскимъ были въ братской дружбѣ и соединеніи, и тогда немедленно поддадутся обоимъ великимъ государямъ, потому что единовѣрные они христіане не только съ народомъ московскимъ, но и съ нами, римскими католиками, и хотя есть между нами въ вѣрѣ какое различіе, то несогласія эти произошли отъ гордости папы и греческихъ патріарховъ. Если же войска обоихъ народовъ Задунайскія земли у Турокъ отобьютъ, то этимъ самымъ получатъ способъ къ вѣчному покою.»

Новичка въ дѣлѣ, Тяпкина сильно смущало разногласіе сужденій о королѣ Янѣ и его намѣреніяхъ: «Дивные здѣсь въ народѣ голоса! одни королевское величество очень благодарятъ, ставятъ такимъ мудрымъ и въ воинскихъ дѣлахъ искуснымъ, какого отъ двухъ сотъ лѣтъ у нихъ не бывало. Другіе считаютъ его хитрымъ и лукавымъ, склоннымъ къ поганымъ. Одни утверждаютъ, что идетъ онъ въ обозъ на оборону Рѣчи Посполитой, будто непремѣнно хочетъ, соединясь съ войсками царскаго величества, сообща стать противъ бусурманъ. Другіе говорятъ, что идетъ въ обозъ нарочно, чтобъ ему ближе было съ Туркомъ и крымскимъ ссылаться, чтобъ украйну имъ всю отдать, а себѣ Каменецъ и другіе края завоеванные возвратить, а потомъ вмѣстѣ съ Турками и Татарами идти на государство московское. Одинъ Богъ вѣсть, кому изъ нихъ вѣрить? Солдаты, которые долго служатъ, а жалованья не получаютъ, приходятъ и явно говорятъ: еслибы вѣрное царское слово въ нашъ войсковой народъ было пущено, что царское величество жалуетъ насъ и заслуженныя деньги обѣщаетъ заплатить вскорѣ, то не только литовскіе, и коронные всѣ пристанутъ и будутъ ему государю служить противъ всякаго недруга. Староста Сахновскій, бывшій въ Москвѣ, брался уговорить войско перейти на царскую сторону.»

12 августа выѣхалъ король изъ Варшавы къ войску; кромѣ придворныхъ урядниковъ изъ сенаторовъ никто съ нимъ не поѣхалъ, разъѣхались всѣ по маетностямъ. Въ Варшавѣ остался подскарбій коронный Морштейнъ — врагъ государству Россійскому: «Караула у меня на дворѣ нѣтъ, писалъ Тяпкинъ, а воровство и убійство безпрестанныя: боюсь, чтобы не обокрали или не разбили; живу безъ дѣла, испроѣлся и одолжалъ.»

Но московскаго резидента ждали еще бо́льшія непріятности, когда въ Варшавѣ узнали объ успѣхахъ Турокъ въ украйнѣ, о переходѣ Ромодановскаго и Самойловича назадъ на восточную сторону Днѣпра: «Сильно на насъ злобятся вертоглавы бѣсовскіе, которые французскою завистію заражены и лакомствомъ задавлены», писалъ Тяпкинъ. Когда онъ послалъ подъячаго къ Морштейну съ вопросомъ, нѣтъ ли какихъ вѣстей изъ украйны? то подскарбій велѣлъ отвѣчать ему: «Вѣстей у насъ никакихъ нѣтъ, только Москва ваша утекла за Днѣпръ позорно, никѣмъ не гонимая, турецкихъ войскъ не видавши, пушки всѣ погубила и боль-

ше 10,000 войска потопила, хорошо бы, еслибы и вся пропала!»—«Живя въ Варшавѣ, продолжалъ жаловаться Тяпкинъ, я всякія вѣдомости покупаю дорогою цѣною; которые были со мною въ дружбѣ, и тѣ уже начинають отказывать, хотятъ награжденія, говорятъ не стыдясь, что они вѣдомости сами покупаютъ дорогою цѣною, рискуютъ и здоровьемъ, навлекая подозрѣніе. Аврамъ Сокольскій, староста Сахновскій очень доброхотенъ, вѣры благочестивой, во всемъ съ радостію царскому величеству служить хочетъ: радъ бы, говоритъ, поѣхать и къ границамъ для провѣдыванія, да нечѣмъ подняться! проситъ жалованья; а Сахновскій этотъ очень способенъ и достовѣренъ. А что къ митрополиту винницкому Антонію послано чрезъ того же Аврама большое жалованье, то отъ него не слыхать никакого доброхотства, не пишетъ ко мнѣ ничего.»

Единственною цѣлію сношеній польскаго правительства съ русскимъ въ это тяжелое для Польши время было убѣдить царя подать болѣе дѣятельную помощь въ войнѣ Турецкой, соединить свои войска съ войсками королевскими. Не довольствовались заявленіемъ этого желанія резиденту русскому, и въ сентябрѣ прислали въ Москву извѣстнаго уже здѣсь Самуила Венславскаго. Посланникъ по обычаю, привѣтствовать великаго государя пышною рѣчью; поздравляя съ новымъ (сентябрьскимъ) годомъ отъ имени польскихъ и литовскихъ народовъ, желалъ, чтобы Алексѣй Михайловичъ побѣдами, долголѣтіемъ, изяществомъ равенъ былъ Казиміру III-му и Сигизмунду I-му, слылъ бы у государей христіанскихъ миротворцемъ, уподобился бы счастіемъ Гераклію, долгоденствіемъ Юстиніану, воскресилъ бы память Карла Великаго: какъ тотъ на западѣ, такъ бы теперь царь на востокѣ, вмѣстѣ съ королемъ польскимъ, поддержалъ падающую корону цесарскую.

На объявленіе стараго требованія о соединеніи войскъ, Матвѣевъ отвѣчалъ Венславскому, что Турки побили царскія войска въ Ладыжинѣ, а войска коронныя и литовскія съ тылу на непріятеля не пошли, чѣмъ возбуждено сомнѣніе въ царскомъ величествѣ. Еслибы въ то время, какъ непріятель вошелъ въ украйну, король со всѣмъ своимъ войскомъ двинулся на него, то царскія войска, бывшія въ тоже время на украйнѣ, непремѣнно бы соединились съ польскими; но король сдѣлать этого не захотѣлъ, и Турки опустошили украйну; за этою пустотою царскимъ вой-

скамъ нельзя идти впередъ на ту сторону Днѣпра, хотя они всегда стоятъ въ готовности. Король желаетъ соединенія силъ, когда войска турецкія обратились въ его сторону, а какъ непріятель былъ на украйнѣ, то Поляки на него не шли. Царскія войска хотя и истомились, однако стоятъ въ готовности на украйнѣ, а королевскихъ войскъ и теперь на украйнѣ нѣтъ: такъ какъ же соединиться войскамъ? Король послалъ тебя сюда, зная навѣрное что Турки идутъ въ украйну, а самъ за ними не пошелъ.—«Король былъ обнадеженъ: ханъ присылалъ ему сказать, чтобы войска польскія не двигались», сказалъ Венславскій.—«Мы только еще подозрѣвали, а теперь выходитъ прямо, что король хана послушалъ; ясно, что войска непріятельскія приходили на украйну съ королевскаго совѣта!» возразилъ Матвѣевъ. Венславскій: «Если непріятель изъ украйны уже вышелъ, то пусть царскія войска хотя перейдутъ на другую сторону Днѣпра.» Матвѣевъ: «До весны наши войска будутъ на этой сторонѣ; а на весну какое непріятельское намѣреніе будетъ, въ то время оба великіе государи станутъ между собою ссылаться. Что же касается до общаго мира съ Турками, то царское величество на миръ согласенъ, только былъ бы онъ прибыленъ обоимъ великимъ государямъ.»

Въ грамотѣ, отправленной съ Венславскимъ къ королю, царь писалъ, что соединеніе войскъ за осеннимъ и наступающимъ зимнимъ временемъ невозможно: «Ваше королевское величество желаете теперь соединенія войскъ, видя, что такая великая сила бусурманская въ государства ваши валится; а еслибы бусурманскія войска въ государства ваши не обратились, то, надобно думать, вы бы этого соединенія силъ и не пожелали. Однако мы своимъ войскамъ, какъ они ни истомились, по домамъ расходиться не велѣли, приказали имъ стоять на отпоръ непріятелю и пошлемъ къ нимъ на помощь многихъ людей. Мы вамъ помогать готовы, только бы ваше королевское величество съ чинами Рѣчи Посполитой и великаго княжества литовскаго изволили сложить сеймъ вольный и постановить, какъ непріятелю сообща отпоръ дѣлать, чтобы это постановленіе было крѣпко и постоянно, а не такъ бы, какъ теперь со стороны вашего королевскаго величества дѣлается: кто хочетъ, тотъ противъ непріятеля и идетъ.»

Уполномоченнымъ, отправленнымъ на новые андрусовскіе съѣзды, двоимъ князьямъ, Одоевскимъ, боярину князю Никитѣ Ива-

новичу и стольнику князю Юрію Михайловичу съ товарищами, былъ данъ наказъ: о соединеніи силъ коммиссарамъ отказать, и въ договоры не вступать. Но польскіе коммиссары Марціанъ Огинскій, воевода Троцкій и Антоній Храповицкій, воевода Витепскій съ товарищами грозили, что если соединенія силъ не произойдетъ, то Поляки по неволѣ должны будутъ заключить миръ съ Турками. На счетъ вѣчнаго мира согласиться не могли, потому что коммиссары не хотѣли уступить Москвѣ въ вѣчное владѣніе тѣхъ городовъ, которые уступлены были ей по перемирію; объ увеличеніи лѣтъ перемирія они не хотѣли говорить безъ договора о соединеніи силъ. «Если, говорили коммиссары, соединеніе силъ не послѣдуетъ и Кіевъ не будетъ отданъ, то мы его саблями станемъ отыскивать; у насъ теперь государь воинственный, который не только Кіевъ, но и другіе города отыскивать будетъ; можетъ онъ оборониться отъ непріятеля и безъ царской помощи!» По этому случаю Алексѣй Михайловичъ написалъ Собѣскому: «Великіе послы съѣзжаются для умноженія братской дружбы между ихъ государями, а не для угрозъ; неприлично стращать мечемъ того, который и самъ, за помощію Божіею, мечь въ рукахъ держитъ: въ томъ свидѣтельствуетъ прошлая война. О Кіевѣ вашимъ коммиссарамъ говорить не годилось! Кіевъ задержанъ за многія и неизсчетныя съ вашей стороны намъ безчестья и досады въ припискахъ нашего имени и титула и въ печатныхъ книгахъ: въ грамотахъ, отправленныхъ изъ вашей канцеляріи, пишутъ меня Михаиломъ Алексѣевичемъ! Кіевъ задержанъ также за несчетные убытки при вспоможеніи вашему королевскому величеству противъ султана и хана крымскаго. Вы отдали султану украйну, въ которой и Кіевъ: такъ можно ли послѣ того вамъ отдать Кіевъ?» Андрусовскіе переговоры тянулись съ половины сентября до конца декабря и кончились ничѣмъ, а между тѣмъ Собѣскій въ своихъ грамотахъ не переставалъ умолять царя о немедленномъ вспоможеніи, увѣдомляя о своихъ успѣхахъ, выставляя, что теперь самое удобное время ударить сообща на врага и очистить страны придунайскія.

8-го декабря пріѣхалъ въ Варшаву съ царскою грамотою подъячій Тимоѳеевъ, велѣно ему отдать грамоту королю непремѣнно при резидентѣ Тяпкинѣ. Тяпкинъ отправился къ канцлеру Пацу, объявилъ царскій указъ и потребовалъ, чтобы отпустили ихъ

немедленно съ Тимоѳеевымъ въ обозъ королевскій. «Въ опасной грамотѣ, отвѣчалъ Пацъ, написанъ одинъ подъячій, а резидентова имени нѣтъ: подъячему и будетъ отпускъ безъ задержки, а тебѣ ѣхать съ нимъ невозможно: по обычаю польскому всѣ резиденты обязаны жить въ столицѣ.» «Присланъ особый царскій указъ, чтобы мнѣ ѣхать съ подъячимъ,» возражалъ Тяпкинъ. «Вольно царскому величеству указъ свой присылать о чемъ ему угодно, отвѣчалъ Пацъ: только удивительно, для чего въ опасной грамотѣ о твоемъ отпускѣ ничего не упомянуто! Отпустить тебя нельзя, потому что недавно король прислалъ указъ: если царское величество выступитъ изъ Москвы съ войсками въ Путивль, какъ объявлено королю, и если резидентъ королевскій будетъ въ этомъ походѣ, то пусть и Тяпкинъ ѣдитъ въ обозъ королевскій; если же царское величество и резидентъ польскій останутся въ Москвѣ, то и Тяпкинъ долженъ оставаться въ Варшавѣ.»

Положили, что канцлеръ спишется съ королемъ, а Тимоѳеевъ будетъ ждать въ Варшавѣ отвѣта. Въ этомъ ожиданіи онъ успѣлъ поссориться съ резидентомъ: пріѣхавшіе съ нимъ приставъ посольскаго приказа Репьевъ и двое Смоленскихъ рейтаръ стали ходить по корчмамъ и, напившись, стали бросаться ночью на Поляковъ съ саблями и ножами, стаскивали платье, отнимали деньги; караулъ схватилъ буяновъ и съ уликою, съ обнаженными саблями и пограбленными вещами прямо препроводилъ къ Тяпкину, потому что они назвались людьми русскаго резидента. На другой день литовскій канцлеръ и варшавскій губернаторъ прислали къ Тяпкину съ выговорами и требованіемъ расправы съ виноватыми. Тяпкинъ препроводилъ ихъ къ Тимоѳееву, чтобы расправился съ ними тотъ. Но подъячій принялъ сторону пристава и рейтаръ, сталъ бранить Тяпкина при всѣхъ русскихъ людяхъ, называлъ коварникомъ, и Тяпкинъ послалъ на него жалобу государю.

15-го февраля 1675 года Тимоѳеевъ отправился къ королю одинъ—Тяпкина не пустили, а стали стращать его миромъ короля съ Турками, которые послѣ того пойдутъ на московское государство. Пріѣзжалъ къ Тяпкину Венявскій, довѣренный человѣкъ у короля и подъ великою клятвою разсказывалъ, что король хочетъ двинуться ко Львову не для сейма и не для коронаціи, а для заключенія мира съ Турками, Татарами и Дорошенкомъ, потому что бусурманы обѣщаютъ возвратить королю всѣ завое-

ванія, но съ тѣмъ, чтобы король пропустилъ чрезъ свои владѣнія турецкое и татарское войско въ московское государство. Магометане казанскіе, астраханскіе, сибирскіе и даже живущіе въ самой Москвѣ слезно просятъ султана, чтобы онъ какъ Богъ ихъ и царь, избавилъ ихъ изъ работы христіанской, обѣщаютъ, что какъ скоро почуютъ пришествіе рати турецкой и татарской въ московское государство, то немедленно и единодушно встанутъ на него. Но если, закончилъ Венявскій обычнымъ припѣвомъ,' если царское величество дастъ на весну помощь королю войсками, то никакихъ трактатовъ съ Туркомъ не будетъ.» Тимоѳеева отпустили не прежде, какъ онъ обѣщалъ подскарбію соболей на 30 рублей; поэтому случаю Тяпкинъ писалъ Матвѣеву: «Такое наше здѣсь житье, что и въ самыхъ постановленныхъ между государствами дѣлахъ безъ купли обойтись трудно»! Попрежнему Тяпкинъ жалуется, что трудно достать ему правдивыхъ вѣдомостей, потому что «много составныхъ проектовъ разсѣваютъ каждый по своему желанію, чрезъ обычные свои вертоглавные концепты. Кручинятся и нарекаютъ безпрестанно, что помощи не получаютъ отъ царскаго величества, а того будто не видятъ, что сами между собою перегрызлись и разбрелись врозь; войско Литовское лежитъ на хлѣбѣ въ пяти стахъ верстахъ отъ Браславля: думаю, что оно на помощь къ королю на завтрашній день не поспѣетъ.» Дѣйствительно старый врагъ Собѣскаго, гетманъ Литовскій Михаилъ Пацъ отступилъ съ своимъ войскомъ отъ коронныхъ полковъ; старшій братъ гетмана, стражникъ Литовскій Бонифацій Пацъ объяснялъ Тяпкину это отсутствіе тѣмъ, что король хочетъ помириться съ Турками и вмѣстѣ съ ними обратиться или на Москву или на императора, но что Пацъ и вся Литва отнюдь этого не позволятъ. Пацъ жаловался, что король самовластвуетъ, паны радные только и слышатъ отъ него: «ваше дѣло передо мною стоять, слушать и исполнять то, что я приказываю.» «Польскіе сенаторы, говорилъ Пацъ, привыкли, чтобы государь обо всемъ ихъ спрашивался, ихъ слушалъ, что ему нужно домогался съ прошеніемъ, а этотъ не такъ поступаетъ. Избраніе царевича теперь могло бы легко совершиться, пока Собѣскій не коронованъ.»

Тяпкинъ не переставалъ тревожить государя слухами, что московскому государству предстоитъ большая опасность: француз-

скій король употребляетъ всѣ средства, чтобы примирить Польшу съ Турціею и весною двинуть ихъ на Москву, а Швеція союзница Франціи: «поэтому нужно, писалъ резидентъ, какъ въ украйнѣ, такъ и по шведской и на другихъ границахъ чуткое ухо наставить и осторожность войсковую имѣть, чтобы тѣмъ французскимъ концептамъ не допустить и лаптей сплести, не только сапоговъ сшить, въ которыхъ бы могли ногу свою протянуть въ государство московское, и яко дымъ да исчезнутъ.» Но тутъ же резидентъ доносилъ, что канцлеръ литовскій съ клятвою увѣрялъ его въ ложности всѣхъ этихъ слуховъ; канцлеръ повторялъ старое, что не могутъ они надивиться, почему московскія войска не соединяются съ польскими, а ведутъ войну особо, въ отдаленныхъ сторонахъ и этимъ даютъ непріятелю возможность легко взять верхъ, нападши на каждаго порознь; собьютъ Турки съ поля Поляковъ—Русскія войска и не узнаютъ объ этомъ, наступятъ на московскія силы—Поляки ничего не будутъ объ этомъ знать; невозможно войску отъ войска дальше десяти миль быть. Если помощи не будетъ, то по неволѣ Рѣчь Посполитая позволитъ королю мириться съ Турками на какихъ придется условіяхъ, кромѣ условія союза противъ государства московскаго.»

Донося о польскихъ жалобахъ, Тяпкинъ не переставалъ, въ письмахъ къ Матвѣеву, жаловаться на свое положеніе въ Варшавѣ и просить объ отозваніи: «Умилосердися государь, милосердый мой отецъ! Ежели уже всячески не возможно меня отсюда взять или перемѣнить, то вели обослать государскимъ жалованьемъ денежнымъ, а не соболями, и на раздачу прислать деньгами же. Я бы здѣсь не дороже московскаго для раздачи купилъ соболей, какихъ надобно, а то Василій Тимоѳеевъ привезъ самые плохіе и подопрѣлые, а лучшіе себѣ взялъ. Хотя и послѣднюю деревнишку вели отписать на великаго государя, а меня удоволить государскимъ жалованьемъ, чтобы я здѣсь не скитался, занимая по людямъ, и въ зазорѣ отъ иноземцевъ не былъ. А наипаче, смилуйся, государь, Господа ради, вели перемѣнить, въ иную страну куда ни изволишь послать, всюду готовъ. Паки и паки, милосердый государь отецъ, смилуйся! Ей, государь, резиденты здѣсь всѣхъ государей богатые и ближніе люди, консиліарами королей своихъ титулуются и полнымъ жалованьемъ обсылаются; а у меня семья: я съ сынишкомъ *самовторъ*, подьячихъ два чело-

вѣка, священникъ, шесть человѣкъ стрѣльцовъ, людишекъ четыре человѣка, безъ которыхъ трудно обойтись, шесть лошадей, и на всѣхъ тѣхъ помянутыхъ выходитъ за всякую пищу и за дрова, кромѣ починки и новаго платья и служивой рухляди, по 3 рубля на день. Полковники кормовые на Москвѣ великіе кормы на мѣсяцъ берутъ не только себѣ, но и конямъ: а мнѣ, будучи въ чужомъ государствѣ, особенно между такими льстивыми и злыми народами, кромѣ государской милости и твоего отеческаго призрѣнія, надѣяться не начто. Скоро всѣхъ мнѣ придется отпустить отъ себя, лошадей избыть и остаться въ самомъ маломъ числѣ, если твоего отеческаго призрѣнія не получу.»

Въ апрѣлѣ резидентъ далъ знать, что противъ Собѣскаго большая партія въ разныхъ сословіяхъ, которая никакъ не хочетъ допустить его до коронаціи; противъ него главныя воеводства, Краковяне, Великополяне, Мазуры, Львовское воеводство со всѣми Русскими странами, Литва и Жмудь; во всѣхъ этихъ областяхъ очень любятъ королеву Элеонору, хотѣли бы, чтобы царевичъ Ѳеодоръ женился на ней, и былъ ихъ государемъ, если же этого нельзя, то соглашаются имѣть государемъ короля шведскаго опять съ условіемъ женитьбы на Элеонорѣ; императоръ очень хлопочетъ объ этомъ по тремъ причинамъ: вопервыхъ, желательно ему породниться съ шведскимъ королемъ; вовторыхъ, видѣть на сосѣднемъ престолѣ близкаго свойственника; въ третьихъ, и больше всего, отвлечь Швецію отъ союза съ Франціею. Отъ этого, говорятъ, король Янъ приходитъ въ отчаяніе, и отъ великой печали слабѣетъ въ здоровьѣ. «Впрочемъ, добавляетъ Тяпкинъ, нѣтъ въ нихъ ничего постояннаго, потому что какъ вольные народы, имѣютъ уста самовольные и незатворенные, что хотятъ, то поютъ, одинъ такъ, другой инакъ, и ни одному вѣрить нельзя; вѣрнѣе всего то, что когда Собѣскій въ Польшу явится, то на банкетахъ голоса противниковъ виномъ разогрѣются, и вмѣсто словъ нежелательныхъ, завопятъ: виватъ! виватъ! Другіе деньгами и почестями успокоены будутъ. Нѣтъ ни малого постоянства въ здѣшнемъ народѣ, нельзя узнать, кто изъ нихъ правъ или кривъ: всѣ красомовцы, всѣ мудры, всѣ крутятся ехиднымъ поползновеніемъ, не только головами но и самыми душами, больше желаютъ несытое свое лакомство удовольствовать, нежели добру общему прибыли и правды.»

Несмотря однако на такіе отзывы о Полякахъ, Тяпкинъ сталъ явно склоняться къ тому, что необходимо исполнить желаніе польскаго правительства, дать сильную помощь и соединить царскія войска съ королевскими: это было, по мнѣнію резидента, самое лучшее средство разорвать факціи французскую и шведскую, которыя *зіяютъ* на государство московское. Польскій резидентъ Свидерскій доносилъ королю изъ Москвы, что царскія войска стоятъ на готовѣ по всей западной границѣ, начиная отъ Новгорода Великаго, но неизвѣстно, куда двинутся. «А я, писалъ Тяпкинъ Матвѣеву, я безвѣстенъ и безсловесенъ пребываю, потому что очень рѣдко писанія изъ государственной палаты ко мнѣ бываютъ, а когда и приходятъ, то не пишется ни о какихъ войсковыхъ и другихъ вѣдомостяхъ, которыя здѣсь надобны; отъ этого великую укоризну терплю отъ канцлера и другихъ: о чемъ ни спросятъ—не вѣдаю. И если впередъ такъ глухъ буду и безвѣстенъ, то предаюсь подъ твое высокое разсужденіе, что̀ изъ такого безпотребнаго житья моего здѣсь вырости можетъ?» Продолжались и жалобы на крайнюю нужду: въ началѣ іюня Тяпкинъ писалъ Матвѣеву, что принужденъ былъ заложить свою ферязь. Чтобы вырваться какъ-нибудь изъ Варшавы, резидентъ прибѣгъ къ хитрости, писалъ, будто вѣрный человѣкъ извѣстилъ его о большомъ въ нѣсколько милліоновъ кладѣ князей Шуйскихъ въ Смоленскѣ, и что онъ, Тяпкинъ, если будетъ вызванъ въ Москву, можетъ обстоятельно разсказать объ этомъ кладѣ, написать же не можетъ. Не надѣясь на полный отзывъ изъ Польши, Тяпкинъ просилъ дать ему полкъ и отправить на помощь къ королю: тамъ при войскѣ онъ, по крайней мѣрѣ, самъ все бы видѣлъ, а не покупалъ *авизы*, какъ въ Варшавѣ.

Наконецъ изъ Москвы пришло резиденту позволеніе обѣщать Полякамъ скорую помощь, вслѣдствіе чего Тяпкинъ былъ вызванъ къ королю во Львовъ. Въ іюлѣ онъ поскакалъ туда, но не на радость: король и паны были встревожены тѣмъ, что слухи о движеніи царскихъ войскъ начали стихать; несчастному резиденту не было покоя отъ выговоровъ; а тутъ еще новая непріятность: священникъ, бывшій съ Тяпкинымъ въ Варшавѣ, отправленъ былъ въ Москву, и здѣсь началъ наговаривать на резидента Матвѣеву: «Я умолилъ его честью ѣхать въ Москву, писалъ Тяпкинъ: потому что не могъ долго сносить позора отъ римскихъ

духовныхъ и другихъ лицъ: извѣстенъ онъ сталъ въ Варшавѣ во всѣхъ корчмахъ: бунтовщикъ, ссорщикъ, ненавистникъ всякаго добраго человѣка, пьяница, колдунъ, совершенный кумиро-служитель! на всякій часъ мало ему было по квартѣ горѣлки, а пива выходило на него по бочкѣ въ сутки; умилосердись, не вѣрь его вражескимъ рѣчамъ, помилуй, вели меня хотя на время взять, а его подержать до той поры.»

7 августа резидентъ былъ позванъ въ обозъ королевскій для принятія грамоты Собѣскаго къ царю; прежде отдачи грамоты король велѣлъ подканцлеру литовскому сказать Тяпкину: «Въ этой грамотѣ королевское величество прилагаетъ новыя просьбы о помощи, которая съ давняго времени только обѣщается, а не дается; королевское величество съ оскорбленіемъ этому удивляется, и ты, резидентъ, эти мои слова напиши ближнему боярину Матвѣеву.» Въ Москву съ королевскою грамотою отправлялъ Тяпкинъ сына своего, котораго тутъ же представилъ Собѣскому; молодой Тяпкинъ благодарилъ короля за «его государское жалованье, за хлѣбъ и соль и за науку школьную, которую употреблялъ, будучи въ его государствѣ.» Рѣчь эта говорилась полатынѣ, «довольно переплетаючи съ польскимъ языкомъ, какъ тому обычай наукъ школьныхъ належитъ.» Отецъ хвастался, что сынокъ «такъ явственно и изобразительно орацію свою предложилъ, что ни въ одномъ словѣ не запнулся» Король поблагодарилъ оратора сотнею золотыхъ червонныхъ и 15-ю аршинами краснаго бархата. 12 августа пришла царская грамота съ извѣщеніемъ, что князь Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ получили указъ двинуться къ Днѣпру, куда для соединенія съ ними должны придти всѣ коронныя и литовскія войска.—«Этому статься теперь нельзя, говорили паны: это значитъ открыть непріятелю польскіе края, Львовъ и другіе города, непріятель только въ 12 миляхъ отъ Львова, около Злочева, Збаража воюетъ. Пусть царскія войска переправляются за Днѣпръ и соединяются тамъ съ нѣкоторыми частями польскихъ войскъ, которыя ихъ ждутъ, и пусть промышляютъ надъ Дорошенкомъ, потому что при немъ очень мало козаковъ и Татаръ, а затѣмъ бы и самыя большія рати царскаго величества вооружались. Въ прошломъ году выговорили, что зимою трудно воевать за Днѣпромъ, и потому царскія войска явятся туда весною; теперь не только весна, но и лѣто все проходитъ. Когдажь мы дож-

демся вашихъ войскъ? Осенью и зимою трудно за стужами и непогодами, весною голодно, лѣтомъ жарко!»

Въ августѣ пришло письмо отъ Ромодановскаго и Самойловича къ гетманамъ короннымъ, что царскія войска уже надъ Днѣпромъ и нѣкоторые отряды ихъ перешли рѣку и соедились съ отрядами польскими. Король очень обрадовался и прислалъ дворянина своего съ этою вѣстію къ Тяпкину. Между тѣмъ непріятель истреблялъ города недалеко отъ Львова, порывался и на самый обозъ королевскій. Король выступилъ изъ обоза, взявши съ собою и русскаго резидента. Послѣдній писалъ Матвѣеву, что войска польскія очень стройны и охочи къ битвѣ, только между старшинами большое несогласіе. Знатные и честные люди прямо говорили Тяпкину: «Хотя король съ гетманами и вышелъ въ поле, однако каждый изъ нихъ радъ бы былъ, чтобы на кого-нибудь непріятель напалъ, а другой бы о томъ будто и не слыхалъ; развѣ самъ Богъ смилуется надъ христіанскимъ народомъ и дастъ намъ помощь и соединеніе.» Тяпкинъ отвѣчалъ имъ: «Чего же ваша Польша и Литва негодуютъ, что наши войска съ вами до сихъ поръ не соединяются, когда вы сами между собою не можете согласиться? Посторонняго государя войска, видя ваши такія другъ съ другомъ злохитрыя факціи, слыша, какъ вы злорѣчите своего монарха, могутъ ли вамъ вѣрить и соединяться съ вами» На это былъ одинъ отвѣтъ: «Слушна твоя рація, господине резиденте!» Литовскій гетманъ Пацъ вздумалъ было подсмѣяться надъ Тяпкинымъ и въ большомъ собраніи сталъ ему говорить: «Видите, господинъ стольникъ, что король и мы всѣ съ малою горстью людей безпрестанно въ полѣ обращаемся и отпоръ даемъ недругу; а ваши московскіе полки, которыхъ говорятъ, тысячъ полтораста и больше, развѣ только съ горъ кіевскихъ на насъ смотрѣть будутъ, что надъ нами станется? И если хотя одинъ Татаринъ подбѣжитъ подъ Кіевъ, то они всѣ отъ него въ валъ схоронятся и показаться не посмѣютъ, а послѣ на коммиссіи будутъ оправдываться, что ходили на помощь Полякамъ.» Резидентъ ловко отшутился: «Господинъ гетманъ! сказалъ онъ Пацу: не дивись войскамъ царскаго величества, что не поспѣшили къ тебѣ на помощь; можетъ быть медленность ихъ не безъ причины: бояре и воеводы слышатъ о чрезвычайно скоромъ сборѣ войскъ польскихъ и литовскихъ. Ваша гетманская честность не очень давно изволила прибыть на помощь къ коро-

левскому величеству не съ кіевскихъ горъ, а изъ виленскихъ долинъ. Твоя честность очень скоро отчизну свою оборонилъ и прибылъ на помощь, когда Турки взяли уже 24 города!» Пацъ разсердился: «Ни одинъ Москаль мнѣ такъ остро не говаривалъ», повторялъ гетманъ, и прислалъ къ Тяпкину съ требованіемъ, чтобы сейчасъ же отдалъ ему долгъ—1000 золотыхъ польскихъ. Но резидентъ упросилъ его чрезъ іезуитовъ, чтобы подождалъ еще мѣсяцъ. Тяпкинъ не могъ нахвалиться обращеніемъ съ собою короля: «Самъ велѣлъ мнѣ у себя всегда быть въ покояхъ, какъ будетъ надобность, разговариваетъ со мною очень милостиво, когда помяну имя великаго государя, всегда снимаетъ шапку и говоритъ о немъ государѣ любезно со всякою учтивостію.»

Впрочемъ резидентъ скоро оставилъ короля и возвратился во Львовъ. Здѣсь онъ подружился съ епископомъ львовскимъ Іосифомъ Шумлянскимъ и вошелъ въ переписку съ Антоніемъ Винницкимъ, епископомъ перемышльскимъ. Антоній прислалъ къ нему своего секретаря, который въ тайномъ разговорѣ началъ просить совѣта, какъ бы у великаго государя получить митрополію кіевскую, потому что Тукальскій умеръ, а онъ Антоній имѣетъ привилегію на митрополію отъ двухъ королей польскихъ. «Какъ господинъ епископъ, отвѣчалъ Тяпкинъ, вѣрно великому государю служитъ и его государскую милость помнитъ, такую можетъ за свои заслуги и награду получить.» Въ письмѣ своемъ къ Антонію резидентъ объяснился подробнѣе, выразилъ удивленіе свое, что епископъ только теперь припомнилъ милость великаго государя, за которую, неизвѣстно, заплатилъ ли хотя одною молитвою или одною безкровною жертвою, и только теперь отозвался съ своимъ служебнымъ желаніемъ.»

Походъ королевскій кончился ничѣмъ: непріятель спокойно вышелъ изъ границъ королевства, обремененный добычею: «Поляки, пишетъ Тяпкинъ, проводили Турокъ, какъ милыхъ гостей, одаривши ихъ безчисленными дарами изъ душъ православныхъ, проводили за самый Днѣстръ, мало не до Дуная. Когда же увидали, что Турки и Татары изъ Валахіи вышли, то обнаружили здѣсь великую храбрость надъ церквами и монастырями благочестивыми, стали до основанія ихъ разорять и жечь, церковныя утвари разбойнически расхитили, нѣсколько епископовъ и многихъ игуменовъ и священниковъ до смерти побили; въ церквахъ съ ко-

нями стояли и, что еще хуже, съ невольницами ночевали; и теперь по маетностямъ своимъ стадами, какъ безсловесныхъ, гонятъ невольниковъ волошскихъ. Православные христіане во Львовѣ сильно объ этомъ вздыхаютъ и плачутъ, опасаясь, чтобъ и надъ ними латинская прелесть окончательно не взяла верха. Слышу отъ благочестивыхъ духовныхъ и мірскихъ, что ихъ владыки здѣсь только мантіею благочестивой вѣры восточной украшаются, внутри же тяжки св. церкви, какъ волки, и больше римскому костелу похлебствуютъ, чѣмъ церкви Божіи защищаютъ.»

Тяпкинъ въ своихъ донесеніяхъ не нахвалится дружелюбнымъ обращеніемъ съ собою цесарскаго резидента Зеровскаго: «во всемъ братолюбно со мною дружбу и согласіе имѣть желаетъ въ равенствѣ; только я не могу съ нимъ равняться, потому что онъ очень богатъ и славенъ, ѣздитъ въ позолоченой каретѣ шестернею, а у меня двѣ клячи насилу живы, и тѣхъ кормить нечѣмъ.»

Мы видѣли, какъ австрійскіе послы играли роль посредниковъ при заключеніи мира между Россіею и Польшею, когда дѣло шло объ избраніи царя Алексѣя въ преемники Яну Казимиру. Послѣ, неблагопріятный оборотъ дѣлъ, сильное желаніе окончить войну, истощавшую въ конецъ государство, заставляли царя снова обращаться къ посредничеству императора Леопольда. Но это обращеніе было похоже на стараніе утопающаго схватиться за соломину, и происходило отъ очень недостаточнаго знанія тогдашнихъ европейскихъ дворовъ и ихъ отношеній. Польское правительство, болѣе опытное отклоняло австрійское посредничество. Вѣнскій дворъ объяснялъ это интригами польской королевы-француженки, которая хочетъ видѣть родственника своего, французскаго принца на польскмъ престолѣ, объяснялъ союзомъ Яна Казимира съ ханомъ крымскимъ, а чрезъ хана и съ султаномъ турецкимъ, что все ставило Польшу во враждебныя отношенія къ Австріи. Но Москвѣ было отъ этого нелегче: она не переставала требовать содѣйствія къ прекращенію тяжкой войны. Какъ будто въ насмѣшку въ концѣ 1661 года австрійскій посолъ Августинъ фонъ-Майербергъ объявилъ, что турецкое войско вторгнулось въ императорскія владѣнія, и просилъ, чтобъ царское величество изволилъ мысль свою объявить, какъ бы противъ общаго христіанскаго непріятеля бусурмана вспоможенье учинить ратными людьми? Думный дьякъ Алмазъ Ивановъ отвѣчалъ на это: «Сами знаете,

что польскій король, непріятель нашего государя, съ бусурманомъ въ союзѣ, слѣдовательно цесарскому величеству надобно стараться о томъ, какъ бы польскаго короля отъ бусурманскаго союза оторвать и съ царскимъ величествомъ привести къ прежней братской дружбѣ и любви. Когда оба эти государя будутъ въ мирѣ, то надежнѣе будетъ мысль противъ общаго христіанскаго непріятеля. Цесарскому величеству можно помирить великаго государя нашего съ королемъ польскимъ способомъ внѣшнимъ и духовнымъ: внѣшнимъ — войною, духовнымъ — клятвою, потому что вѣра у нихъ одна папежская, а папа издавна имѣетъ стараніе о томъ, чтобы всѣ христіанскіе государи были въ совѣтѣ, и съ бусурманами не дружились и союза не имѣли. Вамъ извѣстно, что теперь у царскаго величества непріятель польскій король, и всѣ войска наши стоятъ противъ Поляковъ: такъ, не помирясь съ польскимъ королемъ, начать войну съ другимъ великимъ непріятелемъ надобно разсудя.»

Андрусовское перемиріе и потомъ нашествіе Турокъ на Польшу перемѣнили отношенія: въ 1672 году русскій посланникъ майоръ Павелъ Менезіусъ поѣхалъ въ Вѣну съ извѣстіемъ о взятіи Каменца Турками, о вооруженіяхъ Россіи, и съ вопросомъ: будетъ ли императоръ помогать Польшѣ и какъ? Императоръ отвѣчалъ, что онъ двигаетъ къ польскимъ границамъ большое и искусное войско. Избраніе Собѣскаго и тревожныя вѣсти, приходившія изъ Польши о намѣреніяхъ новаго короля заставили Алексѣя Михайловича отправить новое посольство въ Вѣну въ 1674 году. Посланники—стольникъ Потемкинъ и дьякъ Черпцовъ, объявили цесарскимъ думнымъ людямъ *осторожность:* «На королевство польское избрали Яна Собѣскаго, бывшаго гетмана, а княжества литовскаго сенаторы и все посполъство этому избранію противились, и склонились послѣ за великіе подарки изъ страха, потому что Собѣскій привелъ съ собою ратныхъ людей, Краковъ и Варшаву своими пѣшими людьми осадилъ, и не столько избраніемъ, сколько силою сдѣлался королемъ. Нѣкоторыя особы говорили тайно, что Собѣскій обоимъ государствамъ, какъ царскаго, такъ и цесарскаго величества великій непріятель и съ турецкимъ султаномъ можетъ помириться вскорѣ: французскій посолъ изъ Варшавы уже поѣхалъ къ султану, чтобы устроить этотъ миръ. Когда миръ состоится, то султанъ пойдетъ войною на цесарскія земли, чтобы

не дать цесарю воевать французскаго короля, а король польскій съ частью войска турецкаго и съ Крымомъ обратится на московское государство. Нынѣшнимъ королемъ польское государство въ послѣднее искорененіе придетъ, потому что онъ малолюденъ и съ Турками заключитъ миръ для того, что имѣнія его всѣ на турецкой границѣ.»

Думные люди отвѣчали: «Когда былъ здѣсь вашъ посланникъ Менезіусъ, въ то время у императора было намѣреніе послать войско на силезкую границу, въ помощь Польшѣ; но французскій король напалъ на Голландцевъ, и цесарское величество, по просьбѣ Голландцевъ, отправилъ многія войска свои на помощь имъ противъ Французовъ. Если наши войска одолѣютъ короля французскаго, то императоръ станетъ помогать королю польскому. Враждебнымъ замысламъ новаго польскаго короля цесарское величество вѣритъ: обнаруживаются они дѣломъ, а не словами. Но многіе сенаторы не хотятъ и слышать о томъ, чтобы султанъ могъ наступить войною на императора; если сенаторы и все посольство въ Польшѣ услышатъ, что у нашего государя съ вашимъ крѣпкая братская дружба и любовь, то не посмѣютъ напасть ни на насъ, ни на васъ, будутъ опасаться, что они между такими великими государями.»

Борьба съ Турціею оживила наши дипломатическія сношенія и съ другими европейскими государствами. Въ сношеніяхъ съ ближайшею Швеціею до 1673 года продолжались взаимные перекоры за несоблюденіе договорныхъ статей, особенно на счетъ торговли Въ 1670 году былъ въ Ригѣ находившійся въ русской службѣ полковникъ фонъ-Стаденъ; шведскіе генералы Врангель и Тотте поручили ему предложить ближнимъ людямъ оборонительный союзъ между обоими государствами. Государь велѣлъ отвѣчать, что онъ, въ случаѣ непріятельскаго нашествія на Швецію, готовъ помогать ей деньгами и запасами, но ратныхъ людей не пошлетъ и отъ короля не потребуетъ, потому что когда бываетъ походъ ратныхъ людей, то происходятъ многія ссоры. Генералы дали знать Стадену, что Стенька Разинъ разослалъ по корельскимъ и ижерскимъ крестьянамъ грамоты за рукою и печатью бывшаго Никона патріарха. Отправляя снова Стадена въ Швецію, государь поручилъ ему хлопотать, чтобы грамоты эти и люди ихъ привезшіе присланы были въ Москву. Стадену поручено было также объявить

Врангелю съ товарищами: «Король желаетъ съ царскимъ величествомъ союза, а подданные его печатаютъ въ курантахъ ложныя извѣстія и тѣмъ между обоими государями производятъ ссоры. Такъ 19 ноября изъ Риги напечатано: бывшій московскій патріархъ, собравши великое число войска, хочетъ войною идти на царя за то, что царь, обезчестивъ его, отъ патріаршескаго чина безо всякія вины отставилъ, не разсудя, что онъ патріархъ премудрый и ученый человѣкъ, и во всемъ лучше самого царя, а вина его заключается въ томъ, что онъ лютеранамъ, кальвинистамъ и католикамъ позволилъ ходить въ русскія церкви. Царь ищетъ случая помириться съ Стенькою Разинымъ, который и самъ не прочь отъ мира, но на слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобы государь сдѣлалъ его царемъ Казанскимъ и Астраханскимъ; 2) далъ ему на войско 20 бочекъ золота; 3) выдалъ ему восемь человѣкъ ближнихъ бояръ, которыхъ, за грѣхи ихъ, Стенька умыслилъ казнить; 4) чтобы Никонъ былъ по прежнему патріархомъ.—Государь велѣлъ Стадену домогаться, чтобы напечатавшіе такія вѣсти были жестоко наказаны.

Во концѣ 1673 года пріѣхалъ въ Москву шведскій посолъ графъ Оксенштернъ съ товарищами; но когда начались толки о пріемѣ, то встрѣтилось важное затрудненіе: отъ пословъ потребовали, чтобъ они были во дворцѣ съ непокрытыми головами, что точно также и русскіе послы въ Стокгольмѣ будутъ предъ королемъ безъ шапокъ. Оксенштернъ не рѣшился согласиться на эту новизну безъ королевскаго указа; надобно было посылать за этимъ нарочно гонца въ Стокгольмъ; разрѣшеніе пришло, но за этими переговорами и пересылками прошло много времени, и переговоры могли начаться не ранѣе апрѣля 1674 года. Эти переговоры велись боярами княземъ Юріемъ Алексѣевичемъ и княземъ Михаиломъ Юрьевичемъ Долгорукими, и окольничимъ Артемономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ. Оксенштернъ началъ: «Государь нашъ Карлъ XI пришелъ въ совершенный возрастъ и желаетъ быть съ царскимъ величествомъ въ крѣпкомъ союзѣ. Видя этотъ союзъ, посторонніе государи будутъ въ страхѣ; да и потому союзъ нуженъ, что общій всѣхъ христіанъ непріятель, султанъ турецкій наступилъ войною на королевство польское, много городовъ взялъ, лучшею и надежнѣйшею крѣпостію, Каменцомъ подольскимъ овладѣлъ, а царскаго величества рубежи отъ этихъ странъ

не въ дальнемъ разстояніи. Какъ султанъ узнаетъ, что между вашимъ и нашимъ государемъ заключенъ союзъ, то станетъ опасаться и намѣреніе свое отложить, а король противъ этого непріятеля будетъ всегда помогать.» Оксенштернъ кончилъ постоянною жалобою, что условіе Кардискаго договора не исполнено, не всѣ плѣнные отпущены. Начался споръ о томъ, о чемъ прежде разсуждать? о союзѣ или о неисполненныхъ статьяхъ Кардискаго договора? Бояре настаивали, что надобно начать съ союза; послы возражали, что не покончивши съ прежними договорами, нельзя заключать новыхъ.—«А зачѣмъ король не прислалъ своихъ уполномоченныхъ въ Курляндію? спрашивали бояре: тамъ бы всѣ спорныя дѣла и были порѣшены.»—«Въ Курляндіи, при польскихъ послахъ, говорить о неисполненныхъ статьяхъ Кардискаго договора было непристойно», отвѣчали Шведы.—«Вы прежде всего начали о союзѣ, а потомъ уже сказали о неисполненныхъ статьяхъ договора: такъ въ этомъ порядкѣ и ведите переговоры!» твердили бояре.

Шведы уступили и начали говорить о союзѣ противъ Турокъ. объявили, что король ихъ обѣщалъ послать Полякамъ на помощь 5000 человѣкъ пѣхоты, а если у Швеціи будетъ война съ другимъ государствомъ, то 3000; войска эти пойдутъ всюду, гдѣ надобно будетъ Полякамъ и будутъ помогать имъ до прекращенія войны; король шведскій подаетъ эту помощь королевству польскому *съ имени христіанскаго*, не желая себѣ за то никакого вознагражденія. Бояре отвѣчали, что 5000 очень мало, великій государь желаетъ, чтобы король шведскій стоялъ противъ Турка всѣми своими силами съ царскимъ величествомъ заодно, а изъ-за 5000 и союза заключать не для чего; хотя бы эти 5000 были все ученые инженеры, а не простые солдаты, то все же противъ такихъ большихъ силъ стоять не могутъ.—«Но Поляки сами больше у насъ не просили»—возражали послы.—«Чего у васъ Поляки просили, до того намъ дѣла нѣтъ, говорили бояре: а теперь пусть король заключитъ союзъ съ царскимъ величествомъ стоять противъ султана всѣми своими силами заодно, чтобъ Турокъ Польшею не овладѣлъ; а когда Турокъ, чего Боже сохрани, польскимъ государствомъ овладѣетъ, тогда и шведскому государству тяжко будетъ.» Послы объявили, что о такомъ союзѣ имъ договариваться ненаказано; для заключенія такого союза пусть царское величе-

ство отправляетъ своихъ пословъ къ королю.—«Такъ зачѣмъ же вы то пріѣхали? спросили бояре и продолжали: намъ надобенъ такой союзъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ было по 200,000 войска: наши будутъ за Днѣпромъ и на Дону, а ваши подъ Каменцомъ Подольскимъ или въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ.» — «Но какъ же въ бумагѣ, присланной съ фонъ-Стаденомъ, прямо было сказано, что помощи людьми царское величество не желаетъ?» говорили Шведы.—«Это было уже давно, отвѣчали бояре: тогда еще Турокъ на польскаго короля не наступалъ и Каменца Подольскаго не бралъ» Послы объявили прямо, что такой союзъ именно противъ Турокъ вовсе невыгоденъ для Швеціи, а выгоденъ только для Россіи: турецкія границы сходятся съ Русскими и вовсе не сходятся съ шведскими: за что же Швеція обяжется помогать постоянно Россіи безъ надежды получить когда-либо взаимную помощь! Поэтому послы предлагали заключить союзъ глухо на всѣхъ непріятелей обоихъ государствъ, не называя именно Турокъ. Тщетно бояре толковали, что отдаленность границъ не значитъ ничего, что опасность большая и для Швеціи отъ Турокъ; тщетно брали доказательства изъ исторіи: какъ Греки, угрожаемые Турками, просили помощи у сосѣднихъ державъ, тѣ не дали на томъ основаніи, что до нихъ было еще далеко; но когда безпомощная Греческая имперія пала, то и сосѣднія державы вслѣдъ за нею подверглись игу бусурманскому. Послы остались непреклонными; бояре уступили, и было постановлено: если царское величество потребуетъ у королевскаго величества помощи противъ недруга съ этой стороны моря, то можетъ просить надежно; также если королевское величество станетъ требовать помощи у царскаго величества противъ недруга съ этой стороны моря, со стороны Ливоніи, то можетъ просить надежно. Это разумѣется о помощи какъ людьми, такъ денежною казною и военными запасами. Государь велѣлъ собрать въ Москву всѣхъ шведскихъ плѣнныхъ, крещенныхъ и некрещенныхъ, и распросить ихъ при бояринѣ Ив. Богдан. Милославскомъ и при королевскомъ дворянинѣ: если которые изъ нихъ и вѣру греческую приняли, а скажутъ, что принуждены къ тому неволею, тѣхъ отпустить въ Швецію; а которые приняли греческую вѣру добровольно, или хотя и вѣры не приняли, но захотятъ остаться въ Россіи, тѣ пусть остаются; тоже самое будетъ сдѣлано въ Новгородѣ и Псковѣ

съ шведскими плѣнниками, и въ Швеціи съ Русскими. Статья о торговыхъ пошлинахъ отложена, потому что послы, безъ королевскаго указа, не согласились на предложеніе бояръ брать пошлины по существующимъ уставамъ въ обоихъ государствахъ. Послы взялись представить на королевское усмотрѣніе и слѣдующую статью: перебѣжчиковъ казнить смертію въ той сторонѣ, куда перебѣгутъ, перебѣжавшихъ до сего времени выдать безъ задержанія.

Мы видѣли, какія дѣятельныя сношенія были у царя съ Датскимъ королемъ Фридрихомъ III въ 1656 и 1657 годахъ по поводу войны шведской. Хотя прекращеніе этой войны отняло у сношеній съ Даніею главный интересъ, однако въ Москвѣ не хотѣли прекращать ихъ, и въ 1660 году отправился въ Копенгагенъ стряпчій Яковъ Кокошкинъ съ грамотою, въ которой царь изъявлялъ желаніе быть съ королемъ въ крѣпкой братской дружбѣ и любви и въ сосѣдскихъ пріятельскихъ ссылкахъ свыше прежняго навѣки непремѣнно. Кокошкинъ былъ принятъ очень любезно, и услыхалъ о важной новости: 14-го октября пришелъ къ нему королевскій переводчикъ и сталъ разсказывать: «Вскорѣ послѣ мира съ Швеціею пришли къ королю архіепископъ копенгагенской, епископъ и духовный чинъ, да съ ними копенгагенцы посадскіе выборные люди и говорили: прежніе датскіе короли и отецъ его христіанъ король и онъ самъ дѣлъ государственныхъ и другихъ никакихъ по своему изволенью, безъ воли думныхъ людей не совершали, и государствомъ владѣли ближніе люди, отъ которыхъ были многія измѣны и датскому государству разоренье большое. И теперь они, духовный чинъ и посадскіе люди хотятъ того, чтобы онъ король государствомъ своимъ владѣлъ одинъ и всякія дѣла дѣлалъ и волею своею исполнялъ, не ожидая рады и приговору отъ думныхъ людей, по своему изволенью, какъ ему будетъ годно, чтобы думныхъ людей измѣною государство впередъ не разорялось, и чтобы король велѣлъ объ этомъ учинить раду вскорѣ. По ихъ словамъ король посылалъ по всѣмъ городамъ государства своего листы, чтобы изъ городовъ прислали въ Копенгагенъ человѣка по два и по три, выбравъ людей добрыхъ. Когда выборные люди въ Копенгагенъ пріѣхали, то король велѣлъ учинить раду и говорилъ на ней, чтобы датскимъ государствомъ владѣть ему одному, и вся-

кія дѣла дѣлать и волею своею исполнять безъ рады и воли думныхъ людей. Думные и ближніе люди этого было не захотѣли сдѣлать и стояли упорно; только духовный чинъ и выборные изъ городовъ посадскіе люди за большою неволею ихъ наговорили, чтобы они на то дѣло позволили. Сего дня рада кончилась: приговорили, чтобъ въ датскомъ государствѣ нынѣшнему королю и потомкамъ его дѣла государственныя и всякія совершать, неожидая рады и приговору отъ думныхъ людей, по своему изволенью, какъ имъ королямъ будетъ угодно. Думные люди, духовный чинъ, дворяне и ратные люди и изъ городовъ выборные люди станутъ при королѣ присягать, чтобы тому дѣлу быть во вѣкъ неподвижну.»

17-го числа король прислалъ за Кокошкинымъ карету. и русскій посланникъ отправился на площадь подлѣ дворца. смотрѣть, какъ будетъ происходить эта торжественная присяга самодержцу: «На площади, доноситъ посланникъ, сдѣлано было мѣсто деревянное. какъ на Москвѣ Лобное мѣсто, на мѣстѣ сдѣланъ рундукъ, обито мѣсто и рундукъ суквами красными, на рундукѣ поставлено 8 креселъ, обиты кресла бархотомъ червчатымъ. Около мѣста стояли ратные люди. Въ шестомъ часу дня король вышелъ изъ дворца, передъ нимъ шли дворяне, думные и ближніе люди, несли знамя красное тафтяное, шпагу королевскую, яблоко серебряное и корону. Король шелъ съ королевою, двумя королевичами и четырьмя королевнами, подъ покровомъ (балдахиномъ) бархатнымъ червчатымъ; за королемъ шли духовные и выборные люди. Король съ своимъ семействомъ сѣлъ въ кресла. Архіепископъ, епископъ и думные люди поднесли ему корону. Король всталъ, снялъ шляпу, принялъ корону и отдалъ ее ближнимъ людямъ которые поставили ее на стулъ. Тогда канцлеръ началъ читать статьи, на которыхъ всѣ и присягали, а по присягѣ подходили къ королю и къ королевѣ къ рукѣ.»

Кокошкинъ привезъ въ Москву грамоту, въ которой Фридрихъ III извѣщалъ царя, что онъ сдѣлался *отчиннымъ* королемъ: «Надѣемся, писалъ Фридрухъ, что такая нашему королевскому дому прибылая честь вашей любви, какъ нашему брату, особному другу и сосѣду пріятна будетъ.» Поздравить короля съ этою прибылою честію въ началѣ 1662 года отправились въ Данію двое дворянъ Нащокиныхъ — Григорій и Богданъ. Московскіе дипломаты

не хотѣли отставать отъ Малороссіянъ и Поляковъ въ витійствѣ. и Григорій Нащокинъ держалъ къ королю Фридриху такую рѣчь: «Слышавъ великій государь нашъ его царское величество о сицевомъ великодаровитомъ на ваше королевское величество изліанномъ Божіи благосердіи и изящномъ вашего королевскаго величества доброчастіи, возсла всѣми владѣющему Царю Богу хваленіе. сице о таковомъ вашего королевскаго величества радуясь благополученіи, яко о особичномъ его царскаго величества пріобрѣтеніи. на знакъ же постоянныя и давностію времени любви сотвержденныя, насъ, великихъ пословъ, къ вашему королевскому величеству послати изволилъ, извѣствуя, яко онъ, великій государь нашъ, соблюденьемъ всѣхъ Содѣтеля въ Троицы славимаго Бога на своихъ великихъ государствахъ здравствуетъ; и яко истинныя любве рачитель, чрезъ насъ ваше королевское величество поздравляетъ: здравствуй ваше королевское величество на отчинномъ вашего государства королевствѣ благочастнѣ, Вышній Вседержитель велелѣпною си десницею да соблюдаетъ ваше королевское величество въ долголѣтномъ и благоденственномъ здравіи. державу твою въ неотмѣнной цѣлости, и достоинство въ приличномъ благосостояніи, королевство твое въ честности и подобающемъ служеніи людей твоихъ, да яко другій адамантъ лѣпотою и крѣпостію благородствуя, ни единымъ отъ сопротивныхъ емлемъ будеши, но надъ многихъ свѣтяся яснымъ ти королевскихъ исправленій блистаніемъ, блеска противящихъ ти ся одолѣваеши и зраки доброхотствующихъ ти увеселяеши и къ симъ желательнаго потомства свѣтельство испущаеши, да искры сего адаманта, си есть вашего королевскаго величества потомки, вашимъ государствомъ державствующе, не померкнутъ, но твердость выше наменённыя давностію временъ и многими предки и сродствы сокрѣпленныя. и сѣдинами высокія чести цвѣтущія дружбы и любве братскія между великаго государя нашего и вашего королевскаго величества да пребываетъ вѣчно на подобіе адаманта крѣпчайшаго, ничимъ же отъ слабоумныхъ нарушаема, сице да и страны окрестніи образецъ сего постояннаго дружества enемше, вмѣсто зловиновныхъ раздоровъ добровиновную тишину любве между себе обымутъ. И Богъ вседержавный, не безсловесныхъ смущеній, но мира и добрыя любве виновный, всѣхъ благъ дарователь отъ крѣпкоумныхъ устъ прославится присно. иже по-

стоянно чиномъ правды любящихъ и въ любви постоянствующихъ обыче вѣнчати.» Богданъ Нащокинъ говорилъ подобную же рѣчь отъ царевичей — Алексѣя и Ѳедора «двухъ благородныхъ и безцѣнныхъ царскихъ искръ, отъ дражайшаго и безцѣннаго адаманта возсіявшихъ.» Послы объявили въ подаркахъ отъ царя королю пять тысячъ пудъ пеньки; король велѣлъ сказать имъ, что пенька ему теперь очень нужна и онъ посылаетъ за нею нарочно корабль въ Архангельскъ.

Въ 1665 году ѣздилъ въ Данію извѣстный намъ Петръ Марселисъ съ просьбою, чтобы король Фридрихъ постарался склонить польскаго короля къ миру съ Россіею. Фридрихъ отвѣчалъ, что пошлетъ къ Яну-Казимиру узнать о его намѣреніяхъ. Понятно, что вмѣшательство датскаго короля не могло нисколько помочь дѣлу. Мы видѣли, что помогло ему. По заключеніи Андрусовскаго перемирія въ Москвѣ сочли нужнымъ извѣстить объ этомъ и датскаго короля.

Данія не славилась въ Москвѣ богатствомъ, промышленностію и торговлею, и потому къ ней не обращались ни съ прośбою о ссудѣ деньгами, ни съ просьбою о присылкѣ мастеровъ. Мы видѣли бѣдственное положеніе московскаго государства во время польской войны, когда финансовыя средства истощились и правительство бросало всюду тревожные взоры съ вопросомъ: гдѣ бы занять денегъ, какъ бы увеличить доходы? Знали, какъ богаты западныя поморскія государства, знали, что богаты они отъ мореплаванія, торговли, что купцы ихъ ѣздятъ на своихъ корабляхъ въ дальнія богатыя страны и привозятъ оттуда дорогіе товары. Еще въ 1662 году явилась мысль—нельзя ли завести свои корабли и отправлять ихъ въ эти богатыя страны за дорогими товарами? На Балтійскомъ морѣ не было своихъ гаваней; родился вопросъ: нельзя ли завести мореплаваніе изъ чужихъ гаваней? Московское правительство находилось въ дружескихъ сношеніяхъ съ герцогомъ курляндскимъ; ему оказаны были услуги: во время войны съ Польшею не трогали его областей, ходатайствовали передъ нимъ у шведскаго короля. Царскій посланникъ Желябужскій, проѣздомъ въ Англію и другія страны, вызвалъ къ себѣ въ Ригу канцлера курляндскаго Фёлькерзама и говорилъ ему: «Вашъ князь, помня къ себѣ великаго государя милость, службу свою и радѣнье оказалъ бы, объявилъ бы великому государю: куда его

корабли ходятъ для пряныхъ зелей и овощей, въ которыя урочища и чьи владѣнья, и въ какое время ходятъ, и въ какое время корабли назадъ возвращаются, и въ какую цѣну ему корабль обходится, съ снастями и со всѣмъ корабельнымъ заводомъ, и сколько будетъ стоить корабельный ходъ людскимъ наймомъ и запасами? За милость великаго государя князь сдѣлалъ бы, чтобы государевымъ кораблямъ ходить въ тѣ мѣста для тѣхъ промысловъ, и корабли бы великому государю для тѣхъ промысловъ велѣлъ изготовить совсѣмъ какъ можно идти, а во сколько ему корабли станутъ, и то ему будетъ заплачено изъ царской казны. Да объявилъ бы князь: гдѣ добывать мастеровъ къ серебрянымъ рудамъ, и гдѣ онъ самъ князь руду серебряную добываетъ?»

— «За премногую милость великаго государя, отвѣчалъ Фелькерзамъ, князь мой во всемъ служить и работать радъ: ходятъ его корабли для пряныхъ зелій и овощей въ его владѣнія, въ Индію: тамъ у князя свой островъ, устроенъ на немъ городокъ, живетъ тамъ княжихъ людей 200 человѣкъ. Строенье князю стало дорого: возили лѣсъ на корабляхъ отсюда. Корабли намъ стоятъ дорого, потому что на ихъ строенье все привозятъ изъ чужихъ земель. Думаю, что пристойнѣе великому государю заводить корабли у Архангельска.» Герцогъ прислалъ грамоту съ подробнымъ изъясненіемъ дѣла; грамота не сохранилась; но мы легко можемъ догадаться о ея содержаніи.

Сношенія съ Голландіею, откуда вызывались ратные люди и мастера, были такъ важны, что въ 1660 году Англичанинъ Иванъ Гебдонъ отправленъ былъ туда резидентомъ или коммиссаріусомъ.

Мы видѣли, что сношенія съ Англіею прекратились въ 1649 году вслѣдствіе казни короля Карла I, но продолжались съ претендентомъ Карломъ II, которому дано было вспоможеніе. Въ 1654 году къ Архангельску приплылъ посланникъ англійскаго владѣтеля Оливера (Кромвеля), Вильямъ Придаксъ. Посланникъ подалъ государю письмо, въ которомъ говорилось, что великій земскій сеймъ, отчаявшись въ исправленіи многихъ дуростей, бывшихъ въ англійской землѣ при державѣ прежнихъ королей, перемѣнилъ правленіе и поставилъ самаго добраго и премудраго государя Оливера, который посылаетъ съ большою любовію поклонъ къ Кесарскому величеству, великому государю кесарю Алексѣю Михайловичу, прося о возвращеніи вольностей, отня-

тыхъ у купцовъ англійскихъ. Царь не всталъ, спрашивая о здоровьѣ протектора; посланниковъ протестовалъ: «Хотя нынѣ въ англійской землѣ и учинены Статы (республика), однако государство ничѣмъ не убыло; испанскій, французскій и португальскій короли и венеціанскіе статы воздаютъ владѣтелю нашему честь такъ какъ и при прежнихъ короляхъ.»—«Англійскому королевству учинилось премѣненье, былъ отвѣтъ; отъ владѣтеля вашего къ царскому величеству присылка первая, и съ какимъ дѣломъ ты присланъ, про то царскому величеству было невѣдомо; а венеціанскіе и голландскіе владѣтели царскому величеству не примѣръ, и тебѣ про то выговаривать не годилось.»—«Въ какихъ государствахъ я ни былъ, продолжалъ посланникъ, такой почести себѣ не видывалъ: приставъ сидѣлъ у меня въ саняхъ по правую сторону, и шпагу съ меня сняли!»—«Какъ въ московскомъ государствѣ въ обычаяхъ повелось, такъ и дѣлаютъ, отвѣчали ему: а тебѣ въ чужомъ государствѣ про чины выговаривать не годится.» Въ отвѣтной грамотѣ Кромвелю царь писалъ: «Оливеру владѣтелю надъ статы аглинской, шотландской и ирландской земель, и государствъ, которыя къ нимъ пристали. Что вы съ нами дружбы и любви ищете, то мы отъ васъ принимаемъ въ любовь, въ дружбѣ, любви и пересылкѣ съ вами, протекторомъ быть хотимъ, и поздравляемъ васъ на вашихъ владѣтельствахъ, въ чемъ васъ Богъ устроилъ. Что ваша честность пишете о торговыхъ людяхъ, то намъ теперь объ этомъ дѣлѣ вскорѣ разсмотрѣнье учинить за воинскимъ временемъ нельзя, а впередъ нашъ милостивый указъ будетъ, какой пристоенъ обоимъ государствамъ къ покою, прибыли, дружбѣ и любви.»

Далѣе этихъ неопредѣленныхъ учтивостей съ Кромвелемъ дѣло нешло. Царскій резидентъ въ Голландіи, Англичанинъ Гебдонъ оказался приверженцемъ Карла II, и когда послѣдній призванъ былъ на престолъ англійскій, Гебдонъ явился къ нему съ просьбою отпустить въ Россію трехтысячный отрядъ войска. Король далъ ему полную свободу набирать войско, и давая знать объ этомъ царю (весною 1661 года) писалъ, что никогда не можетъ забыть знаковъ братской дружбы, оказанныхъ ему Алексѣемъ Михайловичемъ во время нечестиваго смятенія, особенно не можетъ забыть распоряженія, по которому недостойные подданные его были лишены прежнихъ вольностей въ московскомъ государ-

ствѣ; но теперь, когда добрые подданные возвратились къ прежнему послушанію, то онъ, король надѣется, что царское величество возвратитъ имъ привилегію. Грамота королевская была прислана съ сыномъ Гебдона.

Поздравить новаго короля съ восшествіемъ на престолъ въ 1662 году отправились въ Англію стольникъ князь Петръ Прозоровскій и дворянинъ Ив. Желябужскій. Послы были встрѣчены увѣреніямъ, что король ни къ кому изъ государей не питаетъ такой пріязни, какъ къ Русскому кесарю; всѣмъ пріѣзжимъ людямъ объявляетъ великаго государя милость къ себѣ, съ ближними своими боярами и со всѣми подданными своими говоритъ безпрестанно, что кромѣ Русскаго государя, никто не оказалъ ему такой милости когда онъ былъ въ изгнаніи; ждетъ король, чѣмъ бы воздать великому государю за эту милость. Когда послы ѣхали по Темзѣ, на всѣхъ корабляхъ стрѣляли изъ пушекъ; гдѣ не было пушекъ, тамъ всѣ люди привѣтствовали пословъ громкими криками; по лондонскимъ улицамъ мелкимъ людямъ велѣно было кричать, а лучшимъ людямъ всѣмъ быть на встрѣчѣ.

Въ отвѣтѣ королевскіе бояре объявили посламъ: когда королевское величество былъ въ изгнаніи, въ то время великій государь помогъ ему казною. Это вспоможенье королевскому величеству памятно, и теперь онъ занятую казну посылаетъ къ великому государю. Послы говорили, чтобы королевское величество сверхъ этой казны велѣлъ бы великому государю дать взаймы ефимковъ 10,000 пудъ, а великій государь велитъ заплатить товарами, пенькою и поташемъ погодно, какъ будетъ положено въ договорѣ. Королевскіе бояре отвѣчали, что это дѣло великое, скоро его рѣшить нельзя, а король на отпускѣ самъ сказалъ Прозоровскому: «Я всердушно бы радъ помочь любительному моему брату, да мочи моей нѣтъ, потому что я на королевствѣ вновѣ, ничѣмъ не завелся, казна моя въ смутное время вся безъ остатку разорена, и нынѣ въ большой скудости живу, а какъ Богъ дастъ на своихъ престолахъ укрѣплюсь и съ казною сберусь, то буду радъ и послѣднее дѣлить съ великимъ государемъ вашимъ.»

Въ бытность свою въ Лондонѣ второй посолъ Желябужскій поссорился съ Гебдономъ; по донесенію Желябужскаго, Гебдонъ получалъ деньги изъ королевской казны на содержаніе пословъ, и утаивалъ, давалъ дурную пищу. На посольскомъ дворѣ занялъ

себѣ и дѣтямъ своимъ лучшія комнаты; доктору Самуилу и другимъ Нѣмцамъ, пріятелямъ своимъ, отвелъ комнаты хорошія, а дьяку и дворянамъ далъ палатишки тѣсныя, подъячему же отвелъ такую палатишку, что и войти въ нее скаредно. Гебдонъ говоритъ, что бояре на Москвѣ государю не радѣютъ, надобныхъ людей иноземцевъ беречь и взыскивать не умѣютъ; а которые иноземцы худые люди и умѣютъ жить ложью, до тѣхъ бояре добры и казною государевою такихъ обогащаютъ. И прежде при царѣ Михаилѣ бояре Иванъ Бор. Черкасскій и Өедоръ Ив. Шереметевъ худыхъ лживыхъ людей иноземцевъ жаловали: иной за собою сказывалъ рудознательство серебряное, иной другое мастерство, и тѣмъ выманивали много денегъ, а бояре имъ давали. Теперь отогнали отъ Архангельской пристани всѣхъ торговыхъ людей, и намъ Англичанамъ и подавно впередъ ѣздить не зачѣмъ: какіе товары привозили изъ московскаго государства, тѣ всѣ въ англійской землѣ завели. Царскіе подарки, присланные королю, Гебдонъ дешевилъ; о русскихъ людяхъ распускалъ слухи, что они пьянствуютъ, выпиваютъ въ день по 11 бочекъ; втораго посла Желябужскаго называлъ брюзгою и будто его дурость вѣдома всему Лондону.

Гебдонъ, въ свою очередь, писалъ въ Москву зятю своему, что Желябужскій вредитъ посольскому дѣлу, что король и вельможи и видѣть его не могли за его гордость; а какъ онъ уѣхалъ черезъ Францію въ Италію, то король и думные люди хвалятъ князя Прозоровскаго за его учтивость. Сынъ Гебдона писалъ, что послы приняты съ небывалыми почестями по радѣнью отца его, ежедневно отпускается имъ отъ короля по 200 серебряныхъ рублей; только Желябужскій унизилъ государево имя гордостью своею; а князь Прозоровскій у короля и вельможъ въ славѣ и чести высокой. Докторъ Самуилъ Коллинсъ писалъ, что весь дворъ про князя Прозоровскаго говоритъ все доброе, а Желябужскій гордъ, никого не почитаетъ и никому нелюбъ, когда уѣхалъ, то оказалось, что мебель въ его квартирѣ перепорчена и хоромы всѣ испоганены.

Въ Москвѣ однако, какъ видно, не такъ смотрѣли на Прозоровскаго и Желябужскаго, какъ въ Англіи: не Прозоровскому, а Желябужскому поручено было снестись съ герцогомъ курляндскимъ на счетъ мореплаванія; не Прозоровскому, а Желябужско-

му поручено было занять у англійскихъ купцовъ 31.000 ефимковъ. Желябужскій обратился къ купцамъ, предложилъ условіе, что уплата будетъ произведена въ Архангельскѣ пенькою и поташемъ; купцы отвѣчали, что дадутъ, но пусть поговоритъ прежде съ *воеводою* лондонскимъ (лордомъ меромъ). Воевода отвѣчалъ: «Радъ я работать великому государю, стану говорить торговымъ людямъ, кто что захочетъ дать, а иное и самъ дамъ, что смогу.» Желябужскій обратился и къ резиденту Гебдону, чтобъ порадѣлъ великому государю, промыслилъ ефимковъ; но тотъ отвѣчалъ: «Теперь нельзя давать взаймы: у Архангельска въ торгахъ стала неправда и неповольность; если дать въ займы, то почитай за пропалое. И прежде платежъ бывалъ займамъ худъ, а теперь и спрашивать нечего по нынѣшнимъ торгамъ и товарамъ, добывать мнѣ ефимковъ негдѣ и дѣла мнѣ до этого нѣтъ!» Нѣсколько разъ потомъ посылалъ Желябужскій къ воеводѣ и купцамъ, все обѣщались придти, наконецъ пришли и объявили: «Ефимковъ намъ дать нельзя, потому что товары въ Архангельскѣ стали дороги; отдаемъ здѣсь ваши товары дешевле чѣмъ покупаемъ, да и то никто не покупаетъ; у насъ и такъ много въ долгахъ пропадаетъ на московскихъ людяхъ, а сыску въ тѣхъ долгахъ нѣтъ.»

Желябужскій: «По чьему-нибудь нерадѣтельному умыслу не хотите дать ефимковъ, да и говорите затѣйное дѣло! Никогда у васъ въ займахъ ничего не пропадало.»

Купцы: «И теперь у насъ много по записямъ долговъ и задатковъ на московскихъ торговыхъ людяхъ пропадаетъ, а расправы нѣтъ. Да и пріѣздъ къ Архангельску передъ прежнимъ сталъ намъ тяжелъ отъ головъ и цѣловальниковъ. Еслибъ еще побывалъ въ головахъ Василій Шоринъ, а въ цѣловальникахъ Климшинъ, то бы и вовсе всѣхъ пріѣзжихъ иноземцевъ отогнали; такихъ мы другихъ неправедныхъ людей на свѣтѣ не видали.»

Желябужскій: «Все это къ моему дѣлу не относится: я прошу теперь взаймы для великаго государя и запись дамъ, что заплачено будетъ изъ царской казны; у васъ долги межъ своею братьею, и бейте челомъ на своихъ должниковъ великому государю; жалуйтесь и на тѣхъ, отъ кого вамъ тягость и налога въ торгахъ; во всемъ будетъ розыскъ и расправа.»

Купцы: «Въ Архангельскѣ мы всегда о долгахъ своихъ и задаткахъ бьемъ челомъ и у воеводъ указа просимъ; воеводы намъ

въ долгахъ и задаткахъ расправу чинятъ, а въ обидахъ отъ головъ и цѣловальниковъ отказываютъ, будто имъ воеводамъ до нихъ дѣла нѣтъ; а какъ прежде головъ и цѣловальниковъ вѣдали воеводы, то намъ было лучше ѣздить съ товарами.»

Не смотря ни на какія увѣщанія со стороны Желябужскаго, купцы рѣшительно отказали въ ефимкахъ. Пришелъ Голландецъ Артемій живописецъ и сталъ объяснять дѣло: «Купцы ефимковъ не дали по наговору Гебдона; онъ имъ говорилъ: не давайте ефимковъ: еслибъ царю нужно было здѣсь что-нибудь, то бы онъ къ вамъ прислалъ грамоту, или бы отписалъ ко мнѣ.» Толмачъ подтверждалъ то же самое.

Въ 1664 году пріѣхалъ въ Москву знатный посолъ, Говартъ графъ Карлейль, и, небывалое дѣло, пріѣхалъ съ женою и сыномъ. Въ грамотѣ своей Карлъ II извинялся передъ царемъ, что замедлилъ отправленіемъ торжественнаго посольства, но выборъ такого знатнаго человѣка, какъ родственникъ его графъ Карлейль долженъ показать особенное высокое почитаніе, которое онъ король питаетъ къ персонѣ царскаго величества. Бояре князья Ник. Ив. Одоевскій и Юрій Алекс. Долгорукій да окольничій Васил. Сем. Волынскій назначены были въ отвѣтъ; велѣно быть имъ въ золотахъ, съ образцами низаными, въ золотыхъ цѣпяхъ и черныхъ шапкахъ. Посолъ объявилъ наказъ королевскій: 1) извѣстить великому государю, чтобы онъ изволилъ утвердить съ королемъ прежнюю братскую дружбу и любовь; 2) просить возвращенія привилегій англійскимъ купцамъ. На первую статью отвѣчали, что государь братской дружбы и любви съ королемъ очень желаетъ; а на вторую статью послѣдовалъ отказъ: «Торговали Англичане въ московскомъ государствѣ безпошлинно лѣтъ сто и нажились, а узорочныхъ и другихъ товаровъ, которые были годны въ царскую казну, по своей заморской цѣнѣ не давали; заповѣдные товары привозили и вывозили тайкомъ; чужіе товары провозили за свои, чтобы не платить пошлинъ; одинъ изъ купцовъ Англійской Компаніи пріѣзжалъ въ Балтійское море на военномъ кораблѣ и хотѣлъ грабить царскихъ подданныхъ, которые ѣздятъ въ Швецію для торговли. Мы думаемъ, говорили бояре, что королю все это неизвѣстно: иначе онъ не сталъ бы просить о подтвержденіи прежнихъ жалованныхъ грамотъ.» — «Королю все извѣстно, отвѣчалъ посолъ: но теперь онъ проситъ привилегій, по-

тому что хочетъ пожаловать русскою торговлею людей себѣ вѣрныхъ, отъ которыхъ никакой неправды въ московскомъ государствѣ не будетъ: узорочные товары станутъ отдавать въ царскую казну по заморской цѣнѣ, товары станутъ привозить добрые, сукна нетянутыя.» *Бояре:* «Станутъ Англичане торговать въ Архангельскѣ съ пошлинами, и королевскому величеству убытка никакого не будетъ, а царскіе подданные начнутъ торговать въ Англіи, будутъ платить пошлины прямыя, и отъ того обоимъ государствамъ будетъ прибыль; если же Англичане будутъ торговать въ московскомъ государствѣ безпошлинно, то царской казнѣ будетъ большой убытокъ, а прибыли никакой.»

Послѣ долгихъ переговоровъ и письменныхъ пересылокъ, бояре объявили Карлейлю: «Великій государь, для прошенья любезнѣйшаго и вожделеннѣйшаго своего брата, указалъ англійскимъ гостямъ ѣздить въ Архангельскъ и изъ Архангельска въ Москву десяти человѣкамъ, людямъ добрымъ и въ правдѣ свидѣтельствованнымъ и королевскому величеству годнымъ, которыхъ королевское величество изволитъ выбрать вновь. Эти десять человѣкъ могутъ въ Москвѣ дворъ купить; пошлину съ своихъ товаровъ будутъ они платить наравнѣ съ другими иноземцами, пока у царскаго величества съ польскимъ королемъ и крымскимъ ханомъ война; а какъ война кончится, въ то время царское величество велитъ англійскимъ гостямъ указъ учинить по своему государскому милосердому разсмотрѣнію, какъ возможно.»

Посолъ былъ недоволенъ: «Если, говорилъ онъ, царское величество привилегій не возвратитъ, то какъ между обоими великими государями основанію дружбы быть крѣпку?»

— «А когда король отказалъ дать взаймы денегъ, то вѣдь отъ этого дружба не нарушилась,» былъ отвѣтъ.

Карлейль былъ сильно раздраженъ неуспѣхомъ своего дѣла, и въ этомъ раздраженіи позволилъ себѣ рѣзкія выраженія въ разговорахъ и на письмѣ. Такъ между прочимъ онъ позволилъ себѣ сказать, что московское правительство нарочно запросило такъ много денегъ у короля въ займы, чтобы придраться къ отказу и не дать привилегій купцамъ; ему платили тою же монетою, прямо говорили, что онъ взялъ большія деньги съ своихъ купцовъ и потому такъ сильно хлопочетъ о возстановленіи привилегій. Чтобы выторговать привилегію, Карлейль предложилъ посредничество

Англіи въ примиреніи Россія съ Польшею. Думные люди объявили ему, что государь согласенъ и чтобы онъ, посолъ, отправилъ отъ себя поскорѣе гонца къ польскому королю.—«Гонца послать мнѣ трудно, отвѣчалъ Карлейль, потому что прежнимъ моимъ дѣламъ рѣшенія нѣтъ; прежде всего надобно возстановить теперь же привилегіи англійскимъ купцамъ.»—«Тебѣ о привилегіяхъ объявлено, говорили думные люди, и перемѣны въ рѣшеніи не будетъ.» — «А если перемѣны не будетъ, отвѣчалъ Карлейль, то я къ польскому королю гонца не пошлю и самъ не пойду, дѣлать мнѣ тамъ нечего; бью челомъ великому государю объ отпускѣ. Еслибы царское величество королевское прошенье исполнилъ теперь же при мнѣ, то я бы царскому величеству былъ вѣчно работникомъ. Послалъ меня король для этото дѣла нарочно. Когда я къ королевскому величеству пріѣду и отвѣтъ ему царскій передамъ, то онъ скажетъ, что такой же отвѣтъ данъ и Кромвелеву послу, хотя бы онъ и гонца послалъ, то и тотъ такой же бы отвѣтъ привезъ, и думаю, что впередъ король нашъ къ царскому величеству великихъ пословъ присылать не будетъ. Жаль, что это дѣло сдѣлалось не при мнѣ; а еслибы порѣшено было при мнѣ, то я бы смѣло объявилъ, что царскому величеству заплатилось бы въ десять и въ двадцать разъ.»

Никакія представленія не помогли. Карлейль съ досадою уѣхалъ въ Швецію, давши знать въ Англію о безуспѣшности своего посольства. Въ Москвѣ были увѣрены, что Карлейль захочетъ сорвать свое сердце предъ королемъ, и поспѣшили послать въ Лондонъ стольника Дашкова для объясненій. Если Прозоровскій и Желябужскій были встрѣчены съ небывалыми почестями, то Дашковъ испыталъ небывалое безчестье: ему не дали ни подводъ, ни кормовъ, ни квартиры; на жалобы его отвѣчали: «Послу нашему Карлейлю была у васъ честь обычная, и о чемъ было съ нимъ наказано, того ничего не сдѣлали.» Дашковъ объяснилъ, что Карлейль велъ дѣло не такъ, какъ слѣдуетъ: толковалъ все о возвращеніи привилегій купцамъ, называя эти привилегіи основаніемъ братской дружбы и любви между обоими государями; но основаніе братской дружбы между ихъ величествами заключается въ ихъ взаимномъ благожеланіи, а не въ привилегіяхъ; привилегіи не могутъ быть основаніемъ безцѣнной, дражайшей и свѣтлѣйшей солнца дружбы и любви между государями, какъ

земля не можетъ быть подошвою солнцу.» Къ Дашкову явился Гебдонъ съ предложеніемъ услугъ царскому величеству: «Мнѣ съ вами говорить не велѣно, но, помня великаго государя милость, скажу по секрету: Карлейль въ Швеціи заключилъ договоръ, чтобы шведскому королю съ нашимъ королемъ быть въ союзѣ противъ царскаго величества; англійскимъ купцамъ къ Архангельску не ходить и голландскихъ и другихъ народовъ кораблей не пропускать, ѣздить Англичанамъ за русскими товарами въ Ригу, Ревель и Нарву, и торговать безпошлинно. Король нашъ говорилъ съ боярами: «У русскаго государя съ польскимъ королемъ война не скоро кончится, а съ крымскимъ ханомъ у него и никогда миру не бываетъ: такъ нашимъ компанейщикамъ долго ждать.» Карлейлева посылка стала королю во многія тысячи, а компанія ему за это не заплатитъ, потому что дѣло не сдѣлано; для московской посылки изъ королевской казны дано Карлейлю 20.000 рублей.» Гебдонъ хвалился, что онъ уговариваетъ вельможъ не заключать союза съ Швеціею противъ царя, представляя, что Россіи этимъ они вреда большаго не сдѣлаютъ, а безъ русскихъ товаровъ имъ обойтись нельзя. Король отпустилъ Дашкова весною 1665 года, велѣвши заплатить ему 1200 рублей за то, что жилъ все время на своемъ.

Во время войны Англичанъ съ Голландцами, царь чрезъ находившагося у него въ службѣ Шотландца, полковника Гордона, далъ знать Карлу II, что онъ запретилъ продавать Голландцамъ у Архангельска лѣсъ и другіе корабельные припасы. Съ отвѣтомъ явился въ Москву въ 1667 году старый знакомый Гебдонъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла королевскаго. Гебдонъ объявилъ о неправдахъ Голландскихъ Штатовъ, которые, забывъ помощь, оказанную имъ нѣкогда королевою Елисаветою противъ испанскаго короля, начали теперь противъ Англіи войну и поступаютъ въ этой войнѣ гордо. Король велѣлъ просить царское величество о возвращеніи привилегій англійскимъ купцамъ, что уже было обѣщано Карлейлю. Король узналъ, что у Голландцевъ, торгующихъ въ Россіи, объявилась фальшивость, и потому велѣлъ просить царское величество, чтобы этихъ Голландцевъ, за ихъ обманы и за то, что они королевскому величеству непріятели, приказалъ выслать изъ московскаго государства. Но потомъ Гебдонъ прибавилъ: «По указу королевскому я объявилъ о Гол-

ландцахъ, чтобы ихъ изъ московскаго государства выслать; но теперь слухъ носится, что у государя моего съ голландскими Штатами заключенъ миръ: такъ насчетъ высылки Голландцевъ полагаюсь я на волю и на разсужденіе великаго государя.»

Самъ посольскихъ дѣлъ оберегатель, бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ написалъ отвѣтъ Гебдону, что видно по хорошо знакомому намъ слогу, тяжелому, темному и вычурному: «Всегда отъ Бога данная христіанамъ радость, чтобы они въ покоѣ и въ умноженіи торговыхъ пожитковъ пребывали, а непріятели христіанскіе отъ того въ страхѣ были. Нынѣ въ московскомъ государствѣ торговыя статьи учинены великимъ разсмотрѣніемъ, чтобъ торговля происходила безъ ссоръ и безъ обиды; прежнимъ компаніямъ быть негодится, потому что отъ тѣхъ больше ссоры, чѣмъ дружбы: открылось, что иноземцы торгуютъ *подкрадными обидными* товарами, тайные подряды дѣлаютъ и многими долгами русскихъ людей обременяютъ.» Понятно, что Гебдонъ не былъ доволенъ этимъ отвѣтомъ: онъ возражалъ, что обѣщаніе, данное Карлейлю, нарушено; обѣщано было возвратить привилегію, какъ скоро прекратится война съ Польшею; теперь война прекратилась, а привилегій возвратить не хотятъ. Никакія представленія не были приняты.

Существенный вопросъ въ сношеніяхъ съ Англіею былъ рѣшенъ; другихъ общихъ интересовъ не было. Но когда Турки напали на Польшу, то царь Алексѣй Михайловичъ, по неопытности въ европейскихъ дѣлахъ, взялся пригласить всѣхъ европейскихъ государей къ поданію помощи Польшѣ противъ враговъ Креста Христова. Съ этою цѣлію отправился въ Англію переводчикъ посольскаго приказа Андрей Виніусъ. Ему сказали, что король не можетъ помочь Польшѣ по двумъ причинамъ: вопервыхъ, мѣшаетъ война съ Голландцами, которая занимаетъ весь англійскій флотъ, больше семидесяти военныхъ кораблей; вовторыхъ, въ Турціи живетъ множество англійскихъ купцовъ, и если король начнетъ войну противъ Турокъ, то султанъ велитъ всѣхъ Англичанъ ограбить или побить. Сверхъ того при дворѣ султана всегда живетъ англійскій посолъ.—Виніусъ впервые внесъ въ свой статейный списокъ извѣстія объ образѣ правленія въ Англіи: «Правленіе англійскаго королевства, или какъ общимъ именемъ именуютъ, Великой Британіи, есть отчасти монархіально (едино-

властно), отчасти аристократно (правленіе первыхъ людей), отчасти демократно (народоправительно). Монархіально есть, потому что имѣютъ Англичане короля, который имѣетъ отчасти въ правленіи силу и повелѣніе, только не самовластно. Аристократно и демократно есть потому: во время великихъ дѣлъ, начатія воины или учиненія мира, или поборовъ какихъ денежныхъ, король созываетъ парламентъ или сеймъ. Парламентъ дѣлится на два дома: одинъ называютъ вышнимъ, другой нижнимъ домомъ. Въ вышнемъ собираются сенаторы и шляхта лучшая изо всей земли; въ другомъ собираются старосты мірскихъ людей всѣхъ городовъ и мѣстъ, и хотя что въ вышнемъ домѣ и приговорятъ, однако безъ позволенія нижняго дома совершить то дѣло невозможно, потому что всякіе поборы денежные зависятъ отъ меньшаго дома. И потому вышній домъ можетъ назваться аристокрація, а нижній демократія. А безъ повелѣнія тѣхъ двухъ домовъ король не можетъ въ великихъ дѣлахъ никакого совершенства учинить.»

Мы видѣли, что при объявленіи войны Польшѣ царь Алексѣй Михайловичъ счелъ нужнымъ увѣдомить объ этомъ Французскаго короля. Сочли также нужнымъ объявить Людовику XIV и о прекращеніи войны: въ 1668 году отправился во Францію стольникъ Петръ Потемкинъ съ дьякомъ Румянцевымъ и представился королю въ С. Жерменѣ. Людовикъ отвѣчалъ, что очень радъ прекращенію войны и проситъ всемогущаго Бога о совершеніи вѣчнаго докончанія. Будучи въ отвѣтѣ, посланники говорили королевскимъ думнымъ людямъ: 1) великій государь желаетъ быть съ королевскимъ величествомъ въ братской дружбѣ и любви; 2) для подкрѣпленія этой дружбы и любви изволилъ бы король послать къ царскому величеству своихъ пословъ или посланниковъ; 3) съ обѣихъ сторонъ торговымъ людямъ ходить и торговать во всѣхъ городахъ. Думные люди на эти статьи отвѣчали слѣдующими статьями: 1) Быть доброму и долговѣчному покою, соединенію и пріятству между царскимъ и королевскимъ величествами и ихъ наслѣдниками. 2) Быть во всякомъ покоѣ и братской любви, честь и славу о себѣ воздавать во всѣ окрестныя государства. 3) Укрѣпить навѣки, чтобы одинъ на другаго не наступалъ и другъ другу убытка не чинилъ. 4) Царскаго величества людямъ приходить и торговать во всѣ французскія государства съ великою вольно-

стію, не платя за пріѣздъ ничего; съ товаровъ ихъ пошлину брать какъ съ другихъ иноземныхъ торговыхъ людей; домы, погреба и анбары нанимать имъ безо всякой трудности; торговать горою и водою всякими товарами безъ помѣшки и дворы строить; брать пошлину только съ тѣхъ товаровъ, которые будутъ въ продажѣ; всякіе французскіе товары отвозить имъ куда кто захочетъ. 5) Московскимъ людямъ, которые будутъ жить во французскомъ государствѣ, налоговъ и обидъ не будетъ; подати платить имъ, какъ платятъ французскіе торговые люди; для своихъ расправъ держать имъ своего судью, и службу Божію отправлять имъ по своей вѣрѣ со всякою вольностію. 6) Французскимъ торговымъ и другихъ чиновъ людямъ ѣздить чрезъ московское государство во всѣ другія окрестные государства и въ Персію; проѣздъ имъ и въ вѣрѣ вольность такъ же какъ и русскимъ людямъ во Франціи; съ проѣзда и отъѣзда пошлинъ не брать; съ товаровъ пошлины брать, какъ брали съ англійской компаніи— половину, и съ русскихъ людей за то будутъ брать во Франціи половинную же пошлину.

Посланники не вступили въ договоръ и не дали никакого письменнаго отвѣта, послали только сказать думнымъ людямъ съ приставомъ, что о торговыхъ дѣлахъ договариваться имъ не наказано, пусть король отправляетъ за этимъ дѣломъ свое посольство въ Москву. Пришли къ посланникамъ купцы и начали говорить о тѣхъ же условіяхъ, какія предложены были и въ статьяхъ. «Ступайте для купечества въ Архангельскъ, сказалъ имъ Потемкинъ: налоговъ и обидъ никакихъ вамъ не будетъ, пошлину возьмутъ какъ съ другихъ иноземцевъ.» «Безъ договора и постановленья въ такой дальній путь ѣхать намъ не надежно.» отвѣчали купцы. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Несмотря на явно выказанное Людовикомъ XIV нежеланіе вступаться въ дѣла восточной Европы, царь въ 1670 году отправилъ къ нему грамоту, въ которой извѣщалъ, что русскіе уполномоченные и польскіе коммиссары для заключенія вѣчнаго мира назначили его, короля, въ посредники, вмѣстѣ съ императоромъ нѣмецкимъ, королемъ шведскимъ и датскимъ, и курфирстомъ браденбургскимъ. Наконецъ въ 1673 году тотъ же Виніусъ, котораго мы видѣли въ Англіи съ требованіемъ помощи Польшѣ противъ Турокъ, отправился съ этимъ предложеніемъ и

къ Людовику XIV, котораго засталъ на походѣ во Фландрію; король отвѣчалъ, что война съ Голландцами мѣшаетъ ему исполнить желаніе царя.

Не была забыта и далекая Испанія. Уже знакомый намъ стольникъ Петръ Потемкинъ ѣздилъ въ 1667 году въ Мадридъ; царская грамота, объявлявшая о прекращаніи войны съ Польшею, была написана на имя короля Филиппа IV; но посланникъ вручилъ ее преемнику Филиппа, молодому Карлу II: «Имя предковъ нашихъ, писалъ царь, во всѣхъ государствахъ славится, и Великая Россія отъ года въ годъ во благихъ пріумножается, многіе окрестные государи любительную и спомочную ссылку съ нами имѣютъ, а съ вами, великимъ государемъ, любительныя ссылки даже до сего времени удержаны были, или за отдаленіемъ страны, или по волѣ Всесильнаго Бога, строящаго все непостижимо въ ожиданіи лучшаго времени.» Карлъ въ своей грамотѣ отвѣчалъ, что немедленно отправитъ пословъ въ Россію, а до тѣхъ поръ приказалъ онъ по всѣмъ своимъ морскимъ пристанямъ допускать царскихъ подданныхъ къ вольной торговлѣ, надѣясь, что и царь сдѣлаетъ тоже самое для Испанцевъ. Дорога была проложена, и въ 1673 году Виніусъ изъ Франціи заѣхалъ въ Испанію съ извѣстнымъ приглашеніемъ подать помощь Польшѣ противъ Турокъ. Онъ привезъ отвѣтъ, что Карлъ II, по свойству съ королемъ польскимъ, намѣренъ помочь ему деньгами, войскомъ же помочь неудобно по причинѣ дальняго разстоянія.

Италія напомнила сама о себѣ. Венеціанская республика въ борьбѣ своей съ Турками, которая приходилась ей не подъ силу, искала всюду помощи. Зная хорошо отношенія христіанскаго народонаселенія Балканскаго полуострова къ Россіи, и слыша объ успѣхахъ царскаго оружія въ польскихъ областяхъ, она въ 1656 году отправила посольство въ Москву съ просьбою, чтобы царь велѣлъ донскимъ козакамъ напасть на Турокъ и развлечь ихъ силы, также, чтобы позволилъ Венеціанамъ вольную торговлю въ Архангельскѣ. Москвѣ было въ это время не до Турокъ: польская война, повидимому оканчивалась, но она привела за собою другую войну, шведскую. Денежныя средства истощились въ Москвѣ и здѣсь хотѣли воспользоваться Венеціанскимъ посольствомъ, чтобы попытаться, нельзя ли занять денегъ у республики, слывшей, по старымъ преданіямъ, богатою. Осенью того же 1656 года

отправились въ Венецію моремъ изъ Архангельска на голландскихъ корабляхъ царскіе посланники стольникъ Чемодановъ и дьякъ Посниковъ, повезли съ собою, по обычаю, государевы и патріаршіе товары на продажу. Въ Атлантическомъ океанѣ 27 октября ночью застигла ихъ буря: многія волны въ корабли вливались и въ верхнія жилья въ окошки валами било, много рухляди помочило; въ среднемъ жильѣ было воды на аршинъ и больше, а наверху попоясъ человѣку, изъ государевой казны бочку ревеню потопило. Въ то время на кораблѣ былъ плачь и вопль великій; посланники и всѣ государевы люди начали пѣть молебенъ, и буря утихла. Прошла одна бѣда, впереди ждала другая: противъ Лиссабона увидали 14 кораблей, приняли ихъ за разбойничьи, варварійскіе, и приготовились къ бою; но оказалось, что идутъ разныхъ государствъ торговые Нѣмцы изъ Испаніи; Нѣмцы однако сказали, что на Средиземномъ морѣ къ Ливорнѣ гуляютъ въ корабляхъ турскіе люди. Дѣйствительно, проѣхавши *Узкое мѣсто* (Гибралтарскій проливъ), встрѣтили три разбойничья корабля. Посланники и всѣ русскіе люди, видя турскихъ воровскихъ людей нахожденіе и напускъ, Всемилостивому Спасу и Пречистой Его Матери молебное пѣніе со слезами воздавали. Разбойники, исправясь по вѣтру и устремясь къ бою, за кораблями гнались быстрымъ ходомъ, и догнали; но увидавъ на корабляхъ государевыхъ людей боевыя знамена и осторожность, не посмѣли напасть, и ночью исчезли. 25 ноября посланники пріѣхали въ Ливорно, гдѣ были встрѣчены съ большимъ почетомъ. Такой же пріемъ ждалъ ихъ и во Флоренціи; самъ герцогъ Фердинандъ посѣтилъ ихъ и говорилъ: «Великій государь вашъ пожалуетъ ли моихъ подданныхъ, торговыхъ людей, велитъ ли у Архангельска покупать икру и другіе товары? а я государскому жалованью и совѣту радъ, и что великому государю въ моей державѣ годно, ни за что не стою, до скончанія живота радъ служить и помогать.» Черезъ Феррару провожалъ посланниковъ генералъ, папскій внукъ; поровнявшись съ церковію, онъ сказалъ имъ: «вотъ костелъ св. Георгія, гдѣ доверщенъ осьмой соборъ, начатой во Флоренціи.» «Тотъ ли это осьмой соборъ, спросилъ Чемодановъ, котораго во Флоренціи не далъ довершить и разогналъ св. Маркъ Ефесскій?» «Я не знаю, зачѣмъ онъ во Флоренціи не довершенъ, только знаю, что онъ довершенъ здѣсь, въ этомъ костелѣ,» отвѣчалъ генералъ.

Въ Венеціи къ посланникамъ явились Греки съ поклономъ: «Ради мы, говорили они, что Богъ велѣлъ намъ видѣть посланниковъ такого великаго восточнаго государя, православныхъ христіанъ нашего закона; пожалуйте, велите намъ къ вашей милости приходить почаще; пришли мы доложить, когда изволите посѣтить благочестивую церковь греческой вѣры? мы къ тому времени велимъ изготовиться и станемъ молебенъ пѣть о государевомъ и царевичевомъ здоровьѣ.» «Дадимъ вамъ объ этомъ знать, какъ время будетъ,» отвѣчали послы.

Пришли приставы отъ правительства и объявили, что дожъ боленъ ногами, и потому посланниковъ примутъ честные владѣтели; а въ княжомъ мѣстѣ сядетъ старшій между ними, которому посланники и подадутъ грамоту. «Этому быть невозможно, отвѣчалъ Чемодановъ: посланы мы къ вашему князю, велѣно намъ его видѣть и грамоту подать ему.» «Это все равно, говорили приставы: дѣла, о которыхъ писано въ грамотѣ къ князю, намъ же ихъ дѣлать; князь ихъ не дѣлаетъ и не вѣдаетъ ничего.» «Если князь вашъ не дѣлаетъ ничего, возразилъ Чемодановъ, если государствомъ правите вы, то вы бы въ грамотѣ къ царскому величеству писали имена свои вмѣстѣ съ княжескимъ.» Положили дожидаться выздоровленія дожа. Пріемъ послѣдовалъ 22 января 1657 года; посланники объявили, что государь позволилъ Венеціанамъ торговать у Архангельска повольною торговлею съ платою обыкновенныхъ пошлинъ; касательно же главнаго дѣла, высылки донскихъ козаковъ, сказали: «Великій государь всегда о томъ тщаніе имѣетъ, чтобы православное христіанство изъ бусурманскихъ рукъ высвободилось; только теперь его царскому величеству начать этого дѣла нельзя, потому что онъ пошелъ на непріятеля своего; а какъ, за Божіею помощію, съ непріятелемъ управится, то велитъ заключить договоръ съ вами, какъ стоять на общаго христіанскаго непріятеля.» Наконецъ посланники объявили главное дѣло, за которымъ были присланы, объявили великія неправды шведскаго короля, и что царское величество злому его начинанію терпѣть не станетъ: «такъ вашему княжеству и честнымъ владѣтелямъ къ царскому величеству любовь свою и доброхотство показать, прислать на помощь ратнымъ людямъ въ займы золотыхъ или ефимковъ, сколько можно, и прислать бы поскорѣе.»

Князь и честные владѣтели нехорошо выразумѣли: какъ это

московскій государь помогать противъ Турокъ откладываетъ до другаго времени, а денегъ взаймы проситъ поскорѣе? Для разясненія дѣла пріѣхалъ къ посланникамъ приставъ и спросилъ: «Скажите мнѣ, за то ли государь у насъ проситъ казны, что хочетъ помочь намъ на Турка?»—«Ты говоришь непристойныя слова, простыя, былъ отвѣтъ: великій государь нашъ если изволитъ послать рать свою на Турка, то пошлетъ для избавленія христіанъ, а не изъ-за денегъ. По чьему указу говоришь ты эти бездѣльныя слова: приказалъ тебѣ это князь или владѣтели?» Приставъ призадумался и отвѣчалъ: «Я это сказалъ отъ себя.» Когда дѣло уяснилось, венеціанское правительство дало отвѣтъ: «Уже тринадцатый годъ, какъ мы воюемъ съ Турками: разумъ нашъ и охота не ослабѣваютъ, но казнѣ убытокъ большой, и потому съ прискорбіемъ должны отказать царскому величеству; надѣемся, что узнавши бѣдность нашу, онъ не прогнѣвается на насъ.»

Посланники были въ греческой церкви, гдѣ были встрѣчены съ большимъ торжествомъ, съ радостными слезами. Послѣ амвонной молитвы духовенство вышло изъ алтаря и одинъ изъ дьяконввъ говорилъ посланникамъ рѣчь: «Родъ греческій, живущій въ семъ преславномъ градѣ Венеціи, молитъ Вседержителя: дай Господи, чтобы пресвѣтлый, непобѣдимый, сильный, преславный, благочестивый и благовѣрный защитникъ церкви Божіей восточной, рачитель благочестія, великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, утѣшитель рода христіанскаго здравъ былъ на многія лѣта. Какъ пресвѣтлое солнце возсталъ онъ на искорененіе тьмы невѣрія, на соблюденіе и соединеніе благочестивой христіанской вѣры, на побѣжденіе враговъ Божіихъ; какъ второй Константинъ явился для освобожденія вѣрныхъ христіанъ Грековъ изъ рукъ поганыхъ Турокъ; молимъ Всемогущаго Бога, чтобы всегда отъ его царскаго пресвѣтлаго меча мусульманы въ порабощеніи и побѣжденія были.» Послѣ обѣда Греки говорили посланникамъ: «Ѣздимъ мы изъ Венеціи въ Турцію со всякими товарами часто и съ Турками торгуемъ; многіе Турки говорили намъ: Богъ далъ московскому государю побѣду надъ Поляками и другими государствами, и у насъ въ Турціи слава о томъ великая. Султанъ и паши, сыскавъ въ своихъ гадательныхъ книгахъ, говорятъ, что пришло время и Цареграду быть за русскимъ государемъ, живутъ съ великимъ опасеніемъ, въ Цареградѣ на дол-

гое время ворота бываютъ засыпаны; боясь Русскихъ. Турки начали сильно притѣснять насъ Грековъ; но мы надѣемся на милость Божію и на заступленіе великаго государя, что онъ высвободитъ насъ изъ бусурманскихъ рукъ.» Но прежде Грековъ великому государю нужно было освобождать своихъ Русскихъ изъ бусурманскихъ рукъ: къ посланникамъ въ Венеціи явилось больше 50 человѣкъ Русскихъ, освободившихся изъ турецкаго плѣна; они пришли за милостынею и объявили, что другіе ихъ братья плѣнники пошли разными государствами въ Москву.

Почетный пріемъ, сдѣланный Чемоданову во Флоренціи, обратилъ вниманіе царя, и въ 1559 году отправился туда дворянинъ Лихачевъ. На этотъ разъ пріемъ былъ еще лучше: великій герцогъ Фердинандъ Медичи, принявъ государеву грамоту, поцѣловалъ ее, и сталъ говорить со слезами: «За что меня, холопа своего, вашъ пресловутый во всѣхъ государствахъ и ордахъ великій князь, изъ дальняго великаго града Москвы поискалъ и любительную свою грамоту и поминки прислалъ? Онъ, великій государь, отстоитъ отъ меня, что небо отъ земли; преславенъ онъ отъ конецъ до конецъ вселенныя, имя его страшно во всѣхъ государствахъ: и что мнѣ бѣдному воздать за его великую и премногую милость? Я, братья мои и сынъ великаго государя рабы.» Посланника поставили въ великогерцогскомъ дворцѣ. Лихачевъ, подобно Чемоданову, попалъ въ Италію прямо изъ Архангельска, обогнувши моремъ западную Европу: понятно слѣдовательно, какъ поразили его чудеса природы и искусства въ отечествѣ Медичи: «На княжомъ дворѣ палаты объ осьми жильяхъ, числомъ ихъ 250, во всѣхъ запоны дорогія, столы аспидные, писаны золотомъ, травы, полаты подписаны золотомъ, чернилица золотая, фунтовъ тридцать, а вмѣсто песка руда серебряная; кресла крыты бархатомъ. На томъ же княжомъ дворѣ садъ рыбный, рыбы живыя, вода вверхъ взведена сажени съ четыре, устроенъ Іорданъ и выше Іордана сажени съ двѣ вверхъ безпрестанно вода прыгаетъ на дробныя капли, а къ солнцу что камень хрусталь. А около княжаго двора деревья кедровыя и кипарисныя и благоуханіе великое, о Крещеньи жары великія, какъ у насъ объ Ивановѣ дни; яблоки великія и лимоны родятся по дважды въ годъ, а зимы во Флоренскѣ не бываетъ ни одного мѣсяца.» Герцогъ велѣлъ приготовить для посланника театральное представленіе, стоившее

8000 ефимковъ: «Князь приказалъ играть: объявились палаты, и бывъ палата и внизъ уйдетъ, и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ же палатахъ объявилося море колеблемо волнами, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ; а вверху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди: и почали облака съ людьми на низъ опущаться, подхватя съ земли человѣка подъ руки, опять вверхъ же пошли; а тѣ люди, которые сидѣли на рыбахъ, туда же поднялися вверхъ. Да спущался съ неба же на облакѣ человѣкъ въ каретѣ, да противъ его въ другой каретѣ прекрасная дѣвица, а аргамачки подъ каретами какъ быть живы, ногами подрягиваютъ; а князь сказалъ, что одно солнце, а другое мѣсяцъ. И многіе предивные молодцы и дѣвицы выходятъ изъ занавѣса въ золотѣ и танцуютъ.» Русскаго человѣка изумлялъ благодатный югъ, а южнаго владѣтеля занималъ дальній сѣверъ, дикая природа съ ея естественными первобытными богатствами: «Флоренскій князь распрашивалъ и смотрѣлъ по чертежу про сибирское государство, и по скольку который звѣрь плодится, тому роспись взялъ. А сибирскому государству и плоду соболиному, что ихъ много, и куницамъ, и лисицамъ, и бѣлкамъ и инымъ звѣрямъ зѣло дивился, какъ ихъ нельзя выловить? А у нихъ никакого звѣря нѣтъ, потому что мѣста очень гористы, а не лѣсны, лѣсъ все саженый. Флоренскаго князя княгиня била челомъ посланнику, чтобы ей сдѣлали по русскому обычаю двѣ шубки, чѣмъ ей подарить новобрачную невѣстку свою, и онъ шубки сдѣлать велѣлъ подъ камкою и подъ тафтою: у одной исподъ горностайный, а у другой бѣлій; и княгиня надѣла на себя и дивилась, что урядно выдѣлали».

Венеціанское правительство, озадаченное требованіемъ Чемоданова, уже не отправляло болѣе посольства въ Москву; но Московское правительство вспомнило о республикѣ, знаменитой своею борьбою съ Турками, когда нужно было готовиться къ войнѣ съ Портою. Въ 1668 году торговый иноземецъ Келдерманъ повезъ дожу и сенату грамоту отъ царя, въ которой высказывалось удивленіе, почему они не подаютъ о себѣ никакой вѣсти, и объявлялось, что великій государь заключилъ миръ съ королемъ польскимъ и союзъ противъ бусурманъ; объявлялось, что въ Москвѣ заключенъ торговый договоръ съ компаніею персидскихъ Армянъ, по которому персидскіе товары пойдутъ исключительно черезъ Россію; и есть надежда, что персидскій шахъ обратитъ свое

оружіе противъ Турокъ. Дожъ и Сенатъ въ отвѣтной грамотѣ благодарили государя и изъявляли желаніе, чтобы и всѣ христіанскіе государи соединились противъ Турокъ.

Нападеніе Магомета IV на Польшу заставило снова царя вспомнить о Венеціи. Извѣстный намъ Менезіусъ изъ Вѣны долженъ былъ заѣхать въ Венецію съ приглашеніемъ къ союзу противъ Турокъ. Сенатъ отвѣчалъ: «Боже помоги царскому величеству наступающую непріязнь сокрушить и христіанскихъ государей успокоить.» Наконецъ изъ Венеціи Менезіусъ поѣхалъ въ Римъ съ царскою грамотою къ папѣ Клименту X-му: «Вамъ бы, папѣ и учителю римскаго костела, къ намъ, великому государю, отписать: по должности христіанской на общаго непріятеля брату нашему, его королевскому величеству, войсками своими помогать станете ли? и если помочь захотите, то вамъ бы къ намъ обосылаться грамотою вскорѣ, какими мѣрами, въ которое время и въ какихъ мѣстахъ быть этой помощи, чтобы заключить чрезъ общихъ посланниковъ договоръ. Да и къ окрестнымъ государямъ вамъ писать же, чтобы и они королевскому величеству были помощниками, а именно писать къ Людвику королю французскому и Карлу королю англійскому, чтобы они войну съ голландскими штатами прекратили, и войска свои противъ общаго христіанскаго непріятеля обратили.»

Пріѣхавши въ Римъ, Менезіусъ прежде всего объявилъ условія пріемной и отпускной церемоніи: папа долженъ слушать именованье и титулъ великаго государя стоя, грамоту принять и свою дать также стоя; прежде чѣмъ грамота будетъ запечатана, показать ее посланному для удостовѣренія, что титулъ царскій написанъ сполна. Папскій церемоніймейстеръ объявилъ на это свои условія: папа во все время пріема и отпуска будетъ сидѣть; посланный долженъ цѣловать ногу у его святѣйшества; указывать папѣ, чтобы онъ дѣлалъ иначе, нельзя. «Ногу папежскую цѣловать отнюдь мнѣ не велѣно, говорилъ Менезіусъ, потому что великій государь нашъ католицкому римскому закону не повинуется; да и въ прошлыхъ годахъ, когда Греки съ латинцами были въ соединеніи вѣры, и тогда Греки папу въ ногу не цѣловали. Когда въ 1438 году пріѣзжалъ въ Феррару къ папѣ Евгенію IV-му цареградскій патріархъ Іосифъ съ митрополитами и епископами, то папа цѣловался съ ними помонашески, и потомъ митрополиты

и епископы и иные чины цѣловали его въ руки.» — «Если, продолжалъ церемоніймейстеръ, къ папѣ пріѣдетъ цесарь или какой другой христіанскій потентатъ, и ногу папежскую цѣловать не будетъ, то папу видѣть не можетъ.»—«Когда такъ, отвѣчалъ Менезіусъ, то пусть папа велитъ меня отпустить.»

Отпустить не согласились, и посланный не цѣловалъ ноги у папы, только «наклонили по римскому обычаю, впрямь до колѣнного приклоненія и вскорѣ подняли, а голову не наклоняли.» Когда Менезіусъ началъ подавать папѣ царскую грамоту, то его *понизили*. Папа принялъ грамоту сидя, и, отдавъ ее первому церемоніймейстеру, сказалъ: «Радуюсь, видя посланника отъ вашего государя; а что вашъ государь въ своей грамотѣ у насъ спрашиваетъ, то мы съ радостію будемъ исполнять и вскорѣ отвѣтъ учинимъ.» Когда папа кончилъ, церемоніймейстеры наклонили Менезіуса до папиныхъ колѣнъ, и когда папа, вставъ, далъ всѣмъ благословеніе, Менезіуса понизили на колѣни. Посланный выговаривалъ потомъ кардиналу Алтерію, зачѣмъ его наклоняли силою? Кардиналъ отвѣчалъ, что всѣ посланники исполняютъ заведенный при папскомъ дворѣ обычай и слушаются церемоніймейстеровъ.

Менезіусъ ѣздилъ и къ бывшей шведской королевѣ Христинѣ, принявшей католицизмъ и жившей тогда въ Римѣ. «Очень рада, сказала Христина посланному, что царское величество изволилъ прислать къ папѣ; если я чѣмъ-нибудь могу радѣть въ дѣлахъ государевыхъ, то должна это дѣлать, потому что когда я на королевствѣ шведскомъ королевствовала, то между нами былъ союзъ, который я буду вѣчно помнить.»

Начали писать отвѣтную грамоту, и тутъ встрѣтилось непреодолимое затрудненіе. Менезіусу объявили: «Папа напишетъ великаго государя именованіе и титулъ, какъ они написаны въ царской грамотѣ, напишетъ свыше всѣхъ потентатовъ: *вельможнѣйшему;* только невозможно назвать государя вашего царемъ, потому что царь и цесарь одно и то же слово, и если написать царемъ, то цесарь и другіе потентаты станутъ на папу сердиться.» На это Менезіусъ показалъ грамоты императорскую, венеціанскую, курфюрстовъ бранденбургскаго и саксонскаго, гдѣ государь былъ названъ царемъ. Но этимъ неудовольствовались; папа прислалъ спросить: что такое царь? Менезіусъ отвѣчалъ: «Какъ

называется папа, цесарь римскій, султанъ турецкій, шахъ персидскій, ханъ крымскій, моголъ индѣйскій, претіанъ абиссинскій, зерефъ арабскій, колманъ булгарскій, деспотъ пелопонейскій, калифъ вавилонскій и другіе, такъ точно на славянскомъ языкѣ называется: царь Россійскій.» — «Какъ перевести царь полатынѣ?» спрашивали Менезіуса. — «Перевести нельзя, отвѣчалъ онъ: но вѣдь вы безъ перевода пишете же латинскими буквами всѣ вычисленныя мною названія государей!»

Кардиналъ Барберини говорилъ Менезіусу: «Если теперь папа не исполнитъ достоинства царскаго величества, то послѣ его кто будетъ папой изъ насъ старыхъ кардиналовъ, тогда царское достоинство будетъ исполнено; мы, кардиналы старые къ великому государю пошлемъ грамоту съ повинною, напишемъ именованіе и титулъ вполнѣ, только бы теперь великій государь на насъ не сердился, потому что папскою властію и словомъ папскимъ владѣетъ племянникъ папскій кардиналъ Алтеріи и дѣлаетъ все по своему для своей временной гордости, что положитъ папѣ на языкъ, то папа и говоритъ.»

Наконецъ Менезіуса позвали на тайную аудіенцію къ папѣ. «Зачѣмъ ты у меня не хочешь принять грамоты?» спросилъ Климентъ— «Великій государь нашъ, отвѣчалъ Менезіусъ, писалъ къ вамъ для имени Божія и должности христіанской о помощи брату его, королю польскому противъ общаго христіанскаго непріятеля, турскаго султана. Вы, папа и учитель римскаго костела, великому государю любви своей не оказали, не хотѣли назвать его царемъ; а вамъ, папѣ и учителю римскаго костела, должно чинить соединеніе, а не разрушеніе.»—«Невозможное это дѣло, сказалъ папа, потому что моя братья, прежніе папы, этого не дѣлали; у насъ было уже засѣданіе съ кардиналами, и они мнѣ не позволяютъ.»— «Если вы сдѣлаете какую-нибудь грубость царскому величеству, отвѣчалъ Менезіусъ, то государь будетъ писать объ этомъ къ другимъ христіанскимъ государствамъ.» Тутъ папа позвонилъ въ серебряный колокольчикъ и велѣлъ вошедшему маестро ди камера принести золотую цѣпь съ папскимъ гербомъ и четки изъ лазореваго камня. Подавая эти вещи Менезіусу, онъ сказалъ: «Дарю тебѣ на память.»

Менезіуса отпустили съ обѣщаніемъ, что папа отправитъ въ Россію посланника для договора о титулѣ.

ГЛАВА V.

Окончаніе царствованія Алексѣя Михайловича.

Сношенія съ православнымъ Востокомъ: Греціею и Грузіею.—Сношенія съ Персіею.—Договоръ съ компаніею персидскихъ Армянъ.—Построеніе корабля для Каспійскаго моря.—Калмыки.—Сибирь.—Сношенія съ Китаемъ.—Общій обзоръ царствованія Алексѣя Михайловича.—Семейныя дѣла царя.—Его кончина.—Характеръ.—Приближенные къ нему люди.

Мы видѣли, какую жизнь сообщили нашимъ сношеніямъ съ Греціею нужды Русской церкви—исправленіе книгъ и Никоново дѣло. Мы видѣли, какую важную роль въ послѣднемъ дѣлѣ игралъ Паисій Лигаридъ, видѣли, что онъ хотѣлъ оставить Москву при окончаніи дѣла. Не знаемъ—волею или неволею—но онъ остался въ Москвѣ. Лѣтомъ 1667 года онъ билъ челомъ государю: «Служу я тебѣ, великому государю на Москвѣ седьмой годъ, а жалованья идетъ мнѣ на день по 18 алтынъ по 4 деньги, и этимъ мнѣ съ людьми прокормиться нельзя.» Просьба не была исполнена, велѣно давать прежнее жалованье. Чтобы показать свою службу, Лигаридъ подалъ царю письмо, въ которомъ извѣщалъ объ извѣстномъ пророчествѣ, находящемся въ житіи Андрея юродиваго, что бѣлокурый народъ овладѣетъ Константинополемъ. Паисій, разумѣется, прилагаетъ это пророчество къ Русскимъ; толкуетъ и о князѣ Росскомъ Мосохѣ, въ которомъ видитъ Москвича. Но Лигаридъ не могъ заниматься въ Москвѣ покойно толкованіемъ пророчествъ: въ 1668 году іерусалимскій патріархъ Нектарій писалъ къ царю: «Даемъ подлинную вѣдомость, что Паисій Лигаридъ отнюдь не митрополитъ, ни архіерей, ни учитель, ни вла-

дыка, ни пастырь, потому что столько лѣтъ какъ покинулъ свою епархію, и, по правиламъ св. отецъ, архіерейскаго чина лишенъ. Онъ съ православными православенъ, а латины называютъ его своимъ, и папа римскій беретъ отъ него ежегодно по двѣсти ефимковъ; а что онъ Паисій бралъ милостыню для престола апостольской соборной церкви, то, лютый волкъ, послалъ съ племянникомъ своимъ на островъ Хіосъ.» Грамота, какъ видно, не произвела никакого дѣйствія, потому что вскорѣ послѣ ея полученія сдѣлано было слѣдующее распоряженіе: «Пожаловалъ великій государь газскаго митрополита Паисія, велѣлъ ему дать жалованье, вмѣсто прибавки корму, сто рублей; дворъ, гдѣ онъ стоитъ, осмотрѣть, и что ветхо, починить, да съ винъ, которыя купитъ въ Архангельскѣ, пошлинъ не брать.»

Чтобъ не было однако впередъ подобныхъ доносовъ, Лигаридъ обратился съ просьбою о помощи къ логоѳету константинопольской церкви Константину, писалъ, что враги оклеветали его, что осужденіе произнесено неправильно. «Я не проводилъ жизни моей, пишетъ Лигаридъ, въ сластолюбіи, пьянствѣ и блудѣ; съ молоду возлюбилъ я мудрость, съ большими трудами и издержками прошелъ морской путь изъ любви къ ученію. Называютъ меня латиномысленнымъ и еретикомъ: но я латинскимъ повелѣніямъ не повинуюсь, общаго у меня съ латинами—одна наука; вмѣстѣ съ ними я былъ и есмь ревнитель древнимъ философамъ Аѳинскимъ, Ливанію и Ямвлиху, Богу добрымъ служителямъ. Заступись за меня, преученый мужъ! чтобы невѣжды не тщеславились и не превозносились; будь ходатай и помощникъ дѣломъ и словомъ.» Логоѳетъ показалъ эту грамоту преемнику Нектарія, Досиѳею. Тотъ сильно разсердился на Лигарида, увидавъ рѣзкія выраженія его о своихъ врагахъ и гонителяхъ, къ которымъ принадлежалъ и Нектарій. Но явился царскій посланный съ просьбою — простить Лигарида и прислать ему разрѣшительную грамоту. Не исполнить просьбы было нельзя, разрѣшительную грамоту послали въ Москву, и Досиѳей сорвалъ сердце, написавши только на Лигаридовой грамотѣ къ логоѳету: «Еслибы не было святаго ходатайства царева, то узналъ бы ты, кто мертводушенъ и бѣденъ, тотъ ли, кто 15 лѣтъ какъ оставилъ паству безъ пастыря, или тотъ, кто полагаетъ душу свою за овцы? исполнилась на тебѣ басня Езопова: козелъ бранилъ волка съ высокаго мѣста;

ты самъ по себѣ не великъ и глупъ, безчеловѣченъ и безстыденъ, только мѣсто, гдѣ пребываешь — дворъ царскій. Уцѣломудрись хоть теперь.»

Въ концѣ 1672 года Лигаридъ собрался въ Палестину, но доѣхавъ до Кіева, остановился здѣсь и долго жилъ, служа великому государю, донося о тамошнихъ дѣлахъ. Такъ въ 1675 году онъ писалъ къ Матвѣеву: «По Богѣ и царѣ въ тебѣ имѣю заступника милостивѣйшаго, помоги мнѣ нѣкіимъ даромъ вмѣсто милостыни, умоли, чтобы мнѣ позволили служить по архіерейски. Собираютъ здѣсь много денегъ отовсюду, а кому и начто собираютъ—не знаю. Изволь объ этомъ розыскать, о бодрѣйшій Кіева стражъ! разузнай, на что митрополичьи доходы обращаются? Здѣсь носятся слухи, будто епископъ Меѳодій освобожденъ и кіевскимъ митрополитомъ поставленъ. Стереги крѣпко и радѣй, чтобы этого не было, ибо великая будетъ смута между духовными и мірскими; до сихъ поръ еще живъ раздоръ и измѣна, учиненная недавно, и бывшая причиною столь великаго побоища. Вопіетъ и св. Софія, на починку которой взялъ 14,000 рублей у царскаго величества; о другихъ его своевольствахъ молчу.»

Скоро послѣ этого пришелъ въ Кіевъ царскій указъ, чтобъ Лигаридъ немедленно возратился въ Москву. Онъ счелъ это опалою, и, пріѣхавъ въ Москву, написалъ государю: «Воспѣвалъ пророкъ и царь Давыдъ въ десятострунномъ своемъ псалмѣ: не отврати лица Твоего отъ отрока Твоего, яко печалюся, скоро услыши мя: тоже смѣю и я возгласить къ тебѣ, единодержавцу царю; не отврати свѣтлѣйшаго лица твоего отъ меня, яко погибну душою и тѣломъ; особенно печалюсь, потому что не знаю причины моего возвращенія.» Въ январѣ 1676 года Лигаридъ обратился къ Матвѣеву съ жалобами, что умираетъ отъ голода и жажды, что просьбы его на смѣхъ пересылаютъ изъ приказа въ приказъ, что одолжалъ вслѣдствіе большаго и труднаго путешествія, что для службы церковной нѣтъ у него ни священника, ни діакона, ни пѣвца, ни иподіакона: «Ты заботишься обо всемъ въ богатѣйшемъ царствѣ: забылъ только обо мнѣ, архіереѣ.» Объ немъ вспомнили и велѣли давать кормъ по прежнему. Чѣмъ занимался Лигаридъ, видно отчасти изъ того, что онъ привезъ въ Москву изъ Кіева іеромонаха Виссаріона, бывшаго начальника школъ кіевскихъ «для пособія себѣ въ тщаніяхъ и службѣ царскаго величества.»

Кромѣ Греціи была еще другая страна христіанская, православная, болѣе несчастная, болѣе страдающая отъ бусурманъ, чѣмъ даже Греція, страна, издавна искавшая помощи у единовѣрной Россіи: то была Грузія. Послѣ несчастной попытки при царѣ Борисѣ, московское государство отказалось отъ мысли посылать войска свои за Кавказъ, помогало деньгами, посылало духовенство свое въ Грузію осматривать состояніе церквей, богослуженія, помогать тамошнему духовенству совѣтомъ. Тяжелое впечатлѣніе производило грузинское христіанство на Русскихъ духовныхъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе сами не всегда могли отличить существенное отъ несущественнаго и сильно были привязаны къ формѣ, къ буквѣ. «Первое у васъ несогласіе съ соборною и апостольскою церковію, говорили Русскіе духовные грузинскимъ епископамъ, первое несогласіе то, что церкви отъ алтарей не отгорожены, царскихъ дверей нигдѣ нѣтъ, да и не бывало, престолы вездѣ наги и къ стѣнѣ придѣланы, служите въ неосвященныхъ церквахъ, крестовъ ни на одной церкви нѣтъ да и не бывало; если и есть въ церкви иконы, то вы свѣчи прилѣпляете къ простой стѣнѣ, а иконы стоятъ особо, и мнится намъ, что у васъ къ божественнымъ иконамъ и къ честному кресту вѣра оскудѣла, да и на себѣ креста не носите; у кого и есть иконы, и тѣ спрятаны, а иные носятъ малыя иконы на поясахъ за кушаками; мотаете рукою не по истинѣ, и кланяетесь, смотря на небо, а не на иконы; архіереи ваши и попы сами себя крестнымъ знаменіемъ оградить и прочихъ людей благословить неумѣютъ. Если попу у васъ случится служить литургію, то онъ принесетъ съ собою сосуды и ризы въ мѣшкѣ, а евангелія и креста ни у кого нѣтъ; иной попъ, пришедъ въ церковь, постелетъ на престолѣ платъ и, поставя сосуды, дѣйствуетъ въ одномъ чекменѣ; и отдѣйствовавъ, покрывъ святая, облачится въ ризы и начинаетъ литургію; отслужа, велитъ малому собрать съ престола сосуды и ризы въ кошель и понесетъ къ себѣ. Вы епископы и попы ваши дѣйствуютъ, ризы надѣвъ на шею, свѣсивъ напередъ, и какъ начинать литургію, тогда ризы назадъ спускаете. Крестятъ у васъ младенцевъ однимъ погруженіемъ. Покаянія отцамъ духовнымъ мало у васъ знаютъ, также и причастія, только при смерти даютъ причастіе и то безъ покаянія. Всякіе люди у васъ входятъ въ церковь въ шапкахъ съ саблями и ослопами, и вы, епископы,

также входите съ ослопами въ церковь и въ алтарь. Женятся безъ вѣнца, и если дѣти будутъ, то вѣнчаются, а дѣтей не будетъ, то покинувъ старую жену, берутъ другую; свадьбу у васъ играютъ въ великій постъ, въ Благовѣщенье.» Въ одномъ мѣстѣ Русскіе духовные были свидѣтелями слѣдующаго явленія: между заутренею и обѣднею вышло на площадь духовенство, вынесли образъ св. Георгія и поставили на столбѣ, а противъ образа на церковной крышѣ сѣлъ мужикъ, надѣлъ на себя другой образъ св. Георгія и сталъ говорить во весь міръ: «Послушайте меня! я нынче ночевалъ въ храмѣ и сказывалъ мнѣ св. Георгій: людей моихъ не обижайте, которые въ мое имя вѣруютъ.» Послѣ этого мужикъ началъ пророчествовать объ урожаѣ и кому умереть въ этотъ годъ.—«Что это у васъ святой человѣкъ? спросили Русскіе, и умѣетъ онъ грамотѣ?» — «Нѣтъ, не умѣетъ, отвѣчали Грузины: но это такой родъ; если кто умретъ, то изъ ихъ же роду другой станетъ разсказывать Егорьевы слова въ міръ.»

Мы видѣли, что при царѣ Михаилѣ Кахетинскій царь Теймуразъ поддался Россіи. При царѣ Алексѣѣ, весною 1647 года пріѣхалъ въ Москву посолъ отъ Теймураза и подалъ такую грамоту: «Какъ у отца твоего былъ я съ сыномъ своимъ и со всею грузинскою землею въ холопствѣ, такъ теперь и тебѣ, великому государю, бью челомъ въ холопство. Отца твоего заступленіемъ и жалованьемъ наше грузинское государство живо и цѣло; а если ты насъ не пожалуешь, за насъ не вступишься, то окрестныя государства насъ разорятъ безъ остатку и станутъ говорить: вы поддались московскому государю, и онъ васъ выдалъ, за васъ не вступился. Теперь самъ я, Теймуразъ царь съ сыномъ своимъ Давидомъ отдался тебѣ въ холопство со всею грузинскою землею; внука своего Григорья пришлю къ тебѣ въ холопи въ Москву, а за большаго моего внука Іоасаѳа изволилъ бы ты выдать сестру свою государыню царевну. Да вели къ намъ послать митрополитовъ сколько изволишь; государство грузинское Божье да твое: и вѣра такъ же была бы справлена, какъ и въ твоемъ великомъ государствѣ.» Мы знаемъ, что въ это время, особенно въ 1648 году въ Москвѣ было не до Грузіи. Въ 1649 оттуда новое посольство: «Хотѣлъ я, писалъ Теймуразъ, отправить къ тебѣ великому государю внука своего Николая (!); но какъ узнали объ этомъ Персіяне, то начали государство мое воевать съ трехъ сто-

ронъ. Мнѣ чрезъ горы внука своего послать нельзя, а на Шемаху Персіяне не пропустятъ. Пожаловалъ бы великій государь, прислалъ за внукомъ моимъ своихъ людей и велѣлъ взять его къ себѣ въ холопи».

Съ отвѣтомъ на эти предложенія отправился въ Грузію въ 1650 году Никифоръ Толочановъ. Посланникъ поднесъ Теймуразу въ подарокъ соболи; царь билъ челомъ низко, но спросилъ: «Прежде присылали ко мнѣ по 20.000 ефимковъ, а теперь мнѣ съ вами не прислано?»—«Потому тебѣ денегъ не прислано, отвѣчалъ посланникъ, что про тебя великому государю было не вѣдомо, гдѣ ты обрѣтаешься послѣ своего раззоренья, какъ разорилъ тебя тифлисскій ханъ; а какъ только твоя правда и служба объявятся великому государю, то тебя и больше прежняго царское величество пожалуетъ.»

— «Видите, продолжалъ Теймуразъ, какъ я разоренъ тифлисскимъ ханомъ по шахову приказу. Прежде государевы послы у меня въ Кахетіи были, и всякое строенье, монастыри и церкви видѣли, а теперь гдѣ были церкви, тамъ стали мечети: царское величество вступился бы за домъ Божій и за меня, холопа своего.»

Толочановъ объявилъ Теймуразу главную цѣль своего посольства—взять съ собою въ Москву внука его, царевича Николая.—«А выдастъ ли за него великій государь сестру свою?» спросилъ Теймуразъ. — «Съ нами объ этомъ дѣлѣ не наказано, отвѣчалъ посланникъ: такое великое тайное дѣло кромѣ Бога да великаго государя кто можетъ вѣдать? Если Богъ изволитъ, а его государская мысль будетъ, то дѣло и состоится; а если не будетъ воли Божіей и государской мысли, то дѣлу какъ состояться? Ты только отпускай съ нами внука своего, исполняй передъ великимъ государемъ правду свою.»

«Если я внука своего пошлю, продолжалъ Теймуразъ, а государь не изволитъ государства моего, Кахетіи очистить, ратныхъ людей и казны не пришлетъ, то зачѣмъ моя посылка?»

— «Ратныхъ людей, отвѣчалъ Толочановъ, послать къ тебѣ нельзя, потому что горы снѣжныя, высокія, въ нихъ разсѣлины большія, ратнымъ людямъ пройти, наряду и запасовъ провезти нельзя, у тебя государство пустое, и то за шахомъ, хотя ратные люди и пройдутъ, то имъ у тебя съ голоду помереть; а каз-

ны тебѣ государь пришлетъ столько, сколько тебѣ и въ умъ не вмѣщалось, если теперь исполнишь правду свою, внука съ нами отпустишь. Кромѣ того государь пошлетъ великихъ пословъ къ шаху Аббасу, чтобы отдалъ Кахетію по совѣту и по братству, а если не отдастъ, то думаемъ, что великій государь пошлетъ войско свое Каспійскимъ моремъ на шаховы города и велитъ городовъ раззорить въ десятеро, только ты совершай правду свою. Если ты отпустишь съ нами и другаго внука своего Влавурсака, то великій государь дастъ ему свое жалованье по своему милосердому разсмотрѣнію.»

— «Влавурсака никому не отдамъ, сказалъ Теймуразъ: мнѣ самому не съ кѣмъ будетъ жить, некому будетъ и души моей помянуть.»

— «Ты намъ объявилъ, что тебя раззорилъ тифлисскій ханъ, продолжалъ посланникъ: такъ если тебѣ въ грузинской землѣ жить неучего, то ступай и ты самъ къ царскому величеству, намъ велѣно принять тебя и съ подданными твоими.

«Когда будетъ мое время, тогда и поѣду къ государской милости, а теперь еще побуду здѣсь,» отвѣчалъ Теймуразъ.

Всѣ эти разговоры кончились тѣмъ, что Теймуразъ не отправилъ внука въ Москву. Тѣмъ сильнѣе высказывалъ свое усердіе къ великому государю имеретинскій царь Александръ, присягнувшій при Толочановѣ царю Алексѣю Михайловичу: «Теймуразъ царь, говорилъ Александръ, внука своего съ вами не отпускаетъ; а еслибы у меня былъ сынъ мой Багратъ да братъ Мамука, то я бы обоихъ къ царскому величеству отпустилъ. Если государю угодно, то онъ бы прислалъ воеводу своего въ Кутаисъ; еслибы мнѣ было кому свою отчину, имеретинскую землю приказать, то я бы и самъ поѣхалъ видѣть пресвѣтлыя государскія очи.» Въ грамотѣ своей къ царю Александръ писалъ: «Учинился я, и сынъ мой, и братъ, и весь духовный чинъ, и ближніе люди, и всего государства воинскіе ратные и земскіе люди подъ вашего царскаго величества высокою рукою въ подданствѣ на вѣки неподвижно, отъ дѣтей на внучатъ: и тебѣ бы, великому государю, меня не презрѣть и отъ недруговъ невѣрныхъ держать въ оборонѣ, чтобы люди моего государства въ невѣріе не впали. Прежде были у меня въ подданствѣ Дадьяне, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ отложились, поддались турецкому султану и живутъ

съ бусурманами заодно, берутъ себѣ на помощь бусурманскую рать, меня раззоряютъ и воюютъ. Донскіе козаки ходятъ на Черное море и бусурманъ воюютъ, а православнымъ христіанамъ никакого вреда не дѣлаютъ; а Дадьяне козаковъ къ себѣ приманиваютъ, будто хотятъ вмѣстѣ съ ними воевать бусурманъ, и, примани въ свои мѣста, ихъ побиваютъ и къ Туркамъ продаютъ, и въ подарокъ отсылаютъ къ турецкому султану, который за это присылаетъ имъ жалованье. Тѣ же Дадьяне крадутъ христіанъ изъ моей земли и у себя и отсылаютъ къ персидскому шаху, просятъ у него себѣ помощи; дадьянскій владѣлецъ сестру свою отдалъ къ шаху и отъ христіанской вѣры отрекся, за то ему отъ шаха жалованье и помощь. Онъ же дадьянскій владѣлецъ отослалъ другую свою сестру Рустемъ-хану тифлисскому, чтобы тотъ шелъ на меня войною: и Рустемъ-ханъ много разъ присылалъ своихъ ратныхъ людей на мое государство. Теперь я у царскаго величества милости прошу и желаю, чтобы какъ-нибудь съ Чернаго моря стругами учинить надъ Дадьянами промыслъ, за то разоренье имъ отомстить, отъ бусурманъ отлучить, въ православіи утвердить и подъ мою руку привести по прежнему. Дадьянскій присылалъ ко мнѣ, что хочетъ опять быть у меня въ подданствѣ и самъ ко мнѣ пріѣхать, только чтобы я прислалъ къ нему сына моего въ заложники: я сына своего къ нему послалъ, а онъ ко мнѣ не пріѣхалъ и сына моего не отпустилъ: тогда, говоритъ, отпущу къ тебѣ сына, когда ты поддашься турецкому султану. Братъ мой пошелъ на охоту, а дадьянскіе люди схватили его и держатъ у себя. Великій государь пожаловалъ бы меня, помогъ мнѣ сына и брата изъ неволи освободить, а какъ освободятся, то къ себѣ ли ихъ велитъ взять, или мнѣ отдать—въ томъ его государева воля. Да пожаловалъ бы, велѣлъ прислать мнѣ печать свою, чтобы во всей землѣ царское повелѣнье было вѣрнѣе; да велѣлъ бы государь присылать моимъ ближнимъ и ратнымъ людямъ жалованье, чтобы они скудны и безконны не были и имѣли бы мочь стоять противъ своихъ недруговъ; да велѣлъ бы прислать мнѣ пушечный нарядъ, чѣмъ отъ недруговъ обороняться.»

Съ 1653 года начинаются пріѣзды въ Москву грузинскихъ владѣтелей: въ этомъ году пріѣхалъ осьмилѣтній внукъ Теймураза, Николай Давыдовичъ съ матерью Еленою Леонтьевною. За внукомъ поднимался и самъ дѣдъ: когда въ 1656 году пріѣхалъ къ

Теймуразу государевъ посланникъ Жидовиновъ съ ефимками и соболями, то встрѣтилъ его въ Имеретіи, и бѣдный старикъ говорилъ посланнику: «Персидскій шахъ выгналъ меня изъ моего государства, и живу я теперь въ имеретинской землѣ, у зятя своего царя Александра; но отъ него помощи мнѣ никакой нѣтъ, скуденъ я всѣмъ, а въ свое государство отъ непріятелей ѣхать не смѣю; теперь я съ царицею своею, со внукомъ и со внукою и со всѣми людьми ѣду служить къ великому государю въ Москву, поѣдетъ со мною человѣкъ съ триста.»

Въ январѣ 1657 года въ посольскомъ приказѣ дьяки распрашивали троихъ Грузинъ, пріѣхавшихъ изъ Тушей: зачѣмъ они въ Москву пріѣхали? «Пріѣхали мы бить челомъ великому государю, чтобы пожаловалъ насъ для православной христіанской вѣры, велѣлъ принять подъ свою высокую руку въ вѣчное подданство.» — «А прежде у кого были вы въ подданствѣ, и кто у васъ начальные люди, и вѣра у васъ христіанская ли, и какъ далеко вы живете отъ Терека и въ какихъ мѣстахъ, и города у васъ есть ли, и сколько у васъ служилыхъ людей, и какой у васъ бой, кто у васъ сосѣди, и нѣтъ ли вамъ отъ персидскаго шаха, отъ Кумыкъ и отъ Черкесъ какого утѣсненья, хлѣбъ у васъ родится ли, и если великій государь изволитъ принять васъ подъ свою высокую руку, то на какихъ статьяхъ вы хотите быть въ подданствѣ!»—«Мы хотимъ быть у царскаго величества въ вѣчномъ холопствѣ, гдѣ велитъ быть на службѣ—и мы готовы; вѣра у насъ христіанская; живемъ мы въ крѣпкихъ мѣстахъ, въ горахъ, въ трехъ станахъ, а городовъ и начальныхъ людей у насъ нѣтъ, всякій владѣетъ своею деревнею; ратныхъ людей у насъ 8000, бой лучной и копейный, всѣ бываютъ въ панцыряхъ; отъ Терека до тушинской земли скораго ходу 4 дни; прежде мы были подданные Теймураза царя, а какъ его персидскій царь разорилъ, съ того времени живемъ особо.»

Наконецъ въ 1658 году явился въ Москву и самъ царь Теймуразъ Давыдовичъ. На представленіи великій государь велѣлъ царю Теймуразу приступить къ своему царскому мѣсту и изволилъ встать. Тутъ Теймуразъ сталъ бить челомъ, чтобы великій государь далъ ему свою царскую руку цѣловать; но великій государь руки не далъ и сказалъ: «въ Евангеліи написано: идѣже будутъ собрани во имя мое, ту есмь и азъ посредѣ ихъ; и мы воздадимъ

хвалу Всемилостивому Богу, сотворимъ о Христѣ цѣлованіе во уста, ибо ты благочестивой христіанской вѣры.»—«Я твоего царскаго величества холопъ, говорилъ Теймуразъ: такого великаго и пресвѣтлаго государя недостойно мнѣ въ уста цѣловать.» — «На то Божья воля, что ты у насъ въ подданствѣ, отвѣчалъ Алексѣй: но ты, царь, нашей благочестивой христіанской вѣры, и по Христовой заповѣди сотворимъ цѣлованіе въ уста.» Тогда Теймуразъ, съ великимъ страхомъ, цѣловалъ государя въ уста.

Государь поручилъ боярину Хилкову переговорить съ Теймуразомъ.

«Съ которымъ турскимъ царемъ было у тебя розратье и бой, какъ давно и какое было тебѣ отъ него изгнаніе и землѣ твоей разоренье?» спросилъ бояринъ.

Теймуразъ: «Тому лѣтъ съ тридцать измѣнилъ мнѣ бояринъ Георгій Сіосъ, и, обусурманясь, поддался турскому султану Амурату и поднялъ на меня рать; я противъ него ходилъ съ своими ратными людьми, и былъ у меня бой съ измѣнникомъ и Турками между моей и Карталинской земли; турскихъ людей съ измѣнникомъ было тысячь сорокъ, а у меня было тысячи съ три, но мнѣ Богъ пособилъ, побилъ я измѣнника своего и турскихъ людей, а побилъ я турскихъ людей не многолюдствомъ, силою крестною.» Тутъ царь показалъ на крестѣ язву отъ сабельнаго удара. «Послѣ того, продолжалъ Теймуразъ, мнѣ отъ Турка никакого гоненія и присылки ни о чемъ не бывало.»

Хилковъ: «Какъ ты, царь Теймуразъ Давыдовичъ, билъ челомъ великому государю о подданствѣ, въ то время персидскій шахъ землѣ твоей какое разоренье учинилъ и въ которомъ году»?

Теймуразъ: «Этому лѣтъ одиннадцать, какъ присылалъ я къ великому государю бить челомъ о подданствѣ, и нынѣшній шахъ Аббасъ прислалъ на мое государство ратныхъ людей, я противъ нихъ бился, и на томъ бою убили сына моего, дочь взяли насильствомъ, да два города разорили; а при старомъ Аббасѣ шахѣ разоренье было мнѣ многое. Не хотя государству своему разоренья, послалъ я къ шаху мать свою, да сына своего меньшаго Александра царевича въ аманатахъ. Когда моя мать со внукомъ пріѣхала къ старому шаху и била челомъ, чтобы онъ взялъ внука ея въ аманаты и бралъ съ государства день, а разоренья не чинилъ, то шахъ сказалъ моей матери, чтобы она послала и по

другаго внука своего Леона, а онъ, шахъ котораго внука въ аманаты взять захочетъ, того и возьметъ, а другаго отпуститъ. Мать моя взяла и другаго внука Леона, но шахъ матери моей и дѣтей не отпустилъ и присылалъ къ ней, чтобы она бусурманилась, а онъ ее будетъ имѣть вмѣсто матери. Она отказала, что отнюдь вѣры христіанской не отбудетъ. Тогда шахъ отдалъ ее подъ стражу и велѣлъ мучить: сперва велѣлъ сосцы отрѣзать, а послѣ закаленными желѣзными острогами исколоть и по суставамъ рѣзать; отъ этихъ разныхъ мукъ мать моя пострадала за Христа до смерти, а тѣло укралъ и привезъ ко мнѣ Французъ; дѣтей же моихъ шахъ обоихъ извалошилъ, и теперь они у шаха. Послѣ этого шахъ послалъ на меня своихъ ратныхъ людей, я пошелъ противъ нихъ и побилъ, послѣ чего ушелъ въ Имеретію и жилъ тамъ два года; потомъ собрался съ Имеретійскими и Дадіанскими ратными людьми и шаховыхъ людей изъ земли своей выбилъ и землю очистилъ; но въ томъ же году шахъ прислалъ опять ратныхъ своихъ людей и я въ другой разъ ушелъ въ Имеретію, а шахъ велѣлъ всю Грузинскую землю плѣнить и разорить, чтобы христіанство все вывесть. Я и тутъ Персіянъ выбилъ и сталъ владѣть своимъ государствомъ попрежнему. Но при нынѣшнемъ шахѣ, тому лѣтъ одиннадцать, измѣнили мнѣ два боярина, отвезли дочерей своихъ къ шаху, сами обусурманились и навели на меня шаховыхъ людей; я съ ними бился, и на томъ бою сына моего Давида убили, а меня выгнали; отъ этого гоненія я и до сихъ поръ живу въ Имеретіи.»

Хилковъ: «Какъ земля твоя велика, сколько въ ней теперь за тобою жилыхъ и разореныхъ?»

Теймуразъ: «Земля моя въ длину 10 дниццъ ходу и поперекъ столько же; городовъ всѣхъ большихъ семь, а малыхъ и много, только разорены и пусты; въ двухъ городахъ живутъ измѣнники мои бояре, и въ тѣхъ городахъ люди есть, а иные города всѣ разорены; въ стольномъ городѣ Кремѣ живетъ людей не много, иные живутъ по деревнямъ. Надо всѣмъ государствомъ моимъ владѣтель теперь Рустемъ-ханъ, былъ онъ грузинской породы, да обусурманился.»

Хилковъ: «Дадьянскую и Гуріальскую земли какъ давно ты подъ высокую руку великаго государя привелъ, присягу онѣ принесли ли, теперь онѣ у великаго государя попрежнему ли въ подданствѣ и кто ими владѣетъ?»

Теймуразъ: «Какъ былъ живъ Дадьянскій царь Леонтій, то у насъ съ нимъ была безпрестанная вражда и бой. Но какъ царь Леонтій умеръ, и теперь на его мѣсто выбрали сродника моего Вамыка, который сговорилъ дочь свою за моего внука Леонтія Давыдовича, и крестъ цѣловалъ великому государю со всею землею: государства ихъ четыре города большихъ, стоятъ въ мѣстахъ крѣпкихъ, у Чернаго моря, кораблей у нихъ ходитъ по морю по пяти и по шести, а людей всякихъ будетъ съ 40,000; бой у нихъ сабельный и копѣйный, пищали есть, а пушки не большія. Гуріальская земля небольшая; крестъ великому государю цѣловала; лежитъ она между Имеретинскою и Дадьянскою землями. Дадьянами и Гуріальскою землею владѣетъ по совѣту Имеретинскій царь Александръ, но дани ему не даютъ, только такъ съ нимъ въ дружбѣ. Земли эти за моею землею подлѣ шаха. Государь бы пожаловалъ, велѣлъ землю мою очистить отъ измѣнниковъ, а до шаховой земли мнѣ дѣла нѣтъ, и будетъ ли шахъ за измѣнниковъ моихъ стоять или нѣтъ, того я не знаю. Я для того и поддался государю, чтобы онъ велѣлъ землю мою очистить и дать своихъ ратныхъ людей. Тогда я съ государевыми и съ своими людьми, съ Имеретинцами, Дадьянцами и Гурьянцами соберусь и стану свою землю очищать, а если шаховы люди на меня придутъ, то я буду отъ нихъ обороняться. Какъ великій государь изволитъ меня отпустить, то отписалъ бы къ Имеретинскому, къ Дадьянамъ и Гурьянамъ, чтобы мнѣ давали ратныхъ людей въ помощь; а къ шаху бы изволилъ отписать, что я православной христіанской вѣры и въ подданствѣ у него, великаго государя: такъ бы шахъ въ землю мою не вступался, а станетъ ее разорять, то великій государь будетъ меня защищать.»

Хилковъ: «Великій государь указалъ тебя спросить: сколько тебѣ служилыхъ людей надобно, какими мѣстами ихъ до твоей земли вести и какъ далеко, гдѣ имъ брать лошадей и хлѣбные запасы, чтобы въ дальнемъ пути и будучи у тебя имъ голодомъ не помереть; да не будетъ ли стоять войною персидскій шахъ за измѣнниковъ твоихъ?»

Теймуразъ: «Надобно воеводу добраго, а ратныхъ людей съ 30,000 конныхъ; запасы брать изъ Астрахани до моей земли, а въ моей землѣ запасовъ будетъ много; а будетъ ли шахъ за измѣнниковъ моихъ стоять войною, того я не знаю. Когда я поддался

отцу великаго государя, царю Михаилу Өеодоровичу, то государь прислалъ мнѣ свою жалованную грамоту за золотою печатью, въ грамотѣ написано, что великій государь будетъ меня отъ недруговъ оборонять; послѣ того писаны ко мнѣ многія государевы грамоты, чтобы прислалъ я въ Москву внука моего; я внука прислалъ, а теперь и самъ пріѣхалъ бить челомъ, чтобы великій государь пожаловалъ мнѣ своихъ ратныхъ людей. Если царское величество оборонить меня не велитъ, то, смотря на меня, имеретійскій царь, и Дадьяны и Гурьяны отъ бусурманскаго гоненья станутъ искать другаго государя; у всѣхъ у насъ одно челобитье, чтобы великій государь пожаловалъ намъ ратныхъ людей и велѣлъ насъ оборонить. Били великому государю челомъ и не правые козаки, чтобы ихъ изволилъ взять подъ свою высокую руку; великій государь и козаковъ пожаловалъ для православной христіанской вѣры, изволилъ взять подъ свою высокую руку, а съ польскимъ королемъ разорвать; а я былъ въ своемъ государствѣ царь православной христіанской вѣры, а для того поддался великому государю, чтобы ему пожаловать насъ оборонить.»

Съ отвѣтомъ на эти требованія пріѣхалъ къ Теймуразу бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой: «У великаго государя, говорилъ бояринъ, война съ польскимъ и шведскимъ королями; ратные люди его многіе теперь на границахъ: такъ ты бы, царь Теймуразъ Давыдовичъ, хотя бы какую нужду и утѣсненье отъ непріятелей своихъ принялъ, а ѣхалъ бы въ свою грузинскую землю и царствомъ своимъ владѣлъ попрежнему. А какъ царское величество съ непріятелями своими управится, то въ утѣсненіи и разореніи видѣть тебя не захочетъ и своихъ ратныхъ людей къ тебѣ пришлетъ; и теперь велѣлъ тебѣ дать денегъ 6000 рублей да соболей на 3000. «Великаго государя воля, отвѣчалъ Теймуразъ: чаялъ я къ себѣ государской милости и обороны, для того сюда и пріѣхалъ, а теперь царское величество отпускаетъ меня ни съ чѣмъ. Пріѣхалъ я сюда по указу царскаго величества, и въ то время ко мнѣ не писано, что всѣ государевы ратные люди на его службѣ; еслибы я чаялъ, что царское величество ратныхъ людей мнѣ на оборону не пожалуетъ, то я бы изъ своей земли не ѣздилъ.»

Трубецкой: «Ты говоришь, будто тебя государь отпускаетъ въ свою землю ни съ чѣмъ; но тебѣ даютъ 6000 рублей и соболей

на 3000: можно тебѣ съ этимъ жалованьемъ до своей земли проѣхать; и ты бы этимъ великаго государя не гнѣвилъ.»

Теймуразъ: «Дорогъ мнѣ великаго государя и одинъ соболь; а при отцѣ его государевѣ и заочно присылывано ко мнѣ по 20.000 ефимковъ, а соболей безъ счету; теперь мнѣ лучше раздать государево жалованье по своей душѣ, нежели въ свою землю ѣхать, да въ бусурманскія руки впасть. Услыхавъ, что я ѣду къ великому государю, Турки, Персіяне и горскіе Черкесы испугались; Черкесы дороги залегли, въ горахъ на меня наступали и ратныхъ людей моихъ побили, я едва ушелъ; потерявъ своихъ ратныхъ людей, ѣхалъ я къ царскому величеству украдкою, днемъ и ночью, пріѣхалъ и голову свою принесъ въ подножіе его царскаго величества и челомъ ударилъ внукомъ своимъ; какъ увидѣлъ государевы очи, чаялъ, что изъ мертвыхъ воскресъ, чего желалъ, то себѣ и получилъ. А теперь пріѣздъ мой и челобитье стали ни во что; насмѣются надъ мною измѣнники мои горные Черкесы и до основанія разорятъ. Чѣмъ мнѣ отдану быть и душу свою христіанскую погубить въ невѣрныхъ бусурманскихъ рукахъ, лучше мнѣ здѣсь въ православной христіанской вѣрѣ умереть, а въ свою землю мнѣ не почто ѣхать. На комъ то Богъ взыщетъ, что бусурманы меня, царя православной христіанской вѣры, погубятъ и царство мое разорятъ? Великому государю какая будетъ честь, что меня царя погубятъ и родъ мой и православную христіанскую вѣру искоренятъ? я за православную христіанскую вѣру съ малою своею грузинскою землею противъ Турокъ и Персіянъ стоялъ и бился, не боясь многой бусурманской рати. Пожаловалъ бы хотя меня государь, велѣлъ проводить своимъ ратнымъ людямъ.»

Трубецкой: «Государь тебя велитъ проводить ратнымъ людямъ и къ шаху отпишетъ, чтобы онъ на тебя не наступалъ и Грузинской земли не разорялъ. Какъ-нибудь проживи теперь въ своей землѣ, а потомъ царское величество ратныхъ людей къ тебѣ пришлетъ. будь надеженъ, безъ всякаго сомнѣнія.»

Теймуразъ: «Коли я самъ нынѣ милости не упросилъ и никакой помощи не получилъ, то впередъ заочно нечего ждать. И прежде обо мнѣ царское величество къ шаху писалъ: однако шахъ Аббасъ землю мою разорялъ и меня выгонялъ.»

Теймуразъ отправился. Въ 1660 году отправился назадъ въ

Грузію и внукъ его, царевичъ Николай Давыдовичъ съ матерью и съ царскимъ посланникомъ Мякининымъ. Въ Астрахани они узнали страшныя новости: имеретинскаго царя Александра окормили: почувствовавъ смерть, посадилъ онъ на свое мѣсто сына Баграта и велѣлъ ему жениться на внукѣ Теймуразовой, что и было исполнено, Но молодой царь сидѣлъ на престолѣ только три мѣсяца; царица, жена Александрова, дочь Теймураза, не желая видѣть на царствѣ пасынка, схватила его, выколола ему глаза и вышла замужъ за Грузинца Вахтанга, съ которымъ и начала владѣть Имеретіею; говорили, что она это сдѣлала по наговору Католикоса. Встала смута; царь Теймуразъ бѣжалъ въ персидскій городъ Тифлисъ. Бояринъ Ернстовъ привелъ Турокъ, а царицу съ мужемъ ея сослалъ къ Черному морю въ городъ Апхазитъ. Затѣмъ пришла другая вѣсть, что Теймураза взяли и повезли къ шаху. Несмотря на эту смуту въ Грузіи, царевичъ Николай уѣхалъ изъ Астрахани и остался въ Тушинской землѣ; въ 1666 году онъ возвратился въ Москву; а въ 1674 отпущенъ опять на родину.

Грузія не могла дождаться, чтобы Россія въ царствованіе Алексѣя управилась когда либо съ своими европейскими врагами и могла начать войну въ отдаленномъ Закавказьѣ. Грузинскіе цари указывали на Персіянъ, какъ на главныхъ враговъ своихъ, отъ которыхъ русскій царь долженъ оборонить ихъ; но между Персіею и Россіею издавна происходили дружественныя сношенія, которыя невыгодно было порывать. Въ 1650 году пріѣхалъ въ Москву посолъ шаха Аббаса, Магметъ Кулыбекъ, и привезъ въ подарокъ отъ шаха 4000 батмановъ селитры. Въ отвѣтѣ съ боярами посолъ началъ старыми жалобами на воровскихъ козаковъ: взяли они у шахова купчины подъ Бакою на морѣ съ бусы товару на 3000 рублей, да 2000 рублей денегъ; разбойниковъ выбило изъ моря на берегъ, Терскіе воеводы это пограбленное имѣніе взяли, а въ Персію не отдали: такъ царское величество велѣлъ бы отдать, а воровъ козаковъ казнить: «Когда я, говорилъ посолъ, былъ теперь на Терекѣ, то самъ этихъ воровъ козаковъ видѣлъ; а какъ пришелъ я въ Астрахань, то писалъ ко мнѣ шемахинскій ханъ, что воры козаки опять приходили на шемахинскія мѣста и пограбили многихъ шаховыхъ людей.»—«Прежде, отвѣчали бояре, между великими государями ссоры и нелюбья изъ-

за козачьяго воровства не бывало, потому что козаки эти не изъ Астрахани и не съ Терека, приходятъ воровать на море съ Дону, не однихъ шаховыхъ, и царскаго величества людей грабятъ и побиваютъ. Теперь воры козаки на морѣ перехватаны и сидятъ на Терекѣ въ тюрьмѣ, что сыскано у нихъ персидскаго имѣнья, все велѣно отдать вашимъ людямъ, которыхъ шемахинскій ханъ пришлетъ на Терекъ, и воровъ козаковъ велѣно казнить смертью при вашемъ послѣ; но ханъ до сихъ поръ никого не присылалъ, и если имѣніе не отдано, то его вина. Козаковъ терскіе воеводы хотѣли казнить при тебѣ, но ты самъ не согласился.»—«Все это хорошо, говорилъ посолъ, но въ прежней царской грамотѣ къ шаху написано, что впередъ воровъ не будетъ.» — «Въ грамотѣ этого нѣтъ, отвѣчали бояре: государство великое не безъ вора, а гдѣ воры объявятся, то ихъ пригоже сыскивать сообща.» Потомъ посолъ жаловался, что въ Астрахани и другихъ городахъ таможенные головы цѣнятъ товары для пошлинъ дорогою цѣною, тогда какъ при царѣ Михаилѣ пошлины брали меньше, и торговыхъ людей изъ Персіи пріѣзжало больше. Ему отвѣчали, что въ пошлинахъ Персіянамъ никакого убытка не бываетъ, потому что чѣмъ больше пошлина, тѣмъ дороже они продаютъ свои товары, и пошлинныя деньги ложатся на людяхъ царскаго величества. У шаха селитры много: такъ шахово величество велѣлъ бы изъ своей области въ московское государство отпускать по 20.000 пудовъ на годъ, а царское величество изволитъ за селитру посылать мѣдью или соболями. «Государь нашъ, отвѣчалъ посолъ, царскому величеству не только что за селитру, ни за что не постоитъ; велѣлъ бы государь ту работу положить на меня, а я буду говорить шахову величеству.»

Наконецъ дѣло дошло до Грузіи, до Теймураза. Посолъ такъ объяснялъ дѣло: «Теймуразова сестра была за старымъ шахомъ Аббасомъ, а Теймуразова дочь была за отцемъ нынѣшняго шаха, Сефи, и поэтому Теймуразъ государю нашему свой. Ссоры у грузинскаго Теймураза съ Рустемомъ, ханомъ тифлисскимъ, потому что они между собою свои близкіе, одного поколѣнья, пошли отъ великаго князя грузинскаго. Рустемъ ханъ теперь шаховъ подданный и бусурманинъ и половина грузинской земли за нимъ, а другая половина за Теймуразомъ. Такъ ссора между ними, и шахъ на Рустема-хана сердится, что онъ грузинскую зем-

лю разорилъ и царевича убилъ. Теперь Теймуразъ живетъ у зятя своего, имеретинскаго царя, покинувъ свою землю, а къ шаху ни о чемъ не пишетъ и не бьетъ челомъ; еслибы онъ билъ челомъ, то шахъ велѣлъ бы ему жить попрежнему въ своей землѣ. Я донесу объ этомъ шахову величеству, и шахъ для царскаго величества велитъ Теймуразу землю его отдать и впередъ землю его велитъ оберегать.»

Обѣщаніе было исполнено относительно воровскихъ козаковъ. 39 человѣкъ ихъ сидѣло въ тюрьмѣ на Терекѣ; троихъ вершили при послѣ Магметъ-Кулыбекѣ—атамана Кондратья Иванова Кобызенка съ двумя другими лучшими заводчиками; четверо умерло въ тюрьмѣ; остальныхъ прислали въ Москву; большая часть ихъ была родомъ изъ городовъ восточной Украйны; трое Москвичей, по одному изъ Великаго Новгорода, Костромы, Луха, Романова и Перми, одинъ Грузинъ, а трое названы Цареградцами!

Въ 1653 году поѣхали въ Персію великіе послы, окольничій князь Иванъ Лобановъ-Ростовскій и стольникъ Иванъ Комынинъ. Послы поѣхали жаловаться на шемахинскаго хана Хосрева, который давно уже грозился войною на Астрахань и на Терекъ все за козаковъ, а теперь въ 1652 году писалъ къ астраханскому воеводѣ, что Гребенскіе козаки не только грабятъ персидскихъ торговыхъ людей, но въ Дагестанской области поставили городокъ, служилыхъ людей въ немъ устроили и тамъ будто черкасскую дорогу закрѣпили; Хосревъ писалъ, что по шахову приказу онъ собираетъ войско, чтобы взять этотъ городъ, а потомъ идти подъ Астрахань и подъ Терекъ. Кромѣ того русскіе торговые люди бьютъ челомъ, что въ Шемахѣ Хосревъ-ханъ, а въ Гиляни приказные люди задержали ихъ третій годъ, утѣсненіе всякое, обиды, насильства, налоги и убытки дѣлаютъ большіе, бьютъ, грабятъ; тогда какъ въ московскомъ государствѣ персидскимъ торговымъ людямъ во всемъ свобода и береженье. Шахъ принимаетъ русскихъ измѣнниковъ и помогаетъ имъ: откочевалъ отъ Астрахани государевъ подданный ногайскій Чебанъ-мурза и кочевалъ подъ Терекомъ, а потомъ началъ кочевать по Кумыцкой сторонѣ въ дальнихъ мѣстахъ и учинился царскому величеству непослушенъ. Въ 1651 году ходили на него царскіе ратные люди—князь Муцалъ Черкасскій и стрѣлецкіе головы съ ногайскими, едисанскими и черкасскими мурзами; но когда государевы

ратные люди пришли на Чебана, измѣнилъ подданный великаго государя, вѣчный холопъ Суркай, шевкалъ Тарковскій, и, сложась съ Чебанъ-мурзою, началъ съ государевыми людьми биться, а ратные люди безъ царскаго указу съ Суркай-шевкаломъ биться не смѣли. Потомъ Суркай и Андреевскій Каганалпъ-мурза съ Кумыками приходили войною на русскій Суншинскій городокъ, подъ Барагуны и на улусы князя Муцала Черкасскаго, а къ шевкалу прислано было ратныхъ людей изъ Шемахи 500 человѣкъ да изъ Дербента 300 человѣкъ, съ ними двѣ пушки; эти шемахинскіе и дербентскіе люди съ Кумыками многихъ царскихъ ратныхъ людей побили и переранили, а иныхъ въ плѣнъ захватили, барагунскихъ мурзъ взяли себѣ, городъ Суншинскій сожгли, взяли лошадей съ 3000, верблюдовъ съ 500, рогатаго скота съ 10,000, да овецъ съ 15,000. Великій государь надѣется, что все это сдѣлано безъ повелѣнія шаха Аббаса, надѣется, что шахъ велитъ Хосревъ-хана перемѣнить за этосъ шемахинскаго владѣнья и накажетъ его, чтобы впередъ между обоими великими государями больше ссоры не было, велитъ отдать плѣнныхъ и все пограбленные имѣніе. Великіе послы потребовали также, чтобы шахъ отдалъ Теймуразу его землю и наказалъ людей, разоряющихъ Грузію.

На все это шахъ велѣлъ отвѣчать посламъ чрезъ своихъ ближнихъ людей: «Покойный шахъ Аббасъ велѣлъ на Терекѣ сдѣлать одну сторожню, а другихъ городовъ ставить нигдѣ не велѣлъ; но вашего государя люди поставили города безъ указа и торговыхъ нашихъ людей побили и пограбили; ссора началась слѣдовательно съ вашей стороны, и шемахинскій ханъ Хосревъ послалъ своихъ людей, которые тѣ города сожгли. Ханъ Хосревъ умеръ; преемнику его, Мигиръ-Алей-хану и шевкалу Суркаю шахъ послалъ приказъ впередъ съ людьми вашего государя не ссориться, также и вашъ государь запретилъ бы своимъ людямъ нападать на Персіянъ, которые на море ходятъ. Шевкалъ Суркай, Чебанъ-мурза и барагунскіе мурзы приклонились къ сторонѣ шахова величества сами собою, а по нашему закону, кто къ намъ приклонится, тѣхъ насильно назадъ отдавать нельзя; а если они сами захотятъ служить вашему государю, то шахъ за нихъ стоять не будетъ. Приказнымъ людямъ велѣно отдать назадъ взятки, которыя они побрали у русскихъ людей. Какъ скоро царское величество велитъ отпустить съ Терека Суркаева племянника и торговыхъ Персіянъ,

тамъ засаженныхъ, то и русскихъ торговыхъ людей изъ Шемахи отпустятъ. Что же касается Грузіи, то прежніе шахи за непристойныя дѣла царя Теймураза много разъ посылали ратныхъ людей въ его землю, разоряли ее и самого его выгнали. Теймуразъ рабски вину свою прежнимъ шахамъ принесъ, дѣтей своихъ прислалъ, и ему область его отдали. За это у прежнихъ шаховъ съ великими государями россійскими нелюбья не бывало. Въ прошлыхъ годахъ Теймуразъ опять затѣялъ непристойныя, ссорныя худыя дѣла, и по шахову указу посыланы на него ратные люди, которые на бою сына его убили, а его самого выгнали; если Теймуразъ за вину свою внука своего къ шахову величеству пришлетъ, то опять область свою получитъ.»

Послы возражали: «Не только та земля, гдѣ Терекъ и Суншинскій городокъ, но и та земля, гдѣ Тарки, издавна принадлежитъ царямъ россійскимъ, города здѣсь было вольно ставить, и самъ покойный шахъ Аббасъ просилъ объ этомъ царя Михаила Ѳеодоровича. О грабежѣ торговыхъ людей по сыску въ Астрахани ничего не объявилось, а еслибы и дѣйствительно козаки ихъ ограбили, то эта бѣда имъ самимъ отъ себя: зачѣмъ они шли въ караванѣ вмѣстѣ съ тарковскими Кумыками и другими воровскими людьми; извѣстно, что у терскихъ и гребенскихъ козаковъ съ Кумыками бываютъ ссоры большія; прежде купцы не хаживали въ горы безъ обсылки съ терскимъ воеводою, и никто ихъ не грабилъ. Кумыцкіе шевкалы и мурзы издавна холопи великихъ государей нашихъ, а прежніе персидскіе шахи въ кумыцкую землю не вступались: также и теперешній шахъ не вступался бы и съ царскимъ величествомъ за то нелюбья не начиналъ; а барагунскіе мурзы поддались шаху поневолѣ. Грузинская земля православной христіанской вѣры греческаго закона, и грузинскіе цари издавна подданные нашихъ великихъ государей.»

— «Нѣтъ! начали говорить шаховы ближніе люди: Теймуразъ и вся грузинская земля въ подданствѣ у нашихъ персидскихъ шаховъ; правда, покойный шахъ Аббасъ обѣщалъ царю Михаилу Ѳеодоровичу охранять Грузію по братской дружбѣ и любви; если и теперь Теймуразъ самъ пріѣдетъ къ шаху или внука своего пришлетъ, то шахъ землю его ему отдастъ. О Теймуразѣ и грузинской землѣ мы въ другой разъ докладывать шахову величеству не станемъ, потому что онъ велѣлъ отвѣчать вамъ впрямь и

быть тому дѣлу безповоротно, также и всѣмъ другимъ дѣламъ. Нашимъ торговымъ людямъ въ московскомъ государствѣ свободы нѣтъ, держатъ ихъ на дворахъ за сторожами, а куда имъ случится выйти, то за ними также ходятъ сторожа.»

— «Это дѣлается не для тѣсноты, а для обереганья», отвѣчали послы.

Шаховы рѣшенія остались безповоротны; перемѣнилось только одно: Аббасъ велѣлъ отпустить всѣхъ задержанныхъ въ Персіи русскихъ купцовъ. На отпускѣ онъ позвалъ пословъ вечеромъ къ себѣ въ садъ прохладиться. Угощали сахарами и овощами; потомъ принесли передъ шаха сосудъ золотой съ каменьями, въ немъ виноградное питье чихирь, шахъ пилъ за государево здоровье и спрашивалъ пословъ: «У брата моего, великаго государя вашего такое виноградное питье есть ли?»— «У царскаго величества, отвѣчали послы, питей всякихъ много, и изъ винограду есть питья—романея, ренское и другія, только не тѣмъ именемъ.» Передъ шахомъ стояли въ золотомъ сосудѣ цвѣты разные: Аббасъ, поднявъ цвѣты, спрашивалъ: «Въ московскомъ государствѣ такіе цвѣты есть ли?» — «У великаго государя, отвѣчали послы, цвѣты этимъ подобные есть, піанея кудрявая и другихъ многихъ всякихъ разноличныхъ цвѣтовъ много.» Передъ шахомъ играли музыканты на домрахъ, гусляхъ и скрипкахъ; шахъ спрашивалъ пословъ: «Братъ мой, великій государь вашъ чѣмъ тѣшится, и въ государствѣ его такія игры есть ли?»—«У великаго государя нашего, отвѣчали послы, всякихъ игръ и умѣющихъ людей, кому въ тѣ игры играть, много; но царское величество тѣми играми не тѣшится, тѣшится духовными органы, поютъ при немъ, воздая Богу хвалу, многогласнымъ пѣніемъ, и самъ онъ наукамъ премудрымъ философскимъ многимъ и храброму ученію навыченъ, и къ воинскому ратному рыцарскому строю хотѣніе держитъ большое, по своему государскому чину и достоянію; выѣзжая на поле, самъ тѣшится и велитъ себя тѣшить своимъ ближнимъ людямъ служилымъ строемъ: играютъ передъ нимъ древками, стрѣляютъ изъ луковъ и пищалей.»

Отвѣтъ шаха на счетъ Грузіи былъ слишкомъ ясенъ; продолжать дѣло можно было только съ оружіемъ въ рукахъ, а для этого у Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича не было никакой возможности. Когда началась турецкая война, то Россія, вмѣстѣ

съ Польшею, попыталась было привесть и шаха къ союзу съ собою противъ Турокъ; но шахъ отвѣчалъ, что ему нельзя безъ причины разорвать мира съ султаномъ. Такимъ образомъ относительно Персіи у Москвы оставался одинъ торговый интересъ. Въ столицу постоянно пріѣзжали *кизильбашскіе* купчины, и привозили восточные *узорочные* товары, считавшіеся необходимыми для великолѣпія царскаго двора. Въ 1660 году пріѣхалъ въ Москву купчина Армянинъ Захаръ Сарадовъ и привезъ царю въ подарокъ богатый престолъ, украшенный алмазами, яхонтами, жемчугомъ, восточною бирюзою и турецкою финифтью, оцѣненный въ 22,589 рублей; перстень золотой съ алмазами; жаровню серебряную съ сулейкою серебряною для сожиганія ароматовъ; 15 сулей ширазскаго шарапу, что шахъ пьетъ; 4 сулейки водки гуляфной; 3 сулейки водки ароматной; скляницу водки нарызжовой; 12 золотниковъ аромату восточнаго; 12 ваій, которыя государь носитъ въ правой рукѣ во время церемоніи шествія патріарха на осляти. Въ посольскомъ приказѣ Армянина разспрашивали: можно ли ему въ своей землѣ промыслить для великаго государя каменья дорогаго запонъ и другихъ узорочныхъ товаровъ, птицъ индѣйскихъ и мастеровыхъ людей, золотописцевъ и золотаго и серебрянаго дѣлъ мастеровъ и алмазниковъ рѣзцовъ, которые рѣжутъ на всякихъ каменьяхъ? Армянинъ отвѣчалъ, что отецъ его и онъ готовы все промыслить для великаго государя, потому что прикащики ихъ ѣздятъ во всѣ государства; можно заказать богатый чепракъ — можно сдѣлать въ 50,000; можно изъ Индіи привезти птицъ, которыя говорятъ по индѣйски, а звѣрей привезти нельзя, потому что ѣхать надобно черезъ два моря. Мастеровыхъ людей въ шаховой области много, и онъ, купчина, станетъ ихъ призывать въ московское государство. Они съ отцемъ великому христіанскому государю во всемъ работать и служить ради, а не для своей прибыли; шахъ ихъ жалуетъ, торгуютъ они безпошлинно; только шахъ вѣры бусурманской, а они христіанской вѣры, и для того великому государю служить и работать ради.

Мы видѣли, какъ при царѣ Михаилѣ Англичане и другіе западные народы домогались у московскаго правительства свободной торговли по Волгѣ съ Персіею; теперь подобное предложеніе явилось наоборотъ, изъ Персіи, отъ компаніи тамошнихъ Армянъ. Въ 1666 году Армянинъ Григорій Лусиковъ подалъ царю чело-

битную: «Пожалована наша компанія отъ шаха правомъ вывозить изъ Персіи за море шелкъ сырецъ черезъ которое государство мы захотимъ. Возимъ мы шелкъ многіе годы черезъ турецкое государство, которое обогащается отъ насъ таможенными сборами. Поговоря съ товарищами, я выѣхалъ къ тебѣ, великому государю, бить челомъ, чтобы ты пожаловалъ, велѣлъ намъ возить шелкъ сырецъ и другіе персидскіе товары, которые на нѣмецкую руку, черезъ свое московское государство за море въ нѣмецкія земли и опять указалъ насъ пропускать назадъ изъ-за моря черезъ Архангельскъ съ нѣмецкими товарами, съ золотыми и ефимками въ Персію. Если мы продадимъ шелкъ въ Астрахани, то заплатимъ пошлины по 5 копѣекъ съ рубля; если не продадимъ, вели оцѣнить шелкъ по 20 рублей пудъ, взять по пяти копѣекъ съ рубля и пропустить къ Москвѣ; если продадимъ въ Москвѣ, то вели взять пошлины по пяти копѣекъ съ рубля; если не продадимъ, то вели оцѣнить пудъ по 30 рублей, взять пошлины по 5 копѣекъ съ рубля и отпустить къ Архангельску. Если продадимъ въ Архангельскѣ, вели взять пошлины по 5 копѣекъ; если же не продадимъ, вели пудъ оцѣнить по 40 рублей, пошлины взять по 5 копѣекъ съ рубля и пропустить за море въ нѣмецкія земли. А которые персидскіе товары годны на нѣмецкую руку, вели съ насъ брать пошлину какъ ведется, также вели брать обыкновенную пошлину и съ нѣмецкихъ товаровъ, которые мы привеземъ въ Архангельскъ. Отъ провозу этого шелка и другихъ товаровъ твоимъ подданнымъ великая прибыль. Иноземцы, которые теперь ѣздятъ на корабляхъ въ турецкую землю для покупки этого шелку и другихъ товаровъ, всѣ будутъ ѣздить къ Архангельску и съ нихъ будутъ сходить въ твою казну большія пошлины.

Въ маѣ 1667 года Ординъ-Нащокинъ написалъ договоръ съ компаніею на условіяхъ, означенныхъ въ просьбѣ; агентомъ компаніи въ Москвѣ, по просьбѣ Армянъ, утвержденъ былъ Англичанинъ Брейнъ. Агентъ обязывался послать своихъ вѣрныхъ людей въ Астрахань, Новгородъ, Архангельскъ и другіе порубежные города, и всякими дѣлами компаніи въ челобитьѣ и торговыхъ промыслахъ честно и вѣрно радѣть, великому государю, его боярамъ, думнымъ и приказнымъ людямъ обо всякихъ дѣлахъ и обидахъ извѣщать и бить челомъ радѣтельно, безъ всякой поноровки недругамъ компаніи; отписывать о дѣлахъ компаніи къ ея

членамъ въ Персію, какъ случатся ѣздоки. За это радѣнье компанія платитъ Брейну съ проданныхъ товаровъ по деньгѣ съ рубля; если же компанія пришлетъ шелкъ или другіе товары къ самому агенту для продажи, то платитъ ему съ продажныхъ товаровъ по грошу съ рубля; если же онъ товары продастъ или вымѣняетъ на другіе, то платитъ ему по другому грошу съ рубля.

Въ маѣ написанъ былъ договоръ, а 19-го іюня сдѣлано было распоряженіе о строеніи кораблей для Каспійскаго моря: великій государь указалъ для посылокъ изъ Астрахани на Хвалынское море дѣлать корабли въ коломенскомъ уѣздѣ, въ селѣ Дѣдиновѣ, а вѣдать это карабельное дѣло въ приказѣ новгородской чети боярину Аѳанасью Лаврентьевичу Ордину-Нащокину, да думнымъ дьякамъ—Дохтурову, Голосову и Юрьеву. Въ тотъ же день иноземецъ Иванъ фанъ-Сведенъ объявилъ въ приказѣ корабельщиковъ Ламберта Гелта (Holt) съ товарищами, четырехъ человѣкъ, нанятыхъ на четыре года. Полковникъ Корниліусъ фанъ-Буковенъ (Bockhoiven) отправился въ вяземскій и коломенскій уѣзды осматривать лѣса; къ Марселисамъ на ихъ тульскіе и каширскіе заводы послана была память — давать желѣзо самое доброе на корабельное дѣло. Плотниковъ и кузнецовъ велѣно было набирать изъ рыболововъ села Дѣдинова, охотниковъ, а въ неволю никого не нудить. Главнымъ распорядителемъ при строеніи кораблей былъ приставленъ Яковъ Полуехтовъ.

Новое дѣло пошло не такъ скоро, какъ бы хотѣлось. Хотѣлось, чтобы корабль поспѣлъ къ веснѣ 1668 года; но 1-го октября 1667 Полуехтовъ прислалъ сказку дѣдиновскаго старосты, что у нихъ къ корабельному дѣлу охочихъ плотниковъ нѣтъ; того же числа другая отписка Полуехтова: кабацкій голова отказалъ: денегъ у него нѣтъ, на корабельное дѣло дать нечего. Плотниковъ велѣли нанимать въ Коломнѣ и Дѣдиновѣ; но отъ 27-го октября отъ Полуехтова новая отписка: въ Дѣдиновѣ плотники охотою не нанимаются, а подрядчиковъ нѣтъ, и корабельное дѣло за плотниками стало. Послали память въ приказъ большаго дворца, велѣно всѣмъ дѣдиновскимъ плотникамъ уговариваться безъ всякаго опасенья, наемъ имъ будетъ безъ убавки, и въ неволю на нихъ корабельное дѣло накинуто не будетъ, ссорщикамъ не вѣрили бы; Полуехтову послали государеву грамоту: изъ Дѣдинова и другихъ селъ взять у приказныхъ людей плотниковъ трид-

цать человѣкъ, а корму давать имъ по четыре алтына на день. Работа пошла съ 14-го ноября. Въ январѣ отписка отъ Полуехтова: «Плотникамъ и кузнецамъ дано корму по четыре алтына на день человѣку, а дни малые и холодные, корабельное дѣло несноро, а корму, безъ указа, убавить не смѣю.» Въ отвѣтъ велѣно давать по два алтына человѣку, да смотрѣть, чтобы не гуляли. Тридцати плотниковъ оказалось мало; понадобились канаты и бичевки, мастеровъ канатныхъ можно было сыскать между крестьянами епископскаго села Городищъ, но никто изъ нихъ волею не подряжался; спросили парусного мастера — нѣтъ! иноземцы объявили, что надобно на кораблѣ вырѣзать корону: рѣзчика негдѣ было сыскать; Дѣдиновцы наскучили незваными гостями: староста приходилъ со многими людьми и ссылалъ полковника Фанъ-Буковена со двора, отводили дворы далеко отъ корабельнаго дѣла. Велѣли прибавить еще 20 человѣкъ дѣдиновскихъ плотниковъ и полковника велѣли поставить на ближнемъ дворѣ, епископу коломенскому велѣли дать канатныхъ и бичевныхъ мастеровъ; изъ оружейной палаты велѣли выслать въ Дѣдиново рѣзнаго мастера; туда же велѣли послать изъ пушкарскаго приказа казеннаго кузнеца Никитина. Но и тутъ неудачи: пушкарскій приказъ отвѣчалъ, что кузнецъ Никитинъ дѣлаетъ къ большому успенскому колоколу языкъ, а кромѣ того кузнеца языка дѣлать некому; оружейная палата отвѣчала, что у нея рѣзнаго мастера нѣтъ. Парусныхъ швецовъ и токарей велѣли взять на Коломнѣ, кузнецовъ въ Переяславлѣ Рязанскомъ, живописца и рѣзца на гранатномъ дворѣ; но на гранатномъ дворѣ ихъ не оказалось, послали въ стрѣлецкій приказъ. Между тѣмъ наступила весна, май мѣсяцъ; Полуехтовъ далъ знать, что корабль на воду спущенъ, будутъ отдѣлывать его на водѣ, а яхта и шлюпы поспѣютъ скоро. Но въ іюнѣ новыя жалобы отъ Полуехтова: коломенскій епископъ Мисаилъ канатныхъ мастеровъ не даетъ; а епископъ жалуется: «далъ я 8 человѣкъ мастеровъ, но Полуехтовъ бьетъ ихъ и мучитъ, въ подклѣтъ сажаетъ, пеньки и кормовыхъ денегъ не даетъ, мучитъ голодною смертію.» На коломенскомъ кружечномъ дворѣ, на которомъ до сихъ поръ брали деньги для корабельнаго строенія, денегъ не достало, послали взять въ Зарайскѣ и Переяславлѣ Рязанскомъ изъ таможенныхъ доходовъ. Отыскали и отправили въ Дѣдиново иконописца и рѣзца, рѣзцу велѣно ко-

роны рѣзать, а иконописцу, гдѣ доведется, цвѣтить. Лѣто уже приближалось къ исходу, а корабль все не былъ готовъ. 7-го августа послана къ Полуехтову царская грамота: велѣно у корабля на кормѣ сдѣлать и вырѣзать травы и вызолотить, орла и короны дѣлать не велѣно, а на носу сдѣлать льва; велѣно дѣлать съ большимъ поспѣшеніемъ, чтобы въ августѣ мѣсяцѣ отпустить корабль изъ Дѣдинова. Полуехтовъ отвѣчалъ на это, что главная остановка за епископомъ Мисаиломъ: осьми канатныхъ мастеровъ мало, а епископъ не даетъ въ прибавку. Послали новую грамоту къ епископу съ большимъ подтвержденіемъ, а къ Полуехтову опять приказъ, чтобы непремѣнно корабли были готовы къ отпуску въ августѣ мѣсяцѣ. Прошелъ августъ; прошла и половина сентября; Полуехтовъ доноситъ, что корабль, яхта, два шлюпа и боты сдѣланы, совсѣмъ наготовѣ; но большихъ канатовъ, на чемъ кораблю и яхтѣ стоять, не сдѣлано, потому что мастеровъ только 8 чечеловѣкъ, а больше епископъ Мисаилъ не присылывалъ. Пошла третья грамота къ епископу, а къ Полуехтову приказъ: отпустить корабли въ Нижній Новгородъ съ полковникомъ фанъ-Буковеномъ и корабельщиками, а кормщиковъ и гребцовъ взять изъ коломенскаго посада и коломенскаго яма, знающихъ людей, которые бы въ Окѣ рѣкѣ водяной ходъ знали. Въ Нижнемъ велѣно корабли поставить, для осенняго и весенняго льда, въ заводяхъ, и беречь накрѣпко; чего на корабляхъ не подѣлано, то фанъ-Буковенъ долженъ былъ додѣлать въ Нижнемъ. Но 19 октября отписка изъ Дѣдинова: коломенскіе ямщики государеву указу учинились ослушны, на корабли кормщиковъ и гребцовъ не дали, кораблю по Окѣ идти нельзя: вода мелка; а тутъ еще Полуехтовъ поссорился съ Буковеномъ, начали доносить другъ на друга: фанъ-Буковенъ пишетъ, что въ Окѣ вода мелка, идти кораблю нельзя, а Полуехтовъ пишетъ, что въ рѣкѣ вода велика и кораблямъ идти можно, только полковникъ съ подъячимъ пьетъ и бражничаетъ, о государевѣ дѣлѣ не радѣетъ, хочется ему, чтобы корабли зазимовали въ Дѣдиновѣ. Чтобы помочь дѣлу, послали грамоты: къ Полуехтову: если отпускъ замедлится, то быть ему въ опалѣ и наказаньѣ, и во что корабли станутъ, тѣ деньги доправятъ на немъ; къ Буковену: если не пойдетъ въ Нижній тотчасъ, то доправятъ на немъ кормы за всѣ прошлые мѣсяцы. Но и это не помогло: Буковенъ далъ знать, что съ 4 ноября мо-

розы сильные, по Окѣ ледъ началъ плыть большой; а Полуехтовъ присылаетъ сказку за руками старостъ Ловецкихъ селъ, что 2 ноября по Окѣ корабельный ходъ былъ. Какъ бы то ни было, корабль зазимовалъ въ Дѣдиновѣ.

20 ноября явился въ посольскомъ приказѣ корабельный капитанъ Давыдъ Бутлеръ съ 14 товарищами: пріѣхали они изъ-за моря изъ Амстердама, къ великому государю въ службу, по призыву фанъ-Сведена. 2 марта 1669 года Бутлера съ товарищами, да Астраханца, который на Каспійскомъ морѣ бывалъ, отправили въ Дѣдиново осмотрѣть корабль, можно ли на немъ по Каспійскому морю ходить? Посланные возвратились и объявили, что корабль и яхта годны. 25 апрѣля, по государеву указу, велѣно кораблю дать прозванье *Орелъ*, капитану Бутлеру велѣно поставить на носу и на кормѣ по орлу, и на знаменахъ и на еловчикахъ нашивать орлы. Бутлеръ подалъ въ посольскомъ приказѣ списокъ съ артикульныхъ статей, какъ долженъ капитанъ между корабельными людьми расправу чинить и вѣдать ихъ; артикулы были одобрены. Наконецъ въ началѣ мая Орелъ двинулся изъ Дѣдинова, а 13 іюня отпущенъ изъ Нижняго въ Астрахань. Постройка корабля, яхты, двухъ шнекъ и бота обошлась въ 9021 рубль.

Неудачному началу соотвѣтствовалъ несчастный конецъ; Стенька Разинъ сжегъ корабль въ Астрахани. Разбои Разина, разногласіе, происшедшее въ компаніи и смерть шаха Аббаса II-го помѣшали также исполненію договора, заключеннаго съ Армянами. Между тѣмъ Ординъ-Нащокинъ удалился отъ дѣлъ; мѣсто его занялъ Матвѣевъ, и въ іюлѣ 1672 года въ посольскій приказъ созваны были выборные торговые люди, по два человѣка добрыхъ изъ сотни. Имъ прочли договоръ съ армянскою компаніею 1669 года и спросили: если Армане, по догору, шелкъ сырой и всякіе товары станутъ привозить въ московское государство, въ Архангельскъ, Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ и за море съ товарами ѣздить, то не будетъ ли московскимъ и всѣхъ городовъ купецкимъ людямъ въ ихъ промыслахъ помѣшки? Выборные отвѣчали: «При царяхъ Михаилѣ Ѳедоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ Персидской области купецкіе люди Персіяне и Армяне, Кумычане и Индѣйцы пріѣзжали съ шелкомъ и со всякими персидскими товарами и торговали въ Москвѣ и въ Астрахани и по другимъ городамъ всегда съ русскими купецкими людьми, а съ Нѣмцами,

Греками и ни съ какими иноземцами нигдѣ не торговали, а въ нѣмецкія земли чрезъ московское государство не ѣзжали. А русскіе купецкіе люди со всякими русскими и нѣмецкими товарами ѣздили въ Астрахань и въ Персію за море и мѣняли русскіе и нѣмецкіе товары на шелкъ и на другіе персидскіе товары и продавали ихъ въ казну великаго государя, а изъ казны продавали Нѣмцамъ на ефимки, также и отъ себя продавали шелкъ Нѣмцамъ на ефимки, а ефимки отдавали въ казну на мелкія деньги и отъ того казнѣ бывало не малое пополненіе, а русскимъ купецкимъ людямъ былъ промыслъ, и многія пошлины сходили съ нихъ и съ Персіянъ. Если же теперь Армяне станутъ торговать съ Нѣмцами, то постановятъ съ ними договоръ, шелкъ продадутъ Нѣмцамъ на ефимки и на золотые и на заморскіе такіе товары, которые прежде русскіе люди покупали у Нѣмцемъ и продавали Персіянамъ. Такъ по этому договору ефимки и золотые и заморскіе товары пойдутъ въ персидскую землю чрезъ московское государство, и Персидской землѣ будетъ прибыль, а казнѣ великаго государя убытокъ, русскіе купецкіе люди лишатся своихъ промысловъ и придутъ въ убожество.»

Въ концѣ 1672 опять пріѣхалъ въ Москву Григорій Лусиковъ и услышалъ отъ Артамона Сергѣевича Матвѣева такія рѣчи: «Въ 1667 году великій государь васъ Армянъ пожаловалъ, съ шелкомъ и другими товарами вамъ пріѣзжать позволилъ, какъ о томъ въ крѣпости написано. Для покупки шелка приготовлена царская казна многая, и потерпѣла она въ простоѣ отъ долгаго времени убытки великіе. Этимъ вы свой договоръ нарушили, а теперь объяви, по договору шелкъ съ собою ты привезъ ли, и чѣмъ вознаградишь убытки, понесенные царскою казною?»

Лусиковъ: Христосъ не пришелъ разорить Моисеева закона, но исполнить, а слухъ носится, что договоръ о шелкѣ хотятъ перемѣнить.

Матвѣевъ: правда, что Христосъ сошелъ на землю ради нашего спасенія, и не пришелъ разорить законъ, но исполнить; это твое слово къ пополненію царской казны пристойно. Объяви, какимъ способомъ можешь вознаградить царскую казну за убытки?

Лусиковъ: Въ договорѣ не постановлено, чтобы намъ шелкъ ставить въ царскую казну. Шелку я не привезъ теперь съ собою

за козацкимъ воровствомъ, а какъ вознаградить убытки царской казнѣ, не вѣдаю.

Матвѣевъ: За козацкимъ воровстомъ останавливать товаровъ вамъ было не для чего, потому что всякому свое здоровье должно беречь больше пожитковъ; самъ ты проѣхалъ, и шелкъ могъ провезти, а не привезъ—царскую казну изубытчилъ и договоръ нарушилъ.

Лусиковъ: Если покупать шелкъ въ казну, то этимъ самымъ деговоръ будетъ нарушенъ, потому что въ договорѣ такой статьи нѣтъ.

Матвѣевъ: Если у царскаго величества съ нѣмецкими государями будутъ какія ссоры, то за море васъ отпускать нельзя, торговать вамъ въ Архангельскѣ и въ другихъ русскихъ городахъ, продавать свои товары или въ царскую казну, или русскимъ торговымъ людямъ.—На эту новую статью, ненаходившуюся въ первомъ договорѣ, Лусиковъ отвѣчалъ письменно, что они, Армяне, согласны на нее, только бы установлена была шелку цѣна, и если во время проѣзду изъ Астрахани до Москвы учинится въ товарахъ убытокъ, то онъ вознаграждается изъ казны царской. На установленіе цѣны согласились; но относительно случаевъ утраты товаровъ отъ воровства постановили: если на Волгѣ объявится воровство, то астраханскіе воеводы дадутъ знать объ этомъ въ первый персидскій порубежный городокъ, чтобъ торговые люди въ Астрахань съ шелкомъ и другими товарами не ѣздили. Если, несмотря на все береженіе и провожаніе Армянъ, товары потонутъ или какимъ-нибудь другимъ образомъ пропадутъ, то съ этихъ товаровъ пошлинъ не брать. Армянинъ вытребовалъ, чтобы во время провозу товаровъ при нихъ былъ постоянный караулъ изъ русскихъ людей, и если за этимъ карауломъ товары пропадутъ, то хозяевамъ искать судомъ на караульщикахъ, и если разыскать будетъ нельзя, то давать вѣру: «Зимою, говорилъ Лусиковъ, пріѣдемъ на станъ и пойдемъ въ избу, а безъ насъ русскіе люди что хотятъ, то и сдѣлаютъ надъ нашими товарами, потому что мы къ зимѣ непривычны, на морозѣ оставаться не можемъ.» Что касается до цѣны, по какой брать шелкъ въ казну, то уговорились, чтобъ пудъ шелку *лежей* стоилъ *35*, *а ардашъ* 30 рублей. Лусиковъ далъ обязательство: «Въ нѣмецкія государства черезъ Турцію и никакимъ другимъ путемъ съ шелкомъ сырцомъ и дру-

гими товарами ни компанейщикамъ, ни другимъ подданнымъ персидскимъ не ѣздить; если иноземцы пріѣдутъ въ персидское государство для покупки шелку, то Армяне не должны имъ его продавать: весь шелкъ идетъ въ Россію.»

21 мая 1673 года Матвѣевъ призывалъ гостей, Василья Шорина съ товарищами и объявилъ имъ царскій указъ: впередъ изъ Астрахани русскихъ торговыхъ людей и ихъ прикащиковъ въ Персію не отпускать; также персидскимъ торговымъ людямъ торговать съ Русскими въ одной Астрахани, и въ верховые города ихъ не пускать до тѣхъ поръ пока будетъ постановлено объ этомъ чрезъ пословъ отъ обоихъ государствъ, потому что шемахинскій ханъ гостя Астаѳья Филатьева прикащика, также и другихъ прикащиковъ товары и имѣніе взялъ грабежемъ, и впередъ русскихъ людей будутъ грабить изъ мести, что въ Астрахани при Стенькѣ Разинѣ ограблены шаховъ посланникъ и купчины. Будучи на Москвѣ въ посольскомъ приказѣ, домогались они многими разговорами и челобитьемъ, чтобы великій государь указалъ послать въ Астрахань и другіе понизовые города сыскныя грамоты. Посланнику отказали въ этомъ для того, что въ Астрахани послѣ Стеньки на воровствѣ многіе торговые люди покупили персидскіе товары и везутъ въ Москву и другіе города: такъ еслибы послать сыскныя грамоты, то посланникъ и купчина гдѣ такіе товары сыщутъ, будутъ называть своими и начнутся великія ссоры. Если гостямъ такое распоряженіе, чтобы въ Персію не ѣздить и торговать въ Астрахани, годно, то пусть пришлютъ сказку за руками въ посольскій приказъ.

Гости прислали сказку: «Русскимъ купецкимъ людямъ въ шаховой области во всѣхъ городахъ отъ начальныхъ хановъ чинится великая обида и тѣснота и неволя; ханы берутъ лучшіе товары, соболи, пупки, сукна, кость рыбью и слюду безъ цѣны силою, держатъ у себя по полугоду и по году, и послѣ долгаго челобитья платятъ цѣну въ половину и въ треть, а иные товары, державъ долгое время и перегноя, отдаютъ назадъ съ великимъ безчестьемъ и обидою; а во многихъ городахъ русскихъ купецкихъ людей бьютъ и увѣчатъ палками безвинно. Въ Шемахѣ въ 1650 году захватили русскихъ купецкихъ людей и держали ихъ въ заперти до 1656 года, при чемъ убытка русскіе люди потерпѣли больше 50,000. Въ 1660 году тарковскій шевкалъ пограбилъ

товары гостей Шорина, Филатьева, Денисова и Задорина слишкомъ на 70,000 рублей. Въ 1672 году тотъ же шевкалъ ограбилъ астраханскаго жителя, Армянина Нестора слишкомъ на 3000 рублей; а шевкаловы торговые люди ежегодно пріѣзжаютъ въ Астрахань и торгуютъ вольно; еслибы ихъ задержать въ Астрахани, то и шевкалъ пересталъ бы грабить русскихъ людей. Видя такія обиды въ шаховыхъ областяхъ, русскіе купецкіе люди ѣздить туда опасаются; но чтобы и персидскихъ купцовъ далѣе Астрахани не пускать, иначе они отнимутъ промыслы у русскихъ людей и царской казнѣ будетъ убыль большая: Персіяне и Армяне, Кумычане, Черкесы, Индѣйцы и астраханскіе Татары, пріѣзжая въ Москву и другіе города, станутъ продавать свои товары всякимъ людямъ врознь дорогою цѣною, а русскіе товары лучшіе станутъ покупать дешевою цѣною; вмѣсто двухъ и трехъ пошлинъ, что съ русскихъ сходитъ, станутъ платить одну пошлину; русскимъ всякихъ чиновъ людямъ въ покупкѣ персидскихъ товаровъ передача великая, вся прибыль будетъ у Персіянъ.»

По прочтеніи этой сказки послали спросить Лусикова, не разсердится ли шахъ, если Персіянъ не будутъ пропускать изъ Астрахани въ Москву? и не будетъ ли отъ Персіянъ челобитья шаху на нихъ, Армянъ, когда они одни, по договору, будутъ пріѣзжать въ Москву и другіе русскіе города? Лусиковъ отвѣчалъ, что персидскіе купчины теперь и сами не поѣдутъ въ Россію, потому что прежде брали они товары взаймы изъ шаховой казны, казначей бралъ съ нихъ взятки и давалъ имъ роспись за шаховой печатью, вслѣдствіе чего они торговали безпошлинно; а теперь, какъ состоялся договоръ съ армянскою компаніею, купчинамъ казенныхъ товаровъ уже не даютъ; бить челомъ Персіяне на Армянъ не будутъ, потому что послѣднимъ шахъ далъ жалованную грамоту на вывозъ шелка въ Россію, и грамоты этой перемѣнить нельзя. По этому случаю Лусиковъ прибавилъ: «Пріѣзжаютъ изъ шаховой области въ русское государство тезики съ купчинами, а иные и особо, торги у нихъ малые, обыкновенно торгуютъ табакомъ, живутъ въ Москвѣ и другихъ городахъ многіе годы, а прибыли отъ нихъ нѣтъ. Тому лѣтъ съ шесть подговорили они и увезли изъ Москвы молодую монахиню, которая обусурманилась и вышла замужъ за тезика, и тезики насъ Армянъ укоряютъ, что вотъ христіане въ ихъ вѣру обращаются: указалъ

бы великій государь всѣхъ тезиковъ отовсюду выслать въ Персію; шаху будетъ это пріятно; а мы Армяне табакомъ торговать и Русскихъ людей увозить не будемъ, потому что мы христіане.»

До сихъ поръ мы слѣдили за сношеніями московскаго государства, готоваго перейти въ Россійскую Имперію, съ государствами Европы и Азіи, съ народами, принадлежащими христіанской или магометанской цивилизаціи. Но Россія, съ самаго начала своей исторіи, имѣла постоянно сосѣдями кочевые народы, выходившіе изъ степей Средней Азіи, и мы знаемъ, какое вліяніе оказывало на ея исторію это сосѣдство. Исчезли Печенѣги и Половцы, страшные поработители Татары подчинились своимъ прежнимъ данникамъ Русскимъ, хотя и не переставали обращать взоры на Константинополь, въ ожиданіи, что преемникъ калифовъ избавитъ ихъ отъ царя христіанскаго; но степная украйна не перемѣнила своего характера, кочевники движутся, тѣснятъ другъ друга, какъ нѣкогда Половцы потѣснили Печенѣговъ, Татары Половцевъ. Но теперь они сталкиваются уже не съ кіевскою Русью, сталкиваются съ могущественною для нихъ Москвою, и любопытно прослѣдить ихъ первоначальныя отношенія къ Москвѣ, какъ сначала они хотятъ удержать свою независимость, право движенія и хищничества, но скоро, волею-неволею, должны подчиниться Москвѣ, войти къ ней въ служебныя отношенія, изъ дикихъ Половцевъ сдѣлаться Черными Клобуками.

Въ 1645 году, еще при жизни царя Михаила, двое калмыцкихъ тайшей прислали въ Москву пословъ своихъ бить челомъ о принятіи ихъ въ послушанье, съ обѣщаніемъ служить и добра хотѣть, а государь бы за это велѣлъ пріѣзжать имъ къ Астрахани, къ Уфѣ и къ другимъ городамъ со всякими торгами. Алексѣй Михайловичъ, по восшествіи своемъ на престолъ, въ концѣ того же 1645 года отправилъ къ тайшамъ голову московскихъ стрѣльцовъ Кудрявцева, чтобы ихъ уговорить и къ государской милости обратить безъ войны и безъ крови. Кудрявцевъ выѣхалъ изъ Уфы 22 марта 1646 года по послѣднему зимнему пути, по пластамъ, степью и ѣхалъ до калмыцкихъ улусовъ четыре недѣли въ полую воду. 21 апрѣля пріѣхалъ онъ въ улусъ къ Лоузаню тайшѣ на рѣчку Кіимъ и велѣлъ ему сказать, чтобы послалъ къ братьи своей, племянникамъ и другимъ тайшамъ, пусть съѣдутся въ одно мѣсто для выслушанія царскаго посланника. «Для этого наши

тайши ко мнѣ не поѣдутъ, отвѣчалъ Лоузань: подай государеву грамоту мнѣ здѣсь и государево милостивое слово скажи.» Кудрявцевъ поѣхалъ къ нему и подалъ грамоту: «Подожди, сказалъ тайша, когда обо всемъ между собою переговоримъ, тогда тебѣ обо всемъ скажемъ.» Кудрявцевъ ждалъ недѣлю и дождался: Лоузань прислалъ къ нему людей своихъ, тѣ прибили, ограбили посла и отвезли его въ другой улусъ, къ племяннику Лоузаневу, Наамсарѣ; тотъ послалъ его къ другому дядѣ своему; послѣдній, продержавъ Кудрявцева три недѣли, отослалъ назадъ къ Наамсарѣ. 17 іюня тайши съѣхались на рѣкѣ Оръ, и позвали къ себѣ посланника, который говорилъ имъ такую рѣчь: «Вѣдомо вамъ самимъ, что издавна были вы у великихъ государей царей въ послушаньѣ; но въ 1643 году, забывъ милость царя Михаила Θеодоровича, приходили подъ Астрахань, русскихъ и ногайскихъ людей побили, а едисанскихъ мурзъ и улусныхъ людей съ женами и дѣтьми взяли и отвезли къ себѣ и до сихъ поръ не отдали. Потомъ вы ходили на Терекъ на ногайскихъ мурзъ, но были побиты въ горахъ Кумыками и горными Черкасами. Этимъ вы не унялись, но приходили подъ Саратовъ и другіе понизовые города. Не терпя такихъ досадъ, царь Михаилъ Θеодоровичъ посылалъ на васъ воеводу своего Плещеева; воевода встрѣтилъ васъ за Саратовымъ и многихъ побилъ, другихъ въ плѣнъ взялъ и много разоренья за ваши неправды вамъ сдѣлалъ; наконецъ вы прислали къ великому государю бить челомъ, чтобы принялъ васъ подъ свою высокую руку. Великій государь Михаилъ Θеодоровичъ премѣнилъ гнѣвъ на милость, воевать и разорять васъ больше не велѣлъ, а сынъ его, великій государь царь Алексѣй Михайловичъ послалъ къ вамъ меня съ своимъ милостивымъ словомъ: и вамъ бы отъ неправдъ своихъ отстать, великому государю служить, изъ-подъ Астрахани и изъ-подъ Уфы и отъ другихъ городовъ отойти кочевать на прежнія свои дальнія кочевья, и передо мною присягу дать по своей вѣрѣ, едисанскихъ Татаръ отпустить, аманатовъ въ Астрахань и Уфу дать изъ тайшей или изъ улусныхъ лучшихъ родственныхъ людей. А какъ вы все это исполните, то государь станетъ васъ держать въ своемъ милостивомъ жалованьѣ, торги и промыслы вамъ будутъ безпошлинные.»

«Въ прошлыхъ годахъ, отвѣчали тайши, калмыцкіе улусы у московскихъ государей въ послушаньѣ бывали ль, или нѣтъ, и

чѣмъ ихъ прежніе государи жаловали или нѣтъ, того мы не упомнимъ; а то мы знаемъ, что дѣды и отцы наши и мы сами, и братья наши и племянники у царей московскихъ и у царя Михаила Өеодоровича никогда въ послушаньѣ не бывали и никакого государева жалованья къ намъ не присылывано, и пословъ своихъ не посылывали съ челобитьемъ, чтобы быть намъ въ неволѣ, посылали мы бить челомъ о томъ, чтобы быть съ государемъ въ мирѣ, намъ на его города войною не ходить, а ему на насъ своихъ ратныхъ людей не посылать, и дать намъ подъ своими городами торгъ. Къ Астрахани ходили не всѣ тайши, ходило только двое тайшей, ходили не подъ государеву отчину, а на встрѣчу къ едисанскимъ мурзамъ и улуснымъ людямъ, которые просили вашихъ тайшей, чтобы приняли ихъ къ себѣ; тайши къ себѣ ихъ и приняли, взяли ихъ не за саблею, люди они Божьи, и теперь кочуютъ на степи своими улусами по своей волѣ, захотятъ подъ Астрахань, и мы ихъ не держимъ, а по неволѣ не отдадимъ. Подъ Саратовъ и другіе города мы не прихаживали, а если кто и приходилъ изъ насъ украдкою, того мы не знаемъ, потому что кочуемъ не въ одномъ мѣстѣ; а что воевода Плещеевъ нашихъ людей побилъ и въ полонъ взялъ, то такъ повелось изъ вѣка, на войнѣ побиваютъ и въ полонъ берутъ. Государь велитъ намъ идти изъ подъ своихъ городовъ на прежнія дальнія кочевья: но мы кочуемъ не подъ его городами, земля Божія, кочуемъ на порожней землѣ, мы люди Божіи вольные, кочуемъ по своей волѣ не въ указъ. Служить мы государю не хотимъ, а и безъ шерти лиха ему не желаемъ, въ прежніе годы не бывало, чтобы мы какому-нибудь государю служили и шерть давали; если ты поцѣлуешь крестъ, что государь не будетъ насъ воевать, то и мы велимъ лучшимъ людямъ шертовать, что войны начинать не будемъ. Аманатовъ не дадимъ, потому что этого у насъ не повелось, а русскаго полону у насъ нѣтъ, потому что мы на Русь не ходимъ; а торгъ дѣло вольное, велитъ государь съ торгомъ приходить, и мы торгуемъ, а намъ и кромѣ государевыхъ людей есть съ кѣмъ торговать, пошлинъ же никому не даемъ.»

— «Если такъ, сказалъ Кудрявцевъ, то государь велитъ васъ воевать съ двухъ сторонъ съ огненнымъ боемъ, и къ врагамъ вашимъ, дальнимъ Калмыкамъ пошлетъ, чтобы также шли на васъ.»

— «Что ты намъ грозить пріѣхалъ! отвѣчали тайши: еслибы ты не изъ Москвы былъ присланъ, то за такое слово быть бы тебѣ въ Бухарѣ; еслибы государю насъ воевать, то онъ бы и не грозясь велѣлъ воевать и разорять: это въ Божьей рукѣ, кому Богъ поможетъ.»

Калмыки дѣйствительно сговаривались посланника убить или продать; но нѣкоторые отговорили; Кудрявцева повели въ дальнія кочевья, гдѣ онъ терпѣлъ голодъ, принужденъ былъ ѣсть всякую скверну. Здѣсь посланникъ видѣлся съ ногайскими и едисанскими мурзами и уговаривалъ ихъ возвратиться подъ Астрахань: «Мы государю измѣнили, былъ отвѣтъ, и намъ назадъ идти нельзя, улусные люди не хотятъ, да если и пойдемъ подъ Астрахань на старыя кочевья, то Калмыки придутъ и возьмутъ насъ; если же отъ Калмыковъ будетъ тѣсно, то мы пойдемъ подъ Астрахань.» — «Все это мурзы обманываютъ, писалъ Кудрявцевъ, забыли государеву милость и калмыцкихъ тайшей на всякое зло наговариваютъ; только бы не они, то тайши иного и не знали бы, всякіе русскіе обычаи разсказываютъ и наговариваютъ.» Кудрявцевъ вывѣдывалъ у Калмыковъ, не согласятся ли они идти вмѣстѣ съ русскими людьми войною на Крымъ; но тайши отказались: «Ждемъ мы на себя войны отъ дальнихъ Калмыковъ, говорили они: а Крымъ отъ насъ далеко, мѣсто незнакомое, и съ русскими людьми идти намъ вмѣстѣ нельзя: вашъ русскій походъ тяжелъ, ходите пѣши; гдѣ намъ идти день, а русскимъ людямъ идти недѣлю, да и русскихъ людей опасаемся, чтобы чего-нибудь надъ нами не сдѣлали.» Продержавъ Кудрявцева у себя почти пять мѣсяцевъ, Калмыки наконецъ отпустили его изъ степи.

Калмыки остались на новыхъ своихъ кочевьяхъ по Яику, Ору, Сакмарѣ, по рѣкамъ, которыми владѣли ясачные люди Уфимскаго уѣзда, грабили, били и хватали въ плѣнъ этихъ ясачныхъ людей на промыслахъ; врывались въ казанскій и самарскій уѣзды, раззоряли русскія и башкирскія села; Башкирцы платили имъ тѣмъ же; съ обѣихъ сторонъ накоплялись плѣнники и шли переговоры о ихъ размѣнѣ, при чемъ московское правительство не переставало твердить тайшамъ, чтобы уходили назадъ въ свои дальнія кочевья, на Черные пески и на Иргизъ рѣку, и не занимали бы земель между Яикомъ и Волгою. Тайши отвѣчали одно, что въ холопствѣ никогда ни у кого не бывали и никого не боятся, кро-

мѣ Бога. «Земля и воды Божьи, говорили они, а прежде та земля, на которой мы теперь съ Ногайцами кочуемъ, была ногайская, а не государева, и башкирскихъ вотчинъ въ тѣхъ мѣстахъ не бывало; мы, пришедши сюда, Ногайцевъ сбили, и Ногайцы пошли кочевать подъ Астрахань; а какъ мы подъ Астраханью ногайскихъ и едисанскихъ мурзъ за саблею взяли, то и кочуемъ съ ними пополамъ по этимъ рѣкамъ и урочищамъ, потому что они теперь стали наши холопи; намъ въ этихъ мѣстахъ зачѣмъ не кочевать? да кромѣ нихъ и кочевать намъ негдѣ, а государевыхъ городовъ здѣсь нѣтъ.»

Но не долго Калмыки говорили этимъ языкомъ. Въ 1657 году четверо тайшей прислали царю грамоту, въ которой писали: «Большой астраханскій воевода началъ къ намъ безпрестанно пословъ присылать, не дали намъ покою, все аманатовъ у насъ просили: и мы, Калмыки, аманатовъ своихъ дали, родственника своего, при воеводахъ и при дьякѣ шертовали съ своими улусными людьми, и на договорной записи мы, тайши, руки приложили, чая отъ васъ, великаго государя, впередъ жалованья, а какъ шертовали, то сказали намъ, что жалованье будетъ.» Калмыцкіе послы подали статьи: 1) Чтобы великій государь велѣлъ тайшамъ давать жалованье, а ихъ родства есть еще три улуса, и они, увидя къ себѣ государеву милость и жалованье, и тѣ улусы станутъ призывать подъ царскую высокую руку. 2) Велѣлъ бы государь лѣтомъ кочевать имъ отъ Астрахани вверхъ по Волгѣ по обѣ стороны и на перевозахъ бы ихъ нигдѣ не задерживали. 3) Въ городахъ, которые близко ихъ кочевья, указалъ бы государь давать имъ торгъ повольный, налоговъ бы и обидъ отъ воеводъ не было и во всемъ бы ихъ оберегали. 4) Указалъ бы государь идти имъ въ Крымъ войною, а съ ними бы послать астраханскихъ служилыхъ людей.

Послѣдняя статья была очень важна при тогдашнихъ обстоятельствахъ московскаго государства, и въ 1661 году дьякъ Гороховъ отправился къ калмыцкому тайшѣ Дайчину съ требованіемъ, чтобы послалъ къ крымскому хану, велѣлъ ему отстать отъ польскаго короля и не давать ему помощи, и если не отстанетъ, то Калмыки будутъ воевать крымскіе юрты; но всего бы лучше, говорилъ Гороховъ, еслибы Дайчинъ-тайша нынѣшнимъ лѣтомъ со всѣми Калмыками пошелъ воевать крымскіе юрты: тамъ богатства много отъ польскихъ людей, наполниться Калмыкамъ есть

чѣмъ; царскаго величества премногая милость къ тайшамъ и ко всѣмъ Калмыкамъ будетъ за ихъ службы, и въ государевыхъ городахъ русскіе люди, видя калмыцкую правду и прямую службу, будутъ съ Калмыками единодушно.

«Великій государь спрашиваетъ теперь на насъ службы, отвѣчалъ тайша, а жалованья посылаетъ намъ мало, тогда какъ мнѣ говорили, что будетъ мнѣ жалованье такое же, какъ прежде было крымскому хану.»

— «Такъ говорить негодится, возражалъ Гороховъ: потому что вы въ подданствѣ и послушаньѣ у великаго государя. Жалованья вы перебрали уже много, а службы еще никакой не показали.»

— «Калмыки служатъ великому государю, говорилъ тайша: воюютъ улусы послушныхъ Крыму Ногаевъ; мы были и подъ Азовомъ и по рѣкѣ Кабану, и теперь ради исполнить повелѣнье великаго государя, пошлемъ своихъ людей на Крымъ, а послѣ большой воды пойду самъ съ дѣтьми и племянниками, стану станомъ на Дону подлѣ козачьихъ городковъ и буду промышлять надъ Крымомъ. Всѣмъ своимъ улуснымъ людямъ и Татарамъ велимъ заказъ учинить крѣпкій, чтобы никакихъ ссоръ и задоровъ съ людьми великаго государя не чинили, только чтобъ и отъ русскихъ людей Калмыкамъ лиха не было, а злѣе всѣхъ Башкирцы: всегда всякое зло Калмыкамъ отъ Башкирцевъ.»

— «Въ прошломъ году, отвѣчалъ дьякъ, вы жаловались, и по этой жалобѣ посланъ на Уфу стольникъ Сомовъ, велѣно ему про Башкирцевъ сыскать накрѣпко, взятое ими отослать къ вамъ въ улусы, а Башкирцевъ пущихъ воровъ велѣно казнить смертію, а другихъ наказать торговою казнію. Башкирцы, пущіе воры и вашихъ улусовъ разорители, Гаурко Ахбулатовъ съ товарищами, 30 человѣкъ, избывая смертной казни, бѣжали и живутъ теперь у сына твоего Мончакъ-тайши, и сынъ твой, позабывъ ихъ обиды, сдѣлалъ имъ большой привѣтъ и ласку, далъ имъ на пріѣздѣ по двѣ лошади, да по верблюду человѣку, коровъ и овецъ далъ не мало; но это сдѣлалъ онъ неправдою, шерть свою нарушилъ. Пусть онъ этихъ воровъ Башкирцевъ отошлетъ въ Астрахань; а если ихъ отдать не захочетъ, то впередъ Башкирцевъ отъ калмыцкаго разоренья унимать нельзя.»

Дайчинъ, помолчавъ немного, сказалъ: «Я про это ничего не

знаю; когда увидишься съ Мончакъ-тайшею, то поговори съ нимъ; Мончакъ самъ владѣлецъ, а я старъ, и улусные люди прочатъ Мончака; а я къ нему съ ближними своими людьми прикажу. Повидавшись съ Мончакомъ, поѣзжай въ Москву поскорѣе, службу нашу и послушанье великому государю объяви, и если впередъ государю надобно будетъ наше калмыцкое дѣло, то государь указалъ бы вѣдать это дѣло въ Астрахани Казбулату мурзѣ черкасскому, потому что ему калмыцкое наше дѣло за обычай.»

Дьякъ поѣхалъ въ улусъ къ Мончаку, и первымъ дѣломъ его было, по пріѣздѣ туда, отправить уфимскихъ жителей переговорить тайкомъ съ бѣглыми Башкирцами: для чего они великому государю измѣнили, съ Уфы бѣжали, и какого себѣ добра ждутъ въ калмыцкихъ улусахъ? Калмыки давніе имъ злодѣи и будутъ мстить имъ за свою кровь. Когда Гороховъ пришелъ къ Мончаку, то тайша объявилъ, что онъ отъ отца своего не раздѣленъ и повелѣнье великаго государя также исполнить хочетъ съ радостью. Но иное говорили мурзы едисанскихъ Татаръ; они пріѣхали къ дьяку и объявили отъ имени тайши: «Великій государь спрашиваетъ на насъ службы, а жалованья привезено мало; если намъ государева жалованья дано будетъ столько же, сколько давалось крымскому хану, по 40.000, то мы на службу пойдемъ, а если жалованья не будетъ, то на службу не пойдемъ, а станемъ воевать по Волгѣ города великаго государя и его людей.»—«Вы это говорите, забывъ страхъ Божій, отвѣчалъ Гороховъ мурзамъ: вамъ слѣдовало о дѣлахъ великаго государя радѣть, потому что вы его холопи природные.»—«Мы служили и радѣли, сказалъ одинъ изъ мурзъ, Калмыковъ къ послушанью великому государю привели, но ничего за это не получили; ты намъ теперь ничего не привезъ, такъ мы тебя и всѣхъ государевыхъ людей, которые съ тобою, ограбимъ и тѣмъ себя наполнимъ. Крымскій посолъ у насъ, и мы съ этихъ поръ станемъ радѣть крымскому хану.» Сказавши это, мурзы вышли съ шумомъ.

Дьякъ немедленно послалъ толмача провѣдать, правда ли, что крымскій посолъ въ улусахъ? Толмачъ возвратился съ извѣстіемъ, что въ улусахъ азовскій ага и говоритъ, что крещеные съ хохлатыми соединились, и будетъ отъ нихъ бусурманамъ зло. Гороховъ, вмѣстѣ съ Казбулатомъ, мурзою черкасскимъ, отправился къ Мончаку; тайша велѣлъ запереть избу и никого не пускать;

начались тайные переговоры. Дьякъ разсказалъ тайшѣ о пріѣздѣ едисанскихъ мурзъ и о ихъ рѣчахъ; тайша отвѣчалъ, что онъ мурзъ не посылалъ, но что они дѣйствительно озлоблены, не получая ничего отъ государя: противъ ихъ челобитья объявлено имъ княжество и жалованье, и ничего не дано, а можно было ихъ обрадовать.

«Въ калмыцкой ордѣ надъ Калмыками и Татарами владѣльцы вы, тайши, говорилъ дьякъ: великій государь присылаетъ вамъ жалованье, съ вами о своихъ дѣлахъ переговоры ведетъ, а мурзамъ въ равенствѣ съ вами быть непристойно; да и то вамъ знать можно, что мурзы и всѣ Татары Калмыкамъ не доброхоты, послушны вамъ только изъ страха, по своей бусурманской вѣрѣ желаютъ всякаго добра Крымцамъ, а Калмыкамъ ищутъ всякаго разоренья, и хотятъ васъ отъ милости великаго государя отлучить. Абызы ихъ татарскіе по закону своему говорятъ, что Татарамъ и Крыму быть отъ Калмыковъ въ разореньѣ; теперь отецъ твой Дайчинъ посылаетъ на Крымъ своихъ ратныхъ людей, и надобно думать, что приспѣло время вамъ Калмыкамъ крымскими юртами завладѣть: такъ тебѣ пристойно быть съ отцемъ своимъ въ одной мысли, а раскольниковъ Татаръ не слушать.»

— «И въ нашемъ калмыцкомъ письмѣ написано, что Калмыки будутъ владѣть крымскими юртами, отвѣчалъ тайша. Есть на крымскомъ островѣ гора, слыветъ Чайка бурунъ: про ту гору написано у насъ, что въ ней много золота, и владѣть тѣмъ золотомъ Калмыкамъ. Что Татары намъ недоброхоты, это мы и сами знаемъ, бусурманъ доброхотъ бусурману; только и на русскихъ людей надѣяться намъ нельзя: яицкіе козаки и по Волгѣ изъ городовъ русскіе люди и Башкирцы много зла ежегодно намъ дѣлаютъ; русскіе люди обычаевъ калмыцкихъ не знаютъ и чинится отъ того во всемъ рознь; а крымскій ханъ каждый годъ присылаетъ пословъ къ намъ, сулитъ большую казну, хочетъ брать государевы города калмыцкими людьми и отдавать ихъ совсѣмъ Калмыкамъ. Но мы не слушаемся и крымскому хану не помогаемъ; но и войною намъ идти на Крымъ съ чего? Намъ казны не прислано, а крымскому хану ежегодно изъ Москвы посылаютъ по сороку тысячъ золотыхъ; однакоже Крымцы на Русь войною ходятъ, а Калмыки чѣмъ хуже Крымцевъ, что имъ столько казны не давать?»

Дьякъ отвѣчалъ: «Крымскій ханъ хочетъ давать вамъ государевы города; но это дѣло не статочное, потому что Крымцы не только городовъ, и малой деревни никогда у насъ не брали. Вы хотите большой казны: но прежде покажите свою службу. Вотъ будетъ служба, если вы теперь крымскаго посла отправите въ Москву: за это получите большое жалованье, а послу ничего дурнаго не будетъ.»

— «Этого сдѣлать никакъ нельзя, сказалъ тайша: намъ будетъ укорно и впередъ никто къ намъ пословъ посылать не станетъ.» Этимъ разговоръ и кончился.

Горохову удалось зазвать къ себѣ нѣсколько бѣглыхъ Башкирцевъ. На вопросъ, за чѣмъ бѣжали? они отвѣчали, что не стерпѣли налоговъ отъ ясачнаго сбора.—«Лжете! сказалъ дьякъ: никакихъ налоговъ вамъ не было, а здѣсь у чего вамъ жить! развѣ не знаете, что Калмыки вамъ злодѣи и отомстятъ вамъ?» — «Знаемъ, отвѣчали Башкирцы, да дѣлать то ужь нечего, назадъ ѣхать не смѣемъ, боимся смертной казни, а Калмыковъ какъ-нибудь удобримъ службою и промысломъ, потому что мы знаемъ не только большія дороги, но и малыя всѣ стежки и переправы на большихъ и малыхъ рѣкахъ.»—«Вамъ бы страшно было объ этомъ и помыслить, говорилъ дьякъ: мало того, что измѣнили, хотите, еще приводить Калмыковъ на разоренье нашихъ селъ и деревень!»—«Изъ-за чего же намъ добро то мыслить: вѣдь мы отъ юрта своего отстали», сказали Башкирцы. — «Лучше обратитесь къ великому государю, онъ васъ пожалуетъ», говорилъ дьякъ. — «Обратиться страшно, отвѣчали Башкирцы: бѣжали мы, пограбивъ государевыхъ людей, а иныхъ и побивъ до смерти.» Дьякъ обнадеживалъ ихъ государевою милостью и попотчивалъ; слѣдствіемъ было то, что Башкирцы обѣщались подумать и придти въ другое время.

Проживши двѣ недѣли у Мончака, Гороховъ сталъ торопить тайшу, чтобы покончилъ дѣло о походѣ на Крымъ; тайша отвѣчалъ, что надобно прежде покончить дѣло о башкирскихъ набѣгахъ: недавно еще Башкирцы отогнали у Калмыковъ 2000 лошадей: какъ тутъ идти на государеву службу?—«А зачѣмъ было принимать бѣглыхъ Башкирцевъ? спросилъ дьякъ: выдайте ихъ великому государю.» Мончакъ отвѣчалъ съ сердцемъ: «Кто себѣ лиходѣй, что станетъ отпускать отъ себя людей? Будешь просить

Башкирцевъ, и мы ратныхъ людей не пошлемъ на Крымъ» Кончилось тѣмъ, что Мончакъ сказалъ Горохову: «Вели принести отъ себя изъ стану вина и питья: хочу я съ ближними своими людьми напиться, чтобы сердитыя слова запить и впредь ихъ не помнить.» Дьякъ поспѣшилъ исполнить это доброе желаніе. Сердитыхъ словъ дѣйствительно послѣ того не было, и Калмыки обязались подъ клятвою идти на Крымъ; подписывая шертную запись, Мончакъ говорилъ: «Какъ бумага склеена, такъ бы калмыцкимъ людямъ съ русскими людьми вмѣстѣ быть вѣчно.»

Шерть была исполнена; война между турецко-татарскимъ и монгольскимъ племенемъ началась въ степяхъ черноморскихъ. Мончакъ слѣдилъ за своими врагами, Татарами и Башкирцами, и доносилъ въ Москву о сношеніяхъ ихъ съ Крымомъ. Въ 1664 году онъ извѣстилъ великому государю, что уже шестой или седьмой годъ, какъ уфимскіе Башкирцы и казанскіе Татары отправили пословъ къ крымскому хану объявить ему, что они съ нимъ одной вѣры и прежде были людьми крымскихъ хановъ, а теперь, живя съ русскими людьми, отстали отъ своей бусурманской вѣры: такъ бы ханъ принялъ ихъ къ себѣ и ходилъ съ ними вмѣстѣ подъ государевы города. Тайша доносилъ, что и астраханскіе Татары и всѣ вообще мусульмане пересылаются съ крымскимъ ханомъ и азовскимъ пашою, промышляютъ этимъ союзомъ тарковскій Суркай шевкалъ да кабардинскіе владѣльцы, мыслятъ построить городъ на крымской сторонѣ на урочищѣ Мажарѣ, что бывало венгерское городище между Астраханью и Терекомъ, чтобы не было дороги между этими городами. Для пріема Татаръ ханъ хочетъ прислать царевичей своихъ со многими ратными людьми, и стоять имъ между Чернымъ Яромъ и Царицынымъ, чтобы въ Астрахань и въ другіе понизовые города судовъ съ запасами и товарами не пропускать; а суда, въ чемъ имъ разъѣзжать по Волгѣ, взялись имъ промыслить астраханскіе юртовскіе Татары и Нагайцы.

До сихъ поръ мы касались только тѣхъ калмыковъ, которые безпокоили юговосточную украйну, уфимскую и астраханскую сторону; но гораздо больше безпокойства отъ нихъ было для Сибири. Мы видѣли, какое обширное пространство земель въ Сѣверной Азіи занято было русскими людьми въ царствованіе Михаила Θеодоровича: малочисленные отряды *съ огненнымъ боемъ*

легко одолѣвали разсѣянные *роды* туземцевъ и заставляли ихъ платить ясакъ. Но въ двадцатыхъ годахъ столѣтія въ южныхъ, степныхъ краяхъ Западной Сибири явились незванные гости, съ которыми нельзя было такъ легко раздѣлываться; то были именно Калмыки. Тѣснимые съ двухъ сторонъ, Монголами и Киргизъ-Кайсаками, они заняли земли у верховьевъ Иртыша, Ишима и Тобола, и спокойно располагались въ странахъ, которыя Русскіе считали уже своими. Появленіе Калмыковъ было тѣмъ опаснѣе, что владычество Русскихъ въ Сибири далеко еще не было упрочено: туземцы, принужденные только огненнымъ боемъ платить ясакъ, искали перваго случая, какъ бы избавиться отъ этой обязанности, и въ степяхъ бродили еще потомки Кучума съ притязаніями на отчину и дѣдину. Калмыковъ приняли какъ освободителей, и начали громко выражать надежду, что въ короткое время о Русскихъ не будетъ слышно въ Сибири. Правда, у Калмыковъ не было огненнаго бою, но они какъ-нибудь ухитрятся, мечтали туземцы, нападутъ на Русскихъ въ сильную бурю, мятель, когда нельзя будетъ стрѣлять изъ ружей.

Надежды туземцевъ не исполнились; люди съ лучнымъ боемъ не могли выжить изъ Сибири людей съ огненнымъ боемъ; но попытки были дѣлаемы не разъ. Въ 1634 году запылали деревни Тарскаго и Тюменскаго уѣздовъ, самъ городъ Тара два раза былъ осажденъ, Калмыки не могли устоять передъ огненнымъ боемъ, не взяли города, но за то и поиски Русскихъ въ степи за грабителями не были удачны. Нѣсколько лѣтъ сряду не проходило почти ни одной осени, чтобы русскіе поселенцы не были встревожены вѣстями о Калмыцкихъ замыслахъ, и крестьяне по Иртышу покидали свои деревни, скрываясь въ города и остроги. Въ сентябрѣ 1651 года запылалъ новый монастырь, который строилъ на рѣкѣ Исети старецъ Далматъ; русскіе люди, жившіе въ монастырѣ были перебиты или захвачены въ плѣнъ: это было дѣло Татаръ, пришедшихъ подъ предводительствомъ князьковъ крови Кучумовой. Другіе Кучумовичи въ 1659 году повели Калмыковъ на Барабинскую степь, пять волостей было разорено, 700 человѣкъ уведено въ плѣнъ. Въ слѣдующемъ году новое опустошеніе Барабы. Что же дѣлали люди съ огненнымъ боемъ, русскіе козаки? Они, гдѣ могли, истребляли по частямъ хищниковъ; но надобно замѣтить, что для защиты всей барабинской степи го-

родъ Тара не могъ выставить болѣе 60 козаковъ! Въ 1662 году возмущеніе вспухнуло на рѣкѣ Исети, измѣнили Башкирцы, Черемисы и Татары, и стали разорять Русскія слободы; встали и верхотурскіе Вогуличи, крича: «поднялся на Русь нашъ царь!» Калмыки, разумѣется, были тутъ. Татары, Башкирцы, Мордва, Черемисы, Чуваши взяли Кунгуръ, выжгли всѣ русскіе крестьянскіе дворы на рѣкѣ Сылвѣ. Разказывали, что Татары, повоевавъ Кунгуръ, поставили себѣ острогъ и стрѣляютъ понѣмецки, чинеными ядрами; разказывали, что всѣ Татары-уфимскіе, пышминскіе, япанчинскіе и верхотурскіе Вогуличи руки подавали царевичамъ Кучумова рода и хотятъ идти по рѣкамъ Исети и Пышмѣ, въ уѣзды тобольскій, тюменскій и верхотурскій, что возстаніе произошло по уговору съ крымскимъ ханомъ.

Въ томъ же году узнали, что между Остяками не хорошо: князьки и простые люди часто съѣзжаются на думу къ князьку Ермаку, покупаютъ молодыхъ людей для принесенія въ жертву Сосвинскому шайтану, а это бывало у нихъ прежде только тогда, когда замышляли измѣнить. Въ началѣ 1663 года схваченъ былъ Сосвинскій Остякъ Умба и повинился: приходилъ къ нему изъ Перми шуринъ и призывалъ ихъ всѣхъ березовскихъ Остяковъ въ измѣну. Березовскіе Остяки ему сказали, что готовы идти съ ними вмѣстѣ на Березовъ и побить служилыхъ людей; уговорились подняться еще весною 1662 года, по полой водѣ, но за тѣмъ не пришли подъ Березовъ, что не могли призвать съ собою въ измѣну Самоѣдовъ; но теперь они сговорились съ Самоѣдами и совсѣми Остяками, чердынскими и пелымскими, и порѣшено идти на Березовъ весною 1663 года. По указанію Умбы допросили другихъ Остяковъ, и открыли обширный заговоръ: еще въ 1661 году Остяки снеслись съ царевичемъ Кучумова рода Давлетъ-Киреемъ, положено было лѣтомъ 1663 года идти подъ всѣ сибирскіе города, царевичу придти подъ Тобольскъ съ Калмыками, Татарами и Башкирцами; когда возьмутъ города и перебьютъ русскихъ людей, царевичу сѣсть въ Тобольскѣ и владѣть всею Сибирью, со всѣхъ городовъ брать ясакъ, а въ Березовѣ владѣть обдорскому князьку Ермаку Мамрукову да Ивашкѣ Лечманову. Эти претенденты на березовское княжество были схвачены, привезены въ Березовъ, пытаны, повинились и повѣшены съ 14 другими заводчиками, по распоряженію березовскаго

воеводы Давыдова. Тобольскій воевода князь Хилковъ разсердился и написалъ Давыдову: «Ты учинилъ не по государеву указу, что березовскихъ лучшихъ Остяковъ перевѣшалъ безъ вины, для своей бездѣльной корысти, норовя ворамъ, березовскимъ ясачнымъ сборщикамъ. По государеву указу велѣно было тебѣ развѣдывать въ Остякахъ измѣны, и которые изъ нихъ объявятся въ измѣнномъ дѣлѣ, прислать ко мнѣ въ Тобольскъ, а самому не казнить.» Мы не можемъ рѣшить, во сколько былъ правъ Хилковъ въ своемъ обвиненіи на Давыдова; знаемъ только, что зимою же 1663 года Самоѣды сожгли Пустозерскій острогъ, воеводу и всѣхъ служилыхъ людей побили, а въ Мангазеѣ побили ясачныхъ сборщиковъ и промышленныхъ людей.

Остяки не поднимались, и на югѣ русскіе ратные люди, солдаты и рейтары били башкирцевъ и товарищей ихъ вездѣ, гдѣ только могли встрѣтить; но преслѣдовать разбитыхъ и не давать имъ снова собираться было невозможно по малочисленности русскихъ отрядовъ и по обширности пространствъ. Въ концѣ 1663 года Башкирцы уфимскаго уѣзда, ногайской и казанской дорогъ и цикихъ (по рѣкѣ Ику) волостей прислали сказать уфимскому воеводѣ князю Волконскому, что они хотятъ быть по прежнему подъ рукою великаго государя въ вѣчномъ холопствѣ, только чтобы аманатовъ ихъ перевели изъ Казани на Уфу и чтобы воевода прислалъ къ нимъ какого-нибудь уфимца обнадежить ихъ милостію великаго государя. Волконскій обнадежилъ ихъ, что великій государь, милостивый нежелатель кровей ихъ, вины виноватыхъ милостію награждаетъ, если они бьютъ челомъ чистыми душами безъ всякаго лукавства. По этому обнадеживанію Башкирцы прислали въ Москву выборныхъ, которые въ приказѣ казанскаго дворца передъ бояриномъ княземъ Юріемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ и передъ дьяками дали шерть на коранѣ—отъ Калмыковъ и Нагайцевъ отстать, возвратиться тою же зимою въ уфимскій уѣздъ на прежнія свои жилища, служить великому государю вѣрою и правдою, и отдать всѣхъ плѣнниковъ и все пограбленное. По принесеніи шерти башкирскіе выборные видѣли великаго государя очи, «аки пресвѣтлое солнце», и получили жалованную грамоту на двухъ листахъ, русскимъ и татарскимъ письмомъ. Уфимскій воевода отъ себя писалъ башкирцамъ, что впередъ имъ отъ Уфимцевъ, служилыхъ и торговыхъ людей ника-

кихъ обидъ не будетъ, и подводъ лишнихъ, кромѣ государевыхъ дѣлъ, никто съ нихъ не возьметъ, и въ вотчинахъ ихъ никто ничѣмъ владѣть не станетъ.

Волконскій писалъ уфимскимъ Башкирцамъ, чтобы они уговаривали къ покорности и Башкирцевъ сибирской и осинской дорогъ. Но эти уговоры, если они были, не подѣйствовали. Въ іюлѣ 1664 года Башкирцы явились подъ Невьянскимъ острогомъ (на рѣкѣ Нейвѣ, впадающей въ Туру), сожгли монастырь и сосѣднія деревни. За разбойниками погнались рейтары и солдаты, но за полднище пути отъ Уфы рѣки успѣли настичь только ничтожный отрядъ въ 20 человѣкъ, а большое башкирское войско, послыша за собою ратныхъ людей, разбѣжалось за Камень (Уральскія горы), по лѣсамъ и по болотамъ врознь на перемѣнныхъ коняхъ налегкѣ, а солдатамъ и рейтарамъ гоняться за ними было нельзя, потому что лошади ихъ устали и отъ прежней гоньбы. Въ слѣдующемъ году въ тѣхъ же мѣстахъ, на притокахъ рѣки Туры, явились воровскіе Татары. Но и эти разбойники, какъ скоро увидали за собою погоню солдатъ и рейтаръ, «отопились болотами и рѣчками топкими, и ушли, побросавъ все свое платье, сѣдла, котлы и топоры.» Далѣе на востокъ большой опасности подвергался украинный городъ Кузнецкъ, отрѣзываемый съ сѣверо-запада отъ русскихъ поселеній непокорными Телеутами или Бѣлыми Калмыками. Въ 1636 году онъ выдержалъ осаду отъ Телеутовъ, соединившихся съ Калмыками. Не брала сила—дѣйствовали хитростію: такъ однажды Телеуты пришли подъ Кузнецкъ и предложили его жителямъ обычный торгъ за городомъ: тѣ, ничего не подозрѣвая, вышли на *торговище*, и были перебиты. Телеутскіе князьки присягали великому государю, присылали ясакъ, и потомъ опять возставали, опустошая кузнецкій уѣздъ вмѣстѣ съ Калмыками и такъ называемыми саянскими Татарами. Красноярскъ еще болѣе терпѣлъ отъ Киргизовъ, чѣмъ Кузнецкъ отъ Телеутовъ, такъ что жители не смѣли показаться за городъ, и просили въ Москвѣ, если имъ не пришлютъ большаго числа ратныхъ людей, то пусть позволятъ покинуть несчастный городъ. Всѣ инородцы, жившіе около Красноярска и платившіе дань, или разбѣгались, не вынося положенія между двумя огнями, или возмущались и били русскихъ людей. Наконецъ въ послѣдніе годы царствованія Михаила Өеодоровича правительство приняло сильныя

мѣры, собраны были служилые люди изъ разныхъ сибирскихъ городовъ, и Киргизы были сдержаны. Тѣснимые, въ свою очередь, Русскими, требовавшими покорности, дани, Киргизы обратились за помощію къ Калмыкамъ и Монголамъ. Монгольскій ханъ, или, какъ его обыкновенно тогда называли, Алтынъ-ханъ далъ шерть на подданство царю Михаилу, но для того только, чтобы выманивать богатые подарки; теперь онъ не прочь былъ отъ поданія помощи Киргизамъ, но не безкорыстно; онъ хотѣлъ также покорить Киргизовъ себѣ. Киргизы и другіе ясачные инородцы — Тубинцы, Алтырцы, Керельцы, населявшіе красноярскій уѣздъ, стали между двухъ огней. Въ 1652 году Алтынъ-ханъ нагрянулъ на нихъ, требуя послушанія и ясака. Красноярскій воевода послалъ къ нему съ угрозою, что идутъ на него государевы ратные люди изъ четырехъ городовъ съ огненнымъ боемъ. Ханъ испугался и ушелъ, не отказываясь однако отъ своихъ требованій относительно инородцевъ. Но какъ скоро Монголы стали убираться въ свои кочевья, къ инородцамъ явились посланцы красноярскаго воеводы съ требованіемъ, чтобы стояли крѣпко и неподвижно на своей правдѣ, къ Алтыну царю не отъѣзжали. Киргизы, Тубинцы и всѣ иноземцы вспомнили свою шерть, къ Алтыну царю не поѣхали; но Русскіе при этомъ случаѣ съ ужасомъ примѣтили у нихъ тридцать русскихъ винтовокъ, пятнадцать пищалей калмыцкихъ, также много пороху и свинцу. На вопросъ, откуда они это взяли? инородцы отвѣчали: «Привозятъ къ намъ изъ Томска всякіе люди и мѣняютъ на товары.» Что всего хуже, посланцы замѣтили, что инородцы стрѣляютъ въ цѣль и убиваютъ не хуже русскихъ людей. «Впередъ, писалъ красноярскій воевода томскому, впередъ отъ Киргизовъ, Тубинцевъ, Алтырцевъ и Керельцовъ добра ждать нечего, потому что они Алтына-царя боятся и слушаютъ; они говорили моимъ посланцамъ: «Съ тѣхъ поръ какъ мы на своихъ земляхъ зачались, ни одинъ монгольскій царь, ни царевичъ, ни монгольскіе, ни калмыцкіе тайши войною не бывали и воинскихъ людей не посылали; а теперь Алтынъ царь на нашу землю приходилъ съ 5000 человѣкъ! И если впередъ Алтынъ царь или сынъ его на насъ будутъ приходить, то намъ никакъ въ правдѣ своей не устоять, потому что Алтынъ-царь живетъ отъ насъ за Саянскимъ камнемъ (горами) только днищахъ въ десяти пути.»—И если, продолжаетъ воевода,

Алтынъ царь или сынъ его съ большимъ войскомъ придетъ на государевы украйны, то мнѣ не только нельзя послать изъ Красноярска на выручку государевыхъ иноземцевъ, но и красноярскаго острога уберечь некѣмъ: потому что у меня служилыхъ людей только 350 человѣкъ, и изъ тѣхъ посылаютъ по разнымъ острожкамъ нагодовыя службы за хлѣбными запасами, въ Москву за государевою казною, въ ясачныя земли для сбору ясака, по вѣстямъ въ проѣзжія станицы и на отъѣзжіе караулы, всего посылается съ триста человѣкъ и больше, въ Красноярскѣ остается во все лѣто только человѣкъ 50 и меньше, и у тѣхъ оружія нѣтъ и у половины, а въ государевой казнѣ нѣтъ ни одной пищали. Отъ подгородныхъ Татаръ, Качинцевъ, Арынцевъ и Ястынцевъ, которые кочуютъ подъ Красноярскимъ, добра ждать нечего, потому что они Киргизамъ и Тубинцамъ въ роду и въ племени, сами у нихъ женятся и дочерей своихъ за нихъ выдаютъ, и мысль у нихъ съ ними одна.»

Опасенія красноярскаго воеводы не сбылись; но за то въ 1657 году пришла очередь томскому трепетать предъ кочевниками. Сынъ Алтынъ-хана съ 4000 войска напалъ нечаянно на Киргизовъ, разбилъ ихъ и заставилъ покориться себѣ, послѣ чего царевичъ направился прямо на Татаръ томскаго уѣзда. Монгольскій царевичъ поступалъ по примѣру предковъ своихъ, завоевателей XIII вѣка, всѣхъ молодыхъ людей изъ Киргизовъ и Татаръ набиралъ въ свое войско, которое отъ того скоро удвоилось. Онъ уже заключилъ договоръ и съ телеутскимъ князькомъ, чтобы въ одно время напасть на Томскъ; но вѣсть о смерти старика отца заставила царевича возвратиться въ свои степи. Послѣ того десять лѣтъ было мирно: воровалъ только измѣнникъ киргизскій князецъ Еренякъ; но въ 1667 году Красноярскъ долженъ былъ выдержать осаду отъ калмыцкаго тайши Сенги, соединившагося съ Еренякомъ. Въ калмыцкіе улусы отправился изъ Томска сынъ боярскій спросить тайшу: «Ты ли, Сенга тайша, своихъ людей посылалъ, или они сами собою ходили подъ Красноярскъ?» Отвѣта не было; тайша про здоровье великаго государя не спрашивалъ и царское жалованье, сукна и камки принялъ не по достоинству, не честно. Еренякъ не переставалъ разсылать по ясачнымъ волостямъ стрѣлы съ угрозами, что придетъ опять войною, вмѣстѣ съ Калмыками, если ясачные не будутъ платить своего ясака тайшѣ Сенгѣ. Кал-

мыкамъ удалось утвердить свою власть надъ Телеутами; но нѣкоторые изъ послѣднихъ отъѣхали въ Томскъ. Сенга требовалъ ихъ выдачи и очень сердился, когда этого требованія не исполняли; онъ говорилъ посланцу томскаго воеводы: «Я у великихъ государей прошу своихъ людей, Бѣлыхъ Калмыковъ по многіе годы, и великіе государи меня не жалуютъ, моихъ людей мнѣ не отдаютъ; и если впередъ не отдадутъ, то изъ Томска ко мнѣ пословъ не посылали бы, Томскъ я буду воевать.» Томскъ, Енисейскъ, Красноярскъ, Кузнецкъ были въ постоянной тревогѣ, потому что кромѣ Калмыковъ и Киргизовъ, поднялись Тубинцы, Алтырцы и особенно Телеуты, не дававшіе покою Кузнецку. Наконецъ въ 1674 году томскій воевода князь Данила Борятинскій получилъ указъ соединить силы четырехъ городовъ и смирить войною измѣнниковъ. Начали съ Телеутовъ—«и на всѣхъ бояхъ государевыхъ измѣнниковъ побито было много.»

И тобольскіе воеводы также должны были имѣть дѣло съ Калмыками, которые прикочевали къ рѣкѣ Ишиму. Воеводы вошли въ сношенія съ тайшею ихъ Дундукомъ и уговорили его подклониться подъ высокую руку великаго государя. Лѣтомъ 1674 года къ Дундуку поѣхалъ стрѣлецкій голова Аршинскій для осмотра земель, занятыхъ Калмыками и для истребованія аманатовъ: Аршинскій былъ встрѣченъ очень почетно и дѣло шло какъ нельзя лучше, Дундукъ увѣрялъ въ своей преданности великому государю. Уже девять дней прожилъ Аршинскій въ улусѣ, на десятый Дундукъ прислалъ звать его къ себѣ: «посовѣтуемся, какъ бы написать къ великому государю грамоту поскладнѣе.» Въ то время какъ подъячій писалъ грамоту, тайша разговаривалъ съ Аршинскимъ: «Посылаю я двоихъ своихъ людей съ грамотою къ великому государю въ Москву; въ прошломъ году я также посылалъ человѣка своего въ челобитчикахъ въ Тобольскъ и въ Москву съ служилымъ Татариномъ Авезбакеемъ; этого человѣка моего изъ Тобольска въ Москву не скоро отпустили, манили со дня на день, а дорогою Авезбакей говорилъ ему, что сына моего выучатъ грамотѣ и крестятъ.» Сказавши эти слова, Дундукъ закричалъ и велѣлъ своимъ Калмыкамъ связать Аршинскаго и всѣхъ бывшихъ при немъ Русскихъ и ограбить ихъ до нага. «Правда моя идетъ вамъ отъ Авезбакея, объявилъ тайша Аршинскому: впрочемъ не бойся, до смерти не побьютъ.» Между тѣмъ Калмыки стали вью-

читься и выступили въ походъ, Русскихъ вели связанныхъ. Перевезшись за Ишимъ, Дундукъ велѣлъ привести къ себѣ Аршинскаго и сказалъ ему: «Взялъ я у тебя свое имѣніе, а не твое и не твоихъ товарищей; вы ищите своего добра на Авезбакеѣ: потому что я далъ ему двадцать лошадей, и приказывалъ привезти изъ Москвы товару, а онъ ничего не привезъ и самъ ко мнѣ не пріѣхалъ.» Аршинскій съ 30-ю товарищами былъ отпущенъ въ Тобольскъ пѣшкомъ; но Калмыкъ смиловался, далъ имъ съ полпуда крупъ на дорогу.

Но въ то время какъ старыя русскія поселенія за Уральскими горами подвергались опасности отъ возстанія туземцевъ, подкрѣпляемыхъ Калмыками, въ то время когда поднимались противъ русскихъ людей старые подданные великаго государя, Башкирцы, Черемисы, Чуваши и Мордва,—въ то время русскіе люди въ далекихъ предѣлахъ сѣверной Азіи неутомимо искали новыхъ *землицъ* для поселенія, новыхъ народцевъ, на которыхъ бы можно было наложить ясакъ, новыхъ торговыхъ путей, и посольства великаго государя являются передъ Сыномъ Неба, въ Срединной имперіи.

Утвержденіе русскихъ людей въ Восточной Сибири происходило съ такими же ничтожными средствами, какъ и въ Западной, и происходило при недостаткѣ единства въ дѣйствіяхъ, ибо правительственный надзоръ, по отдаленности, былъ слабъ. Въ концѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича русскіе козацкіе пятидесятники, сидѣвшіе съ своими козаками въ Верхоленскомъ Братскомъ острогѣ, дрались съ Бурятами, заставляя ихъ платить ясакъ великому государю, подкрѣпляя свои пять десятковъ небольшими толпами изъ промышленныхъ и гулящихъ охочихъ людей. Но въ тоже время атаманъ Колесниковъ, отправленный изъ Енисейска для провѣдыванія «про Байкалъ озеро и про серебряную руду», поставилъ острогъ на Ангарѣ и сталъ также требовать ясака съ Бурятовъ; тѣ не давали на томъ основаніи, что они относятъ ясакъ въ Верхоленскій острогъ, а Колесниковъ, видя въ отказѣ непокорность, сталъ ихъ воевать и разорять. Буряты взволновались и начали дѣйствовать враждебно противъ Русскихъ: «Что это, говорили они, отъ одного государя приходятъ къ намъ двойные люди? Одни изъ Верхоленска берутъ съ насъ ясакъ на государя, а другіе отъ того же государя приходятъ на насъ войною, бьютъ, женъ и дѣтей въ

плѣнъ берутъ, скотъ и лошадей отгоняютъ: какъ же намъ подъ государевою рукою быть?»

Какъ бы то ни было, теперь надобно было укрощать возмутившихся Бурятъ силою, огненнымъ боемъ. Раздраженные Буряты не бѣгали отъ государевыхъ ратныхъ людей, выходили на бой человѣкъ по тычячѣ и больше, собираясь изъ многихъ родовъ, и отчаянная борьба продолжалась до 1655 года, когда наконецъ истощенные Буряты принуждены были признать владычество пришельцевъ. Между тѣмъ Колесниковъ, виновникъ бурятскаго возстанія, дѣйствовалъ удачно на Байкалѣ противъ Тунгусовъ, которые обѣщали довести его до серебряной руды. Въ 1647 году Колесниковъ возвратился въ Енисейскъ и представилъ воеводамъ ясакъ, собранный съ новыхъ байкальскихъ земель, мѣха цѣною на тысячу рублей; кромѣ того Колесниковъ объявилъ, что посылалъ четверыхъ изъ своихъ козаковъ съ вожами Тунгусами для вѣстей о серебряной рудѣ. Посланные были въ монгольской землѣ, гдѣ князекъ Турукой великому государю поклонился, обѣщаясь быть послушнымъ съ 20,000 своихъ подданныхъ; князёкъ сказалъ, что золотая и серебряная руда подлинно есть и отъ него близко у *Богдыцаря* (въ Китаѣ), и къ нему, князьку ее привозятъ: въ доказательство онъ послалъ великому государю кусочекъ золота вѣсомъ въ четыре золотника, да чашку и тарелку серебряныя. На смѣну Колесникову пошли изъ Енисейска къ Байкалу другіе начальники отряда, другіе сборщики ясака. Въ 1661 году основанъ былъ Иркутскъ.

Изъ Енисейска шли отряды русскихъ ратныхъ людей для занятія земель и подчиненія инородцевъ по Ангарѣ, Байкалу, Витиму, Шилкѣ, Селенгѣ; изъ Якутска шли отряды на сѣверъ къ самому Ледовитому морю, на востокъ къ Охотску, на югъ къ Амуру. Дикари сѣверо-восточной Сибири также неохотно сносили владычество пришельцевъ, какъ и дикари западной и возставали при первомъ удобномъ случаѣ. Въ сороковыхъ годахъ взволновались Якуты около Якутска, но были укрощены сильными мѣрами воеводы Петра Головина. Въ 1645 году на крайнемъ сѣверѣ на рѣкѣ Индигиркѣ встали Юкагиры, князекъ Пелева съ товарищами, убили русскаго служилаго человѣка, и выхватили своихъ аманатовъ, содержавшихся въ русскомъ ясачномъ зимовьѣ. Противъ нихъ отправились изъ Якутска служилые люди Горѣлый и Катаевъ, погромили Пелеву, взяли новыхъ аманатовъ. Но въ 1650 году из-

мѣнили алазейскіе Юкагиры, убили двоихъ служилыхъ людей, государеву казну пограбили, по промысламъ торговыхъ и промышленныхъ людей многихъ побили. Катаевъ пошелъ противъ измѣнниковъ изъ Алазейскаго ясачнаго зимовья вверхъ по рѣкѣ Алазеѣ и наконецъ отыскалъ Юкагировъ: живутъ въ большомъ острожкѣ, человѣкъ съ 200 большихъ мужиковъ, которые лукомъ владѣютъ, кромѣ подростковъ, олени всѣ собраны въ томъ же острожкѣ. Русскіе поставили своихъ два острожка, одинъ въ 40, а другой въ 20 саженяхъ отъ юкагирскаго. Началась стрѣльба съ обѣихъ сторонъ: гдѣ Юкагиры ранятъ, тамъ Русскіе бьютъ до смерти; потомъ Русскіе сдѣлали шесть щитовъ, выкатили ихъ и начали приготовляться идти за ними на Юкагирскій острожекъ. Дикари испугались, увидали, что имъ не отсидѣться и начали кричать: «Не убивайте насъ, мы дадимъ аманатовъ, и государевъ ясакъ станемъ платить, а теперь у насъ соболей нѣтъ, этою осенью мы не промышляли, боялись васъ козаковъ, жили все въ острожкѣ.» Русскіе остановились и взяли въ аманаты лучшихъ князьковъ.

Русскіе достигли уже и рѣки Колымы; стоявшій на ней сынъ боярскій Власьевъ въ 1649 году отправилъ служилыхъ и промышленныхъ людей подъ начальствомъ Никиты Семенова далѣе къ сѣверовостоку, къ верховьямъ рѣки Анюя налагать ясакъ на непокорныхъ еще инородцевъ. Они отыскали дикарей, *погромили* ихъ, по обычному выраженію, и плѣнники сказали, что за Камнемъ (за горами) есть новая рѣка Анадыръ, и подошла она къ вершинѣ Анюя близко. Немедленно прибрались охочіе промышленные люди и подали Власьеву челобитную отпустить ихъ въ тѣ новыя мѣста, за ту захребетную рѣку Анадыръ, для пріиску вновь ясачныхъ людей и приводу ихъ подъ царскую высокую руку. Власьевъ отпустилъ ихъ подъ предводительствомъ Семена Моторы. У нихъ явились соперники: служилый человѣкъ Стадухинъ, послыша рѣчи дикарей, началъ также собираться на Анадыръ. Но еще прежде, лѣтомъ 1648 года служилый человѣкъ Семенъ Дежневъ отправился изъ устья Колымы моремъ для открытія новыхъ землицъ. «Носило меня, пишетъ Дежневъ, по морю послѣ Покрова Богородицы всюду неволею, и выбросило на берегъ въ передній конецъ за Анадыръ рѣку *, а было насъ на кочѣ всѣхъ

* Такимъ образомъ Дежневъ обогнулъ сѣверовосточную оконечность Азіи и открылъ проливъ, названный послѣ Беринговымъ.

двадцать пять человѣкъ, и пошли мы всѣ въ гору, сами пути себѣ не знаемъ, холодны и голодны, наги и босы, и шелъ я бѣдный Семейка съ товарищи до Анадыра рѣки ровно десять недѣль, и попали на Анадыръ рѣку внизу близко моря, и рыбы добыть не могли, лѣсу нѣтъ, и съ голоду мы бѣдные врознь разбѣжались. Осталось насъ отъ двадцати пяти человѣкъ всего двѣнадцать человѣкъ, и пошли мы въ судахъ вверхъ по Анадыру рѣкѣ и шли до Анаульскихъ людей, взяли два человѣка за боемъ и ясакъ съ нихъ взяли.» Тутъ Дежневъ встрѣтился съ Семеномъ Моторою, который сухимъ путемъ достигъ Анадыра, и пошли вмѣстѣ. Но Стадухинъ идетъ слѣдомъ за Дежневымъ и Моторою, и громитъ тѣхъ дикарей, которые уже дали ясакъ Дежневу. Однажды въ виду дикарей, сидѣвшихъ въ своемъ острожкѣ, произошла любопытная сцена: между Дежневымъ и Стадухинымъ началась перебранка: «Ты дѣлаешь негораздо, говорилъ Дежневъ Стадухину: побиваешь иноземцевъ безъ разбора.» «Это люди неясачные, отвѣчалъ тотъ; а если они ясачные, то ты ступай къ нимъ, зови ихъ вонъ изъ острожка и возьми съ нихъ государевъ ясакъ.» Дежневъ началъ говорить дикарямъ, чтобъ они выходили безъ боязни и дали ясакъ, и одинъ изъ дикарей сталъ подавать изъ юрты соболи. У Стадухина разгорѣлись глаза на соболи, которые бралъ Дежневъ, онъ бросился на него, вырвалъ изъ рукъ мѣха, и сталъ бить по щекамъ. Дежневъ послѣ того почелъ залучшее уйти какъ можно подальше отъ Стадухина. Въ 1652 году Дежневъ съ товарищами вышелъ изъ устья Анадыра въ море на судахъ; главный промыселъ ихъ тутъ состоялъ въ битвѣ моржей и въ сборѣ моржеваго зуба: «Звѣря вылегаетъ очень много, пишетъ Дежневъ: на самомъ мысу вкругъ съ морской стороны на полверсты и больше, а въ гору сажень на тридцать и на сорокъ.» Дежневъ дошелъ до большаго Каменнаго носу: «а тотъ носъ вышелъ въ море гораздо далеко, живутъ на немъ люди Чукчи, много ихъ очень, а противъ носу на островахъ живутъ люди, называютъ ихъ зубатыми, потому что пронимаютъ они сквозь губу по два зуба немалыхъ костяныхъ.» Но однимъ моржевымъ промысломъ русскіе люди не могли заниматься въ устьѣ Анадыра, должны были также драться съ Коряками. «Мы на нихъ ходили, пишетъ Дежневъ, и нашли ихъ четырнадцать юртъ въ крѣпкомъ острожкѣ; Богъ намъ помогъ, тѣхъ людей разгромили всѣхъ,

женъ и дѣтей у нихъ взяли, но сами они ушли, а лучшіе мужики увели и женъ съ дѣтьми, потому что они люди многіе, юрты у нихъ большія, въ одной юртѣ живетъ семей по десяти; а мы были люди не велики, всѣхъ насъ было двѣнадцать человѣкъ.» По вѣстямъ отъ Дежнева немедленно отправленъ былъ изъ Якутска стрѣлецкій сотникъ утвердить власть великаго государя въ новой землицѣ и установить порядокъ въ промыслахъ съ соблюденіемъ казеннаго интереса. Но въ то время какъ прибирали къ рукамъ новыя землицы, съ трудомъ удерживали старыя вслѣдствіе возстанія дикарей—на рѣкахъ Янѣ и Индигиркѣ. Въ 1666 году Ламуты осадили русскій острожекъ на Индигиркѣ; осажденные отбились; но дикари не платили цѣлый годъ ясака. Въ началѣ слѣдующаго года Ламуты, «собравъ себѣ воровское великое собранье, приступили ночью къ острожку, и начали острожныя стѣны, ясачное зимовье и острожные ворота рубить топорами. а иные приставили лѣстницы къ стѣнамъ черезъ амбары. Служилые и промышленные люди бой съ ними поставили и убили у нихъ лучшихъ трехъ человѣкъ и многихъ переранили.» Ламуты испугались, побросали свое оружіе и ушли; гнаться за ними было нельзя, потому что служилыхъ людей въ острожкѣ было только пять человѣкъ, да промышленныхъ десять, оружія, свинцу и пороху нѣтъ, да и взять негдѣ.

Весною 1647 года отрядъ русскихъ людей подъ начальствомъ Семена Шелковника явился на рѣкѣ Ульѣ, впадающей въ Охотское море, съ устья Ульи моремъ переплылъ къ устью Охоты; но Охоту взять надобно имъ было съ большаго бою, разбить Тунгусовъ, которыхъ собралось больше 1000 человѣкъ. Русскіе поставили острожекъ; Тунгусы осадили его; но навыручку къ осажденнымъ присцѣлъ другой русскій отрядъ. На Охотѣ Русскимъ было много дѣла, потому что дикари уступали только съ боя, умѣя собираться большими толпами. Въ 1654 году они сожгли Охотскій острожекъ, освободили аманатовъ и разогнали русскихъ людей, которые объявили, что «жить на Охотѣ отъ иноземцевъ не въ силу.» Появился новый отрядъ служилыхъ людей изъ Якутска и поднялся новый острожекъ; поставивъ его, Русскіе начали наступательное движеніе на дикарей, взяли ихъ острожекъ и захватили въ аманаты главнаго заводчика возстаній Комку Бояшинца: съ этихъ поръ Тунгусы на Охотѣ, и около

Охоты, пѣшіе и оленные подъ государеву руку приклонились. Но въ 1665 году опять новое волненіе между Охотскими Тунгусами: пришли въ острогъ ясачные люди, лучшій человѣкъ Зелемей съ товарищами и извѣщали начальнику острога, Ѳедору Пущину: пришли на Охоту неясачные Тунгусы и ясачныхъ людей въ шатость призываютъ, живутъ отъ острога въ двухъ днищахъ пути и дожидаются посылки въ Якутскъ съ государевою казною, хотятъ служилыхъ людей побить. Пущинъ, чтобы отвратить опасность, отправилъ 30 человѣкъ служилыхъ и промышленныхъ людей звать этихъ неясачныхъ Тунгусовъ въ Охотскій острогъ, велѣлъ призывать ласкою и привѣтомъ, а не жесточью. Но изъ этихъ посланныхъ ни одинъ не остался въ живыхъ, и погибли они отъ того самого Зелемея, который первый извѣстилъ Пущина объ опасности. Возмутился умомъ Зелемей со всѣми ясачными иноземцами разныхъ родовъ, и побилъ Русскихъ тайкомъ, залегши на дорогѣ. Зелемей, говорятъ, держалъ такую рѣчь къ ясачнымъ Тунгусамъ: «Что вы, глупые люди, не разумѣете и Русскихъ переводовъ не знаете, вы бы также жили какъ я Зелемей живу; самимъ вамъ извѣстно, сколько я Русскихъ людей побилъ, а какъ надъ собою увижу какую немѣру, то я къ Русскимъ людямъ приклонюся, и до меня, въ вашихъ глазахъ, Русскіе люди лучше прежняго. Да Русскіе люди насъ обманываютъ, говорятъ намъ и ждутъ къ себѣ въ Охотскій острогъ на перемѣну по вся годы большихъ людей, и большихъ людей въ острогъ не бывало; а пока большіе люди не пришли, мы и остальныхъ людей выкоренимъ и аманатовъ своихъ выручимъ, а потомъ, въ то время, какъ Русскіе люди на Охоту приходятъ, на дорогахъ заляжемъ и большихъ людей не пропустимъ. А какъ на Охотѣ Русскихъ людей изведемъ, то истребимъ всѣхъ Русскихъ на Маѣ и по инымъ рѣкамъ; а впредь, для береженья и безопасности, призовемъ къ себѣ Богдойскихъ людей (Китайцевъ), потому что они отъ насъ не далеко; ясакъ имъ станемъ платить небольшой, по своимъ долямъ, а не такъ какъ теперь на насъ спрашиваютъ ясаковъ за прошлые годы, о которыхъ мы многія челобитныя великимъ государямъ писали, но льготы себѣ никакой не получили и указу о томъ никакого не бывало.» Опасность для Русскихъ была тѣмъ больше, что въ острогѣ осталось только 30 человѣкъ, старыхъ, малыхъ и *цынжалыхъ* (больныхъ цынгою), аманатовъ же было 60

человѣкъ, острогъ ветхъ. Но дѣло обошлось безъ большой бѣды: Тунгусы никакъ не рѣшались напасть на острогъ пока тамъ были ихъ аманаты; они старались всякими способами обмануть Русскихъ и выманить аманатовъ, но понапрасну: Пущинъ велѣлъ схватить показавшихся подъ городомъ нѣсколько подозрительныхъ Тунгусовъ для допросу; дикари не дались даромъ въ руки: двое Русскихъ было убито, но Тунгусовъ побито пятеро, и трое взято въ плѣнъ; плѣнники повинились, что приходили служилыхъ людей побить, острогъ взять и аманатовъ выручить, ибо видѣли, что въ Охотскѣ козаковъ мало и острогъ плохъ. Плѣнники были повѣшены, и Пущинъ тотчасъ же велѣлъ построить новыя укрѣпленія, поставить по стѣнѣ, для страху дикарямъ, деревянныя пушки, и аманатскую избу выстроить новую. Эти мѣры произвели желанное дѣйствіе: Тунгусы явились съ повинною, извиняясь, что своровали, не стерпя обидъ отъ служилыхъ людей.

Прежде Анадыра и Охоты изъ того же Якутска открыта была великая рѣка Амуръ.

Еще при царѣ Михаилѣ начали носиться слухи, что на рѣкѣ Шилкѣ сидятъ многіе пахотные хлѣбные люди, и живетъ князекъ Лавкай, у котораго на устьѣ рѣки Уры въ двухъ мѣстахъ серебряная руда: одна въ утесѣ, а другая въ водѣ; да на той же рѣкѣ Шилкѣ внизу мѣдная и свинцовая руда, а хлѣба всякаго много. По этимъ вѣстямъ якутскій воевода Головинъ въ 1643 году отправилъ письменнаго голову Василья Пояркова на рѣки Зію и Шилку для государева ясачнаго сбору, для пріиску вновь неясачныхъ людей, серебряной, мѣдной и свинцовой руды и для хлѣба. Съ Поярковымъ отправилось 133 человѣка. Плыли они изъ Якутска Леною внизъ, потомъ Алданомъ вверхъ, и изъ притоковъ Алдана волокомъ въ притоки Зіи, впадающей въ Амуръ. Отъ устья Зіи Поярковъ поплылъ внизъ по Амуру, представляя себѣ, что плыветъ по Шилкѣ; Амуръ же, по его словамъ, начался съ устья Шингала. Поярковъ достигъ устья Амура и тутъ зимовалъ, а лѣтомъ пошелъ на судахъ моремъ къ устью Ульи рѣки изъ Ульи волокомъ переправился въ Маю, притокъ Алдана, которымъ и Леною возвратился въ Якутскъ, привезши богатый ясакъ соболями, но потерявши человѣкъ 80 изъ своего отряда: изъ нихъ 25 человѣкъ было убито Дучерами на Амурѣ, другіе умерли въ дорогѣ отъ недостатка въ пищѣ. Поярковъ указалъ якутскимъ

воеводамъ мѣста по Зіи и Шилкѣ (т.-е. Амуру), и по ихъ притокамъ, гдѣ, по его мнѣнію, надобно было поставить острожки: «Тамъ, говорилъ Поярковъ, въ походы ходить и пашенныхъ хлѣбныхъ сидячихъ людей подъ царскую высокую руку привесть можно, и въ вѣчномъ холопствѣ укрѣпить, и ясакъ съ нихъ сбирать. въ томъ государю будетъ многая прибыль, потому что тѣ землицы людны и хлѣбны и собольны, и всякаго звѣря много, и хлѣба родится много, и тѣ рѣки рыбны, и государевымъ ратнымъ людямъ хлѣбной скудости ни въ чемъ не будетъ.»

Вмѣстѣ съ пышными разсказами Пояркова о Пѣгой Ордѣ (какъ называли приамурскія страны) слышались страшные разсказы спутниковъ его о поведеніи самого Пояркова во время похода. «Служилыхъ людей онъ билъ и мучилъ напрасно, и, пограбя у нихъ хлѣбные запасы, изъ острожка ихъ вонъ выбилъ, а велѣлъ имъ идти ѣсть убитыхъ иноземцевъ, и служилые люди, не желая напрасною смертію помереть, съѣли многихъ мертвыхъ иноземцевъ и служилыхъ людей, которые съ голоду померли, пріѣли человѣкъ съ пятьдесятъ; иныхъ Поярковъ своими руками прибилъ до смерти, приговаривая: «не дороги они служилые люди! десятнику цѣна десять денегъ, а рядовому два гроша.» Когда онъ плылъ по рѣкѣ Зіѣ, то жители тамошніе его къ берегу не припускали, называя русскихъ людей погаными людоѣдами. Когда весною въ устьѣ Амура снѣгъ съ луговъ сошелъ и трава обтаяла, то остальные служилые люди начали корень травной копать и тѣмъ кормиться; но Поярковъ велѣлъ своему человѣку выжечь луга, чтобы служилые люди покупали у него запасъ дорогою цѣною.»

Какъ бы то ни было, разсказы Пояркова о богатствѣ приамурскихъ странъ не могли быть забыты: въ 1649 году старый *опытовщикъ*, Ярко (Ерофей) Павловичъ Хабаровъ подалъ якутскому воеводѣ челобитную, объявилъ, что пойдетъ на Амуръ, поведетъ семьдесятъ человѣкъ служилыхъ и промышленныхъ людей и будетъ содержать ихъ на свой счетъ, снабдитъ деньгами, хлѣбными запасами, судами, ружьемъ, зельемъ и свинцомъ. Воевода согласился, и Хабаровъ пошелъ, только новымъ путемъ, рѣкою Олекмою, притокомъ Лены, и потомъ Тугиремъ, притокомъ Олекмы, изъ Тугиря волокомъ въ рѣку Урку, притокъ Амура. Здѣсь были улусы уже извѣстнаго Лавкая князя: но улусы пусты и городъ пустъ, а городъ большой, съ пятью башнями, глубокими рвами,

подлазами подо всѣ башни и тайниками къ водамъ, въ городѣ свѣтлицы каменныя, окна большія, окончины бумажныя. Хабаровъ пошелъ отъ рѣки Урки внизъ по Амуру, дошелъ до другаго города, и тотъ пустъ! пошелъ дальше внизъ по Амуру, стоитъ третій городъ, и опять пустой! Хабаровъ остановился отдохнуть въ пустомъ городѣ, разставилъ караулы, и въ тотъ же день караульщики дали знать, что пріѣхало пять человѣкъ иноземцевъ. Хабаровъ послалъ толмача спросить: что за люди? Одинъ, старикъ объявилъ, что онъ князь Лавкай, съ двумя братьями, зятемъ и холопомъ, и спросилъ въ свою очередь, какіе вы люди и откуда пришли?—«Мы пришли къ вамъ торговать и привезли подарковъ много,» отвѣчалъ толмачъ.—«Что ты обманываешь! сказалъ на это Лавкай: мы васъ, козаковъ, знаемъ; прежде васъ былъ у насъ козакъ Квашнинъ, и сказалъ про васъ, что идетъ васъ пятьсотъ человѣкъ, а за вами идетъ еще много людей, хотите всѣхъ насъ побить и имѣніе наше пограбить, женъ и дѣтей въ полонъ взять: поэтому мы и разбѣжались.» Хабаровъ велѣлъ толмачу уговаривать Лавкая, чтобы давалъ ясакъ великому государю; Лавкаевы братья и зять говорили, что за ясакъ стоять не зачто; но Лавкай сказалъ, что еще посмотримъ, каковы люди? Съ этимъ князьки отправились и больше не возвращались. Хабаровъ пошелъ за ними, нашелъ четвертый и пятый городъ—все пустые. Дальше Хабаровъ не пошелъ, возвратился въ первый городъ, оставилъ тутъ часть ратныхъ людей, а самъ возвратился въ Якутскъ (въ маѣ 1650 года) съ донесеніемъ, что по славной великой рѣкѣ Амурѣ живутъ даурскіе люди пахотные и скотные, и въ той великой рѣкѣ всякой рыбы много противъ Волги, по берегамъ луга великіе и пашни, лѣса темные большіе, соболя и всякаго звѣря много, государю казна будетъ великая. Хлѣбъ въ полѣ родится ячмень и овесъ, просо, горохъ, гречиха и сѣмя конопляное; если даурскіе князьки государю покорятся, то прибыль будетъ большая, въ Якутскій острогъ хлѣба присылать будетъ не надобно, потому что изъ Лавкаева города съ Амура рѣки черезъ волокъ на Тугирь рѣку въ новый острожекъ, что поставилъ онъ, Хабаровъ, переходу только со сто верстъ, а изъ Тугирскаго острожка внизъ Тугиремъ, Олекмою и Леною до Якутска *поплаву* только двѣ недѣли. Даурская земля будетъ прибыльнѣе Лены, да и противъ всей Сибири будетъ мѣсто украшено и изобильно.

Разсказы Хабарова произвели то дѣйствіе, что около него тотчасъ же собралось 170 человѣкъ охотниковъ, якутскій воевода далъ ему двадцать козаковъ, и Хабаровъ въ томъ же 1650 году отправился на Амуръ, взявъ съ собою три пушки. На этотъ разъ онъ нашелъ здѣсь не пустые городки: Дауры рѣшились не пускать пришельцевъ селиться между ними и брать ясакъ. Не доходя до одного изъ Лавкаевыхъ городковъ (Албазина), Хабаровъ встрѣтилъ Дауровъ въ полѣ, бился съ ними съ полудня до вечера, прогналъ, но у Русскихъ оказалось 20 человѣкъ ранеными. Дауры бросили Албазинъ, который и былъ занятъ Русскими. Князекъ Гугударъ изъ тройнаго городка своего далъ отчаянный отпоръ Русскимъ; на требованіе ясака для великаго государя, Гугударъ отвѣчалъ: «Даемъ мы ясакъ богдойскому (китайскому) царю, а вамъ какой ясакъ у насъ? Хотите ясака, что̀ мы бросаемъ послѣднимъ своимъ ребятамъ?» — «И настрѣляли Дауры, пишетъ Хабаровъ, изъ города къ намъ на поле стрѣлъ какъ нива стоитъ насѣяна. И тѣ свирѣпые Дауры не могли стоять противъ государской грозы и нашего бою.» Хабаровъ взялъ городокъ, положивши на мѣстѣ больше 600 непріятелей. Русскихъ было убито четверо, да сорокъ пять ранено. Въ другихъ мѣстахъ по всей Сибири Русскіе привыкли къ тому, что какъ скоро попадутъ имъ въ руки аманаты родоначальники, князьки, то уже весь родъ и покоряется, платитъ ясакъ. Но у Дауровъ было иначе; Хабарову удалось захватить нечаянно одинъ даурскій улусъ, привести улусниковъ къ шерти и взять князей ихъ въ аманаты; но скоро ему дали знать, что улусники бѣгутъ; Хабаровъ къ аманатамъ: «Зачѣмъ государю измѣнили и людей своихъ прочь отослали?» — «Мы не отсылали, былъ отвѣтъ: мы сидимъ у васъ, а у нихъ своя дума; чѣмъ намъ всѣмъ помереть, такъ лучше мы помремъ за свою землю одни, когда ужь къ вамъ въ руки попали.» Для зимовки Хабаровъ построилъ Ачанскій городокъ, въ которомъ былъ осажденъ Дучерами и Ачанцами; Русскимъ небольшаго труда стоило отразить этихъ дикарей; но весною 1652 года явился непріятель другаго рода: то было манжурское войско, присланное по приказанію намѣстника китайскаго богдыхана. Манжуры пришли подъ Ачанскій городокъ съ пушками и винтовками; но русскіе ратные люди и русскія пушки оказались лучше въ этой первой встрѣчѣ. Пусть самъ Хабаровъ разскажетъ намъ про битву: «Марта въ 24

день, на утренней зорѣ, сверхъ Амура рѣки славныя ударила сила изъ прикрыта на городъ Ачанскій, на насъ козаковъ, сила богдойская, всѣ люди конные и куячные (панцырные), и нашъ козачій есаулъ закричалъ въ городъ Андрей Ивановъ служилый человѣкъ: братцы козаки, ставайте наскорѣ и оболокайтесь въ куяки крѣпкіе! И мѣтались козаки на городъ въ единыхъ рубашкахъ на стѣну городовую, и мы козаки чаяли изъ пушекъ изъ оружія бьютъ козаки изъ города; ажно бьютъ изъ оружія и изъ пушекъ по нашему городу козачью войско богдойское. И мы козаки съ ними богдойскими людьми, войскомъ ихъ, дрались изъ-за стѣны съ зори и до схода солнца; и то войско богдойское на юрты козачьи помѣталось, и не дадутъ намъ козакамъ въ тѣ поры протти черезъ городъ, а богдойскіе люди знаменами стѣну городовую укрывали, у того нашего города вырубили они богдойскіе люди три звена стѣны сверху до земли; и изъ того ихъ великаго войска богдойскаго кличетъ князь Исиней царя богдойскаго и все войско богдойское: не жгите и не рубите козаковъ, емлите ихъ козаковъ живьемъ; и толмачи наши тѣ рѣчи князя Исинея услышали и мнѣ Ярофійку сказали; и услыша тѣ рѣчи у князя Исенея, оболокали мы козаки всѣ на ся куяки, и язъ Ярофейко и служилые люди и вольные козаки, помолясь Спасу и Пречистой Владычицѣ нашей Богородицѣ и угоднику Христову Николаю Чудотворцу, промежъ собою прощались и говорили то слово язъ Ярофейко, и есаулъ Андрей Ивановъ и все наше войско козачье: умремъ мы, братцы козаки, за вѣру крещеную, и постоимъ за домъ Спаса и Пречистые и Николы Чудотворца, и порадѣемъ мы козаки государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи, и помремъ мы козаки всѣ заодинъ человѣкъ противъ государева недруга, а живы мы козаки въ руки имъ богдойскимъ людямъ не дадимся. И въ тѣ стѣны проломныя стали скакать тѣ люди Богдоевы, и мы козаки прикатили тутъ на городовое проломное мѣсто пушку большую мѣдную, и почали изъ пушки по богдойскому войску бити и изъ мелкаго оружія учали стрѣлять изъ города, и изъ иныхъ пушекъ желѣзныхъ бити жь стали по нихъ богдойскихъ людяхъ: тутъ и богдойскихъ людей и силу ихъ всю, Божіею милостію и государскимъ счастьемъ и нашимъ раденіемъ, ихъ собакъ побили многихъ. И какъ они Богдои отъ того нашего пушечнаго бою и отъ пролому отшатились прочь, и въ

тапору выходили служилые и вольные охочіе козаки сто пятьдесять шесть человѣкъ въ куякахъ на вылазку богдойскимъ людямъ за городъ, а пятьдесятъ человѣкъ осталось въ городѣ, и какъ мы къ нимъ Богдоемъ на вылазку вышли изъ города, и у нихъ Богдоевъ тутъ подъ городомъ приведены были двѣ пушки желѣзныя, и Божіею милостію и государскимъ счастьемъ, тѣ двѣ пушки мы козаки у нихъ богдойскихъ людей и у войска отшибли, и у которыхъ у нихъ богдойскихъ людей у лучшихъ воитиновъ огненно оружіе было, и тѣхъ людей мы побили и оружье у нихъ взяли. И нападе на нихъ Богдоевъ страхъ великій, покажись имъ сила наша несчетная и всѣ достальные Богдоевы люди отъ города и отъ нашего бою побѣжали врознь. И кругъ того Ачанскаго города смѣкали мы, что побито? Богдоевыхъ людей и силы ихъ шестьсотъ семьдесятъ шесть человѣкъ наповалъ, а нашіе силы козачьи отъ нихъ легло отъ Богдоевъ десять человѣкъ, да переранили насъ козаковъ на той дракѣ семдесятъ воемъ человѣкъ.»

Хабаровъ писалъ поэтическимъ складомъ; но думалъ, какъ видно, прозаически, разсчиталъ, что нельзя надѣяться, чтобы могущественный богдойскій царь позволилъ козакамъ распоряжаться въ своихъ владѣніяхъ, и нельзя надѣяться на вторую побѣду, если подъ Ачанскій городъ придетъ богдойское войско болѣе многочисленное. Еще не прошелъ мѣсяцъ послѣ нападенія богдойскихъ людей, какъ уже Хабаровъ съ товарищами плыли вверхъ по Амуру. Прибрежные жители оказывали прежнее нерасположеніе, ясакъ можно было сбирать только силою; захваченные въ плѣнъ туземцы извѣщали о враждебныхъ замыслахъ, о новыхъ опасностяхъ: «Наши люди, объявляли они, не хотятъ вамъ ясаку давать, хотятъ съ вами драться, говорятъ: гдѣ они станутъ зимовать и городъ поставятъ, тамъ мы соберемъ войска тысячь десять или больше и ихъ давомъ задавимъ.» На дорогѣ Хабаровъ встрѣтилъ отрядъ козаковъ, посланный къ нему на помощь изъ Якутска; но этотъ ничтожный отрядъ, привезшій одну пушку, не давалъ Хабарову возможности возвратиться внизъ, гдѣ, по его выраженію, вся земля была въ скопѣ. 1 августа, на устьѣ рѣки Зіи, Хабаровъ вышелъ на берегъ и сталъ говорить своимъ козакамъ: гдѣ бы намъ городъ поставить? «Гдѣ будетъ годно и гдѣ бы государю прибыль учинить, тутъ и городъ станемъ дѣлать»— былъ отвѣтъ. Но не всѣ такъ отвѣчали: человѣкъ со сто коза-

ковъ замыслили другое, «порадѣли своимъ зипунамъ и нажиткамъ.» Они отвалили на трехъ судахъ отъ берега, а на судахъ была государева казна, пушки, свинецъ, порохъ и куяки; одну пушку воры бросили прямо съ судна на берегъ, а другую въ воду; часть остальной казны побросали также въ воду, часть взяли съ собою, захватили неволею съ тридцать вольныхъ козаковъ, но двое изъ нихъ, не желая плыть съ ворами, побросались съ судна въ воду въ однихъ рубашкахъ. Воры поплыли внизъ по Амуру, въ числѣ ота тридцати шести человѣкъ, и начали громить прибрежныхъ иноземцевъ. Съ Хабаровымъ осталось 212 человѣкъ; онъ шесть недѣль простоялъ на устьѣ Зіи, призывалъ иноземцевъ, которыхъ аманаты уже давно были у него въ рукахъ: но иноземцы близко не ѣхали: «Вы все обманываете, говорили они: и теперь ваши люди поплыли внизъ и нашу землю громятъ.» Хабаровъ послалъ четверыхъ козаковъ въ Якутскъ донести тамошнимъ воеводамъ, что воры государевой службѣ поруху учинили, иновѣрцовъ отогнали и землю смяли; что съ оставшимися у него людьми землею овладѣть нельзя, потому что земля многолюдная и бой огненный, и сойти съ Амура безъ государева указа не смѣетъ.

Отвѣтъ пришелъ не ранѣе 1653 года. На Амуръ пріѣхалъ дворянинъ Зиновьевъ съ государевымъ жалованьемъ, золотыми Хабарову и его товарищамъ. Хабаровъ, сдавши ясакъ Зиновьеву, отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Москву, а «приказнымъ человѣкомъ великой рѣки Амура новой Даурской земли» оставленъ Онуфрій Степановъ. Степановъ принялъ начальство неохотно, потому что послѣднія похожденія Хабарова не могли представить ему будущее на Амурѣ въ привлекательномъ видѣ. Въ сентябрѣ, посовѣтовавшись съ войскомъ, поплылъ онъ внизъ по Амуру, потому что на верху ни хлѣба ни лѣсу не было. Хлѣбъ былъ найденъ на берегахъ рѣки Шингала (притокъ Амура съ юга), откуда Степановъ поплылъ далѣе внизъ по Амуру и зимовалъ въ странѣ Дучеровъ, собирая съ нихъ ясакъ. Лѣтомъ 1654 года онъ опять отправился въ Шингалъ за хлѣбомъ и бѣжалъ три дня вверхъ по рѣкѣ благополучно, но 6 іюня встрѣтилъ богдойскую большую силу ратную со всякимъ огненнымъ стройнымъ боемъ, конную и струговую. Несмотря на пушечную пальбу Богдойцевъ по русскимъ судамъ, козаки выбили непріятеля изъ струговъ на берегъ; но на берегу Богдойцы стали въ крѣпкомъ мѣстѣ и начали драть-

ся изъ-за валовъ. Русскіе приступили было къ этимъ укрѣпленіямъ, но были отбиты, и принуждены были, безъ хлѣба, выплывать на Амуръ и бѣжать вверхъ по великой рѣкѣ. Плѣнники разсказали печальныя вѣсти: богдойскій царь послалъ 3000 войска, велѣлъ ему три года стоять на устьѣ Шингала въ Амуръ, не пускать русскихъ людей. По Амуру хлѣба достать было негдѣ, потому что тотъ же богдойскій царь запретилъ прибрежнымъ иноземцамъ сѣять хлѣбъ и велѣлъ всѣмъ имъ переселиться поближе къ себѣ на рѣку Наунъ, берущую истокъ къ югу отъ Амура.

Уйдя изъ Шингала, Степановъ укрѣпился на устьѣ рѣки Камары (впадающей въ Амуръ съ юга); но 13 марта 1655 года 10,000 богдойскаго войска явилось подъ острожкомъ и начали пускать огненные заряды на стрѣлахъ, чтобъ зажечь острожекъ, а 24 марта пошли на приступъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, везли телѣги, на телѣгахъ щиты деревянные, обитые кожею, везли лѣстницы, на одномъ концѣ которыхъ были колеса, а на другомъ гвозди желѣзные и палки, везли дрова, смолу, солому, багры желѣзные и всякія приступныя мудрости; но приступъ былъ отбитъ и приступныя мудрости попались въ руки козакамъ. Послѣ этой неудачи Богдойцы оставались подъ острожкомъ до 4 апрѣля, били по немъ изъ пушекъ день и ночь, но, видя, что ничего сдѣлать нельзя, ушли.

Это пораженіе китайскаго войска подъ Камарскимъ острожкомъ очистило Степанову Амуръ и Шингалъ, куда онъ опять сталъ пробираться за хлѣбомъ; но въ 1656 году пришелъ указъ богдойскаго царя—свести всѣхъ Дучеровъ съ Амура и Шингала; Степановъ пришелъ было за ясакомъ и за хлѣбомъ—и не нашелъ никого и ничего! «Теперь, писалъ Степановъ въ Якутскъ, теперь всѣ въ войскѣ оголодали и оскудали, питаемся травою и кореньемъ, и ждемъ государева указа.»

Сильныя препятствія, встрѣченныя русскими людьми со стороны богдойскихъ людей, заставляли попытаться, нельзя ли войти въ мирныя сношенія съ могущественнымъ царемъ богдойскимъ. Въ 1654 году въ первый разъ отправленъ былъ изъ Тобольска въ Китай сынъ боярскій Ѳедоръ Байковъ для присматриванія въ торгахъ и товарахъ и въ прочихъ тамошнихъ поведеніяхъ. Отъ рѣки Иртыша, отъ впаденія въ нее Бѣлыхъ водъ до китайскаго

царства шелъ Байковъ Калмыками и Монголами, все межь камня (горъ), землею, которая кормомъ и водою скудна. Китайскою землею до перваго китайскаго города Кококотана шелъ два мѣсяца. Между монгольскими тайшами простои бывали дней по десяти, недѣли по двѣ, по три и по мѣсяцу для кормовъ и безводныхъ мѣстъ. Отъ перваго города Кококотана до заставнаго города Капки ходу 12 дней; между этими городами живутъ мугальскіе тайши кочевые, служать китайскому царю. Изъ Капки посолъ пошелъ къ царю въ городъ Канбалыкъ (Пекинъ) на своихъ лошадяхъ и верблюдахъ, корму и подводъ не дали, шелъ семь дней, и на этой дорогѣ видѣлъ 18 городовъ, города кирпичные, а иные глиняные, черезъ рѣки подѣланы мосты изъ дикаго камня очень затѣйливо. Канбалыка Байковъ достигъ только въ мартѣ 1656 года. Въ полверстѣ отъ города, посла встрѣтили двое царскихъ ближнихъ людей и потчивали чаемъ, вареннымъ съ масломъ и молокомъ; посолъ отказался пить, потому что былъ великій постъ: «По крайней мѣрѣ возьми чашку,» сказали ближніе люди; посолъ взялъ чашку и, подержавъ, отдалъ назадъ. Посла поставили въ домѣ, въ которомъ было всего двѣ комнаты, потомъ перевели въ другой, болѣе обширный. На другой день пріѣхали царевы ближніе люди и сказали, что царь Богда велѣлъ взять у него подарки, присланные ему государемъ. «Вездѣ такой обычай, сказалъ Байковъ, что посолъ самъ подаетъ государю любительную грамоту, и потомъ уже подарки.» «У вашего государя такой чинъ, а у нашего свой, отвѣчали ближніе люди; царь царю ни въ чемъ не указываетъ,» и взяли силою подарки. Черезъ день послѣ этого ближніе люди прислали сказать послу, чтобы съ царскою грамотою ѣхалъ къ нимъ въ приказъ. Байковъ отказалъ: «Присланъ я къ царю Богдѣ, а не къ приказнымъ ближнимъ людямъ.» «Царь тебя велитъ казнить за то, что ты его указа не слушаешь,» велѣли сказать ближніе люди. «Хотя бы царь велѣлъ по составамъ меня рознять, а все же въ приказъ не пойду, и государевой грамоты вамъ не отдамъ,» отвѣчалъ Байковъ. Въ знакъ царскаго гнѣва за это упрямство послу возвратили подарки, и этимъ все дѣло кончилось; Байковъ возвратился только съ разсказами объ удивительной странѣ, впервые видѣнной русскимъ человѣкомъ.

Видя, что посольство принято нелюбовно, царь не дѣлалъ второй попытки. Враждебныя дѣйствія со стороны Китайцевъ не пре-

кращались: въ 1658 году, 30 іюня китайское войско на сорока семи бусахъ напало на Онуфрія Степанова, плавшаго по Амуру ниже Шингала; Русскіе потерпѣли совершенное пораженіе: Степановъ погибъ вмѣстѣ съ двумя стами семидесятью козаками, двѣсти двадцать семь человѣкъ спаслось берегомъ и на одномъ суднѣ, но государева ясачная соболиная казна досталась въ руки Китайцамъ. Козачьи походы на Амуръ изъ Якутска кончились несчастно; но еще задолго до гибели Степанова сдѣлано было распоряженіе укрѣпиться на Шилкѣ и въ верхнихъ частяхъ Амура, и оттуда уже дѣйствовать, по возможности, далѣе внизъ по великой рѣкѣ. Съ этою цѣлію енисейскій воевода Аѳанасій Пашковъ возобновилъ покинутые городки: Нерчинскъ при устьѣ рѣки Нерчи въ Шилку и Албазинъ на Амурѣ. И здѣсь не обошлось безъ столкновеній съ Китайцами: Албазинскіе козаки стали брать ясакъ съ народцевъ, которыхъ Богдыханъ считалъ своими подданными, и нѣкоторые изъ иноземцевъ, недовольные Китайцами, переходили въ русское подданство. Въ 1667 году пришелъ изъ китайскихъ владѣній въ Нерчинскъ подъ государеву высокую руку тунгускій князекъ Гантемиръ съ дѣтьми и братьями и улусными людьми, всего сорокъ человѣкъ, обѣщаясь платить ясакъ по три соболя съ человѣка; Гантемиръ ушелъ съ досады, что проигралъ тяжбу по несправедливости китайскаго суда. Правитель китайскій, жившій на Шингалѣ, провѣдалъ куда ушелъ Гантемиръ, и въ 1670 году прислалъ грамоту нерчинскому воеводѣ Аршинскому: «Вы бы послали къ намъ пословъ своихъ, чтобы намъ переговорить съ очей на очи, и съ котораго мужика брать ясакъ по соболю или по два, за это намъ съ великимъ государемъ ссориться не для чего. Но вы подумайте: кто платитъ великому государю ясакъ и сбѣжитъ, то развѣ вы не ищете его по десяти, по двадцати и по сту лѣтъ?» Аршинскій отправилъ четырехъ козаковъ прямо въ Пекинъ къ Богдыхану съ предложеніемъ безпрепятственной торговли между обоими государствами и союза. Козаки возвратились въ Нерчинскъ очень довольные пріемомъ и привезли грамоту Богдыханову къ царю: «Были мои промышленные люди на Шилкѣ рѣкѣ и, возвратясь, сказали мнѣ: по Шилкѣ въ Албазинѣ живутъ русскіе люди и воюютъ нашихъ украинныхъ людей. Я, Богдыханъ хотѣлъ послать на русскихъ людей войною; и мнѣ сказали, что тамъ живутъ твои великаго государя люди, и я воевать не велѣлъ;

а послалъ провѣдать, впрямь ли въ Нерчинскомъ острогѣ живутъ твои великаго государя люди? Воевода нерчинскій, по твоему указу, присылалъ ко мнѣ пословъ и письмо, и я теперь узналъ, что впрямь въ Нерчинскомъ острогѣ воевода и служилые люди живутъ по твоему великаго государя указу. И впредь бы нашихъ украинныхъ земель не воевали и худа никакого не дѣлали, а что на этомъ словѣ положено, станемъ жить въ миру и въ радости.» Эта грамота дала поводъ къ новому посольству изъ Москвы въ Пекинъ.

Въ началѣ 1675 года отправился въ Китай посломъ переводчикъ посольскаго приказа, Грекъ Николай Гавриловичъ Спафари, который выбралъ другую дорогу, чѣмъ Байковъ, ѣхалъ на Енисейскъ и Нерчинскъ, и только 15 мая 1676 года добрался до царствующаго града Пежина (Пекина). И Спафари было объявлено, что богдыханъ Канхи (второй изъ манжурской династіи), царской грамоты у него не приметъ. «Какіе гордые обычаи, противъ права всѣхъ народовъ! говорилъ Спафари Китайцамъ: это чудо, всѣ удивляются, отъ чего у васъ такъ началось, что пословъ передъ хана берутъ, а грамоты государской не берутъ?» Ему объяснили начало обычая: «Въ старыхъ годахъ изъ нѣкотораго государства былъ у насъ посолъ, даровъ съ собою привезъ очень много и словесно объявилъ всякую дружбу и любовь. Нашъ богдыханъ обрадовавшись, тотчасъ велѣлъ посла и съ грамотою взять передъ себя; но какъ начали читать грамоту, оказалось въ ней большое безчестье богдыхану, да и самъ посолъ началъ говорить непристойныя рѣчи. Съ тѣхъ поръ постановлено: брать прежде грамоту у посла и прочитывать, и, смотря по грамотѣ, богдыханъ принимаетъ посла или не принимаетъ. Этого обычая и самъ ханъ переставить не можетъ; только изъ дружбы къ царскому величеству велѣлъ онъ, не по обычаю, взять у тебя грамоту двумъ ближнимъ людямъ, а чтобы тебя самаго принять съ грамотою, объ этомъ и не думай!» Спафари отвѣчалъ, что не отдастъ грамоты въ приказѣ.

Послѣ этого разговора пріѣхали къ Спафари два мандарина и привезли съ собою старца католика, іезуитскаго чину, именемъ Фердинанда Censored Вербіестъ, родомъ изъ испанскихъ Нидерландовъ. Іезуитъ былъ переводчикомъ, потому что Спафари умѣлъ говорить полатыни. Послѣ новыхъ долгихъ споровъ о пріемѣ грамоты Спа-

фари продиктовалъ іезуиту полатыни списокъ царской грамоты, чтобы Китайцы знали, что въ ней нѣтъ ничего безчестнаго для ихъ богдыхана. Іезуитъ между прочимъговорилъ посланнику: «Радъ я царскому величеству для христіанской вѣры служить и о всякихъ дѣлахъ радѣть; только жаль мнѣ, что отъ такого славнаго государя пришло посольство, а Китайцы варвары и никакому послу чести не даютъ; подарки, которые присылаются къ нимъ отъ другихъ государей, называютъ и пишутъ данью, и въ грамотахъ своихъ отвѣчаютъ, будто господинъ къ слугѣ; говорятъ, что всѣ люди на свѣтѣ видятъ однимъ глазомъ, и только они, Китайцы двумя.» Іезуитъ заклиналъ Спафари предъ образомъ, чтобы этихъ рѣчей никому не говорилъ и не писалъ, пока не выѣдетъ изъ Китая, потому что иностранцы многія нужды здѣсь терпятъ для Христа, и теперь въ подозрѣніи; обѣщалъ прислать посланнику латинскую книгу, гдѣ описаны обычаи китайскіе и пріемъ пословъ.

Списокъ съ грамоты не помогъ: мандарины объявили, что повѣрятъ только подлинной грамотѣ и печати, когда ихъ увидятъ въ своихъ рукахъ: «Какъ на головѣ волосы выросли и стала сѣдина, то ихъ перемѣнить нельзя: такъ и обычая нашего перемѣнить нельзя; примутъ грамоту два ближнихъ человѣка, которые у богдыхана какъ два плеча въ тѣлѣ, а богдыханъ голова.» Пограничный воевода, сносившійся съ Нерчинскомъ, говорилъ Спафари: «Въ прошлыхъ годахъ, какъ былъ здѣсь Байковъ, въ то время ходили козаки по Амуру и нашихъ людей разорили; мы говорили Байкову: ты ходишь съ посольствомъ, а козаки воюютъ! Байковъ намъ отвѣчалъ, что козаки воры и воюютъ безъ царскаго указа, и этихъ воровъ войско богдыханово всѣхъ побило. Послѣ того подданный богдахына Тунгусъ Гантемиръ съ своими людьми убѣжалъ въ Нерчинскъ. Тогда богдыханъ приказалъ мнѣ, чтобы я взялъ 6000 войска и 10 пушекъ и шелъ бы въ походъ на воровъ и на Гантемира. Я пошелъ съ войскомъ, но напередъ отпустилъ къ Гантемиру даурскаго мужика провѣдать, къ какимъ людямъ тотъ ушелъ? Но Гантемиръ схватилъ мужика и отвелъ къ нерчинскому воеводѣ. Тотъ, вмѣстѣ съ Гантемиромъ, сказали мужику, что они не воры, а люди великаго государя, Бѣлаго царя и по указу его сдѣлали двѣ крѣпости въ Нерчинскѣ и Албазинѣ, что великій государь желаетъ жить въ дружбѣ и любви съ богдыха-

новымъ величествомъ и чтобъ торгъ между обоими государствами производился. Этотъ даурскій мужикъ встрѣтилъ меня, когда я былъ съ войскомъ за два дни пути отъ Нерчинска. Услыхавъ, что въ Нерчинскѣ не воры, а Бѣлаго царя люди и отпустили моего человѣка назадъ съ дружбою, я доложилъ богдыхану, что лучше съ такими людьми поступать дружески, нежели войною; богдыханъ велѣлъ мнѣ послать въ Нерчинскъ и взять оттуда служилыхъ людей, потому что хотѣлъ писать грамоту къ царскому величеству для подлиннаго провѣдыванія. Кромѣ того, всѣ, кто былъ здѣсь изъ Россіи съ торгомъ послѣ Байкова, Сеитъ-кулъ, Тарутинъ и другіе, говорили, что съ ними есть государевы грамоты, а послѣ какъ пустили ихъ въ Китай, и съ ними никакихъ грамотъ не оказалось. Они насъ обманули, а потому и тебѣ теперь не вѣримъ, не видя подлинной государевой грамоты.» Воевода утверждалъ, что богдыхану и не докладывали о нарушеніи стараго обычая, чтобы онъ принялъ изъ рукъ посланника грамоту: такъ обычай этотъ святъ; а іезуитъ увѣрялъ, что воевода лжетъ, богдыхану уже трижды докладывали, и онъ велѣлъ пріискивать въ старыхъ книгахъ, не было ли подобнаго примѣра? Богдыханъ не прочь отъ того, чтобы принять грамоту; но ближніе люди упорно отстаиваютъ старый обычай, боясь, что окрестные государи станутъ говорить, что сдѣлали это изъ страха предъ русскимъ государемъ. Сверхъ того и списку грамоты не вѣрятъ, потому что они въ грамотѣ своей къ царю писали съ повелѣніемъ, какъ господинъ къ меньшому, и боятся, чтобы не было за то угрозъ въ царской грамотѣ. Чтобъ не подать подозрѣнія, іезуитъ говорилъ это, смотря на чертежъ, какъ будто бы читалъ въ слухъ.

Во все это время стояли страшные жары; половина служилыхъ людей, пріѣхавшихъ съ посланникомъ, были больны отъ жаровъ и отъ дурной воды; ворота посольскаго дома были заперты и никого за нихъ не пускали, съѣстное караульщики продавали тройною цѣною.

Наконецъ приступили къ сдѣлкамъ, и согласились, что посланникъ привезетъ грамоты не въ приказъ, а во дворецъ, гдѣ засѣдаютъ въ думѣ ближніе люди, положитъ грамоты на богдыханское мѣсто, и двое ближнихъ людей понесутъ ихъ немедленно къ богдыхану. Послѣ этой церемоніи посланникъ былъ на поклонѣ у богдыхана. Спафари кланялся скоро и не до земли; мандарины

говорили ему, чтобы кланялся до земли и не скоро, какъ они кланялись: «Вы холопи богдыхановы, отвѣчалъ посланникъ, и умѣете кланяться; а мы богдыхану не холопи, кланяемся какъ знаемъ.» Послѣ тройныхъ поклоновъ, мандарины сказали Спафари, чтобы шелъ скоро къ богдыхану, ибо у нихъ такой обычай: когда ханъ зоветъ, то они идутъ бѣгомъ. «Мнѣ бѣжать не заобычай», отвѣчалъ посланникъ и шелъ потихоньку. Пришедши передъ богдыхана, Спафари поклонился одинъ разъ въ землю и сѣлъ на подушку; отъ богдыханскаго мѣста до мѣста, гдѣ сидѣлъ посланникъ, было саженъ съ 8. Ханское мѣсто вышиною отъ земли съ сажень, осьмиугольное, деревянное позолоченое, вхотъ на него тремя позолочеными же лѣстницами. Богдыханъ человѣкъ молодой, лицемъ *щедроватъ*, говорили, что ему 23 года. Въ палатѣ, по обѣимъ сторонамъ, на землѣ, на бѣлыхъ войлокахъ сидѣли братья и племянники богдыхана. Когда посланникъ пришелъ, начали разносить чай роднымъ богдыхана и всѣмъ ближнимъ людямъ, разносили въ большихъ желтыхъ деревянныхъ чашкахъ, чай былъ татарскій, а не китайскій, вареный съ масломъ и молокомъ, музыка играла умильно и человѣкъ что-то громко кричалъ. Послѣ чаю музыка и крики прекратились, всѣ встали, богдыханъ сошелъ съ своего мѣста и отправился въ заднія палаты.

Спафари былъ очень оскорбленъ тѣмъ, что Сынъ Неба не обратилъ на него никакого вниманія; вельможи утѣшали посланника тѣмъ, что со временемъ онъ въ другой разъ увидитъ богдыхана, который тогда вступитъ съ нимъ въ разговоръ. Дѣйствительно спустя долгое время русское посольство снова было позвано во дворецъ. Поклонившись десять разъ, посланникъ и свита его усѣлись на подушкахъ противъ богдыхана; явились два іезуита и стали на колѣни; богдыханъ говорилъ имъ потихоньку; когда кончилъ, іезуиты подошли къ посланнику, велѣли ему стать на колѣни и сказали: «Великій самодержецъ, всего китайскаго государства ханъ, спрашиваетъ: великій государь, всея Россіи самодержецъ, Бѣлый царь въ добромъ ли здоровьѣ?» Спафари отвѣчалъ: «Какъ мы поѣхали отъ великаго государя, то оставили его въ добромъ здравіи и счастливомъ государствованіи; и желаетъ великій государь богдыханову величеству также долголѣтняго здравія и благополучнаго государствованія, какъ наилюбезнѣйшему сосѣду и другу.» Опять іезуиты-толмачи отправились къ престолу

и возвратились съ новыми вопросами: «богдыханово величество предлагаетъ три вопроса: царское величество сколькихъ лѣтъ, какого возраста и сколь давно началъ царствовать?»—«Великій государь, отвѣчалъ Спафари, лѣтъ пятидесяти, возраста совершеннаго и преукрашенъ всякими добродѣяніями, какъ царствовать началъ тому больше тридцати лѣтъ.» Слѣдовали вопросы о самомъ посланникѣ: «Сколько тебѣ лѣтъ? слышалъ богдыханъ, что ты человѣкъ ученый и велѣлъ спросить, учился ли ты философіи, математикѣ и тріугольномѣрію?» Богдыханъ спрашивалъ объ этомъ потому, что самъ учился у іезуитовъ тріугольномѣрію и звѣздословію. Послѣ этихъ распросовъ принесли столы съ сластями: яблоки персидскія и *комфети* разныя, арбузы, дыни; потомъ принесли вино виноградное, самое доброе, въ родѣ добраго ренскаго, дѣлаютъ его іезуиты для богдыхана каждый годъ; виномъ угощали только посланника и его свиту, а вельможи китайскіе пили чай.

Все лѣто прожилъ Спафари въ Пекинѣ. Посланникъ и его свита привезли много товаровъ, казенныхъ и своихъ для продажи и мѣны на товары китайскіе; но торговля шла плохо: камки, атласы и бархаты продавались въ одной лавкѣ, въ другихъ лавкахъ русскимъ ничего не продавали, потому что вельможи, толмачи и купцы сговорились, по какой цѣнѣ покупать русскіе товары и по какой продавать свои. Въ концѣ лѣта начали толковать объ отпускѣ: Спафари требовалъ, чтобы ему дали на латинскомъ языкѣ списокъ съ богдыхановой грамоты къ государю, дабы знать, нѣтъ ли въ ней какого жестокаго слова, и объявилъ, что безъ грамоты не поѣдетъ. На это ему объявили слѣдующіе китайскіе обычаи: 1) Всякій посолъ, приходящій къ намъ въ Китай, долженъ говорить такія рѣчи. что пришелъ онъ отъ нижняго и смиреннаго мѣста и восходитъ къ высокому престолу; 2) подарки, привезенные къ богдыхану отъ какого бы то ни было государя, называемъ мы въ докладѣ данью; 3) подарки, посылаемые Богдыханомъ другимъ государямъ, называются жалованьемъ за службу; тѣ же самыя выраженія употребляетъ богдыханъ и въ грамотахъ своихъ къ другимъ государямъ. «Ты не дивись, что у насъ обычай такой, говорили вельможи посланнику: какъ одинъ Богъ на небѣ, такъ одинъ богъ нашъ земной, богдыханъ, стоитъ онъ среди земли, въ срединѣ между всѣми государями, эта честь никогда у насъ не была и никогда не будетъ измѣнена. Доложи царскому

величеству словесно три дѣла: 1) чтобы выдалъ Гантемира; 2) если впередъ пришлетъ сюда посланника, то чтобы наказалъ ему ни въ чемъ не сопротивляться, что ему ни прикажемъ; 3) чтобы запретилъ своимъ людямъ, живущимъ на рубежахъ нашихъ, обижать нашихъ людей. Если царское величество эти три статьи исполнитъ, то и богдыханъ исполнитъ его желанія, въ противномъ случаѣ, чтобы никто отъ васъ изъ Россіи и изъ порубежныхъ мѣстъ къ намъ въ Китай съ торгомъ и ни съ какими дѣлами не приходилъ.»

Съ этимъ Спафари и былъ отправленъ, безъ грамоты богдыхановой, ибо не согласился видѣть въ ней оскорбительныя для чести царской выраженія, предложенныя Китайцами. Посланникъ вывезъ о послѣднихъ самыя невыгодныя понятія: «Въ торгу такихъ лукавыхъ людей на всемъ свѣтѣ нѣтъ, и нигдѣ не найдешь такихъ воровъ: если не поберечься, то и пуговицы у платья обрѣжутъ, мошенниковъ пропасть!» Іезуиты, недовольные богдыханомъ Канхи, жаловались на его непостоянство, неспособность къ правленію, въ печальномъ видѣ представляли положеніе Китая, обуреваемаго мятежами. Вообще іезуиты были очень откровенны и ласковы съ русскимъ посланникомъ; между прочимъ они просили у него въ свою церковь иконы для вѣчнаго воспоминанія: «а мы, говорили іезуиты, станемъ молить Бога за царское величество, потому что приходящіе въ Китай русскіе люди всегда ходятъ къ намъ въ костелъ; но не видя русской иконы, не вѣрятъ намъ, думаютъ, что мы идолопоклонники, а не католики.» Спафари далъ имъ икону Михаила Архангела въ серебряномъ вызолоченомъ окладѣ и два подсвѣчника предъ икону.

Посольство Спафари въ Китай было однимъ изъ послѣднихъ дѣлъ знаменитаго тридцатилѣтняго царствованія Алексѣя Михаиловича. Изданіе Уложенія, присоединеніе Малороссіи, подвиги русскихъ людей въ Сѣверной Азіи, расширеніе дипломатическихъ сношеній отъ Западнаго Океана до Восточнаго, отъ Мадрида до Пекина, Никоново дѣло, расколъ, разинское и соловецкое возмущенія — вотъ крупныя явленія, которыя должны оправдать употребленное нами выраженіе *знаменитое* царствованіе. Но знаменитость была дорого куплена; Алексѣй Михайловичъ получилъ отъ отца тяжелое наслѣдство. Царствованіе Михаила Ѳедоровича съ перваго взгляда является временемъ успокоенія московскаго

государства отъ смутъ внутреннихъ и войнъ внѣшнихъ; козаки не вооружались болѣе противъ государства, съ Польшею и Швеціею заключенъ былъ *вѣчный* миръ. Но тишина была передъ бурею. Привычки, пріобрѣтенныя нисшими частями городоваго народонаселенія въ смутное время, далеко не искоренились въ царствованіе Михаила. Козаки принуждены были оставить предѣлы государства, царики, ими выставляемые, самозванцы отыграли свою роль; но козачество нисколько не было ослаблено у себя въ степяхъ, продолжало пользоваться сочувствіемъ украинскаго народонаселенія, сохранять связь съ нимъ; стоило только запереться выходу въ море изъ Дона и явиться предпріимчивому вождю, какъ оно опрокидывалось на государство, увлекая за собою массы нисшаго народонаселенія. Варварскіе народцы въ областяхъ прежнихъ царствъ — казанскаго, астраханскаго и сибирскаго также ждали перваго случая, чтобъ возстать противъ русскаго царства и не переставали поддерживать связи съ Крымомъ и Турціею, все ожидая, что господство мусульманства возстановится на берегахъ Волги. Даже бѣдные жители тундръ сѣверной Сибири не теряли надежды возстановить свою независимость подъ знаменами туземныхъ вождей. *Вѣчные* миры съ Польшею и Швеціею были тяжки; нельзя было забыть о Смоленскѣ; честь новой династіи требовала возвращенія русскихъ областей, уступленныхъ начальникомъ династіи. Но, разумѣется, преемникъ Михаила могъ отдалить войну на неопредѣленное время, собраться съ силами. Обстоятельства не дали возможности откладывать: еще царю Михаилу предложено было взять Малороссію подъ свою высокую руку для избавленія ея отъ латинскаго гоненія; козацкія движенія не прекращались и происходили подъ знаменемъ вѣры и русской народности. Сыну Михаила повторено было предложеніе принять Малороссію, но съ угрозою въ случаѣ несогласія поддаться Туркамъ. Война съ Польшею оказалась неизбѣжною.

Какія же средства имѣлъ царь Алексѣй для этой западной войны, которая уже три раза оканчивалась несчастно? Мы видѣли, что во второй половинѣ XVI вѣка силы московскаго государства, побѣдоноснаго на востокѣ, покорившаго тамъ себѣ цѣлыя царства, оказались несостоятельными при столкновеніи съ западомъ. Воплемъ отчаянія, что у государства нѣтъ стредствъ содержать войско, необходимое для отпора страшнымъ врагамъ, воплемъ отчая-

нія оканчивается царствованіе Іоанна IV, и такимъ же воплемъ начинается царствованіе преемника его. Этотъ вопль имѣлъ слѣдствіемъ закрѣпленіе крестьянъ за служилыми людьми,—распоряженіе, которое всего лучше показывало, что московское государство XVI и XVII вѣка, въ экономическомъ отношеніи, находилось въ такомъ же состояніи, въ какомъ западно-европейскія государства находились въ началѣ среднихъ вѣковъ, или въ какомъ находились американскія колоніи, принужденныя, по недостатку рабочихъ рукъ, покупать черныхъ невольниковъ. Но чѣмъ яснѣе сознавалось печальное экономическое состояніе московскаго государства, чѣмъ печальнѣе были мѣры, которыя правительство должно было принимать, чтобы какъ-нибудь извернуться для удовлетворенія первой потребности государства, потребности внѣшней защиты, тѣмъ сильнѣе далжно было становиться сремленіе правительства къ сближенію съ богатыми и сильными государствами западно-европейскими, къ перенятію отъ нихъ того, что̀ дѣлало ихъ богатыми и сильными: по этому неудивительно, что тотъ же Годуновъ, который закрѣпилъ крестьянъ, извѣстенъ своею любовію къ иностранцамъ и обычаямъ ихъ. Послѣ смутнаго времени новая династія, находясь въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, необходимо усвоиваетъ себѣ преданія, оставленныя прежними государями. При царѣ Михаилѣ Москва наполняется иностранцами, которымъ даются привилегіи для учрежденія разныхъ промышленныхъ предпріятій; иноземные люди толпами набираются въ русскую службу, подлѣ старинной дворянской конницы и стрѣлецкой пѣхоты учреждается новое войско по иностранному образцу съ иностранными названіями—рейтары, драгуны, солдаты. Но для найма иностранцевъ, для содержанія новаго войска нужны деньги, а денегъ нѣтъ: торговые люди бѣдны, имъ не стянуть съ иноземцами, которые забираютъ русскую торговлю въ свои руки; платящія сословія обременены податями, вслѣдствіе чего избываніе отъ податей совершается въ обширныхъ размѣрахъ, цѣлыя мѣстности пустѣютъ, подати всею своею тяжестію падаютъ на оставшихся, а тутъ еще надобно кормить воеводъ и приказныхъ людей. Въ такомъ состояніи принялъ царство Алексѣй Михайловичъ!

Неудовольствіе платящихъ сословій, высказывавшееся при царѣ Михаилѣ сильно, но законно, при молодомъ Алексѣѣ высказалось

московскимъ бунтомъ 1648 года, когда получилась возможность обвинить въ народныхъ бѣдствіяхъ не царя, но боярина-правителя. Соборное уложеніе, прекращеніе закладничества, какъ средства избывать податей, уничтоженіе привилегій купцовъ иностранныхъ служили для утишенія неудовольствія; бунтъ, замышляемый закладчиками, лишившимися своего выгоднаго положенія, неудался; Сольвычегодскъ и Устюгъ опоздали съ своими бунтами, еще болѣе опоздалъ Новгородъ и Псковъ; но все же это было тяжелое время для правительства и народа; а между тѣмъ въ то самое время, когда Москва пылала бунтомъ и пожаромъ, на югѣ Хмельницкій торжествовалъ надъ польскими гетманами и поднималъ украйну. Хмельницкій присылалъ въ Москву съ просьбою принять его въ подданство, когда царь не зналъ, какъ утушить мяжежи Новгорода и Пскова. Мятежи утихли отъ уединенія, какъ утихаетъ пожаръ, когда около горящаго зданія нѣтъ другихъ, которыя бы могли заняться; но черезъ два года надобно было начать войну съ Польшею. Бѣдное государство истощило свои средства, чтобы приготовиться къ войнѣ, и сначала успѣхъ оправдалъ пожертвованія; но скоро за тѣмъ язва, шведская война, малороссійскія волненія, на востокѣ поднимаются варварскіе народцы. Казна истощена въ конецъ, ратные люди бѣгутъ отъ голоду и холоду; попробовали прибѣгнуть къ кредиту, но мѣдныя деньги упали въ цѣнѣ и московская чернь опять подняла бунтъ. Андрусовское перемиріе прекратило бѣдствія тринадцатилѣтней войны; но надолго ли успокоилось государство? Въ 1667 году заключено Андрусовское перемиріе и въ 1667 же году поднимается Разинъ, а въ 1668 поднимается Брюховецкій, въ малороссійскихъ городахъ козаки рѣжутъ московскихъ воеводъ и ратныхъ людей, а на сѣверѣ вспыхиваетъ соловецкое возмущеніе. Въ 1671 году задавленъ былъ Разинскій бунтъ, а въ 1672 Турки взяли Каменецъ и держали Москву въ постоянной тревогѣ до конца царствованія. Послѣ этого мы не будемъ удивляться медленности, нерѣшительности правительственныхъ распоряженій относительно движенія войскъ, малочисленности послѣднихъ, ихъ дурнаго состоянія вслѣдствіе котораго большая цифра была только на бумагѣ, а не на дѣлѣ; надобно удивляться, какъ бѣдное государство могло выдержать такой рядъ ударовъ, рядъ войнъ?

Дѣйствительно иностранцы удивлялись, какъ могло московское

государство такъ скоро оправляться послѣ пораженій, подобныхъ конотопскому, чудновскому? Дѣло объяснялось сосредоточенностію власти, единствомъ, правильностію, непрерывностію въ распоряженіяхъ. Медлили, уклонялись отъ исполненія, не умѣли что-нибудь исполнить; но жалоба на эту медленность, уклоненіе и неумѣнье шла въ Москву, и отсюда повторялся указъ великаго государя *одноличнo* сдѣлать *не измотчавъ;* отвѣчали, что негдѣ взять чего нибудь: шелъ указъ искать тамъ и тамъ; опять медлили—шелъ указъ съ угрозою опалы и жестокаго наказанья, и дѣло наконецъ дѣлалось. Начали строить корабль, ничего не приготовивши; мы видѣли, какъ строили; но выстроили же!

При этомъ однако не должно забыть и счастливой случайности. Мы видѣли, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича московское государство было поражаемо рядомъ ударовъ, одинъ за другимъ слѣдовавшихъ. Но это-то и важно, что удары слѣдовали одинъ за другимъ: бунты новгородскій и псковской произошли черезъ годъ послѣ московскаго, когда въ столицѣ все уже было тихо и совершены были важныя перемѣны, успокоившія народонаселеніе центральныхъ областей, слѣдовательно правительство имѣло возможность сосредоточить свое вниманіе на сѣверо-западѣ. Разинъ поднялся, когда была окончена война съ Польшею; онъ поднялся въ 1669 году; въ слѣдующемъ году поднялся Брюховецкій; но Разинъ въ это время ушелъ на Каспійское море, далъ Москвѣ досугъ устроить малороссійскія дѣла, и поднялъ второй бунтъ когда уже въ Малороссіи было все спокойно, когда слѣдовательно большая часть военныхъ силъ могла быть двинута на востокъ. Турки начали грозить, когда уже все было кончено съ восточнымъ козачествомъ.

Но какія бы ни были благопріятныя обстоятельства, давшія московскому государству возможность устоять при тяжкихъ испытаніяхъ, посланныхъ ему во второй половинѣ XVII вѣка, эти испытанія, слѣдовавшія такъ быстро одно за другимъ, могли разрушительно дѣйствовать и на природу болѣе твердую, чѣмъ какая была у царя Алексѣя Михайловича. Къ бѣдствіямъ государственнымъ для Алексѣя Михайловича присоединялись еще огорченія семейныя. Отъ перваго брака на Марьѣ Ильиничнѣ Милославской, царь имѣлъ шесть дочерей и пять сыновей; но всѣ сыновья отличались болѣзненностію; двое царевичей — Димитрій и

Алексѣй умерли при жизни отца и матери; въ мартѣ 1669 года умерла царица Марья Ильинична; за нею въ томъ же году послѣдовалъ третій царевичъ Симеонъ. 22-го января 1672 года Алексѣй Михайловичъ женился въ другой разъ на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, воспитанницѣ думнаго дворянина Артамона Сергѣевича Матвѣева. Въ продолженіе нашего разсказа мы часто встрѣчались съ Матвѣевымъ, однимъ изъ самыхъ приближенныхъ людей къ царю. Недостаточность источниковъ неоффиціальныхъ, именно записокъ (мемуаровъ) недаетъ намъ возможности объяснить, какимъ образомъ дьячій сынъ Матвѣевъ могъ приблизиться къ царю и сдѣлаться его другомъ. Если можно догадываться, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, это сближеніе произошло посредствомъ Морозова. Матвѣевъ, подобно Ордину-Нащокину, Ртищеву и другимъ виднымъ лицамъ царствованія Алексѣя Михайловича, отличался любовію къ новизнамъ иностраннымъ: домъ его былъ убранъ по европейски, картинами, часами; жена его не жила затворницею, сынъ получилъ европейское образованіе; изъ дворовыхъ людей своихъ Матвѣевъ составилъ труппу актеровъ, которые тѣшили великаго государя театральными представленіями. Но, смотря, подобно Нащокину, на западъ, Матвѣевъ однако рѣзко отличался поведеніемъ своимъ отъ Аѳанасья Лаврентьевича. Послѣдній, какъ мы видѣли, шелъ быстро, не остерегаясь задѣвать по дорогѣ своей кого бы то ни было, перессорился съ знатью и преждевременно принужденъ былъ оставить служебное поприще. Матвѣевъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ царю, но не выставлялся, долго, очень долго носилъ незавидное званіе полковника и головы московскихъ стрѣльцовъ, вообще не ссорился съ знатью, и если впослѣдствіи, какъ увидимъ, низверженъ былъ въ царствованіе преемника Алексѣева, то низверженъ былъ не вельможными людьми, которые, по крайней мѣрѣ самая значительная часть, являются приверженцами царицы Натальи Кирилловны, слѣдовательно и Матвѣева. Уже къ концу царствованія Алексѣя Матвѣевъ сдѣлался начальникомъ двухъ важнѣйшихъ приказовъ— малороссійскаго и посольскаго въ скромномъ званіи думнаго дворянина. Только въ 1672 году, по случаю рожденія царевича Петра, Матвѣевъ былъ пожалованъ въ окольничіе, вмѣстѣ съ отцомъ царицы, Кирилломъ Полуехтовичемъ Нарышкинымъ; въ октябрѣ 1674, по случаю крестинъ царевны Ѳеодоры, Матвѣевъ пожалованъ въ бояре.

1-го сентября 1674 года (въ тогдашній новый годъ) государь *объявилъ* старшаго сына своего, тринадцатилѣтняго царевича Өеодора: на Красной площади, на *дѣйствѣ*, оказывали государя царевича всему московскому государству и иноземцамъ. Послѣ дѣйства царевичъ поздравлялъ отца и патріарха съ новымъ годомъ и говорилъ рѣчь; послѣ Өеодора говорилъ рѣчь царю, царевичу и патріарху бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій. Въ тотъ же день смотрѣли царевича въ Архангельскомъ соборѣ иноземцы: сыновья гетмана Самойловича и посланникъ литовскій. Государь посылалъ къ нимъ боярина Хитрово объявить царевича и сказать: «Вы видѣли сами государя царевича пресвѣтлыя очи и какого онъ возраста: такъ пишите объ этомъ въ свои государства нарочно.» Въ 1676 году, съ 29 на 30 число января, съ субботы на воскресенье, въ 4 часу ночи, скончался царь Алексѣй Михайловичъ, на 47 году отъ рожденія, благословивъ на царство старшаго сына Өеодора. Кромѣ Өеодора, отъ перваго брака оставался царевичъ Іоаннъ, отъ втораго Петръ, и дочери: отъ перваго брака Евдокія, Марөа, Софья, Екатерина и Марья, отъ втораго Наталья и Өеодора. Да еще были живы сестры царя Алексѣя, Ирина, Анна и Татьяна Михайловны.

Въ самомъ началѣ разсказа о дѣятельности царя Алексѣя мы замѣтили сходство его природы съ природою отцовскою, замѣтили и различіе. Въ продолженіе тридцатилѣтней царственной дѣятельности это сходство и это различіе выяснились. Безспорно Алексѣй Михайловичъ представлялъ самое привлекательное явленіе, когда-либо видѣнное на престолѣ царей московскихъ. Иностранцы, знававшіе Алексѣя, не могли высвободиться изъ подъ очарованія его мягкой, человѣчной, благодушной природы. Эти черты характера выставлялись еще рѣзче, привлекали тѣмъ большее вниманіе и сочувствіе при тогдашней темной обстановкѣ: «Изумительно, говорили иностранцы, что при неограниченной власти надъ народомъ, привыкшимъ къ совершенному рабству, онъ не посягнулъ ни начье имущество, ни начью жизнь, ни начью честь.» Простое, патріархальное обхожденіе русскаго самодержца съ подданными тѣмъ болѣе должно было поражать иностранцевъ, что въ западной Европѣ оно уже исчезало: тамъ былъ вѣкъ Людовика XIV! Особенную мягкость, особенную привлекательность природѣ Алексѣя, поступкамъ его сообщала глубокая

религіозность, которая проникала все его существо. Но, напоминая отца мягкостію природы, Алексѣй, съ другой стороны напоминалъ знаменитаго сына своего живостію, воспріимчивостію, страстностію, былъ очень вспыльчивъ, и когда человѣкъ возбудившій гнѣвъ его, былъ къ нему близокъ, то, по тогдашнему обычаю, Алексѣй расправлялся съ нимъ собственноручно, *смирялъ*, и это, какъ мы видѣли, несчиталось посягновеніемъ на честь; цесарскій посолъ Майербергъ, который такъ восхищается характеромъ царя Алексѣя Михайловича, описываетъ слѣдующіе случаи. Когда узнали въ Москвѣ о пораженіи Хованскаго и Нащокина въ 1661 году, царь созвалъ думу и спрашивалъ, что дѣлать? какими средствами отбиться отъ страшнаго врага? Начинаетъ говорить тесть царскій, бояринъ Иванъ Даниловичъ Милославскій: «Если государь пожалуетъ, дастъ мнѣ начальство надъ войскомъ, то я скоро приведу польскаго короля плѣнникомъ.» Ничто такъ не раздражало царя Алексѣя, какъ хвастовство и самонадѣянность: онъ вышелъ изъ себя: «Какъ ты смѣешь, страдникъ, худой человѣчишка, хвастаться своимъ искусствомъ въ дѣлѣ ратномъ? Когда ты ходилъ съ полками? какія побѣды показалъ надъ непріятелемъ! Или ты смѣешься надо мною?» Словами дѣло не кончилось: гнѣвный царь далъ пощечину старому тестю, надралъ ему бороду, выгналъ его пинками изъ комнаты и захлопнулъ двери. Другой случай: великій государь отворилъ себѣ кровь и, почувствовавъ облегченіе, предложилъ сдѣлать тоже и придворнымъ. Всѣ, волею-неволею, согласились, кромѣ родственника царскаго по матери, Родіона Стрѣшнева, который отказался подъ предлогомъ старости. Алексѣй Михайловичъ вспылилъ: «Развѣ твоя кровь дороже моей? что ты считаешь себя лучше всѣхъ?» И тутъ дѣло не кончилось словами; но когда гнѣвъ прошелъ, къ Стрѣшневу пошли изъ дворца богатые подарки, чтобы позабылъ побои. Когда провинился кто-нибудь изъ знатныхъ воеводъ, Алексѣй Михайловичъ также выходилъ изъ себя и писалъ къ провинившемуся длинное гнѣвное посланіе; но тонъ этихъ посланій постоянно умѣряется тѣмъ, что царь старается выставить на видъ виновному его грѣхъ предъ Богомъ, его отвѣтственность предъ Царемъ царей; гнѣвный, грозящій царь исчезаетъ, видѣнъ человѣкъ, взволнованный проступкомъ, его слѣдствіями, и старающійся представить всю важность ихъ преступнику; въ гнѣвныхъ вы-

раженіяхъ слышится сочувствіе человѣка къ человѣку. Такъ въ 1668 году онъ посылаетъ стряпчаго Головкина спросить боярина князя Григорія Семеновича Куракина: «Зачѣмъ онъ по указу великаго государя не пошелъ подъ Нѣжинъ и подъ Черниговъ? какъ онъ не умилосердился надъ людьми Божіими и государевыми, которые при концѣ живота сидятъ? какъ ему за нихъ на страшномъ судѣ отвѣтъ дать? Какъ онъ бояринъ забылъ Спасителя нашего Іисуса Христа, чудодѣйственную Его силу, даровавшую побѣду ради слезъ его и усердія? почто вознесся? что жь возношеніе его? послушалъ плутовъ и разговорщиковъ малоумныхъ, которые о себѣ впредь добра не мыслятъ; почто подъ Глуховымъ сталъ? не токмо стоять, и заходить непристойно, развѣ письмо, что писать въ городъ о сдачѣ. А итить было прямо къ Нѣжину и Черниговъ очищать да воевать; а что писалъ онъ, что не промысля надъ Глуховымъ, итить нельзя, и то помышленье высокое и Богу гнѣвное и мерзкое: се уже свое надѣяніе, а не Божіе учало быть, и надѣяться на силу свою и на счастье; а тѣ Нѣжинцы и Черниговцы воздыхаютъ на него: государь пожаловалъ ихъ выручилъ, а пропадутъ они отъ него боярина. Богъ на немъ взыщетъ ихъ. Лучше слезами и усердствомъ и низостью предъ Богомъ промыслъ чинить; по прежнему какъ началъ такъ бы и совершилъ, а не силою и славою. Въ великое подивленье великому государю, что, получа такую славу отъ Господа Бога своими слезами, онъ бояринъ и воевода да теряетъ самъ у себя. Лучше то, что возьметъ городъ Глуховъ и многая кровь прольется, а страдальцы въ Нѣжинѣ и Черниговѣ безгодною и томною смертью напрасно погинутъ, а притчею не промыслитъ, что будетъ? то будетъ: первое Бога прогнѣваетъ: надѣялся на славную силу, хотѣлъ взять городъ и кровь напрасно многую прольетъ; второе—людей потеряетъ и страхъ на людей наведетъ и торопость; третье—отъ великаго государя гнѣвъ приметъ; четвертое—отъ людей стыдъ и соромъ, что даромъ людей потерялъ; пятое—славу и честь на свѣтѣ Богомъ дарованную непристойнымъ дѣломъ и стояніемъ подъ Глуховымъ неблагополучно отгонитъ отъ себя, и вмѣсто славы укоризны всякія и неудобные переговоры воспріиметъ. И то все писано къ нему боярину хотя добра святой и восточной церкви, и чтобы дѣло Божіе и его государево совершалось въ добромъ полководствѣ, а его боярина жалуя и хотя ему чести и жалѣя его старости.»

Еще сильнѣе обратился Алексѣй Михайловичъ въ письмѣ къ князю Гр. Гр. Ромодановскому: «Врагу креста Христова и новому Ахитофелу князь Григорью Ромодановскому: воздастъ тебѣ Господь Богъ за твою къ намъ, в. государю, прямую сатанинскую службу, якоже Дафану и Авирону и Ананіи и Сапфирѣ: они клялись Духу Св. во лжу, а ты Божіе повелѣніе и нашъ указъ конечно исправилъ, якоже и Іюда продалъ Христа на хлѣбѣ, а ты Божіе повелѣніе и нашъ указъ и милость продалъ же лжею. Велѣно было тебѣ отпустить къ стольнику Семену Змѣеву въ полкъ нашихъ ратныхъ людей для Божія и нашего скораго дѣла, и ты приказалъ послать ихъ таково стройно и крѣпко и всякою нашею милостью утвержаючи, что пять верстъ отшедчи, пришли къ тебѣ въ полкъ, и ты не токмо не отослалъ ихъ попрежнему нашему указу куда имъ идти велѣно, и съ собою ихъ взялъ, прельщаючи ихъ нашимъ большимъ жалованьемъ и обѣщаючися тайно отпускать ихъ по домамъ для своей треклятые корысти. И ты дѣло Божіе и наше государево потерялъ, потеряетъ тебя самого Господь Богъ, и жена, и дѣтки твои узрятъ такія же слезы, какъ и тѣ плачутъ сироты напрасно побитые; и самъ ты треокаянный и безславный ненавистникъ рода христіанскаго, для того что людей не послалъ, и нашъ вѣрный измѣнникъ и самого истиннаго сатаны сынъ и другъ діаволовъ, впадешь въ бездну преисподнюю, изъ нея же никто не возвращался. Воспомяни, окоянный, кѣмъ взысканъ? отъ кого пожалованъ? на кого надѣешься? гдѣ дѣться? куда бѣжать? кого не слушаешь? предъ кѣмъ лукавствуешь? Самого Христа явно облыгаешь и дѣла Его теряешь! Вѣдаешь ли безконечною муку у Него кто лестью Его почитаетъ и кто предъ государемъ своимъ лукавыми дѣлами дни свои провожаетъ и указы перемѣняетъ и ихъ не страшится. Въ конецъ вѣдаемъ, завистниче и вѣрный нашъ непослушниче, какъ то дѣло ухищреннымъ и злопронырливымъ умысломъ учинилъ; а товарища твоего, дурака и худаго князишка пытать велимъ, а страдника Климку велимъ повѣсить. Богъ благословилъ и предалъ намъ государю править и разсуждать люди свои на востокѣ и на западѣ и на югѣ и на сѣверѣ вправду: и мы Божія дѣла и наши государевы на всѣхъ странахъ полагаемъ смотря по человѣку, а не всѣхъ странъ дѣла тебѣ одному ненавистнику дѣлать, для того: невозможно естеству человѣческому на всѣ страны дѣлать, одинъ бѣсъ

на всѣ страны мещется. Писаны къ тебѣ и посыланы наши государевы грамоты съ милостивымъ словомъ такія, какихъ и къ господамъ твоимъ не бывало: и ты тѣмъ вознесся и показалъ упрямство бусурманское. И буде ты желаешь впредь отъ Бога милости и благословенія и не похочешь идти въ бездну безъ покаянія и въ нашемъ государевомъ жалованьи быть попрежнему: и тебѣ бъ, оставя всякое упрямство, учинить по сему нашему указу, послать къ стольнику Змѣеву тотчасъ полкъ рейтаръ да полкъ драгуновъ, давъ имъ денежное жалованье.»

Въ томъ же родѣ письмо къ савинскому казначею Никитѣ (1652 года). Въ Савинѣ монастырѣ оставлены были стрѣльцы 18 человѣкъ, которымъ архимандритъ велѣлъ стоять на конюшенномъ дворѣ. Сюда къ нимъ пришелъ казначей Никита, подпивши, и спросилъ: по какому указу вы здѣсь стоите? услыхавъ, что по архимандричьему, онъ зашибъ десятника посохомъ въ голову, оружіе, сѣдла и зипуны стрѣлецкіе велѣлъ выметать вонъ за дворъ. Царь послалъ Алексѣя Мусина-Пушкина сыскать про дѣло, а самъ написалъ казначею: «Отъ царя и в. князя Алексѣя Михайловича всея Руссіи врагу Божію и богоненавистцу и христопродавцу и разорителю чудотворцова дому и единомысленнику сатанину врагу проклятому ненадобному шпыню и злому пронырливому злодѣю казначею Миките. Уподобился ты сребролюбцу Июде: якоже онъ продалъ Христа на тридесять сребрениць, и ты променилъ, проклятой врагъ, чюдотворцовъ домъ да и мои грѣшные слова на свое умное и збойливое пьянство и на умные на глубокие пронырливые вражые мысли; самъ сатана въ тебя врага Божия вселился; хто тебя спротину спрашивалъ надъ домомъ чюдотворцовымъ да и надо мною грѣшнымъ властвовать? Хто тебѣ сию власть мимо архиморита далъ, что тебѣ безъ ево вѣдома стрѣльцовъ и мужиковъ моихъ Михайловскихъ бить? воспомяни евангельское слово: всякъ высокосердечный нечистъ предъ Богомъ. О враже проклятый! за что денница снебесе свергнута? не за гордость ли? Богъ не пощадилъ. Да ты жа сатанинъ угодникъ пишешь друзьямъ своимъ и вычитаешъ безчестье свое вражье, что стрѣлцы у твоей кельи стоятъ: и дорого добрѣ, что у тебя скота стрѣлцы стоятъ! лутче тебя и честнѣе тебя и у митрополитовъ стоятъ стрѣлцы, по нашему указу, которой владыко тѣмжя путемъ ходитъ что и ты окаянной. И дорогиль мнѣ твои

грозы? Вѣдаешь ли ты, что опричь Бога и Матери Его владыч. нашей Пресв. Богородицы и свѣта очию моею чюдотворца Савы и не имѣю опричь той радости никакой и надежды; то моя радость, то мое и веселье и сила и на брани противъ враговъ моихъ, и не твои мнѣ грозы, и своего брата государя и тѣ грозы яко поучину (т.-е. паутину) вмѣняю, потому: Господь просвѣщение мое и Спаситель мой—кого убоюся? Да за помощню Пресв. Богородицы и за молитвою чюдотворца Савы ничье грозы не страшны. Вѣдай себѣ то окаянной: тотъ боитца грозъ, которой надежю держитъ на отца своего сатану и держитъ ее тайно, чтобъ нихто ее не позналъ, а передъ людми добръ и вѣренъ показуетъ себя. Да и то себѣ вѣдай, сатанинъ ангелъ, что одному тебѣ и отцу твоему диаволу годна и дорога твоя здѣшняя честь, а Содѣтелю нашему творцу небу и земли и свѣту моему чюдотворцу конешно грубны твои высокопроклятые и гордостные и вымышленные твои тайные дѣла; ей не ложно евангельское речение не можетъ рабъ двемя господинома работати, а мнѣ грѣшному здѣшняя честь аки прахъ и дорогиль мы предъ Богомъ стобою и дорогиль наши высокосердечные мысли доколе Бога не боимся доколе отвращаемся доколе не всею душою и не всѣмъ сердцемъ заповѣди ево творимъ, вѣдаешь ты окаянной самъ творяи заповѣди Божия снебреженiемъ проклятъ и горе намъ стобою и нашему збоиливому илукавому сердцу и злои нашеи и лукавои мысли и люто намъ будетъ въ день ярости Господа Саваоѳа, не пособятъ намъ тогда наши збоиливые и лукавые дѣла и мысли, вѣдаи себѣ и то, лукавый врагъ, какъ ты возмутилъ нынѣ чюдотворцевымъ домомъ да и моею грѣшною душою: ей до слезъ стало, чюдотворецъ видитъ что во мглѣ хожу отъ твоего збоиливаго сатанина ума возмутитъ тебя и самово Богъ и чюдотворецъ. Вѣдай себѣ то, что буду самъ у чюдотворца милости просить и обороны на тебя со слезами, не отъ радости буду на тебя жаловатца чѣмъ было тебѣ милости просить у Бога и у Пречистой Богородицы и у чюдотворца и со мною прощатца въ грамоткахъ своихъ и ты вычитаешь безчестие свое и я тебѣ за твое роптание спесивое учиню то чево ты вѣкъ надъ собою такова позору не видалъ. Ты промѣнилъ сие мѣсто чюдотворцево на свое премудрое и лукавое и напьяное сердце и на проклятые мысли а меня грѣшнаго тебѣ не диво не послушать здѣсь потому что и святое мѣсто продаешь

на свой злой нравъ а на ономъ вѣце разсудитъ Богъ насъ съ тобою а опричь мнѣ тово нечемъ стобою боронитца; да и то тебѣ возвѣщаю аще не чистымъ сердцемъ покаешися къ чюдотворцу и со мною смириссе въ злыхъ своихъ роптанииxъ вѣдай что безъ проказы не будешь яко Наманъ утаился отъ Елисея пророка такъ и тебѣ тожа будетъ аще едину мысль утаиши у чудотворца да по семъ буди Богомъ нашимъ І. Х. и Преч. Его Мат. и чюдотв. Савою и мною грѣшнымъ буди прогнанъ и изриновенъ и отлученъ со всякимъ безчестиемъ и безстудіемъ отъ сего мѣста святаго и чюдотворца дому. И прочетчи сию грамоту и велите взяти ево предъ всѣмъ соборомъ яко врага Божия и чюдотворцева дому со всякимъ безчестиемъ стрѣлцомъ и велите положить на него чѣпь на шею а на ноги желѣза и велите Алексѣю ево свесть пережъ себя стрѣлцомъ на конюшенной дворъ.»

И это письмо, подобно приведенному нами прежде письму къ Никону въ Соловецкій монастырь, вводитъ лучше всего въ міръ тогдашнихъ патріархальныхъ отношеній. Пьяный казначей Никита прибилъ десятника стрѣлецкаго; царь велитъ наложить ему цѣпь на шею и желѣза на ноги; но между тѣмъ, оскорбленный письмами Никиты,, въ которыхъ тотъ позволилъ себѣ какія-то угрозы, выходитъ изъ себя и пишетъ къ Никитѣ, не скрывая тревожнаго состоянія своего духа, зоветъ его на судъ Божій, грозитъ наказаніемъ свыше, пишетъ, что онъ, царь никого не боится, потому что Господь просвѣщеніе его и Спаситель, за помощію Богородицы и за молитвою чудотворца Саввы ничьи грозы ему не страшны. Въ пылу гнѣва царь сдерживается религіозностію, которая заставляетъ его признать надъ собою и надъ Никитою высшій судъ, уравнять себя съ нимъ; царь пишетъ, что будетъ просить у чудотворца обороны на Никиту, который такъ возмутилъ его душею, что до слезъ стало, во мглѣ ходитъ. Религіозность красила патріархальныя отношенія, сообщая имъ иногда необыкновенную умилительность и вмѣстѣ величіе: таково извѣстное намъ письмо нижнеломовскаго воеводы Пекина воеводѣ Хитрову: «Въ Нижнемъ Ломовѣ козаки знатно что измѣнили: поминай меня убогаго, да и великому государю извѣсти, чтобъ указалъ въ сенодикъ написать съ женою и дѣтьми.» Великій государь былъ именно способенъ понимать и исполнять такія просьбы.

Всего лучше прекрасная природа царя Алексѣя высказывалась въ письмахъ утѣшительныхъ къ близкимъ людямъ. Мы уже привели въ своемъ мѣстѣ письмо его къ Ордину-Нащокину по случаю бѣгства сына его; въ этомъ письмѣ царь силою именно природы своей высоко поднялся надъ вѣкомъ. Въ такомъ же родѣ и письмо къ князю Ник. Ив. Одоевскому по поводу смерти сына его: «Да будетъ тебѣ вѣдомо, судбами всесильнаго и всеблагаго Бога нашего и страшнымъ Его повелѣніемъ изволилъ Онъ свѣтъ взять сына твоего первенца, князя Михаила съ великою милостію въ небесныя обители; а лежалъ огневою три недѣли безо дву дней; а разболѣлся при мнѣ, и тотъ день былъ я у тебя въ Вешняковѣ, а онъ здравъ былъ; потчивалъ меня, да радъ таковъ, я его такова радостна николи не видалъ; да лошадью онъ да князь Ѳедоръ челомъ ударили, и я молвилъ имъ: «потоль я пріѣзжалъ къ вамъ, что грабить васъ?» И онъ плачучи да говоритъ мнѣ: «Мнѣ-де, государь, тебя не видать здѣсь; возми-де, государь, для ради Христа, обрадуй батюшка и насъ, намъ же и до-вѣка такова гостя не видать. И я, видя ихъ нелестное прошеніе и радость не сумѣнную, взялъ жеребца темносѣра. Не лошадь дорога мнѣ, всего лутчи ихъ нелицемѣрная служба, и послушанье, и радость ихъ ко мнѣ, что они радовалися мнѣ всемъ сердцемъ. Да жалуючи тебя и ихъ, вездѣ былъ, и въ конюшняхъ, всего смотрѣлъ, во всѣхъ жилищахъ былъ, и кушалъ у нихъ въ хоромѣхъ, и послѣ кушанія поѣхалъ я къ Покровскому тѣшиться въ рощи въ Карачаровскія; онъ со мною здоровъ былъ, и пріѣхалъ того дни къ ночи въ Покровское. Да жаловалъ ихъ обоихъ виномъ романѣею, и подачами и корками, и ѣли у меня, и какъ отошло вечернее кушанье, а онъ сталъ изъ-за стола и началъ стонать головою, голова-де безмѣрно болитъ, и началъ бити челомъ, чтобъ къ Москвѣ отпустить для головной болѣзни, да и пошолъ домой, да той ночи хотѣлъ сѣсть въ сани да ѣхать къ Москвѣ поутру, а болѣзнь та ево почала разжигать да и объявилася огневая. И тебѣ боярину нашему и слугѣ и дѣтемъ твоимъ черезъ мѣру не скорбить, а нельзя, что не поскорбѣть и не прослезиться, и прослезиться надобно, да въ мѣру, чтобъ Бога наипаче не прогнѣвать, и уподобитца бъ тебѣ Іеву праведному. Тотъ отъ врага нашего общаго діавола пострадалъ, сколко на него напастей приводилъ? не претерпѣлъ ли онъ, и одолѣлъ онъ діавола; не опять ли ему

далъ Богъ сыны и дщери? А за что?—за то, что ни во устнахъ не погрѣшилъ; не оскорбился, что мертвы быша дѣти ево. А твоего сына Богъ взялъ, а не врагъ полатою подавилъ. Вѣдаешь ты и самъ, Богъ все на лутчие намъ строитъ, а взялъ его въ добромъ покаяніи... Не оскорбляйся, Богъ сыну твоему помошникъ; радуйся, что лучее взялъ, и не оскорбляйся зѣло, надѣйся на Бога и на Его рождшую и на Его всѣхъ святыхъ. Потомъ, аще Богъ изволитъ, и мы тебя не покинемъ и съ детьми и, помня твое челобитье, ихъ жаловалй и впредь радъ жаловать сына его князь Юрья, а отца радъ поминать. А князь Ѳедора я пожаловалъ отъ печали утѣшилъ, а на выносъ и на всепогребальная я послалъ, сколько Богъ изволилъ, потому что впрямь узналъ и провѣдалъ про васъ, что, опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня ни ково у васъ нѣтъ; и я радъ ихъ и васъ жаловать, толко ты, князь Никита, помни Божію милость, а наше жалованіе. Какъ живова его жаловалъ, такъ и поминать радъ... А преже того мы жаловали къ тебѣ писали, какъ жить мнѣ государю и вамъ бояромъ; и тебѣ боярину нашему уповать на Бога и на Пречистую Его Матерь и на всѣхъ святыхъ и на насъ великаго Государя быть надежнымъ, аще Богъ изволитъ, то мы васъ не покинемъ, мы тебѣ и съ дѣтьми и со внучаты по Бозѣ родители, аще пребудете въ заповѣдехъ Господнихъ и всѣмъ безпомошнымъ и бѣднымъ по Бозѣ помошники. На то насъ Богъ и поставилъ, чтобы безпомошнымъ помогать. И тебѣ бы учинить противъ сей нашей милостивые грамоты одноконечно послушать съ радостію, то и наша милость къ вамъ безотступно будетъ.» Подъ исподомъ грамоты еще написано: «Князь Никита Ивановичъ! не оскорбляйся, токмо уповай на Бога и на насъ будь надеженъ.»

Но въ письмахъ же царя Алексѣя патріархальныя отношенія являются безъ прикрасъ, во всемъ своемъ непригожествѣ; такъ въ письмѣ къ стольнику Матюшкину царь пишетъ: «Извѣщаю тебѣ, не то тѣмъ утѣшаюся, не то стольниковъ безпрестано купаю ежеутрь въ прудѣ, Іордань хорошо сдѣлана, человѣка по четыре и по пяти и по 12 человѣкъ, за то: кто не поспѣетъ къ моему смотру, такъ того и купаю, да послѣ купанья жалую, зову ихъ ежеденъ, у меня купальщики тѣ ѣдятъ вдоволь, а иные говорятъ: мы-де нарокомъ не поспѣемъ, такъ-де и насъ выкупаютъ да и за столъ посадятъ; многіе нарокомъ не поспѣваютъ.»

Наружность царя Алексѣя, какъ описываютъ ее иностранцы очевидцы, много объясняетъ намъ его характеръ: съ кроткими чертами лица, бѣлый, краснощекій, темнорусый, съ красивою бородою, крѣпкаго тѣлосложенія; но между тѣмъ преждевременная толщина, особенно живота, одряхляла его, не смотря на дѣятельную жизнь: рано вставалъ онъ къ утренней службѣ, иногда ночи проводилъ въ горячихъ молитвахъ, ревностно занимался дѣлами, ѣздилъ часто на охоту, которую любилъ страстно, не пропускалъ храмовыхъ праздниковъ въ монастырскихъ и приходскихъ церквахъ. У него достало на столько энергіи, чтобы рѣшиться отказаться отъ отцовской жизни, покинуть московскій дворецъ и выступить въ походъ. Сохранилось преданіе, что походы въ Бѣлоруссію и Литву развили Алексѣя, внушили ему болѣе самоувѣренности и перемѣнили отношенія его къ окружающимъ: онъ сдѣлался самостоятельнѣе. Но энергія, какъ видно, поддерживалась успѣхомъ; когда успѣхи кончились, то мы уже не видимъ болѣе Алексѣя въ челѣ войскъ. Замѣченное отолстѣніе было ли слѣдствіемъ или причиною прекращенія этой дѣятельности — рѣшить трудно. Иностранцы современники говорятъ о прекрасныхъ дарованіяхъ Алексѣя и жалѣютъ, что эти дарованія не развиты были наукою. Морозовъ могъ только сочувствовать образованію жалѣть, что въ молодости его не учили. Алексѣй прочелъ, какъ видно, все, что только можно было тогда прочесть на славянскомъ и русскомъ языкахъ. Но сильно возбужденная духовная дѣятельность обнаруживалась въ страсти писать. Сколько собственноручныхъ писемъ, обыкновенно довольно длинныхъ, записокъ, замѣтокъ сохранилось послѣ него! Алексѣй предпринялъ описаніе походовъ своихъ: сохранилось нѣсколько собственноручно поправленныхъ имъ экземпляровъ (черненій, какъ тогда называли) описанія выступленія войскъ изъ Москвы, отпуска воеводъ, рѣчей, говоренныхъ по этому случаю. Вѣроятно моровая язва и послѣдующія военныя неудачи остановили дѣло. Наконецъ царь Алексѣй пробовалъ писать и стихами. Таково письмо къ князю Григ. Григ. Ромодановскому: «Повелѣніе Всесильнаго и великаго и безсмертнаго и милостиваго царя царемъ и государя государемъ и всѣхъ всякихъ силъ повелителя Господа нашего Іисуса Христа. Писахъ сіе письмо все многогрѣшный царь Алексѣй рукою своею

Рабе Божій дерзай о имени Божіи
И уповай всемъ сердцемъ подастъ Богъ побѣду
И любовь и совѣтъ великой имѣй съ Брюховецкимъ
А себя и людей Божіихъ и нашихъ береги крѣпко
Отъ всякихъ обмановъ и лстивыхъ дѣлъ и свой разумъ
Крѣпко въ твердости держи и разсматривай
Ратныя дѣла великою осторожностью
Чтобъ писари Захарки съ товарищи чево не учинили
Также какъ Юраско надъ бояриномъ нашимъ
И воеводою надъ Васильемъ Шереметевымъ также и надъ бояриномъ
Нашимъ и воеводою князь Иваномъ Хованскимъ Огинской князь
Учинилъ и имай крѣпко опасенье и аргусовы очи по всякъ часъ
Безпрестанно въ осторожности пребывай и смотри на всѣ
Четыре страны и въ сердцы своемъ великое предъ Богомъ смиреніе и низость имѣй
А не возношеніе какъ нѣкто вашъ братъ говаривалъ не родился-де такой
Промышленникъ кому бы ево одолѣть съ войскомъ и Богъ за превозношеніе его совсѣмъ предалъ въ плѣнъ.»

По природѣ своей, слишкомъ мягкой, Алексѣй Михайловичъ не могъ не уступить большаго вліянія окружающимъ его людямъ; онъ былъ вспыльчивъ, но не выдерживъ. Излишняя довѣрчивость къ людямъ недостойнымъ, власть имъ уступленная, проистекали отъ слабости характера, а не отъ недостатка пониманія людей. Такъ, напримѣръ, онъ хорошо видѣлъ, кто такой былъ тесть его Милославскій, и въ минуту вспышки не щадилъ его; но наложить на него опалу — значило огорчить самое близкое къ себѣ существо, жену, которую онъ такъ любилъ, а это было уже выше силъ царя Алексѣя. Такъ было и въ отношеніи къ другимъ лицамъ, тѣсно связаннымъ между собою, крѣпко державшихся другъ за друга: наложить опалу на одного — и столько явится вдругъ недовольныхъ, печальныхъ лицъ, а эти лица, по обычаю, съ утра до вечера толпятся во дворцѣ, избавиться отъ нихъ нельзя, и вотъ доброй душѣ цѣлый день тягость невыносимая, и Алексѣй Михайловичъ уступаетъ. Этимъ объясняются и странныя отношенія его къ Никону. Никонъ не могъ быть, подобно врагамъ своимъ, ближнимъ боярамъ и окольничимъ, безпрестанно во дворцѣ, и по этому самому проигрывалъ. Хитрость дитя слабости, и Алексѣй Михайловичъ хитритъ въ дѣлѣ Никона: онъ соглашается съ боярами, что патріархъ зашелъ далеко,

что съ нимъ жить нельзя, и въ то же время старается внушить Никону о своемъ доброжелательствѣ къ нему, оправить себя въ глазахъ гнѣвнаго патріарха; такимъ образомъ добрый Алексѣй Михайловичъ унижался до стремленія угодить обѣимъ сторонамъ, тогда какъ болѣе рѣшительными и самостоятельными дѣйствіями могъ уладить дѣло; безъ сомнѣнія главная причина паденія Никона заключалась въ характерѣ царя: болѣе твердый характеръ послѣдняго сдержалъ бы собиннаго пріятеля въ должныхъ предѣлахъ, и первая брань предотвратила бы печальныя слѣдствія послѣдней; Алексѣй Михайловичъ погубилъ своего собиннаго пріятеля именно неспособностію своею къ первой брани; слабость государей имѣетъ иногда тѣ же слѣдствія, какъ и тиранство.

Но мягкость природы царя Алексѣя Михайловича нисколько не уменьшала значенія власти великаго государя. Алексѣй Михайловичъ имѣлъ такое же возвышенное понятіе о своихъ правахъ, какъ и Іоаннъ IV-й: «Богъ благословилъ и предалъ намъ государю править и разсуждать люди своя на востокѣ и на западѣ и на югѣ и на сѣверѣ вправду.» Тѣ же самыя отношенія, какія мы видѣли при царѣ Михаилѣ, были въ силѣ и теперь. Въ народныхъ движеніяхъ, которыми такъ богато царствованіе Алексѣя Михайловича, и въ которыхъ нельзя не видать отрыжки смутнаго времени послѣ необходимаго отдыха при Михаилѣ, — въ народныхъ движеніяхъ высказались рѣзко тѣ же отношенія большинства къ стоявшему на верху меньшинству; массы возставали противъ бояръ, выставляя единство своихъ интересовъ съ интересами царя. Меньшинству оставалось робко искать защиты у подножія престола. Такъ привязанности царской обязанъ былъ своимъ спасеніемъ самый видный изъ бояръ Морозовъ. Преслѣдуя своею ненавистію Морозова, большинство оказывало особенное расположеніе боярамъ: Никиту Ивановичу Романову, дядѣ царскому, и князю Якову Куденетовичу Черкаскому, зная или предполагая въ нихъ враговъ Морозову. Но оба эти лица не обладали честолюбіемъ, которое бы заставило ихъ воспользоваться народнымъ расположеніемъ. Никита Ивановичъ является на сцену во время народнаго возстанія противъ Морозова и Милославскаго, и тутъ старается онъ утишить народъ; потомъ во время псковскаго бунта отводитъ самъ къ царю псковскихъ посланцевъ; наконецъ объ этомъ лицѣ сохранилось извѣстіе, что онъ былъ охотникъ до

иноземныхъ обычаевъ, одѣлъ своихъ людей въ ливрею по иностранному образцу; Никонъ, которому не нравилась эта новизна, придумалъ средство избавить дядю царскаго отъ грѣха: попросилъ у него ливрею, какъ будто бы для образца, желая самъ одѣть такимъ же образомъ своихъ служекъ, но когда довѣрчивый бояринъ прислалъ ему платье, патріархъ велѣлъ изрѣзать его въ куски. Мы нисколько не ручаемся за вѣрность этого извѣстія въ подробностяхъ, но любовь боярина Никиты къ иностраннымъ новизнамъ подтверждается тѣмъ, что у него былъ ботъ, который въ послѣдствіи такъ занялъ молодаго внука его, царя Петра Алексѣевича и послужилъ началомъ флота. Разумѣется, желалось бы знать больше объ этомъ подстрекающемъ любопытство лицѣ; но отсутствіе извѣстій доказываетъ или недостатокъ у него личныхъ средствъ играть роль болѣе видную, или то, что ему нарочно загораживали дорогу, а самъ бояринъ былъ такъ осторожевъ, что не пробивался чрезъ полагаемыя ему преграды. Что же касается до князя Якова Куденетовича Черкаскаго, то недостатокъ личныхъ средствъ оказался явно въ послѣдствіи—во время польской войны.

При царѣ Алексѣѣ было 16 знатнѣйшихъ фамилій, члены которыхъ поступали прямо въ бояре, минуя чинъ окольничаго: Черкаскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Голицыны, Хованскіе, Морозовы, Шереметевы, Одоевскіе, Пронскіе, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровскіе, Буйносовы, Хилковы и Урусовы. Изъ Черкаскихъ кромѣ Якова Куденетовича былъ извѣстенъ князь Григорій Сенчулеевичъ; но объ немъ говорятъ, что это былъ дикарь, искавшій случая показать тѣлесную силу, опытный наѣздникъ, умѣвшій укрощать коней, которыми были наполнены его обширныя конюшни, болѣе сострадательный къ животнымъ, чѣмъ къ людямъ. Представителемъ знаменитаго рода Воротынскихъ былъ князь Иванъ Алексѣевичъ, человѣкъ ничтожный. Фамилія Трубецкихъ, послѣ князя Алексѣя Никитича не имѣла достойнаго представителя; и Алексѣй Никитичъ послѣ Конотопа потерялъ славу «въ воинствѣ счастливаго и недругамъ страшнаго.» Изъ Голицыныхъ знаменитый въ послѣдствіи князь Василій Васильевичъ только еще начиналъ свое поприще; о князѣ Алексѣѣ Андреевичѣ говорили, что онъ чѣмъ счастливѣе, тѣмъ скромнѣе.

Но если представитель Голицыныхъ не отличался Патрикѣев-

скимъ духомъ, то духъ этотъ перешелъ къ представителю другой Патрикѣевской линіи, князю Хованскому, знаменитому Ивану Андреевичу: мы видѣли любопытную борьбу его съ Ординымъ-Нащокинымъ, въ которомъ гордый потомокъ Гедимина видѣлъ худороднаго временщика, сильнаго только расположеніемъ царскимъ, въ родѣ Малюты Скуратова. Но самъ Хованскій, о предкахъ котораго не слыхать было встарину, не имѣлъ связей и не пользовался хорошею славою относительно своихъ способностей, такъ что царь Алексѣй Михайловичъ могъ говорить ему: «Я тебя взыскалъ и выбралъ на службу, а то тебя всякъ называлъ дуракомъ.» Отзывы и своихъ и чужихъ согласно описываютъ намъ Хованскаго человѣкомъ съ Патрикѣевскимъ высокоуміемъ, заносчивымъ, неумѣющимъ сдержать себя, непостояннымъ. Ординъ-Нащокинъ называетъ Хованскаго человѣкомъ непостояннымъ и слушающимся чужихъ внушеній; это отзывъ врага; но вотъ Майербергъ говоритъ, что Хованскій славился въ цѣломъ свѣтѣ своими пораженіями, проигрывалъ битвы по своей опрометчивости, по неумѣнью соразмѣрять свои силы съ силами непріятельскими; царь Алексѣй Михайловичъ свидѣтельствуетъ, что всякъ называлъ его дуракомъ, а народъ даетъ ему прозваніе Тараруя. Сохранилось извѣстіе о безнравственномъ поведеніи его во Псковѣ; сохранилось также извѣстіе о произвольныхъ и жестокихъ поступкахъ его съ людьми ратными. Изъ Морозовской фамиліи знаменитый воспитатель царя былъ послѣднимъ историческимъ лицемъ. Шереметевы личными достоинствами поддерживали значеніе своей фамиліи; мы часто встрѣчались съ дѣятельностію двоихъ кіевскихъ воеводъ, Василья Борисовича, такъ несчастно окончившеюся, и Петра Васильевича; о послѣднемъ сохранился отзывъ какъ о человѣкѣ съ большими способностями, но самохвалѣ, чрезвычайно жадномъ къ военной славѣ, невыносимо гордомъ и высокомѣрномъ. Хвалятъ блестящія военныя доблести Василья Васильевича Шереметева, но прибавляютъ, что само правительство не давало достойнаго поприща этому вельможѣ, заславши его воеводою въ несчастную область, которой избѣгаютъ всѣ бояре. Часто встрѣчались мы съ представителемъ фамиліи Одоевскихъ, княземъ Никитою Ивановичемъ; хвалятъ его мягкость, которою онъ рѣзко отличался отъ своихъ собратій. Мы видѣли его не разъ великимъ уполномоченнымъ посломъ, но трудно подмѣтить въ немъ что-либо иное кро-

мѣ точнаго исполнителя наказа; самъ царь отозвался объ немъ въ письмѣ Долгорукому: «Чаю, что князь Никита тебя подбилъ, и его было слушать напрасно: вѣдаешь самъ, какой онъ промышленникъ! послушаешь, какъ про него поютъ на Москвѣ.» Фамилія была небогатая; царь, пославши денегъ на погребеніе князя Михаила Никитича, писалъ отцу его: «Впрямь я узналъ и провѣдалъ про васъ, что опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня никово у васъ нѣтъ.» Изъ Пронскихъ извѣстенъ князь Иванъ Петровичъ; ему поручено было важное дѣло воспитанія царевича Алексѣя Алексѣевича, но говорятъ, что выборъ былъ неудачный. Изъ Шеиныхъ никто не былъ на виду. Изъ Салтыковыхъ мы видѣли боярина Петра Михайловича начальникомъ малороссійскаго приказа; говорятъ, что онъ былъ ровесникъ царя и очень любимъ имъ; Петра Михайловича хвалятъ за рѣдкое благоразуміе и непоколебимую вѣрность. Изъ Репниныхъ мы видимъ вначалѣ любимца царя Михаила, князя Бориса Александровича, котораго обвиняютъ въ жестокости; о сынѣ его, князѣ Иванѣ Борисовичѣ встрѣчаемъ такой отзывъ: онъ считается осторожнымъ, благоразумнымъ, но подозрѣваютъ, что скрываетъ отцовскіе пороки подъ личиною добродѣтелей. Намъ теперь трудно рѣшить—эти неблагопріятные отзывы порождены ли завистію враговъ, нажитыхъ княземъ Борисомъ при Михаилѣ, или вражда порождена дѣйствительно непривлекательнымъ характеромъ Репнина? Умственныя способности князя Ив. Семеновича Прозоровскаго являются не въ очень выгодномъ свѣтѣ во время переговоровъ съ Шведами, когда знатный бояринъ занималъ только первое мѣсто, а на дѣлѣ первымъ былъ Ординъ-Нащокинъ. О князѣ Ив. Андреевичѣ Хилковѣ сохранилось извѣстіе, что онъ не бралъ взятокъ, но былъ страшно вспыльчивъ.

Нѣкоторые изъ членовъ этихъ шестнадцати первостепенныхъ фамилій были люди даровитые; но кромѣ стариковъ Морозова и Трубецкаго, а изъ молодыхъ одного Салтыкова мы не видимъ никого въ приближеніи, имѣющимъ важное вліяніе на дѣла. Изъ фамилій древнихъ, но второстепенныхъ пробивали себѣ дорогу къ первымъ мѣстамъ Долгорукіе въ особѣ знаменитаго воеводы князя Юрія Алексѣевича. Объ немъ встрѣчаемъ неблагопріятный отзывъ иностранца, что онъ хотѣлъ казаться Фабіемъ, но похожъ былъ на Катилину: отзывъ голословный, а потому мы не имѣемъ права

на немъ успокоиваться; мы знаемъ военныя заслуги Долгорукаго; другія же его дѣйствія такъ мало извѣстны, что мы рѣшительно не имѣемъ средствъ опредѣлить степень его сходства съ Катилиною. На военномъ же поприщѣ чаще всего встрѣчались мы съ княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ. Одна отрасль князей Стародубскихъ—знаменитые Пожарскіе сходитъ со сцены, другая, Ромодановскіе, остается и сильно поднимается. Князь Григорій, какъ говорятъ, отличался свирѣпостію характера и тѣлесною силою, былъ больше солдатъ, чѣмъ вождь; превосходилъ всѣхъ военною пылкостію, неутомимою дѣятельностію, быстротою и львинымъ мужествомъ; въ Малороссіи, какъ мы видѣли, онъ пріобрѣлъ расположеніе жителей. О другихъ Ромодановскихъ, князьяхъ Василіи Григорьевичѣ и Юріѣ Ивановичѣ встрѣчаемъ только дурные отзывы. Въ военной исторіи царствованія Алексѣя Михайловича, особенно въ исторіи Разинскаго бунта, обозначились имена князей Борятинскихъ: князю Юрію принадлежитъ честь перваго и послѣдняго пораженія страшнаго вора; но мы встрѣчались также съ свидѣтельствами и о дурныхъ поступкахъ самого Борятинскаго. Нерѣдко встрѣчается въ военныхъ извѣстіяхъ имя боярина и воеводы князя Григорія Семеновича Куракина; объ немъ отзываются какъ о характерѣ незначительномъ, и мы не имѣемъ возможности опровергнуть этого отзыва. О другомъ Куракинѣ, князѣ Өед. Өеодоровичѣ, говорятъ, что выборъ его въ воспитатели царевичу Өеодору Алексѣевичу былъ выборъ неудачный.

Наконецъ переходимъ къ самымъ близкимъ людямъ: Милославскимъ, Стрѣшневу, Хитрово. Всѣ свидѣтельства единогласно говорятъ о способностяхъ Милославскихъ, какъ знаменитаго боярина Ильи, тестя царскаго, такъ и родственниковъ его, Ивана Михайловича и Ивана Богдановича; но ни въ одномъ изъ нихъ умственнымъ способностямъ не соотвѣтствовали нравственныя достоинства. Въ Иванѣ Богдановичѣ, извѣстномъ намъ защитою Симбирска отъ Разина, указываютъ даже обширныя познанія, но соединенныя съ хитростію. Любопытно, что сохранилось извѣстіе (впрочемъ иностранное) о Богданѣ Матвѣевичѣ Хитрово, какъ человѣкѣ кроткомъ, привѣтливомъ, неутомимомъ ходатаѣ за несчастныхъ, не затыкающемъ ушей отъ просителей, особенно иностранныхъ. Послѣднія слова могутъ дать намъ разгадку такого лест-

наго отзыва о человѣкѣ, котораго мы знаемъ преимущественно по распоряженію съ патріаршимъ сыномъ боярскимъ; но какъ бы пристрастенъ ни былъ этотъ отзывъ, все же мы должны заключить, что Хитрово въ извѣстныхъ случаяхъ, съ извѣстными людьми могъ являться кроткимъ и привѣтливымъ, и должны заключить, какого опаснаго врага пріобрѣлъ себѣ Никонъ въ Хитрово. Мы видѣли, что Хитрово былъ врагомъ Нащокина; но извѣстіе объ особенномъ расположеніи Хитрово къ иностранцамъ заставляетъ насъ и его, по направленію, причислить къ людямъ, смотрѣвшимъ на западъ, какъ Морозовъ, Ртищевъ, Нащокинъ и Матвѣевъ. О другомъ врагѣ Никона, Родіонѣ Матвѣевичѣ Стрѣшневѣ говорится, что царь Алексѣй Михайловичъ считалъ его неподлежащимъ человѣческимъ страстямъ—новое объясненіе, почему царь могъ такъ колебаться между Никономъ и врагами его, если авторитетъ патріарха могъ перетягиваться авторитетомъ Стрѣшнева. Наконецъ встрѣчаемъ отзывъ о третьемъ врагѣ Никона, Никитѣ Михайловичѣ Бобарыкинѣ, родственникѣ Романовыхъ и Шереметевыхъ, который представляется человѣкомъ, любящимъ добро, праводушнымъ и совершенно безкорыстнымъ. Если у царя составилось именно такое мнѣніе о Бобарыкинѣ, то понятно, почему онъ не спѣшилъ удовлетворить Никона, по жалобамъ котораго Бобарыкинъ являлся совершенно инымъ человѣкомъ.

Мы уже останавливались на дѣятельности одного изъ любимцевъ царя Алексѣя, Θеодора Михайловича Ртищева, видѣли покровительство, которое онъ оказывалъ просвѣщенію; потомъ видѣли, что ему приписывалась попытка обращенія къ кредиту во время безденежья. До насъ дошло житіе Ртищева, краткое и написанное въ видѣ похвальнаго слова, но все же сообщающее намъ нѣкоторыя любопытныя извѣстія о дѣятельности лица и его характерѣ. Житіе выставляетъ Ртищева человѣкомъ необыкновенно благоразумнымъ, умѣреннымъ, говоритъ, что онъ сдерживалъ Морозова и Никона. Майербергъ подтверждаетъ свидѣтельство житія, также выставляетъ благоразуміе Ртищева, которымъ онъ, не имѣя еще 40 лѣтъ, превосходилъ стариковъ. Въ житіи встрѣчаемъ еще нѣсколько любопытныхъ извѣстій о характерѣ Ртищева: такъ, напримѣръ, продавая одно изъ своихъ селъ, онъ уменьшилъ цѣну съ условіемъ, чтобы покупатель хорошо обходился съ крестьянами; подарилъ землю городу Арзамасу, узнавши, что она нужна

жителямъ, а купить ее они не въ состояніи; при смерти умолялъ наслѣдниковъ объ одномъ—чтобы хорошо обходились съ крестьянами. Вообще, вглядываясь въ характеръ и дѣятельность любимцевъ царя Алексѣя, людей, имъ выведенныхъ и поддерживаемыхъ, Ртищева, Ордина-Нащокина, Матвѣева, нельзя не признать, что онъ обладалъ драгоцѣннѣйшимъ для государей талантомъ—выбирать людей.

По личному характеру и отношеніямъ всей этой знати мы также можемъ видить, что и власть сына Михаилова не могла встрѣчать препятствій съ этой стороны. Мы уже видѣли, что интересы, которые поддерживало московское боярство при Іоаннѣ III, сынѣ и внукѣ его, смѣнились другимъ интересомъ: преклонившись предъ властію великихъ государей, знатные роды начали хлопотать, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы высшія должности не выходили изъ ихъ среды, чтобы не сидѣть вмѣстѣ съ какимъ-нибудь Андроновымъ, не подчиняться и своему брату, не только человѣку низшаго происхожденія. Послѣ тяжелаго для нѣкоторыхъ правленія Филарета Никитича, они успѣли отдѣлаться отъ Репнина, благодаря мягкости царя Михаила. Царь Алексѣй, во время молодости, былъ еще болѣе похожъ на отца, чѣмъ послѣ, что всего лучше видно изъ писемъ его къ Никону въ Соловки и князю Трубецкому во время перваго похода подъ Смоленскъ. Впрочемъ и въ это время у него уже былъ любимецъ изъ худородныхъ, Матвѣевъ, но послѣдній имѣлъ осторожность не выдаваться впередъ. Во время походовъ, какъ говорятъ, государь становится самостоятельнѣе; онъ сближается съ Ординымъ-Нащокинымъ, который не имѣетъ осторожности Матвѣева, и столкновенія начинаются. Алексѣй Михайловичъ находится, по характеру своему, въ затруднительномъ положеніи: съ одной стороны онъ считаетъ необходимымъ поддержать задорнаго Аѳанасья; съ другой какъ же оскорбить Одоевскаго и Долгорукаго съ товарищи? Не имѣя силъ дѣйствовать прямо и открыто, Алексѣй Михайловичъ, какъ всѣ люди его характера, уходитъ, прячется, распоряжается тайкомъ, чтобы избѣжать сопротивленій, неудовольствій; онъ заводитъ свой собственный приказъ, приказъ тайныхъ дѣлъ, изъ котораго посылаетъ бумаги, собственноручныя письма, наказы, о содержаніи которыхъ никто не долженъ знать, кромѣ получающаго; отсюда получаетъ и Аѳанасій наказы мимо старшихъ, сюда пересылаетъ

свои мнѣнія, свои жалобы. Между тѣмъ Одоевскій и Долгорукій получали также удовлетвореніе; ихъ царь называлъ: великими и полномочными послами, *а на имя стародавныхъ честныхъ родовъ;* приписалъ было къ нимъ въ третьихъ и товарища ихъ Аѳанасья Лаврентьевича, но зачеркнулъ, потому что впереди написано было: стародавныхъ честныхъ родовъ. И вотъ со всѣми этими уступками Алексѣй Михайловичъ доводитъ своего Аѳанасья до боярства, доводитъ подъ конецъ до боярства и дьячаго сына Матвѣева. Тихо, незамѣтно очищается путь, по которому такъ смѣло пойдетъ младшій сынъ Алексѣя.

Здѣсь мы оканчиваемъ исторію Древней Россіи. Дѣятельность обоихъ сыновей царя Алексѣя Михайловича, Ѳеодора и Петра, принадлежитъ къ новой исторіи; но прежде нежели приступимъ къ изображенію этой дѣятельности, мы должны изложить состояніе Россіи, въ какомъ оставилъ ее царь Алексѣй. Этимъ изложеніемъ начнемъ слѣдующій томъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Дѣла Малороссійскія изложены по бумагамъ, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, также по столбцамъ и книгамъ Малороссійскаго приказа, находящимся въ Архивѣ Мин. Юстиціи; считаю излишнимъ выставлять № бумагъ, ибо ихъ также легко приискать по годамъ. Изъ печатныхъ источниковъ взято: нѣкоторыя обстоятельства смерти Брюховецкаго изъ Лѣтописи Величка II, 163; о Мазепѣ изъ Reszty rękopismu I. Chr. Paska, изд. Лаховича, стр. 200, также изъ: Zrzódla do dziejow Polskich — Grabowskiego i Przedzieckiego, t. I. p. 34.

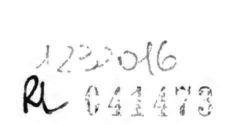
Дипломатическія сношенія изложены по бумагамъ, находящимся въ Московскомъ Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ. Изъ печатныхъ источниковъ взято: о враждѣ Нащокина съ Хитрово у Коллинса—(Чтенія Москов. Историч. Общ. 1846 г. № 1); о нападеніи Турокъ на Подолію у Kochowskiego-Roczników polski klimakter IV, p. 193.

О строеніи корабля: *Орелъ* въ Дополнен. къ актамъ историч. т. V, № 46 и 47.

О Сибири и Китаѣ — Миллеровскія бумаги, напечатанныя въ Дополненіяхъ къ актамъ историческимъ, т. III, стр. 20, 50, 68, 99, 102, 106, 108, 173, 175, 184, 208, 214, 219, 221, 258, 276, 277, 279, 280, 283, 319, 320, 321, 328, 332, 343, 345, 346, 348, 350, 352, 354, 356, 359, 371, 379, 387, 390, 523. Т. IV, стр. 2, 8, 9, 12, 16, 27, 32, 37, 56, 70, 80, 85, 88, 91, 94, 95, 120, 147, 176, 187, 199, 200, 214, 237, 241, 247, 260, 266, 282, 297, 384, 404, 409. Т. V, стр. 38, 39, 44, 68, 93, 160, 164, 288, 335, 337, 375, 379, 418. Т. VI, стр. 41, 51, 153, 292, 313, 367, 395. См. также Фишера—Сибирская Исторія.

Письма и другія бумаги, писанныя или поправленныя рукою царя Алексѣя Михайловича, находятся въ Государств. Архивѣ, между бумагами Приказа Тайныхъ дѣлъ.

Извѣстія о характерѣ вельможъ заимствованы изъ статьи: «Характеры вельможъ въ царствованіе Ал. Мих.» (Сѣверный Архивъ 1825 г.).

ДОПОЛНЕНІЕ.

Дѣло по жалобѣ ратныхъ людей на князя Ив. Андр. Хованскаго и сыновей его, (Архивъ Минист. Юстиціи, столбцы Приказнаго стола, № 1619).

Грамота князя Хованскаго государю· «Въ нынѣшнемъ во 174 году въ ноябрѣ послалъ я челобитныя заводныя, одна полковая, только полкъ про нее не вѣдаетъ, а завели тѣ челобитные вѣдомые составшики и гилевшики Новгородцы Петръ Арцыбашевъ, Михайло Теплевъ, Павелъ Мартьяновъ, князь Ив. Мышецкой, Василей Ушаковъ, Аѳанасій Уваровъ, Новоторжецъ Сава Цыплетевъ и иные такіе жъ плуты, и противъ тѣхъ заводныхъ челобитенъ дворяне принесли заручныя челобитныя и сказки, что онѣ про тѣ составныя челобитныя не вѣдаютъ, а Петра Арцыбашева велѣлъ я посадить въ тюрьму для того, чтобъ отъ него воровскіе заводы не множились, во Псковѣ не безъ лазутчика, услышитъ такой мятежъ и составныя челобитныя и вѣдомость учинитъ: непріятелю, слыша несогласіе въ полку, то и радость. И онъ Петръ отъ таковаго злаго умысла ни отсталъ, наипаче зло ко злу прилагаетъ, выходитъ изъ тюрьмы ночью и въ день тайнымъ обычаемъ, напоилъ сторожей пьяныхъ, и ходитъ къ совѣтникамъ своимъ и завелъ такуюжъ составную челобитную и призвалъ къ себѣ и къ совѣтникамъ своимъ невинныхъ, которые подобострастны имъ, велятъ руки прикладывать, напоя пьяныхъ, а инымъ неволею, и въ тюрьмѣ ночью тайнымъ обычаемъ. За Божіе и за твое, великаго государя, дѣло ненавидимъ холопъ твой отъ тѣхъ воровъ, будто отъ меня разборъ учинился и что не отпустилъ къ тебѣ, великому государю, челобитчиковъ ихъ бить челомъ объ отпускѣ, а говорилъ имъ что непріятель стоитъ за Двиною въ собраньѣ: какъ вамъ бить челомъ объ отпускѣ? А что разборъ учиненъ, и то тебѣ великому государю въ казнѣ прибыль будетъ большая, напрасно никто не станетъ жалованья имѣть, за кѣмъ 15 дворовъ, то безъ жалованья, а хотя за кѣмъ одинъ дворъ, вычету рубль у него, и дать 15 рублевъ, а онъ возьметъ 14, а безпомѣстнымъ и пустопомѣстнымъ указныя статьи, за то тѣмъ ворамъ ненавидимъ сталъ.»

Въ челобитной дворяне жалуются, что многіе изъ нихъ побиты и разорены на многихъ бояхъ отъ его боярскія дерзости, подъ Ляховичами и подъ Полонкою, что съ немногими людьми ходилъ на мно-

гихъ. Пишутъ, что перешедши къ князю Борису Александровичу Репнину, свѣтъ увидали. Однажды случился въ полку сполохъ, и Хованскій велѣлъ дворянъ бить кнутомъ, а двоихъ казнить смертью, взводя вину, что они хотѣли въ сполохѣ грабить обозъ и его боярскіе кони: «у насъ, пишутъ дворяне, такого сквернаго помысла не бывало и впредь не будетъ, потому что мы холопи твои великаго государя природные, а не иноземцы и не Донскіе козаки.» Хованскій оправдывался, что «наказалъ подѣломъ: за чѣмъ сполохъ сдѣлали и въ свой обозъ стрѣляли? еслибы даже и непріятель подошелъ, то дѣло сторожей съ нимъ биться.»—Челобитчики подали роспись сводницамъ, которыя приводили къ князю Ив. Андр. Хованскому и сыну его князю Андрею жонокъ и дѣвокъ на блудъ. Оказывается, что четыре сводницы приводили болѣе двадцати женщинъ.

Челобитная Арцыбашева: «Бьетъ челомъ Новгородецъ Петрушка Матвѣевъ сынъ Арцыбашевъ: въ нынѣшнемъ въ 174 году, декабря 18 посадилъ онъ бояринъ меня въ тюрьму безъ твоего государева указа, безвинно за то, что я писалъ челобитную къ тебѣ по приказу полковыхъ людей о полковыхъ нуждахъ и разореньяхъ и на него боярина о перемѣнѣ, и мучилъ меня въ тюрьмѣ 10 недѣль, и свѣдалъ онъ, что есть у меня полковая заручная челобитная и присылалъ въ тюрьму меня обыскивать, и видя то, что я ему той заручной челобитной не отдамъ, писалъ къ тебѣ великому государю на меня и, не дождався твоего указа, по наговору головы стрѣлецкаго Андрея Коптева, велѣлъ меня привесть въ съѣзжую избу и учалъ на меня кручинитца безвинно и бранилъ м..... и говорилъ мнѣ: «ты де меня измѣнникомъ называешь и челобитную на меня писалъ,» и ставъ изъ мѣста, меня билъ по щекамъ и за волосы дралъ, и послѣ того меня велѣлъ вывесть на площадь и билъ на козлѣ кнутомъ нещадно и изувѣчилъ меня и обезчестилъ, а какъ меня на площадь вывели, и голова московскихъ стрѣльцовъ Андрей Коптевъ на мнѣ платье оборвалъ самъ своими руками. Да онъ же бояринъ нынѣ писалъ къ тебѣ изъ Пскова на меня, будто онъ велѣлъ меня бить кнутомъ за то, что у меня судъ былъ съ посадскимъ мужикомъ въ поклепномъ его иску, и будто онъ бояринъ указалъ на мнѣ править его мужичей искъ, и будто я не хотя того иску платить, изъ Пскова сбѣжалъ, а мнѣ противу суднаго дѣла приговору не сказано, и то судное дѣло не вершено. А иныхъ и многихъ онъ обезчестилъ и изувѣчилъ нашу братью знатныхъ людей напрасно кнутомъ и батоги, и говорилъ намъ многажды всему полку: «а чаю жъ вы дороги, хотя де васъ и всѣхъ побьютъ непріятельскіе люди, инъ де изъ нашихъ дворовъ наведутъ и тѣ де васъ будутъ лучше.» А я поѣхалъ изъ Пскова не побѣгомъ и не отъ правежу, отъ его боярской немилости къ тебѣ государя съ полковою заручною челобитною. Въ нынѣшнемъ во 174 году присланъ великаго государя указъ къ нему боярину о сыску про разоренье Курлянскаго князя, кто разграбилъ Тыновъ дворъ и иные мѣста, и бояринъ про то не сыскивалъ для того, что Тыновъ дворъ разграбили Донскіе козаки и дуваны были большіе, и изъ тѣхъ дувановъ козаки подвели боярину въ подаркахъ два возника каретные и иные многіе подарки къ нему носили.»

ОГЛАВЛЕНІЕ.